

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Валерий Краснов

КОЛЧАК

И жизнь, и смерть за Россию

Книга первая

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2000

Исключительное право публикации книги Валерия Краснова «Колчак И жизнь, и смерть за Россию» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Художник В. ГОРИН

Краснов В. Г.

К 78 Колчак. И жизнь, и смерть за Россию: В 2 кн.
Кн. 1. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 431 с.:
илл. — (Досье)

ISBN 5-224-00829-8 (общ.)

ISBN 5-224-00828-X (кн. 1)

В книге на строго документальной основе в увлекательной форме повествуется о жизни и деятельности выдающегося флотоводца, полярного исследователя и путешественника, ученого и политического деятеля России начала XX века адмирала А. В. Колчака. Судьба его сложилась трагически, а помыслам не суждено было сбыться. Автор книги не зовет нас к суду над своим героем. Он предлагает увидеть в Колчаке живого человека с часто противоречивыми мыслями, переживаниями, страстями на фоне его истинных и мнимых побед. Это необходимо всем нам, ведь история нередко повторяется.

ББК 63.3(2)5

ISBN 5-224-00829-8 (общ.)
ISBN 5-224-00828-X (кн. 1)

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»,
2000

Сложна, неоднозначна, трагична история России — великой, но вместе с тем несчастной страны. В ней были герои и подлецы. Ожесточение и человечность, сила и слабость, отчаяние, страх и разочарование не раз правила свой пир на российских просторах.

Было бы слишком просто и для истории, и для людей, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой; но были и бились между собой разные правды, тысячи больших и малых усилий подготавливали торжество то одних, то других.

Неужели пески времени заметут их подвиги?

Неужели потомки не узнают их имен?

Подобно тому, как даль в пространстве скрывается от нас туманной дымкой, так что становится трудно различить что ближе, что дальше, даль во времени прикрыта такой же дымкой. Вероятно, в нашем повествовании найдется немало анахронизмов, но это не строгая научная статья, а просто рассказ о жизни и деятельности одного из славных сыновей России.

Эта книга о человеке, который долгие годы существовал в нашем сознании как олицетворение самых отрицательных качеств: «махровый контрреволюционер», «палач», «кровавый диктатор». Эта книга — об адмирале Александре Васильевиче Колчаке.

Искать аналоги в истории — дело сложное, подчас опасное, но совершенно необходимое. Ну хотя бы для того, чтобы не повторять ошибки предков. Опасно же это дело потому, что далеко не всем по душе отказ от ранее приклеенных ярлыков, которыми изобиловало то, что досталось нам взамен истинной новейшей истории России.

Все было просто, и не требовалось умственных усилий, чтобы получить «пятерку» и прослыть толковым школьником и студентом. Большого от нас не требовалось.

Но история развивается по своим законам, рано или поздно все расставляя по своим местам, обнажая истину.

И вот в наши дни появилась некоторая надежда на реставрацию новейшей истории России. Но сама история — это сумма судеб миллионов и миллионов людей, многие из которых, в свое время весьма известные и уважаемые, теперь оказались забытыми, а то и оклеветанными. Реставрировать историю — значит восстановить память о них.

Одним из таких людей был русский полярный исследователь и ученый, герой русско-японской и Первой мировой войн, известный не только в России, но и за ее пределами флотоводец адмирал А. В. Колчак. Почему сегодня нам представляется целесообразным познакомить современного читателя с его жизнью и деятельностью?

Да потому, что началом всех начал для Колчака были государственность, нация, отечество, честь, долг, то есть те самые понятия, которые священны, должны быть священными для каждого гражданина России, и прежде всего для воинов, защитников земли своей во все времена. Те самые понятия, которые подвергаются особо ожесточенным атакам в периоды социальной нестабильности с обычной целью — разъединить, растащить, поживиться. Думается, что сегодня будет вполне уместно обратиться еще раз к мыслям об отечестве, духовности и нравственности нации, армии.

Так вот: личность Александра Колчака, хотим мы того или нет, — это личность крупного российского деятеля.

Фигура неоднозначная и противоречивая в мыслях и поступках.

Александр Колчак — не просто история. Это, в известном смысле, и способ мирозерцания, определения ценностных приоритетов и пути их достижения.

Трудно проникнуть в эволюционирующую природу человеческой личности. Особенности характера и мотивации не являются неизменными. Они развиваются и меняются в течение всей жизни человека.

Все о себе знал только он сам. К сожалению, многие детали, факты, события из жизни и деятельности А. В. Колчака с течением времени безвозвратно утрачены — отсюда легенды, мифы вокруг его имени, да и сам он оставил нам крохи. Вместе с тем сохранившиеся воспоминания и свидетельства очевидцев, друзей и соратников, архивные документы позволяют рассказать о человеке, жизнь которого, пожалуй, схожа с костром — сначала искры и легкие веселые язычки огня, потом сильный и спокойный жар, а в конце тлеющие угли, холодный пепел...

Конец XIX и начало XX веков — период войн и революций, период социальных потрясений в истории России, сбивших ее со столбовой дороги самобытного развития, толкнувших на тупиковую колею большевистского эксперимента.

Александр Колчак, вступивший на жизненный путь и закончивший его в рамках этого сложнейшего переломного периода, оказался в гуще важнейших событий истории России той поры. Судьба не обделила его ни радостями, ни тревогами. Было достаточно промахов, ошибок, спадов, но и немало подъемов, заслуг перед Россией.

Его жизненному кораблю хорошо знакомы бури и штормы, а сердцу — чувство исполненного долга. Свыше тридцати лет носил он военную форму. Прошел через северные льды, через три больших войны, побывал в Англии, Америке, Японии, Китае, в других странах, в беспокойное время узнал Россию.

Сейчас, на наш взгляд, речь не идет о том, реабилитировать его или не реабилитировать. Колчак никогда не исчезал из нашей истории. Этого попросту не могло произойти. Он был, остается и будет в истории России всегда. Будет не в связи с кем-то, а самостоятельно и вопреки различного рода конъюнктурным соображениям или веяниям.

Каким же в действительности был Александр Васильевич Колчак? Как жила и чем дышала его неуемная натура? Как случилось, что человек, в молодые лета благородством и мужеством снискавший признание многих, годы спустя стал сеять смерть в своем же народе? Чем объяснить столь чудовищное — или трагическое? — превращение? Думал ли Колчак, что в его жизни были два пика — пик славы и пик позора, и этот

последний требовал искупления? Состоялся ли Колчак как диктатор? Почему ветер удачи уже не наполнял адмиральские паруса?

Вопросы, вопросы...

На одни из них ответы просты и однозначны, но на большинство — требуют глубокого и всестороннего анализа исторической обстановки, жизненных коллизий Александра Колчака.

Всем сегодня известно такое понятие, как «харизма», которой обладают некоторые люди, способные поднять и повести за собой массы. Это некая магия, быть может, генетически присуща лишь отдельным личностям. Никто не знает природы этого феномена. Люди, которые родились вожаками, лидерами, сами ощущают это в себе и такое же чувство внушают окружающим.

Колчак никогда не претендовал на роль лидера, но испытывал какое-то странное чувство предназначённости, непохожести на других. Пожалуй, точнее всего это чувство передает слово «миссия»: он чувствовал, что должен был выполнить какую-то миссию. Только вот какую, по-настоящему не знал. Может быть, оттого его часто считали высокомерным. По отзывам современников, он был живым и веселым в общении, но по временам глубоко уходил в себя, охваченный предчувствиями, мечтаниями, неясными ощущениями. То ли он должен был открыть наконец загадку и смысл существования человека на Земле. То ли разгадать природу вечности и бесконечности. То ли сыграть какую-то роль в судьбе России...

Может быть, он почувствовал свою миссию тогда, в 1903 году, когда очертя голову, долго не раздумывая, бросился в ледяную неизвестность спасать барона Толля.

А может быть, он увидел свою миссию в возрождении российского флота после его порт-артурской трагедии и взялся за ее выполнение с рвением одержимого.

Возможно, и осенью восемнадцатого года, в Омске, он тоже взял на себя, как он считал, миссию «тяжкого креста власти», но неумелое выполнение этой миссии привело его к краху. И на этот раз он уже не смог вырваться из роковых для него объятий судьбы.

Этих миссий, этих «может» или «возможно» в жиз-

ни Колчака немало. Уж очень неординарной была судьба этого человека, судьба, которая нередко вынуждала его действовать на пределе человеческих возможностей, безжалостно взваливала на его плечи решение непосильных задач. Беда это или вина Колчака — сложно сказать, но он безропотно покорялся своей судьбе, не оглядываясь назад, не задумываясь о будущем, не сворачивая в сторону, сорок пять лет он шел по начертанному ею пути вперед, к той последней зимней ночи, так трагически оборвавшей его жизнь, жизнь за Россию и ради России.

Восстанавливать прошлое трудно, особенно если речь идет о жизни человека со столь сложной судьбой. А в судьбе Колчака отразились многие глубоко трагические страницы истории России на ее крутом пелюме.

Все дальше и дальше в прошлое уходят от нас события тех дней, которые тесно, неразрывно, непосредственно перекликаются с днями сегодняшними.

Эти события становятся связующим звеном между прошлым и настоящим, между настоящим и будущим. В народе исстари говорят: «Подвиг рождает подвиг».

Известно, что то дерево прочно стоит на земле, имеет могучую зеленую крону, не боится капризов погоды, у которого глубокие и разветвленные корни. И человек тем увереннее и тверже идет по жизни, смелее смотрит в будущее, чем лучше он знает прошлое своего народа, чем больше он опирается на исторический опыт старших поколений, помня, что прошлое — фундамент будущего.

История — это жизнь, застывшая в незримых рамках времени. Время же, как зеркало, отражает события, судьбы, победы, поражения, радости и печали людские, дает возможность следить за глубинными течениями событий, осмысливать свершенное, оценивать достигнутые результаты.

История — удивительная наука. Ничто в ней не становится постулатом сразу, не обретает в короткий срок законченные черты. Много лет спустя историки вновь возвращаются к уже забытым, казалось бы, именам и с высоты нового знания дают событиям и людям оценки гораздо более справедливые и объективные, чем прежде.

И возможно, что кто-то по прочтении этой книги

пересмотрит свои взгляды на те или иные исторические факты и явления из жизни адмирала Александра Васильевича Колчака, станет более терпим к чужому суждению, захочет углубить познания, потянется к иным книгам и документам, чтобы перепроверить, изменить собственную позицию или, наоборот, еще больше утвердиться в ней.

У кого-то возникнет желание дополнительно поговорить или поспорить. Все это, несомненно, пробудит интерес читателя к истории, далекой и близкой, своей страны. Конечно, одной книгой, как и множеством других публикаций, не решить всех вопросов по обсуждаемой проблеме. И все же можно лучше понять друг друга, сопоставляя взгляды на минувшие дела России, на ее людей.

Как корабль перед дальним плаванием нуждается в самой тщательной проверке на прочность, надежность всех агрегатов, так и обществу на переломном этапе своего развития следует оглянуться назад, критически изучить накопленный опыт, облегчить свой «корабль» за счет преодоления ошибок, просчетов, близоруких решений, которые мешали прежде и которым не должно быть места в настоящем и будущем.

Хотелось бы сделать еще несколько замечаний.

Первое. Основной авторский замысел — рассказать об адмирале А. В. Колчаке через призму совершаемых им поступков и принимаемых решений, происходивших вокруг него событий на фоне побед, агонии и краха.

Изложить с одинаковой степенью полноты в сравнительно небольшой книге все сложное переплетение событий в жизни Колчака — дело вряд ли выполнимое. Поэтому основной задачей автора стало наметить штрихи к портрету Колчака как человека, ученого, патриота, военного моряка, флотоводца, возглавившего в ноябре 1918 года белое движение в Сибири и расстрелянного в феврале 1920 года большевиками.

Второе замечание касается характера подачи материала. На первый взгляд, значительное цитирование в авторском тексте — не лучший способ увлечь читателя. Но это только на первый взгляд. Никто и ничто так откровенно не выразит сущность человека, как

он сам, как свидетельства очевидцев его жизни и деятельности, пусть порою спорные, но все же свидетельства. Поэтому цитирование архивных документов, мемуаров, других исторических материалов, по разным причинам еще недоступных широкому кругу читателей и исходящих от самого Колчака или его окружения, — наиболее эффективное средство достижения поставленной цели.

Художественные произведения — романы и повести — это выдумки более или менее добросовестных сочинителей. Для познания пути, каким через ошибки и героические поступки человек идет по жизни, необходимо знание первоисточников, мемуарной литературы. Документы, воспоминания, письма, дневники нужны нам не столько даже для того, чтобы узнавать новые факты, сколько для понимания этих фактов, для возможности судить о прошлом не с современной точки зрения, когда мы знаем последствия того или иного события, а с точки зрения современников и очевидцев этого прошлого.

Мы не собираемся выносить какой-либо приговор, не собираемся также изрекать истины, делать окончательные выводы. Истина лежит вне усилий единоличных, приговор вынесет беспощадная и справедливая история, а правильные выводы сделает сама жизнь.

Мы хотим только исполнить свой долг — показать человека, глубоко погруженного в самого себя и события, в которых он участвовал, взвешивавшего на весах совести каждый шаг своей жизни, волею судьбы находившегося на передовых линиях российской истории, раскрыть те побудительные причины, что двигали и управляли его поступками и мыслями; показать состояние и настроение масс вокруг него, коснуться приемов борьбы и тех обстоятельств, которые повлияли на его неуспех.

В своем повествовании мы не придумали ни одного эпизода и ни одного действующего лица — все они списаны с подлинных событий и живых людей.

Нам зачастую трудно понимать и уяснять современное. Оттого и насыщена до предела история России кровавыми событиями и трагическими людскими судьбами — от незнания, неверного понимания многих обстоятельств, настроений и целей.

Чтобы успешно действовать, строить — надо пра-

вильно оценить условия и взять верное направление; чтобы правильно судить — необходимо возможно подробнее и полнее представлять себе ту совокупность внутренних и внешних факторов, которые влияли на жизнь России.

Еще раз повторим, что предлагаемая книга не претендует на систематическое и подробное изложение событий, на окончательность выводов и суждений. Скорее это попытка понять, почему Александру Колчаку выпал именно тот путь, которым он пошел, а все иные остались нереализованными.

Эта книга не идеальна, как не идеально все то, что нас окружало и окружает. Со многими взглядами автора можно не соглашаться, спорить; найдутся, несомненно, ошибки и неточности. Бесспорно одно: жизнь Александра Васильевича Колчака и его деяния — явление, до сих пор остающееся малоизученным. Бесспорно и то, что у автора есть свой взгляд на события. Но он сделал все возможное, чтобы, невзирая на личные симпатии и антипатии, посмотреть на своего героя и его окружение, их дела и поступки взглядом беспристрастным.

Книга состоит из очерков (глав), каждый из которых посвящен тому или иному сюжету, когда неумолимый ход времени приводил к крутым поворотам в жизни Колчака, когда возникали возможности альтернативного решения, когда завязывались новые противоречия и принимались решения, намечавшие новые рубежи. Одним словом, книга посвящена «критическим точкам», в которых с наибольшей полнотой проявились характер, способности, взгляды Колчака. И закономерно, что именно эти «критические точки» вызывали и вызывают дискуссии.

Насколько все это удалось, судить читателю.

И последнее замечание. Рассказывая о жизненном пути человека, мы исходили из того, что знаем о нем. Вполне возможно, на самом деле многое было совсем не так, как нам сейчас представляется. Но эти представления основываются на тех знаниях и на том уровне нашего восприятия событий прошлого, которые существуют именно сегодня. Пройдет время, и многое будет переосмыслено, люди шаг за шагом будут приближаться к Истине.

Мы — россияне, а значит, должны знать прошлое России во имя ее будущего.

Что может вместить одна жизнь? Такой вопрос задавал я себе, начиная работу над книгой. Скажу откровенно: очень хотелось быть полезным пытливому и любознательному читателю, который, задумываясь о смысле жизни, своем месте в ней, стремится найти какие-то если не образцы, то хотя бы ориентиры. Слов нет, скопировать чужую жизнь невозможно — у каждого времени свои приметы и законы. Но то, что человек в состоянии сделать многое — совершенно бесспорно.

Глава 1

КОЛЧАКИ

Кто кого находит — история личность или личность историю?

Михаил Булгаков спрашивал в «Мастере и Маргарите» устами Воланда: могут ли люди допускать мысль о свободе воли, если жизнь их настолько ограничена, что они не в состоянии иметь план хотя бы на какую-нибудь тысячу лет?

И другое: кирпич на голову человека случайно не падает — все предопределено.

Нам тоже в юности внушали веру в предопределение, правда, оно называлось научно — закономерность. Быть может, это шло от Гегеля: все действительное разумно. Это значит: что было, то и должно было быть. И только с возрастом мы стали понимать многовариантность истории. В ней заложены разные возможности, в игре участвуют разные фигуры.

Пешка добегают до последней линии и превращается в ферзя. Или ферзь попадает в ловушку и становится жертвой пешки. Мы не входим здесь в обсуждение проблемы «народ и личность». В конечном счете именно идущие от народа социальные и нравственные импульсы определяют лицо эпохи. Но в конкретный период отпечаток на нее накладывает и личность.

Как бы там ни было, очевидно одно: тот или иной деятель может не только выступить как орудие истории, но и самым непосредственным образом оказать влияние на события и судьбы.

ПОХОДКОЙ УСТАВШЕГО И ИЗМУЧЕННОГО ЧЕЛОВЕКА он вошел в камеру, остановился, словно наткнулся на невидимую преграду. Резко ударил по

нервам звук закрывающейся сзади железной двери, заставил вздрогнуть.

Обвел новое, не обещающее радостных дней жилище отсутствующим взглядом, сделал несколько неуверенных шагов, осторожно опустился на стоящую у стены кровать — та жалобно заскрипела под его тяжестью. Сидел в шубе и шапке, наклонившись вперед, подперев сцепленными пальцами рук подбородок, упершись локтями в колени. Воспаленные веки были закрыты, плечи равномерно подымались и опускались.

О чем думал? Определенно сказать трудно.

О чем может думать человек, когда доходит до той незримой, но четко осязаемой черты, за которой уже ничего не будет, за которой придется держать ответ о прожитом, о сделанном?

О многом и, видимо, ни о чем конкретном.

«Теперь все...» Мысль эта, как ни странно, не вызвала ни страха, ни сожаления и не касалась сознания — была отвлеченной и бесконечно далекой.

Опасность, когда ее не видишь, представляется какой-то расплывчатой.

Несмотря на то, что встал, боком прошелся по камере — пять, шесть, а может быть, семь шагов, он это как-то не осознал, да и не до того сейчас. Заходил тяжело, неторопливо, несколько удивленно поглядывая по сторонам. Что-то искал? Возможно. Или старался наконец-то уяснить, что это не кошмарный сон, а грубая реальность, над которой он раньше просто не задумывался?

«Зачем это... все это? — назойливо стучало в голове. — Теперь уже... вероятно...»

Заполненный сумбурным нагромождением стремительно сменявших друг друга событий последних дней и ночей, воспаленный напряженной работой мозг не мог четко сформулировать мысль, бился в напрасных потугах, еще более запутываясь в желаниях хозяина.

Воспоминания произвольно, но неудержимо наплывали одно на другое — поток их был неоднородным: мелочь теснила события значительные, смешное соседствовало с величественным. Они захлестывали, неудержимо куда-то тянули, что-то настойчиво шептали, искали, но не находили, а потому раздражали, утомляли.

В народе испокон веков говорят: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». Он больше не поедет в Англию, Америку, Японию, его корабль не станет бороздить просторы Мирового океана. Еще известно, что его уже не будут любить сумасшедшей любовью.

Годы убывают, и каждый год — жерновом в телегу, куда он впряжен судьбой чуть больше сорока пяти лет назад. Сначала везти было легко, он и не знал о грузе: гарцевал себе, взял разгон. Ну что такое восемнадцать, двадцать пять, даже тридцать годков? Легонькие они, и не чувствуешь, и сил много. Но потом сил все меньше, груза в телеге все больше. А сейчас, кажется, он весь там, и нет никаких сил сдвинуть телегу жизни с места. Замерла она, окающая, среди этих мрачных стен, уже, видимо, не вырваться на российский простор.

Узник прислонился к стене. Усилием воли хотел погасить свои воспоминания, вернуться в сегодняшний день, так неожиданно и круто изменивший его планы да и саму судьбу.

А может быть, он сам изменил — сознательно или опрометчиво — свою судьбу раньше: более года тому назад, когда, уверовав в свои силы, взялся за возрождение единой и неделимой России?

Или раньше, в Харбине?

Ведь уже тогда многие не верили в его организаторский талант, считали его случайной фигурой на фронте борьбы с большевиками. Но ему так и не суждено будет узнать нелестные отзывы о себе генерала барона А. Будберга — позже военного министра Омского правительства: «Адмирал, по-видимому, человек с норовом до полной неуравновешенности и взбалмошности; закидывающийся по пустякам; не способный спокойно, хладнокровно разобраться в сложной и поганой харбинской обстановке, непокладистый и колючий... не знающий совершенно военного дела, нашей организации, системы обучения и ломающий все по-морскому так, как подобает всякому адмиралу».

И далее: «...Из того, что он показал в Харбине, очевидно, что это будет очень скверный диктатор, для диктатуры одной импульсивности и вспыльчивости очень недостаточно».

Будберг приехал в Омск с некоторым предубеждением против Колчака: по харбинским рассказам и впе-

чатлениям других, он думал встретить «самовластного и шалого самодура». «Совершенно ошибся», — записал он 7 июня 1919 года в своем дневнике после личного свидания с Колчаком. И во всех последующих отзывах автор дневника подчеркивает исключительный идеализм, которым отличался адмирал.

Или он изменил свою судьбу еще раньше, когда после вынужденного петроградского «сидения» отправился летом семнадцатого искать «счастье» на чужбине? И все это время упорно шел к своему судному дню, нисколько не задумываясь о том, что он все-таки настанет, рано или поздно, но обязательно настанет, что финалом жизни будет сокрушительное поражение.

Он не мудрец и не провидец.

Он русский морской офицер, мастер военно-морского искусства с профессиональной интуицией и тонким «чувством командования», знаток новейших средств морского боя.

Он всю жизнь готовился к битвам во славу России, сохраняя в себе глубинные чувства патриотизма, жертвенности и ненависти к захватчикам.

Мог ли он в переломный момент истории отечества оказаться в стороне? Ведь по-своему он не меньше других русских интеллигентов, в том числе и военных, любил Россию. И его политическое крушение во многом было обусловлено политическим крушением старой России.

Против его воли вставали, назойливо выползали из тайников памяти все новые и новые картины прошлого, далекого и совсем еще недавнего: того недавнего, воспоминания о котором не давали покоя.

Камера расширяется до необъятных размеров, переполняется людьми. Что за народ? Откуда? Сытые глаза царских сановников, холеные щеки министров. Бывшие князья, бароны, графы... Международные авантюристы, дипломаты, военные... Тела расстрелянных, повешенных...

Разве можно забыть эти подбострастные, надменные, искаженные лица, кричащие рты, скрюченные пальцы? В голове возник и стал нарастать отдаленный шум.

«Мне поздно выяснять причины и доискиваться до корней поражения... Поздно... Остается мне подумать, мне остается...»

Измученный, потерявший всякую надежду, он словно обрелся в бездне, в минуты просветления переосмысливая свое спокойствие.

...Противной резкостью скрежетнул замок, выводя узника из небытия. Распахнулась железная дверь. Было 21 января 1920 года.

В комнате, куда его привели, сидело несколько человек, как ему объяснили — Чрезвычайная следственная комиссия. В ее состав входили: председатель — заместитель председателя Иркутской губернской ЧК меньшевик К. А. Попов, заместитель председателя — меньшевик В. П. Денике, члены — правые эсеры Г. Г. Лукьянчиков и Н. А. Алексеевский.

Так начался новый день последнего этапа жизненной гонки, первый из отпущенных ему судьбой последних семнадцати дней. Именно в такой срок теперь уложится вся или почти вся жизнь узника, его вынудят вновь пережить радости и горести уже прожитых лет, вывернут его жизнь наизнанку, безжалостно, с революционным любопытством копаясь в чувствах, мыслях...

Попов торжественно объявил:

— Вы присутствуете перед следственной комиссией... для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

— Да, я адмирал Колчак.

— Мы предупреждаем вас, — размеренно продолжал председатель комиссии, — что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной следственной комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов...

А почему бы и не давать?

Неожиданно для себя Колчак получил возможность высказаться. Нет, не перед комиссией. Люди, сидевшие за столом, его не интересовали. Он говорил не для них.

Так для кого?

Для русской общественности, для оставшихся в живых членов императорской фамилии, для Англии, для Франции, для Японии, для президента США Томаса Вудро Вильсона, гостем которого русский адмирал был два с половиной года тому назад, — вообще для истории.

Члены следственной комиссии не торопились. Допрос протекал размеренно, как-то даже лениво, со

скрупулезным выяснением и уточнением порою несущественных деталей жизни Колчака. Люди за столом спрашивали адмирала о его отце, матери, юности, учебе в Морском кадетском корпусе...

Колчак тоже неторопливо, обстоятельно отвечал на задаваемые вопросы, как бы заново переживая прошлое, где все было так ясно и просто...

КТО ЖЕ ТАКОЙ АДМИРАЛ КОЛЧАК по своему, так сказать, роду и племени?

На Руси издревле повелось: сын военного наследовал род занятий своего отца. Так из поколения в поколение создавались династии «служилых людей». В таких семьях дети с молоком матери впитывали суровый навык воинского долга.

Родовые занятия, передаваемые порой из глубины веков, надежно обеспечивали сохранность многих людских достижений, сберегали открытия и секреты творчества, полезные навыки. Правнуки пользовались знаниями далеких предков, не зная порой даже их имен. Увы, историческая судьба России не благоприятствовала сохранению памяти о предках. Кто были зодчие, возводившие храмы Новгорода или Владимира? Кто выковал золоченый шлем Ярослава, сложил псковский или нижегородский кремль? Узнаем ли когда-нибудь?

Род Колчаков был обширен и принадлежал к числу «служилых» родов. В разных поколениях он связан с военной профессией, относится к служилому дворянству Российской империи. По семейным преданиям, Колчаки получили русское дворянство и герб одновременно с русским подданством в начале царствования императрицы Елизаветы Петровны, около 1745 года.

Сын Александра Васильевича Колчака — Ростислав — в составленной им родословной Колчаков указывает, что они «происхождения половецкого».

Половцы — тюркоязычный народ — в X—XIII веках обитали в южно-русских степях и Средней Азии, от западных отрогов Тянь-Шаня до Дуная. Вели кочевой образ жизни. Совершали частые набеги на земли Киевской Руси, Византии, Венгрии, вмешивались в междоусобные войны русских княжеств. Теснимые монголо-татарами, половцы частью слились с завоевателями

и вошли в состав Золотой Орды, частью переселились в Венгрию и на Балканы.

Происходил ли Александр Колчак от хана Кончака или нет — сказать трудно, да и тюркские корни этих двух имен разные: «Кончак» — «штаны», а «Колчак» — «боевая рукавица» (от слова «кол» — рука). Но на Урале есть вершина, название которой «Кончаков» или «Колчаков камень».

Во всяком случае, первый Колчак, о котором имеются официальные сведения (в хронике молдавского гетмана Ивана Никулчи) в связи с русской историей, был сербом, родом из Боснии, христианином.

В XVII веке под тяжестью турецкого ига (к концу XV века Турция распространила свое влияние на все государства Балканского полуострова) и для сохранения своего рода он переходит в мусульманство, что было обычным делом у боснийского дворянства, и поступает на военную службу к туркам. В начале XVIII века он — под именем Илиас-паша Колчак — появляется в Молдавии в составе штаба великого визиря Мохамед Боестанджи-паши. Тогда он был еще молодым офицером, лет около тридцати пяти, булюбашем, то есть полковником катанов (тяжелая конница) — маленький племенной вождь. Илиас-паша Колчак отличается при переправе турецких войск через реку Прут во время Прутского похода русских войск в 1711 году и, возможно, присутствует на переговорах о мире с Петром I; впоследствии становится пашой трехбунчужным.

В Турцию Колчак-паша не вернулся, остался в Молдавии и исправно нес службу в Хотинской крепости: сначала в должности «сол кол агассы» (начальника левой руки, то есть левого крыла турецкой бессарабской армии), а с 1717 года — начальника крепости и генерал-губернатора Хотинского. Во время своего более чем двадцатилетнего пребывания в Хотине он занят военно-дипломатической работой: является исполнителем на месте польской политики Стамбула, поддерживает тесные отношения с Великокоронным гетманом Иосифом Потоцким, который, в частности, владеет пограничными с Бессарабией областями — Подолией и Галицией. При Колчаке-паше Хотин стал центром турецкой культуры на границе с Польшей.

В 1732 году Колчак-паша получает чин мир-и-мира¹ и назначается санджак-беем² Янины³ и Албании, оставаясь одновременно генерал-губернатором Хотинским.

За шестнадцать лет — с 1725 по 1741 год — на российском престоле в результате дворцовых переворотов сменяются две императрицы и два мальчика-императора. Сменяются также министры, приближенные и доверенные люди монархов. Но внезапные и трагические перемены во внутренней жизни России как будто не отражаются на ее внешней политике. Последователи Петра I идут указанным им путем: на Запад, к Балтийскому и Черному морям. Цели Петра I, отвечавшие геополитическим интересам России, будут достигнуты при императрице Екатерине Великой. Первое препятствие — Швеция — практически разрушено еще Петром I во время Северной войны 1700—1721 годов; шведская военная мощь настолько сломлена, что ни Карл XII, ни его сестра Ульрика-Элеонора не могут восстановить силы государства, и Швеция погружается в свои внутренние затруднения. Второе препятствие — Польша — ослабляется внутренними противоречиями, коалиционной войной (с активным участием русских войск) за так называемое «Польское наследство» (1733—1735), и рост влияния России в ней осуществляется через королей-саксонцев Августа II и Августа III. Петр I пытается устранить и третье препятствие — Турцию, но вынужден отступить после неудачного Прутского похода. Императрица Анна Иоанновна возвращается к решению этого вопроса, что приводит к войне с Турцией, которая начинается в 1735 году.

Русские войска под командованием фельдмаршала Б. К. Миниха входят в Крым и захватывают столицу Крымского ханства — город Бахчисарай, но из-за эпидемий отходят на Украину. В октябре 1736 года Колчак-паша вызывается в Стамбул для разработки плана военной кампании и получает звание визиря (титул высшего сановника-министра). Кроме посылки небольших отрядов на левый берег Днестра, турки при-

¹ Глава общины.

² Управляющим.

³ Город в Греции на берегу озера Янина.

держиваются оборонительной стратегии против русских войск. В 1737 году Миних берет приступом Очаков. Колчак-паша назначается временно сераскиром (главнокомандующим) турецкой армией на русском фронте (до прибытия Вели-паши). В начале 1739 года русская армия начинает наступление в Молдавию. Миних идет на Хотин и у деревни Ставучаны встречает турецкую армию. Здесь русские войска наносят поражение туркам, и Колчак-паша вынужден сдать им Хотинскую крепость. Его семья — жена, наложницы и младший сын — по требованию самого Колчака-паши получает разрешение уехать в Турцию. Сам Колчак-паша и его старший сын офицер Мехмет-бей оказались в русском плену и через Каменец-Подольск и Киев были увезены в Петербург.

По странному совпадению, через 180 лет, в 1919 году, из Каменец-Подольска через Хотин, Ставучаны, Черновцы был вывезен из России прямой потомок Колчака-паши, девятилетний сын адмирала Александра Колчака — Ростислав, который позже об этом событии вспоминал так:

«Отец был тогда в Сибири, мать моя смогла выйти из Севастополя на английском корабле и поселилась в Бухаресте. Во время большевиков и немецкой оккупации она скрывалась с фальшивым паспортом у разных знакомых и в семьях нескольких матросов, которые помогли жене своего бывшего командующего флотом. Моя мать отправила меня в 1918 году к своим друзьям детства, польским дамам, в Каменец-Подольск.

Из Бухареста и при содействии начальника английской военной миссии была организована маленькая экспедиция в Хотин. Молодой человек, сын адмирала Федосьева, переправился через Днестр до Каменца, который был в это время во власти «зеленых», и вывез меня на извозчике до Днестра — это было верст двадцать...

Я очень помню переправу через Днестр на маленькой лодке. Солнце только что зашло. Днестр был стального цвета, и его быстрое течение относило лодку влево, где чернели остатки взорванного моста железной дороги. На другом берегу, справа на скале, стояли развалины замка, Генуэзская башня и турецкие стены

Хотина, те самые, что мой далекий пращур сдал Миниху в 1739 году...»

Первый раз в русской печати фамилия Колчак упоминается в оде Ломоносова, посвященной славной победе русских над татаро-турецкими войсками и взятию Хотинской крепости во время царствования императрицы Анны Иоанновны.

...Пред Росской так дрожит орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять парицей?
Кто скоро, толь тебе Колчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?..

И вновь любопытный зигзаг истории. По удивительному стечению обстоятельств, Колчак и Миних породнились: одна из прапрабабушек жены адмирала была Елеонора Доротея Миних, племянница фельдмаршала.

К взятому в плен Колчаку-паше в России отнеслись очень благородно. Он ехал в Петербург в одной карете с генералом Бироном. Специальным указом ему выделяется квартира в Петербурге: «двор лейб-гвардии Измайловского полка майора Шипова».

Императрица Анна Иоанновна во всем любила пышность, поэтому и приказала отпраздновать победу в войне большими торжествами. Миних и все участники войны были щедро вознаграждены. Не забыла русская императрица и о высокопоставленных пленных турках, которые были приглашены на роскошный бал. Здесь, в середине февраля 1740 года, Колчак-паша и встретился с Анной Иоанновной. Русская императрица подарила Колчаку-паше дорогую шубу из куниц и личную свободу. Он был допущен ко двору, и солдаты, которые его охраняли, всегда относились к Колчаку-паше с почетом и уважением. Тот, в свою очередь, восхвалял имя Анны Иоанновны и призывал небесное благословение на обе империи.

Будучи отпущенным из плена и боясь султанского гнева за сдачу Хотинской крепости, Колчак-паша в Турцию не вернулся и продолжал жить некоторое время в Петербурге, а затем обосновался в Галиции,

во владениях своего старого друга и союзника гетмана Потоцкого. Но Колчаку-папе не долго осталось жить. По некоторым сведениям, к 1743 году его уже не было в живых.

О жизни семьи Колчаков в Галиции и Подолии во второй половине XVIII века нет достоверных данных. Будучи военными по традиции и семейному укладу, происходя от бывшего подданного Оттоманской империи, они, естественно, служили в частях, которые были сформированы также из бывших турецких подданных — молдаван, валахов, арнаутов, как на территории Речи Посполитой, так и на окраинах, завоеванных Россией.

Во всяком случае в конце XVIII — начале XIX века правнук Колчака-паши окажется в России на военной службе в Бугском казачьем войске.

Начало образованию войска положил полк, сформированный в 1769 году Турцией из молдаван, валахов, болгар и перешедший позже на сторону русских войск. Полк был расселен по берегам Буга и нес пограничную службу, но в 1800 году расформирован. Через три года создается Бугское казачье войско, которое охраняет границы русского государства по реке Днестр. В 1817 году войско вошло в состав военных поселений и его полки образовали Бугскую уланскую дивизию.

Сотник Бугского казачьего войска Лукьян Колчак — прадед адмирала Александра Колчака — владел наделом земли в Ананьевском уезде Херсонской губернии. У сотника было два сына: старший Иван Лукьянович и младший Федор Лукьянович. Старший сын унаследовал часть имения, но продал ее и, купив дом в Одессе, поступил на гражданскую службу. У Ивана Лукьяновича было много дочерей и три сына: Василий, Петр и Александр. Старший из них — Василий Иванович — и стал отцом нашего героя.

Колчаки в XIX веке не оставили заметного следа в истории России. Таких, как они, были тысячи, десятки тысяч. Их история — это, в сущности, история служилого, мелкопоместного российского дворянства.

Василий Иванович Колчак родился в Одессе в 1837 году. Через шестнадцать лет начинается Крымская война, и он 17-летним юношей поступает на службу юнкером в морскую артиллерию. Во время войны

в 1855 году конвоировал транспорт с порохом из Николаева в Севастополь, где получил назначение на Малахов курган и воевал там помощником командира батареи. 4 августа ¹ за успешные боевые действия Василий Иванович награждается знаком отличия Военного Ордена. При штурме противником Малахова кургана 26 августа был ранен, взят в плен французами и отправлен на Принцевы острова в Мраморном море. После возвращения из плена В. И. Колчак закончил курс в Институте корпуса горных инженеров в Петербурге и был командирован на уральские заводы «для практических занятий металлургией». Некоторое время работал в Златоусте, где в 1859 году по проекту П. М. Обухова была построена Князе-Михайловская сталелитейная фабрика, на которой началась отливка стальных артиллерийских орудий. В 1863 году назначен на Обуховский сталелитейный завод приемщиком орудий и снарядов от военного ведомства. Вскоре родился его сын — Александр Васильевич. Произведенный в 1889 году в генерал-майоры, Василий Иванович вышел в отставку, но продолжал служить на заводе в качестве инженера, заведующего мастерской до 1899 года. Умер 4 апреля 1913 года.

Василий Иванович был воспитан в Одессе в Ришельевской гимназии, где в те годы еще были живы традиции и методы преподавания и воспитания французских эмигрантов, основавших эту гимназию. Он был большим франкофилом. По характеру — человек сдержанный, с французскими манерами. Склад ума имел довольно иронический, и его сын, будущий адмирал военно-морского флота России, характером мало походил на своего отца. Видимо, гораздо большее влияние на него оказывала мать, о которой мы скажем несколько слов ниже.

Василий Иванович был крупным специалистом в области артиллерии, опубликовал ряд научных статей и «Историю Обуховского сталелитейного завода, в связи с прогрессом артиллерийской техники» (1894). Он также подготовил очерк «На Малаховом кургане», переведенный и изданный на французском языке. Эти воспоминания его живы и забавны. К французам, взявшим его в плен, он относится с симпатией и даже

¹ Здесь и далее даты (за исключением особо оговоренных автором) приводятся по старому стилю.

с уважением. Но пережитое в Крыму не отпускало его, постоянно волновало, требовало высказаться. Он снова берется за перо. В результате в 1904 году в свет выходит его новая книга «Война и плен. 1853—1855 г. Из воспоминаний о давно пережитом».

Мать будущего адмирала — Ольга Ильинична (1855—1894) — урожденная Посохова, из донских казаков и херсонских дворян. Старшая линия Посоховых оставалась до революции в Ростове-на-Дону, а другая обосновалась в Одессе. Дед А. В. Колчака по материнской линии — Андрей Иванович Посохов, «видный одесский гражданин», по выражению француза де Рибаса в его книге «Старая Одесса», был последним одесским городским головой (расстрелян большевиками в 1920 году).

Ольга Ильинична, будучи гораздо моложе своего мужа, умерла рано, когда ее сыну исполнилось лишь двадцать лет. Она — «красивая казачка», спокойная, тихая, добрая и строгая — воспитывалась в Одесском институте, была очень религиозна. В доме ее отца жили «по старинке».

Кроме Александра, в семье родились две дочери — старшая Екатерина и младшая Любовь, которая умерла еще в детстве. (Не везло на дочерей и нашему герою. Его первенец Татьяна прожила всего несколько дней, а Маргарита, третья и последняя из детей, скончалась в двухлетнем возрасте.)

Родители Александра не имели состояния. Семья содержалась исключительно на заработки отца, жила на казенной квартире.

Как мы уже отмечали, у Василия Ивановича было два брата: Петр и Александр. Капитан I-го ранга Петр Иванович Колчак (1838—1903) был морским артиллеристом. Младший брат, Александр Иванович (1839—1911) — «красавец Колчак», — тоже был морской артиллерии генерал-майор. От него пошла средняя линия Колчаков — три поколения Александров Александровичей, помещиков Тамбовской губернии.

Были братья и у Ольги Ильиничны: контр-адмирал Сергей Андреевич Посохов (1866—1935) и генерал-майор Андрей Андреевич Посохов (1872—1930). Как и наш герой, оба участники русско-японской войны — первый служил старшим офицером на крейсере

«Олег», второй — начальником штаба Сибирской казачьей дивизии (в 1904 году награжден «золотым» оружием). В Первую мировую войну Сергей Андреевич — начальник штаба командующего флотилией Северного Ледовитого океана (1916 год), а Андрей Андреевич — командир 92-го пехотного Печерского полка, затем генерал-квартирмейстер 2-й армии и начальник штаба 12-й армии. Оба брата скончались в эмиграции в Париже.

Двоюродный дядя Александра Васильевича — капитан I-го ранга Александр Федорович Колчак (сын полковника Федора Лукьяновича, младшего брата Ивана Лукьяновича — деда адмирала по отцовской линии) — тоже участник русско-японской войны, сражался в Порт-Артуре. Эта младшая линия Колчаков понесла особенно большие потери. Александр Федорович, уже будучи контр-адмиралом в отставке, был арестован большевиками в Петрограде, потом отпущен и умер в глубокой нужде. Его сын, мичман Александр, отличился в русско-японскую войну и погиб в 1915 году на Балтийском море.

Брат Александра Федоровича — подполковник Петербургской полиции Аркадий Федорович — был убит революционерами в 1907 году, а его сын, штабс-капитан Петр Аркадьевич, погиб в Киеве в 1918 году при взрыве пороховых складов.

Выше мы уже упоминали, что отец Александра Васильевича Колчака — генерал-майор Василий Иванович — издавал книгу «Война и плен». Эти «война» и «плен» повторялись в его семье из поколения в поколение. Какой-то рок вовлекал старших сыновей его ветви в большие военные катастрофы. Подобно Колчаку-папе, его предку, при разгроме турок под Ставучанами захваченному в плен в Хотине, Василий Иванович был ранен и взят в плен при штурме французами Малахова кургана. Его сын, адмирал Александр Васильевич, контужен и взят в плен японцами в Порт-Артуре, а сын адмирала — Ростислав — мобилизован в 1939 году во французскую армию и пленен немцами 16 июня 1940 года.

Так из рода в род повторялись военные катастрофы, из рода в род жены должны были спасать детей из горящих городов, от бомбежек, голода, гра-

бежей, расстрелов... Из рода в род разорение, бегство в чужие страны, изгнание, перемена подданства, языка и даже веры...

В 1914 году, когда началась Первая мировая война, Александр Васильевич с первых ее часов постоянно находился в Балтийском море. Его жена, Софья Федоровна, и дети были в Либаве (сыну Ростиславу исполнилось тогда четыре года, а дочери Маргарите год). 20 июля порт был обстрелян немцами, и эвакуация семей морских офицеров проходила в довольно сложных условиях. Так Софье Федоровне пришлось спасать детей в первый раз. Маленькая дочка умерла в Гатчине в 1915 году, а сына пришлось вывозить за границу в 1919 году, после очень тяжелых испытаний в Крыму, где и сама она вынуждена была скрываться от ареста.

О жене адмирала Колчака мы расскажем чуть позже. А сейчас вернемся к нашему герою.

Глава 2

АЛЬМА МАТЕР

В конце XIX — начале XX века на необозримых просторах Российской империи, тянувшейся от берегов реки Вислы на Западе до Алеутских островов на Востоке, происходили огромные изменения. Россия быстро превращалась в мощное индустриальное государство. Росли города, возникали во множестве заводы и фабрики, строились железные дороги, открывались университеты, школы, училища, музеи, библиотеки, театры...

В 1863 году на базе Александровской мануфактуры под Санкт-Петербургом, на левом берегу реки Невы, под руководством полковника Корпуса горных инженеров, известного специалиста в области металлургии П. М. Обухова, горного инженера Н. И. Путилова и петергофского купца С. Р. Кудрявцева был построен один из крупнейших казенных (государственных) военных заводов России по производству стали, вооружения (главным образом артиллерийских систем) и другой продукции различного назначения. Впоследствии он получил наименование Обуховский сталелитейный завод (с 1922 года завод «Большевик»). Строительство его, в первую очередь, обуславливалось необходимостью перевооружения русской армии и создания военного парового флота.

В год постройки завода на нем появился двадцатилетний Василий Иванович Колчак. Полковник Обухов, в свою бытность начальником Златоустовского горного округа хорошо знавший и ценивший Колчака по его работе на златоустовской Князе-Михайловской сталелитейной фабрике, пригласил молодого, по-

дающего большие надежды военного инженера наладить на новом заводе производство артиллерийских орудий из литой стали.

...Ехать пришлось долго, хотя после Крымской войны железные дороги в империи стали строить весьма поспешно. Однако система их пока не сложилась, и пассажирам приходилось делать немало пересадок, добираясь «из пункта А в пункт Б».

Поезд в Петербург прибыл ночью. На вокзале мерцали желто-белым светом керосиново-калильные фонари. Привычные звуки: пыхтение паровозов, песенка сигнального рожка, свистки составителей на запасных путях...

Дождавшись утра, Василий Иванович ушел бродить по городу. После грязного, захолустного, пыльного Златоуста — пышная, нарядная, шумная столица с ее Невским проспектом, стройными и величественными дворцами и парками. Еще по-летнему легкая, живая, веселая, широко и свободно текла Нева. Взметнулись в небо шпили Петропавловки и Адмиралтейства. Неслышно скакал Медный всадник. Благовестили в храмах. Нарядная толпа фланировала по Невскому. Заманчиво пахло из ресторанов. Отчаянно трезвонила конка, ее обгоняли извозчики-лихачи. Тянули к себе книжные развалы...

Василий Иванович, конечно, познакомился и с угрюмыми корпусами Обуховского завода, облепленными унылыми бараками, жалкими лавчонками... Но ведь подобное он уже видел в Златоусте...

Колчак принялся за дело основательно, вдумчиво и настойчиво. Деловитость его была именно такой. Ведь деловитость тоже бывает разной: у одних она взрывная, бурная, как водопад, а есть спокойная, неброская внешне, но целенаправленная и поэтому результативная. Не сразу, не рывком, но неуклонно и постепенно навел молодой инженер четкий порядок на порученном ему надзору участке.

Перед нами уже офицер, приобретший достаточный жизненный опыт и в тяготах войны, и в черновой повседневной заводской службе. Он узнал людей, открывших ему новый мир, мир стали. Он вошел в него со всем жаром своих молодых лет. Он видел путь впереди и, как бы ни был он тяжел, избрал его и не

свернет. Ближайшее будущее представлялось прочным и определенным.

В это время в его жизни произошло знаменательное событие — он делает предложение руки и сердца юной Ольге Ильиничне Посоховой. Она была вдвое моложе Василия Ивановича, когда он взял ее в жены. Нам неизвестно, было ли это результатом романтической истории или молодому мужчине, долгие месяцы торчавшему в грязных заводских цехах, надоело одиночество и он не смог устоять и не очароваться юной красотой. Однако здесь не было материального, карьерного или имущественного расчета. В то время многие считали, что семью надо создавать не по страсти, не по прихоти, а из соображений высшего нравственного порядка. Возможно, Василий Иванович был с этим согласен. Будущая семья есть продолжение рода, сочетание обязанностей и взаимной ответственности, а любовь придет уже в супружестве. Так было. И жили хорошо.

Ольга — юная, хрупкая, добрая и очень красивая — горячо любила мужа, жила его интересами, страстно желала детей, была скромна, благонравна и заботлива. Он отвечал ей тем же. Семейная жизнь протекала благополучно. Брак оказался счастливым.

Шло время, и жизнь брала свое...

Осенью 1874 года в семье ожидалось прибавление. 4 ноября в приходской Троицкой церкви села Александровского Петербургского уезда Василий Иванович поставил свечку чудотворной иконе за успешное разрешение от бремени супруги Ольги. А в декабре, после рождения первенца, привез его в ту же церковь для обращения в православную веру.

Морозное зимнее утро, искрящийся на солнце снег придавали торжественность и праздничность предстоящему событию. Все вокруг было торжественно и благопристойно.

На подходе к церкви отчетливо различались кресты церковного погоста. Там чистота и опрятность. Множество могил разных времен, запорошенных пушистым снегом.

Поклонившись праху своих соотечественников, Колчаки заходят в церковь, дабы совершить таинство крещения. Отец Дмитрий, окуная малыша в купель, по

желанию родителей нарек его Александром, и в метрической книге в разделе «О родившихся» появилась запись:

«Морской Артиллерии у штабс-капитана Василия Ивановича Колчака и законной жены его Ольги Ильинишны, обоих православных и первобрачных, сын Александр, родился Четвертого ноября и крещен Пятнадцатого декабря тысяча восемьсот семьдесят четвертого года».

(К тому времени отцу было 37 лет, а матери — 19.)

Этим казенным языком отмечено было появление на свет и крещение в православную веру человека, которому впоследствии суждено было стать известным полярным исследователем, выдающимся флотоводцем, Верховным правителем России, чье имя неразрывно связано с историей российского государства.

К СОЖАЛЕНИЮ, О ПЕРВЫХ ГОДАХ ЖИЗНИ
Александра Васильевича мы знаем очень мало достоверного: ни дневников его, ни писем, ни рассказов близких. Можно лишь утверждать, исключительно по внешним приметам и второстепенным фактам и деталям, что жизнь будущего адмирала началась счастливо и безоблачно.

Не без оснований считается, что характер будущего взрослого человека в значительной степени зависит от того, как прошло его детство. Положительное воздействие оказывает обстановка тепла, ласки, дружбы и радости, царящая в семье. Сам того не понимая, ребенок впитывает разлитую вокруг него благодать всем своим существом, а потом целую жизнь в самых глубинных тайниках своей души сохраняет, как негасимый свет, это добро и эту нежную чистоту.

Думается, мы не ошибемся, если скажем, что Александру Колчаку повезло — он начал жизнь в образованной, культурной, крепкой и любящей семье. Заботливый отец, нежная мать — они создали в его детской душе добрый запас нравственных сил.

...Шесть, семь, восемь лет. Всего-навсего восемь. Возраст безмятежного детства. Пора утренняя, ранняя.

Александр делал первые робкие шаги в большой

мир, полный первозданной прелести и чудес. Все ему было внове, удивительно и загадочно. И добрые длинные вечера, когда за окном стонала осенняя непогода или бушевала снежная выюга. И летние прогулки с родителями в окрестностях Невы. Вместе собирали цветы, гонялись за бабочками по многоцветному разнотравью. Манили задумчивый лес, спокойная река... С берега Невы Александр видел проплывающие пароходы, сновавшие в разные стороны лодки. И, как знать, может, именно они пробудили тогда в нем детскую мечту о далеких путешествиях, о морях, о кораблях?..

Отец любил делать бумажных змеев. Они вместе усердно строга́ли планки, резали бумагу, клеили, рисовали на бумаге страшные рожи. Потом выходили на луг, который тянулся до самой реки, но реки не было видно, а был виден только высокий противоположный берег с деревьями, домами, колокольной церкви.

Александр бежал по лугу, разматывая бечевку, страхась того, что отец сделал что-нибудь не так и змей не поднимется, и змей действительно поднимался не сразу, некоторое время он волочился по траве, неудачно пытался взлететь и опускался, трепыхался как птица, и вдруг медленно и чудесно всплывал за спиной мальчика, и тот, счастливый, бежал изо всех сил дальше.

Ни у кого не было таких больших змеев, как у Александра. Потому что отец делал их из старых чертежей, нарисованных на плотной бумаге, а некоторые чертежи были даже на полотняной подкладке.

Александру всегда было немного жаль резать эти непонятные для него, но такие красивые рисунки. Отец почему-то не жалел их, говорил, что они сделали свое дело.

Его не баловали, нет, наоборот — приучали к порядку, но окружали такой искренней любовью и заботами, неподдельным участием, так щедро одаривали семейными радостями и маленькими торжествами в подобающих случаях, что он чувствовал себя счастливым и платил родителям тем же: лаской и вниманием.

Подчеркнем здесь, что никакого попустительства детским шалостям в семье не допускалось. От маль-

чика требовали разумной дисциплины, послушания, уважения к старшим. Качества эти привились ему в полной мере. Бесспорно, такое воспитание полезно любому мужчине, а будущий офицер без этого просто невозможен. Из избалованных маменькиных сынков толку вообще получается немного, и стать отличными военными такие личности никогда не смогут. Если лень, расхлябанность и зазнайство успели укорениться в юношеской душе, исправить тут что-либо бывает очень трудно. Недаром строгость воспитания всегда поощрялась на Руси. Об этом нелишне вспомнить и сейчас.

Привычка к дисциплине оказалась полезной, Александр стал профессиональным военным, достойно прошел свой служебный путь. В нем рано пробудилась страсть к чтению — как только он с помощью родителей одолел эту премудрость, к познанию окружающего мира. Александр читал русскую классику, прежде всего Пушкина, штудировал всемирную и русскую историю (последнюю — по Карамзину), выучился французскому языку, выговаривая незнакомые слова на свой лад. Он всю жизнь много читал и внимательно следил за новинками отечественной и иностранной литературы, хорошо знал наиболее значительные исторические и научные произведения своего времени.

Родители стремились дать сыну разностороннее домашнее образование. Примером и наставником здесь был отец, высоко ценивший образование, науку. От него сын унаследовал упорство в достижении знаний, вкус к литературе. Отец часто рассказывал о себе, Крымской войне, ее героях, делах великих людей России, далеких странах. Это вызывало у мальчика яркие впечатления, глубоко западавшие в душу. Под влиянием этих рассказов и книг и складывалось мировоззрение Александра, формировались характер и взгляды, так или иначе оказавшие свое влияние на дальнейший ход его жизни.

Нет сомнения, что Александр искренне любил своего отца и глубоко был к нему привязан. Несомненно также, что именно от отца он унаследовал некоторые черты своего характера: стойкое отношение к жизненным невзгодам, прямолинейную честность, протест против всякой человеческой неправды.

Спокойная и ласковая Ольга Ильинична была набожна, не пропускала церковных служб и часто водила маленького сына на вечерни в церковь недалеко от мрачного и грязного Обуховского завода, вблизи которого они жили. Это также наложило неизгладимый отпечаток на характер мальчика. Александр Васильевич был очень верующим человеком. Живой и веселый (во всяком случае до 1917 года), он отличался довольно строгим, даже аскетическим мировоззрением. У него были духовники-монахи, и, по некоторым сведениям, уже будучи командующим Черноморским флотом, он якобы посещал одного старца в Георгиевском монастыре в Крыму. Это в нем с детства заложила мать, которую он очень любил.

Свое домашнее образование Александр продолжил в 6-й Петербургской классической гимназии, где проучился до третьего класса. Родителей никогда не беспокоила успеваемость сына. Небольшого роста, шустрый и подвижный, любознательный и общительный, он считался одним из лучших учеников в классе, был для остальных примером. Гимназисты писали лирические стихи, увлекались музыкой, грелили Скрябиным, Дебюсси... Александр же из гимназии спешил домой. В большой комнате, где у него стоял отдельный стол, у лампы с большим бумажным абажуром он раскладывал книжки и тетрадки и начинал делать домашние задания, упорно пробираясь сквозь заросли научных знаний. В тетрадках его никто не видел троек, постоянными отметками были четверки и пятерки.

К ним домой по вечерам часто заходили моряки при кортиках в роскошной черной форме с золотыми погонами, техники — специалисты с завода. Рассаживались у большого стола, освещаемого мягким светом лампы, и вели неторопливые беседы. Александр очень любил эти визиты — он как-то весь подтягивался, глаза его начинали озорно поблескивать, особенно когда отец рассказывал какой-либо случай из своей военной жизни в Крыму. Мальчик, затаив дыхание, не шевелясь, жадно ловил каждое слово взрослых. Он обожал эти разговоры, хотя ему и не полагалось присутствовать при них, поэтому часто раздавалось:

— А ты чего подслушиваешь?.. А ну, брысь отсюда...

Многого он, конечно, не понимал, особенно его огорчало, что отец, хотя и был морским офицером, никогда не участвовал в морских сражениях, не командовал боевыми кораблями. Но он восхищался отцом, этими людьми, завидовал их судьбе...

ПРОШЛО ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ и наступило время, когда Александру нужно было определяться в жизни. Выбор карьеры предопределила окружающая обстановка.

Это было не просто детство, а детство в семье военного, да еще военного потомственного. Иметь потомственный род занятий очень почетно, так считалось всегда. Когда дело передавалось от отца к сыну, от деда к внуку, то одно лишь это уже вызывало благожелательное расположение к носителю семейной традиции.

Отец сумел привить сыну с раннего возраста интерес к научным знаниям и любовь к военно-морскому делу. Он много рассказывал о талантливых военных моряках, снискавших славу российскому флоту в морских сражениях, об участниках великих географических открытий, исследователях Мирового океана, незаурядных ученых. Звучали имена Дмитрия Сенявина и Юрия Лисянского, Георгия Спиридонова и Василия Чичагова, Семена Челюскина и Федора Ушакова, Ивана Крузенштерна и Фаддея Беллинсгаузена, Михаила Лазарева и Геннадия Невельского, Павла Нахимова и Николая Римского-Корсакова и многих других. С некоторыми из них отец Александра воевал бок о бок в Крымскую войну. Все они были воспитанниками Морской академии, а затем Морского кадетского корпуса — высшего учебного военно-морского заведения России.

Военная служба стала мечтой Александра.

Примечательно, что спустя годы в письме уже к своему сыну Ростиславу (Славушке, как он его звал) Александр Васильевич, в частности, писал: «...Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать,— это единственный путь,

чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения ей». Беспокоясь о сыне, адмирал Колчак просил жену, чтобы она положила «в основание его воспитания историю великих людей, так как приемы их есть единственное средство развить в ребенке те склонности и качества, которые необходимы для службы».

Напомним также о том, что отец нашего героя был морским артиллеристом, хотя и служил на суше. Братья отца — капитан I ранга Петр Иванович и генерал-майор Александр Иванович — тоже были морскими артиллеристами. Ближайшие родственники по материнской линии — контр-адмирал Сергей Андреевич Посохов и его брат генерал-майор Андрей Андреевич. Среди потомков младшего брата деда Александра по отцу — Федора Лукьяновича (младшая линия Колчаков) тоже были военные моряки, один из них — контр-адмирал Александр Федорович и его сын мичман Александр Александрович.

Итак, в выборе будущей профессии двух мнений не было, сказалась семейная традиция — военная служба с «морским уклоном». Теперь он твердо знал, чему себя посвятить.

...Сегодня для него был знаменательный день, день вступительного экзамена в младший класс Морского училища — закрытого военно-морского учебного заведения России, куда Александр Колчак решил поступить по собственному желанию и по совету отца.

Его привезли на Васильевский остров, к зданию училища. С серьезными лицами вошли в подъезд, поднялись по широкой лестнице в классный коридор с бесконечным числом дверей. Там уже собралась толпа мальчиков-подростков и их родителей. Все нервничали, но мальчики подтрунивали друг над другом и старались храбриться.

Первыми предстояли письменные экзамены, и для этого всех поступающих отвели в большую комнату, где были расставлены столы и скамейки.

Кому не приходилось волноваться перед экзаменами, когда отступать уже некуда и экзаменаторы входят в класс! Как замирает сердце, когда раздают бумагу для письменных работ или начинают вызывать к доске. У кого не ёкнуло сердце, глядя на серьезные и важ-

ные лица экзаменаторов, которые в этот момент кажутся какими-то священными особами и оттого особенно страшными...

Их рассадили, и один из экзаменаторов начал диктовать, а мальчики, среди которых был и Александр Колчак, быстро за ним записывать. Головы усиленно работали, чтобы посадить на свои места предательские «ять», не забыть поставить на конце правильно «я» или «е» и вообще превозмочь все трудности правописания, которое далеко не всем одинаково легко давалось. Время летело быстро, и Александр не заметил, как диктовку окончили. Дали перечитать написанное, но лучше бы этого не делали, так как при чтении все казалось неверным, и можно было верное переправить на неверное.

Затем короткий перерыв, и экзамен по арифметике и алгебре. Раздали задачи. Они не трудные, но от волнения тяжело собраться с мыслями. Пропорции, корни квадратные, уравнения с одним и двумя неизвестными — все это угрожало перепутаться и выйти из повиновения. Колчак закончил задачи одним из первым и чувствовал, что решил все правильно.

Первый день экзаменов, и притом очень серьезных, закончился. Все повеселили и оживленно делились между собой впечатлениями, сверяли ответы, вспоминали ошибки и утешались тем, что авось до удовлетворительного балла дотянули. Всем дышалось легче, точно гора с плеч свалилась, и только некоторые сидели пригорюнившись, так как точно знали теперь, что провалились, а среди них были и такие, которые поступали уже второй, а то и третий раз.

За математику Колчак был спокоен, а вот диктовка его волновала: тут можно было срезаться. Но надежда умирает последней.

Быстро пролетели дни других экзаменов и особенно промежутки между ними, когда Александр старался наскоро повторить то, что, как ему казалось, он знал слабее. Это было жаркое время, и отец с матерью с раннего утра и до позднего вечера не давали ему вздохнуть.

Уже довольно многие провалились на экзаменах, но Александр Колчак пока удачно миновал «подводные камни» и продолжал успешно «выгребать». Ему

было труднее, чем многим товарищам, так как он окончил только второй класс гимназии, а для поступления требовалось знание программы трех классов, по некоторым предметам даже четырех, так что дома пришлось за несколько месяцев пройти полный курс третьего класса. Но желание поступить в училище помогало преодолевать все трудности, а подчас и лень, и усталость.

Вот наконец сдан последний экзамен, объявлены отметки. Колчак все благополучно выдержал. Он ликовал. Шутка ли: кадет Морского училища! Наверное, вновь назначаемые министры не чувствуют в себе такой важности, как чувствовал ее в то время Александр Колчак. Вот только несколько огорчало, что пока приходится ходить без формы. Но скоро будет и форма...

Дни, оставшиеся до начала занятий, пролетели как сон. Настал день явки в училище — 1 сентября 1888 года. В последний момент стало немного жутковато: ведь как-никак ему придется подчиняться военной дисциплине, иметь дело со столькими мальчишками, жить целую неделю вне дома и все время находиться под надзором офицеров.

Детство в тринадцать лет закончилось. А впереди — широкая дорога в большую жизнь.

Василий Иванович, как всегда подтянутый и строгий, не смог сдержать волнения.

— Александр, — давал он последнее напутствие сыну, — я тебя очень люблю... Но прежде всего запомни, сынок, следующее: учись прилежно. Береги свое доброе имя. Не поддавайся соблазнам. Будь послушен старшим, исполняй свой долг — и Господь не оставит тебя.

Мать очень волновалась за сына. Она не на шутку тревожилась, вздыхала и охала, находилась в каком-то смятении. И в то же время ее переполняло безмерное счастье, ликование — сын выходит в люди...

Училище встретило Александра приветливо. Офицеры оказались не слишком страшными, и он почувствовал себя свободно.

Их долго выстраивали по ранжиру и распределяли номера коек, шкафов, конторок и т. д. Для классных занятий разделили на отделения. Номера давались по

росту, то есть самый высокий — правофлаговый — имел номер первый и так далее. Колчак оказался ближе к левому флангу.

Затем много времени ушло на переодевание новичков с ног до головы, на пригонку шинелей, брюк, голландок, фуражек и т. д. Но, как шинели, так и голландки оказались без погон, а фуражки без кокард, так что Колчак несколько напоминал арестанта. В таком виде ему предстояло ходить до училищного праздника, который должен был состояться 6 ноября. До этого дня его усердно обучали военной выправке, отданию чести. Он старался делать все отчетливо, чтобы на испытаниях не провалиться и не остаться без погон еще на некоторое время.

Огромное здание Морского училища выходило на набережную, между 11-й и 12-й линиями Васильевского острова, и тянулось еще далеко по этим линиям. Здание было старинное, да и само училище имело славную историю, из его стен вышло немало прославленных российских морских офицеров.

Училище было образовано в 1867 году, но свое летосчисление вело с Навигацкой школы, созданной Петром I в Москве.

Без малого три века назад, в 1701 году, когда выход на морские просторы стал для России настоятельной необходимостью, был издан указ, в котором говорилось: «В государствии... быть математических и навигацких, то есть мореходных и хитроостро искусств учению...»

В октябре 1715 года на базе старших классов Навигацкой школы в Санкт-Петербурге создается Морская академия (Академия морской гвардии), которая разместилась в одном из домов купца А. В. Кикина (на месте нынешнего Зимнего дворца). В 1743 году Академия переехала в двухэтажный дом фельдмаршала Б. К. Миниха, который находился на углу набережной Большой Невы и 12-й линии Васильевского острова. Здесь же, преобразованный в 1752 году из Морской академии, располагался Морской шляхетский корпус, который с 1802 года стал именоваться Морским кадетским корпусом, а затем — Морским училищем (с 1891 года — вновь Морской кадетский корпус).

Еще Петром I было велено назначать в Морскую

академию преимущественно дворян новгородских, псковских, ярославских и костромских, которые живут «у водных сообщений». Однако следует заметить, что дворяне без особой охоты отдавали своих детей в морскую службу. Более престижной считалась служба сухопутная. С 1861 года, кроме дворян, в Морской кадетский корпус решили принимать и детей «потомственных почетных граждан», высокопоставленных гражданских чиновников, детей заслуженных офицеров армии и флота.

Морское училище было своеобразным военным учебным заведением. Все были на полном казенном содержании, без всякой платы, и жили в самом училище. В отпуск увольняли тех, кто имел в Петербурге родителей, по субботам после полудня (до девяти часов вечера воскресенья). В училище было два приготовительных (младший и старший), один общий и три специальных класса. После реорганизации в 1891 году училища в Морской кадетский корпус были сформированы три подготовительные роты и сохранены три кадетские. Тех, кто завершил курс теоретической учебы по программам старшей кадетской роты и направлялся в корабельное плавание перед выпуском, называли гардемаринами (морская гвардия). Некоторое время спустя воспитанников подготовительных рот стали называть кадетами, а тех, кто учился в специальных ротах, — гардемаринами. В 1889 году в училище проходили обучение 283 человека, включая вновь набранных в младший подготовительный класс и готовившихся к выпуску гардемаринскую роту.

Начальником училища был свиты его величества контр-адмирал Дмитрий Сергеевич Арсеньев — бывший воспитатель великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича, по отзывам его современников — придворный шаркун. Первое, что он сделал, когда появился в училище, пришел на урок танцев и показал, как надо держать даму в вальсе, и несколько раз с избранным им воспитанником, кружась, обошел весь зал. Адмиральское ли это дело?

...Чаще всего переход от теплоты семейной жизни к строгому военному распорядку проходит болезненно. Однако у Александра имелось в натуре то, что

называется «военной косточкой». Он легко и охотно принял казарменный быт, суровые, порой жестокие законы мужского военного братства, без особого напряжения привыкал к строгой военной дисциплине и послушанию. Он был счастлив, слыша обращение к себе — кадет Колчак, горд оттого, что наконец-то осуществил свою мечту и мечту отца — связал свою судьбу с морем.

Юный Колчак с жаром взялся за учебу, которая продолжалась шесть лет. Романтичного в ней было мало. Зато много было труда, упорного и настойчивого. Каждый день приносил что-то новое, приоткрывая окошко в большой мир.

...Александр полностью был поглощен своеобразной атмосферой училища. Появились особые интересы, новые взгляды на вещи и страстное желание скорее сделаться «настоящим кадетом».

Прежде всего для этого, конечно, была необходима форма, а надеть ее, как мы упоминали выше, можно было только 6 ноября. И дождался этого дня: мундир заранее подогнан, пуговицы начищены и бляха портупей блестит как солнце. Кадет Колчак чувствовал себя в форме вполне счастливым.

Первый праздник на него, новичка, произвел сильное впечатление. Все эти адмиральские, блестящие, золотом шитые мундиры, эполеты, ордена и сабли так красиво играли в лучах солнца, снопами врывавшихся в огромные окна столовой! Ровные ряды батальона, в новых мундирах и фуражках, и блеск штыков. Красивое училищное знамя, старенькое, совершенно обтрепанное от ветхости. Все это наполняло умилением юную душу, которая так рвалась скорее влиться в общую морскую семью. Невольно Колчак проникался все большей любовью к училищу, из стен которого вышли все эти седые адмиралы, которых он видел на празднике, и ему тоже захотелось стать выдающимся морским офицером и спустя годы присутствовать на празднике училища.

А потом был бал... Новички, конечно, никакого участия в его подготовке не принимали, и до приезда гостей Колчак успел всюду побывать. Осмотрел и музей с бесконечным количеством моделей и чертежей старых и новых кораблей, коллекциями минералов,

раковин, кораллов, предметами вооружения военных судов. Наконец, совсем уставший, понесся смотреть на гостей.

Каких тут только не было туалетов: белые, розовые, зеленые, всех оттенков и цветов радуги, декольтированные и закрытые, с драгоценными украшениями и без них. Из этих туалетов выглядывали то строгие лица мамаш и тетюшек, то веселые и сияющие девичьи личики. Мужчины были тоже при полном параде, морские мундиры перемешивались с сухопутными; кое-где мелькали и фраки. Каких только эполет тут не было, каких лент и орденов!

Эта красивая и пестрая картина совершенно ошеломила юного Колчака: он никогда еще не видел такого блестящего зрелища. Вся эта роскошь пьянила душу и наполняла ее восторгом. Ему казалось, что он попал в какое-то волшебное царство.

После праздника жизнь быстро вошла в свою колею и потянулась в обычном, строго размеренном темпе, уроки чередовались со строевыми занятиями, едой и сном. Один день походил на другой, как две капли воды, и оттого время летело быстро... Февраль, март и апрель прошли незаметно. В конце занятий объявили годовые баллы, и Колчак узнал, что он перешел в следующий класс. Впереди было лето, а значит можно не думать об учебе и спокойно отдыхать.

Четыре месяца полной свободы, четыре месяца можно каждое утро сознать, что располагаешь своим временем, как вздумается, — какое это счастье! И он предавался несложным, приятным летним развлечениям: рыбной ловле, катанию на лодке, купанию, гулянию по лесу и собиранию грибов и ягод.

Время летело незаметно, изредка вспоминалось училище, но как-то в тумане, и к нему пока не тянуло.

Но осень неумолимо приближалась, и Колчак стал чаще вспоминать училище. Перспектива опять засесть за учение не очень-то манила, хотя, с другой стороны, радостно осознать, что ты уже больше не кадет младшей роты и в наступающем учебном году получишь нашивки на погоны.

1 сентября Колчак поехал в училище и там сразу окунулся в знакомую атмосферу. Приятно было встретиться с друзьями, узнать, кто будет ротным коман-

диром и познакомиться с дежурными офицерами, выяснить, где отведут шкафчик для вещей, кровать и т. д.

На этот раз все быстро вошло в привычную колею, и Колчак зажил училищной жизнью. Но в нем самом была заметна некоторая перемена: он не казался уже таким маленьким мальчиком, как в прошлом году. Его взгляды на многое изменились, и к окружающему он стал относиться более сознательно.

Он перестал быть ребенком.

Его думы нередко улетали далеко вперед, и он мечтал о том времени, когда будет офицером и начнет плавать на разных броненосцах, крейсерах и миноносцах, которые пока знал только по картинкам. Мерешились заманчивые заграничные плавания, и мечталось, что вдруг вспыхнет война и удастся в ней принять участие, попасть в настоящее морское сражение и «заработать» Георгиевский крест. Столько нового, неиспытанного грезилось впереди, и это скрашивало в училище монотонное время жизни «по расписанию».

В ту пору уровень преподавания в училище был достаточно высок. Учебная программа была довольно насыщенной, отличалась разносторонностью. На общем курсе проходили программу 6-го класса гимназии. Большое внимание уделялось изучению точных дисциплин: математике, физике, геометрии, астрономии, навигации. По признанию самого А. В. Колчака, его «увлекали точные научные знания... математические и физические науки». Кроме того, преподавались также закон Божий, история, химия, география, русский и иностранные языки, а также специальные и чисто военные дисциплины — военно-морская история и тактика, теория корабля, фортификация, корабельная архитектура, теория морской артиллерии, законоведение (морское международное право и военно-морские законы), сферическая тригонометрия, морская съемка и многие другие.

...Длинный ряд желтых, полированных конторок в большом ротном зале. За одной из них в синей голландке с белыми погончиками сидит прилежный кадетик, разбираясь в книге мировых флотов, составляя таблицы современных боевых сил артиллерии, брони, судового состава, изучая национальные флаги

и сигналы. Точный, исправный, религиозный, с чистой душой и горячим сердцем.

Среди военно-морских дисциплин в училище предпочтение отдавалось артиллерии. Поэтому для повышения качества практической подготовки кадетов по артиллерии с 1889 года были введены обязательные для всех дополнительные занятия и тренировки в артиллерийском кабинете. Кроме того, ежедневно проводилось «фронтное учение характера гимнастики», обязательные практические занятия по навигации, мореходной астрономии и другим специальным дисциплинам. И все это в дополнение к обязательным классным урокам, которых ежедневно было пять, по пятьдесят минут каждый. В результате свободного времени практически не оставалось. Общее же направление преподавания было таким, чтобы как можно больше учить воспитанников и как можно меньше оставлять им времени для самостоятельных занятий.

Серьезным недостатком обучения будущих морских офицеров было пренебрежение тактикой — искусством ведения боя. Тактика военно-морского флота считалась второстепенной дисциплиной. Поверхностно изучалась и история военно-морского искусства. Ученики пользовались устаревшей литературой или переводными иностранными пособиями. И это в то время, когда Россия во многом опережала западно-европейские флоты в кораблестроении, создании современного по тем временам оружия, умении применять его в бою.

Получивший основательную разностороннюю подготовку в семье и гимназии, способный и талантливый по своей природе, Александр много и упорно работал, настойчиво постигал науки, военно-морское дело, что, естественно, положительно сказывалось на его успеваемости. Горячее желание получить морское образование помогало ему преодолевать все трудности.

По своим духовным запросам и начитанности Александр стоял выше остальных воспитанников. Быть может, потому в компании своих сверстников он был не слишком разговорчив, но к нему прислушивались.

За годы учебы в училище (корпусе) юный Колчак неизменно ходил в лидерах; все время был первым или вторым в своем выпуске, за что пользовался

большим уважением и авторитетом у администрации и соучеников.

Д. В. Никитин, учившийся в корпусе одновременно с Александром Колчаком, позже вспоминал о нем так: «Кадет, среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычайным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием... Ментор этот, один из первых кадетов по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: «Надо Колчака спросить».

Александра Колчака неоднократно отмечали и поощряли в числе лучших учеников. В 1892 году Колчак производится в младшие унтер-офицеры, а на следующий год назначается, как лучший по наукам и поведению, фельдфебелем младшей роты морских кадетов. Теперь он несет ответственность за остальных и обязан оказывать нравственное влияние на своих младших товарищей, служить для них примером, образцом в поведении. Не многие из воспитанников корпуса удаивались такой чести.

Вот свидетельство о том времени воспитанника младшей роты, первого биографа Колчака контр-адмирала М. И. Смирнова: «Колчак, молодой человек невысокого роста, со средоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак...»

Большое внимание в училище уделялось и эстетическому воспитанию кадетов. Они в обязательном порядке два-три раза в год посещали некоторые спектакли (какие именно — определяло Морское министерство) Мариинского и Александринского театров.

Каждый день, направляясь в столовую, Александр Колчак проходил по широкому коридору, скорее похо-

жему на картинную галерею. Там были собраны бесценные творения русских художников-маринистов. Он подолгу останавливался перед такими полотнами Ивана Константиновича Айвазовского и Алексея Петровича Боголюбова, как «Чесменский бой», «Наваринский бой», «Синопский бой», «Морское сражение 1807 года при Афонских горах», которые рассказывали о славе русского флота.

Эти картины как магнитом притягивали к себе сочным колоритом красок с тончайшими цветовыми нюансами, тщательно выписанными деталями. В глазах Александра застыл восторг. Трудно оторвать взгляд от изображения этих величественных событий, и он невольно переносился в гущу сражений...

Так бывало не раз и не два за день, но его юношеское сердце вновь и вновь невольно сжималось от удивленного, от выраставшего из глубин души чувства гордости за русский флот и свою причастность к нему.

В училище царила атмосфера, основанная на доверии, уважении к личности, на вежливом обращении друг к другу. Начальники отделений и командиры рот говорили всем воспитанникам «вы» и были безукоризненно вежливы, не употребляли во время строевых занятий никаких ругательских слов. У воспитанников развивалось чувство ответственности за учебу и порядок в классах и помещениях рот, за личное поведение.

Что касается последнего, то дисциплина в корпусе действительно была строгая. И для ее укрепления нередко использовали компасный зал. Длинный классный коридор расширялся в этом месте, и здесь на полу была выложена паркетом компасная картушка¹ со всеми тридцатью двумя румбами. Вот на эти румбы по старому обычаю и ставили провинившихся кадетов «за тихое учение и громкое поведение» в свободные от учебы часы. Но Александра сия доля заслуженно миновала. Из рассказов отца, из морской литературы он вынес твердое убеждение в том, что дисциплина на военном корабле — первейшее дело. Нет дисциплины — нет боевого корабля, нет боевого корабля — нет

¹ Картушка компаса — бумажный круг внутри компаса, снабженный для удобства ориентирования делениями. Круг был разделен на 32 равных сектора — румбы.

упоительного ощущения победы, славы. А в воображении юного Колчака нет-нет да и возникали картины морских сражений, из которых он неизменно выходил победителем. Пройдут годы, и эти картины не раз примут четкие реальные очертания. А сейчас — пусть не в морском бою, пусть в казенных стенах корпуса — он уже совершал свой первый подвиг — учебный.

Корпус требовал от воспитанника, подвергнутого строгой учебной дисциплине, всего времени и ежедневной регулярности в работе. Для личной жизни вне корпуса времени почти не оставалось. Однако не следует полагать, что занятия поглотили Александра целиком и у него вовсе не существовало никаких увлечений.

С детства его манил таинственный сонм звезд в безбрежном небесном океане. Он задумывался над великой тайной мироздания. А когда однажды попал в Пулковскую обсерваторию — там, заглянув в телескоп, поразился увиденным. И долго не мог оторвать очарованного взгляда от Луны, от Венеры, от обеих ковшей — Большой и Малой Медведиц... На досуге зачитывался книгами о звездных мирах. Он хотел найти свою звезду, считал, что у каждого человека должна быть своя путеводная звезда.

Кроме военных и точных наук, Александр увлекался и заводским делом. Учась уже в последних, старших классах, он начал часто бывать на Обуховском сталелитейном заводе. Близость завода и возможность получить новые знания увлекли Александра, и у него появилась идея — в свободное от занятий время «пройти курс заводской техники». Он начал с изучения слесарного дела.

В это время он сблизился с рабочими, которые его обучали и среди которых у него появилось много знакомых. Благодаря работе в мастерских, постоянному общению с рабочими завода, юношу «интересовали на некоторое время вопросы политического и социального порядка».

Позже он рассказывал:

— Кое-что я читал по этому вопросу, долго занимался, но не могу сказать, что изучал его. Меня тогда интересовал вопрос рабочий, интересовали вопросы заводского хозяйства, вопрос труда и т. д., но я не

изучал этого дела; я с ним лишь знакомился, потому что был в такой среде, где об этом говорили, и меня до известной степени это интересовало. Изучением же этих вопросов я не занимался потому, что у меня не хватало времени. Когда я перешел в последний выпускной класс, где я был занят другим, чисто специальным военно-морским делом, мне пришлось прекратить эти занятия, и я больше не занимался такими вопросами.

Не интересовались и не занимались политическими и социальными вопросами и в семье его отца, где бывали только военные или техники-специалисты с завода.

«Пребывание на заводе, — рассказывал Александр Васильевич, — дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному делу... В корпусе мне не нужно было заниматься этими предметами, ибо я был знаком с ними гораздо лучше и более обширно, чем преподавалось в корпусе, потому что сама обстановка и среда давали мне чрезвычайно много по этой части. Затем я увлекался заводским делом. Было даже такое время, когда приезжал ко мне на завод английский заводчик, известный по пушечному делу, Армстронг. Мой отец его знал хорошо, и он предлагал, знаю мою работу по техническому делу, взять меня в Англию, чтобы я прошел школу там на его заводах и сделался инженером. Но желание плавать и служить в море превозмогли идею сделаться инженером и техником».

Ежегодно старшие воспитанники корпуса участвовали в практических плаваниях по Финскому заливу и Балтийскому морю на фрегатах. Срок плавания был установлен с 25 мая по 25 августа. В мае до отправки на корабль проводились переводные экзамены. Принимал участие в плаваниях и гардемарин Колчак, продолжая настойчиво изучать сложную флотскую науку. Только теперь классные занятия подкреплялись практикой. Он разбирал и собирал тот или иной прибор, нес ходовую вахту под парусами вахтенным командиром. В плавании он занимался мореходной астрономией и навигацией: кроме обязательных дневных наблюдений, практиковался еще в ночных, пользуясь Луной и другими планетами, проводил астрономичес-

кие наблюдения с помощью секстанта¹, занимался ведением судового журнала, обучался такелажным работам и правилам пользования парусным вооружением, а также другим премудростям морского дела. Главное внимание обращалось на парусные учения, на управление шлюпками, отчасти на управление кораблем, так как воспитанников ставили на руль, но в качестве не старшин, а подручного. Практические знания Александра расширялись, крепла уверенность в себе.

Однако первые плавания давались, как правило, нелегко. Радость долгожданной встречи с морем омрачалась утомительной качкой, выворачивавшей наизнанку. Казалось, что к этому совершенно нельзя привыкнуть. Но нашлись умники, которые научили глотать на ниточке кусочек ветчины, а затем вытаскивать его обратно. После этой довольно неприятной процедуры головокружение и рвота, как это ни покажется странным, прекращались.

За практическими занятиями время проходило незаметно, и Колчак начинал привыкать к морской обстановке, втягиваться в установленный режим. Совместное житье в тесной каюте сближало его с товарищами, они лучше узнавали друг друга и не скучали. В свободное время на палубе всегда было весело, кто-нибудь играл на балалайке, пели, читали, о чем-то шептались. Не обходилось и без шалостей. По вечерам и воскресным дням отпускали гулять на берег, и Александр с товарищами рыскали по прилегавшим островам вблизи города Котка или забирались в маленькую городскую кофейню и там объедались пирожными.

Часто бродя по пустынным островам и окрестностям Котки, Колчак с товарищами натывались на надгробные гранитные плиты, надписи на которых свидетельствовали, что здесь похоронены офицеры, солдаты и матросы, убитые во время боев в этих местах в период русско-шведских войн, при Петре I и Екатерине II.

Колчака очень интересовали эти скромные памятники, напоминавшие о временах упорной борьбы за обладание этими берегами, когда здесь ходили галеры и парусные корабли, стреляли из чугунных и медных

¹ Секстант — угломерный прибор для измерения углов с целью определить координаты места наблюдателя на корабле (самолете или на суше).

пушек круглыми ядрами, шли на абордаж и сжигали вражеские суда. Сколько героизма проявили в этой борьбе моряки только что созданного гением Петра русского флота, и теперь, всеми забытые, они покоятся здесь. Но их деяния не забылись и принесли России огромную пользу. Благодаря обладанию этим морем, которое они завоевали, Россия стала великой державой. Все это Колчак знал из книг по истории, из рассказов отца.

А сейчас ничто не напоминало здесь о былых сражениях, и мрачные финны мирно ловят рыбу, да изредка плывут шхуны, нагруженные дровами, и проходят пароходы с досками и бревнами. Многочисленные форты, построенные тогда с таким трудом, уже совсем развалились, и остались только слабые контуры валов и брустверов...

Так подошла осень. Начались проверочные испытания того, что кадеты изучали летом. Экзаменационная комиссия состояла из строевых офицеров и корпусных, оттого Колчак экзаменов и побаивался: не хотелось срамиться. Но все предметы были несложными, да и сам он понимал, что они действительно необходимы, иначе каким же морским офицером он станет?

Впечатлений от первого плавания было много. Но Колчак отлично сознавал, что пока познакомился с морской службой лишь в слабой мере и еще не стал моряком. Ведь, в сущности, это первое знакомство дало только некоторую привычку к жизни на корабле, элементарные знания по морскому делу и опыт в управлении шлюпками, а настоящего моря он совсем не знал. Несколько небольших походов из Кронштадта на Котку и обратно, да еще в тихую погоду, нельзя было брать в расчет. Вот если бы он попал в шторм и корабль порядком бы потрепало, тогда, пожалуй, он получил бы некоторое понятие о море.

Потом были и настоящие плавания, когда отряд кораблей Морского корпуса все лето совершал совместные переходы по Финскому заливу и Балтийскому морю, так что Колчаку удалось повидать и осмотреть целый ряд городов: Ревель, Гельсингфорс, Либаву и другие. Плавал он и в непогоду, получив наконец представление о неприятных сторонах морской службы. Теперь он нес вахты более ответственные, чем

в прежних плаваниях, изучал штурманское, минное, артиллерийское и машинное дело. Его морское образование значительно продвинулось вперед, и Колчак не только познакомился с морем, но довольно основательно изучил различные стороны морского дела на практике и чувствовал себя настоящим «морским волком». Теперь он стал гардемаринком. На погоню ему дали якоря. Он чувствовал себя совсем взрослым.

По свидетельству некоторых выпускников училища, на старых парусных судах процветала «словесность» старших офицеров, вахтенных начальников и боцманов. Офицеры училища, столь вежливые и корректные в стенах корпуса, ступив на палубу корабля, беспрестанно подкрепляли, стоя на вахте, любую команду каким-нибудь затейливым ругательством «в третьем лице», и хотя это официально запрещалось, унаследованный со времен Петра I обычай был сильнее всяких приказов.

Училищные правила нередко нарушались, но свято соблюдались требования Морского устава, и считалось позорным нарушить какую-либо его статью.

Годы учебы, а с ними и юношеская пора промчались веселыми чайками над головами кадетов, и наступил долгожданный год выпуска — 1894-й. А в конце апреля в корпусе начались выпускные экзамены. Здание корпуса и его окрестности были наводнены сверкающими яркими парадными мундирами офицеров флота. Экзамены принимала специальная комиссия. В ее состав входили не преподаватели корпуса, как это было раньше, а офицеры с кораблей действующего флота. На выпускных экзаменах надо было сдать астрономию, навигацию, морскую артиллерию, минное искусство, теорию кораблестроения, парходную механику, законоведение и морскую практику.

Одним из лучших из корпуса вышел Александр Колчак. В Морском кадетском корпусе существовала традиция, согласно которой лучшие выпускники поощрялись именными премиями. В своем выпуске Александр по успеваемости и поведению разделил первое место с одним из своих товарищей. Начальство корпуса и соученики отдали предпочтение Колчаку как фельдфебелю. Но сам он, принимавший участие в обсуждении этого вопроса, настоял на том, чтобы пер-

венство досталось его товарищу. В итоге Александр выпустился вторым, получив денежную премию (300 рублей) имени адмирала Петра Ивановича Рикорда¹.

Влияние семьи, учеба в корпусе помогли развить в характере юноши мужество, стойкость, волю и трудолюбие. Быть лучшим из лучших, занять первое место по успеваемости среди тех, кто прошел через труднейшие испытания, отличиться в изучении такого огромного числа наук — на это способен был только человек с недюжинными способностями и характером бойца. Было Александру Колчаку тогда девятнадцать лет.

¹ Рикорд (1776—1855), русский мореплаватель, адмирал с 1843 года. Член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1818 года. По окончании Морского шляхетского корпуса (позже Морской кадетский корпус) в 1794 году служил на кораблях Балтийского флота. В 1807—1809 годах участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Диана», которое возглавил В. М. Головин. Проводил опись Курильских островов (1811—1813). По заданию правительства России трижды совершал плавание к японским берегам с целью освобождения из японского плена Головина и других русских моряков. Проявил дипломатические способности в установлении добрососедских отношений России с Японией. В 1817—1822 годах начальник Камчатской области, в 1825—1827 — Кронштадтского порта. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов командовал эскадрой, посланной в Средиземное море, затем — эскадрой в Эгейском море, содействовавшей освобождению греческого народа от турецкого порабощения. Во время Крымской войны начальник обороны Кронштадта. Его именем названы острова в Японском море, мыс и пролив на Курильских островах.

ПОЕДИНОК СО ЛЬДОМ

...Ранняя осень 1894 года. Высочайшим приказом по флоту 15 сентября Александр Колчак производится в мичманы.

Юноша упоен своим новым положением: он морской офицер, он избавлен от мелочной опеки ученичества, ему открыты все радости мира и в лицо уже дует свежий морской ветер будущей славы и подвигов во имя России.

Теперь оставалось только подождать выхода приказа Главного морского штаба с разделением по экипажам. В те времена на зиму все корабли разоружались, а офицеры и команды списывались на берег, то есть в экипажи, в которых жили до весны, когда начиналось вооружение.

В ожидании приказа мичман Колчак сновал по Петербургу и посещал знакомых по случаю своего производства в офицеры. Хотелось побывать у всех и показать себя в новой форме. Теперь уже перед молодежью он чувствовал себя как бы старшим. Главным же образом, он чувствовал себя героем перед знакомыми дамами и барышнями.

Ожидание приказа длилось не слишком долго, и вскоре Колчак узнал, что для прохождения службы его зачислили в 7-й Балтийский флотский экипаж.

Когда он прибыл в экипаж и там познакомился с другими офицерами, ему стало совершенно ясно, что кроме дежурств, раз в несколько дней, никакой другой работы не предвидится. Разве что изредка поручат произвести дознание, что было тоже далеко не интересно. В экипаж можно было ходить не каждый день,

и часто туда наведывались лишь для того, чтобы убить время и встретиться с другими офицерами.

Прошел месяц, другой... Колчак вошел в колею новой жизни и сам убедился, что к службе никакой энергии прилагать не стоит, это даже вредно, поскольку будет встречено недружелюбно, как нарушение испокон веку установившихся добрых патриархальных обычаев.

Его дежурства протекали до чрезвычайности однообразно и скучно. Приходилось проводить круглые сутки в экипаже в мундире, спать одетым на диване и есть подогретые завтрак и обед из офицерской столовой. Обязанности были несложными: принимать сменные рапорты дежурных по помещениям унтер-офицеров, встречать и провожать командира экипажа и изредка обходить помещения, следя за порядком. Хорошо налаженный распорядок жизни не нарушался, и все делалось совершенно автоматически. Наверное, в экипаже существовала и закулисная сторона жизни, но в нее Колчаку проникнуть не удавалось. Да и была ли в этом необходимость? Если иногда матросы удирали в город, может быть, играли в каты и пьянствовали, то это делалось так шито-крыто, по-семейному, что внешне ничего не было заметно.

Итак, служба Александра Колчака во флотском экипаже протекала вполне благополучно, но и ничем особым не отличалась. Служба как служба, не хуже и не лучше, чем у других, а потому и рассказывать тут вроде бы нечего. Тянулись нудные, ничем не примечательные дни.

...16 августа 1895 года мичман Колчак назначается в свое первое заграничное плавание на Дальний Восток на борту только что построенного броненосного крейсера «Рюрик». На нем Колчак был сначала помощником вахтенного начальника, вахтенным офицером, а с 1 января 1897 года исполнял должность младшего штурмана.

Необъяснимая печаль тревожит сердце каждого моряка, когда позади в утреннем тумане остаются родные берега. Вот уже далеко за кормой остров Даго. Вышли на морские просторы. Балтика встретила не очень ласково. Под вечер погода испортилась, море заволновалось. На верхней палубе — никакого движения. Только на ходовом мостике — вахтенный началь-

ник, его помощник мичман Колчак, сигнальщик, да штурман прохаживается от борта к борту. Колчак молчит, напряженно уставившись в туманную даль, пытается справиться с растущим возбуждением. Сбываются мечты! Он жадно вглядывается в безбрежный простор, стоит как зачарованный.

А море все то же — густо-синее, с белыми завитками на волнах, горизонт в дымке. Ни лодки, ни паруса. Только чайки без усталости кружат над крейсером, то обгоняют корабль, то отстают, напуганные черным дымом, клубами вырывавшимся из труб, отлетавшим в сторону.

— Мичман Колчак, идите в кают-компанию... Тут холодно, — приказал вахтенный начальник, легонько тронув за плечо.

В кают-компании несколько офицеров. Они оживленно рассказывают истории из петербургской светской жизни, приключения, случавшиеся с ними в дальних плаваниях. Колчак скромно сидел в сторонке и внимательно слушал — ему пока нечего было рассказывать. Покачивание корабля убаюкивало...

Солнце еще не взошло, но горизонт за кормой крейсера уже порозовел. Рядом — датские и немецкие территориальные воды. Слева показался берег. Он еще расплывчатый, местами то вырисовывается темной полоской, то исчезает, но неумолимо наступает на море. Появились рыбацкие поселки и портовые города Германии, по морю сновали пароходы, катера, парусники. «Рюрик» входил в пролив шириной в сорок, а в некоторых местах — и того более миль, отделявший датские острова от материка. Колчак стоял возле борта и смотрел на первую увиденную им чужую страну...

Когда «Рюрик» выходил из пролива Скагеррак, его обогнал немецкий эскадренный миноносец. Он шел двадцатипятиузловым ходом, расстилая по морю тяжелые черные тучи дыма. Корабль быстро исчез за горизонтом, но часа через два показался снова. «Рюрик» дал встречный гудок и в знак приветствия первым приспустил флаг. На немецком эсминце ответили тем же. Что тогда чувствовал Колчак, судить не беремся. Видимо, гордость за российский флот да и за себя. А через девятнадцать лет он — уже морской волк, сполна испивший чашу нелегкой морской жизни, — будет беспощадно истреблять немецкие корабли, вкла-

дая в это все свое умение и ненависть к врагу. Может, и этот немецкий миноносец погибнет по воле Колчака...

Северное море оставило неприятные воспоминания. Больше суток свирепствовал шторм. И только когда входили в Па-де-Кале (Дуврский пролив), море начало утихать.

На горизонте забелели крутые меловые берега Англии. Уже хорошо видны прибрежные скалы, к которым прижалась кучка домиков. Они то появлялись над гребнями волн, то исчезали за водяными валами. На противоположной стороне маячили берега Франции.

Вторые сутки «Рюрик» идет на юго-запад. Однообразие жизни на корабле нарушается только тем, что иногда встретят «кушца» или рыболовную шхуну. Пройдя через Гибралтарский пролив, крейсер вошел в Средиземное море. Дальше его путь лежал через Суэц и Индийский океан на Дальний Восток...

Во Владивостоке мичман Колчак 17 июня 1897 года переводится на крейсер «Крейсер», где служит вахтенным начальником и (с 1 октября 1898 года) старшим штурманом. Списан с «Крейсера» 30 мая 1899 года по прибытии в Кронштадт из заграничного плавания.

Адмирал Г. Ф. Цывинский — командир «Крейсера», вспоминал о мичмане Александре Колчаке:

— Это был необычно способный, знающий и талантливый офицер. Обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений.

Здесь необходимо добавить, что во время плаваний в водах Тихого океана (в основном корейских и китайских) Колчак заинтересовался индийской и китайской философией. Чтобы иметь возможность читать произведения восточных мыслителей в подлинниках, он стал самостоятельно изучать китайский язык. Соприкосновение с миром Востока сыграло впоследствии большую роль в его жизни.

В интенсивной учебе под руководством опытных моряков прошли первые годы службы на флоте. Они заложили хорошую основу для дальнейшей деятельности Александра Васильевича как ученого, мореплавателя и морского офицера.

6 декабря 1898 года он был произведен в лейтенан-

ты. В этом звании ему предстоит пробыть около восьми лет — до 1906 года. Тут нужно пояснить, что в то время на флоте существовало всего четыре офицерских звания — мичман, лейтенант, капитан II и капитан I ранга. В 1906 году ввели звание капитан-лейтенанта (просуществовало до 1912 года), а в 1907 году — старшего лейтенанта. Звание капитан-лейтенанта Колчак получил только осенью 1906 года из-за перехода на службу в Российскую Академию наук, о чем речь пойдет ниже. Но в русском флоте звание лейтенанта котиновалось очень высоко, и лейтенанты нередко командовали крупными кораблями.

Знакомство с письмами, дневниками, воспоминаниями Колчака и близко знавших его людей убеждает: на исходе прошлого и в начале нынешнего века все деяния Александра Васильевича Колчака были окружены романтическим ореолом. Тогда он был одержим желанием послужить Отечеству, приумножить его могущество — открыть неведомые земли. Поэтому и рвется в полярные экспедиции.

Позже он рассказывал:

— Во время моего первого плавания главная задача была чисто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанологии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время; писал записки, изучал южно-полярные страны. У меня была мечта найти Южный полюс...

По некоторым сведениям, эта мечта зародилась у него рано, еще в годы учебы в Морском кадетском корпусе. «Еще будучи в корпусе, — пишет А. В. Колчак в своей автобиографии, — и во время плавания на Восток, я интересовался океанографическими исследованиями в полярной области. Моим всегдашним желанием было снарядить экспедицию для продолжения работ в Южном Ледовитом океане, начатых нашими знаменитыми исследователями адмиралами Беллинсгаузеном и Лазаревым».

Колчак имеет в виду кругосветную экспедицию под руководством Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена в 1819—1821 годах на шлюпах «Восток» (командир Беллинсгаузен) и «Мирный» (командир Лазарев) с целью исследования Антарктики и открытия неизвест-

ных земель. За время плавания, пройдя около 50 тысяч морских миль, экспедиция открыла в 1820 году Антарктиду и ряд островов в Атлантическом и Тихом океанах. После 851-дневного похода экспедиция вернулась в Кронштадт.

Эта «мечта» и это «всегдашнее желание» постоянно будоражили воображение молодого человека, и Колчак утверждает в намерении участвовать в экспедициях, заняться наукой — океанографией, гидрологией.

После возвращения в Кронштадт из плавания в водах Тихого океана Александр публикует в 1899 году в «Записках по гидрографии» свою первую научную статью «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 года по март 1898 года».

Но Александр Васильевич так и не попал в плавание по южной полярной области земного шара — Антарктике.

А желание заниматься научной деятельностью захватывало его все больше. Еще во время плавания на «Рюрике» и «Крейсере» он даже «подумывал о выходе из военного флота и о службе на коммерческих судах».

Не попал Колчак и к вице-адмиралу Степану Осиповичу Макарову на ледокол «Ермак».

В 1886—1889 годах Макаров, командуя корветом «Витязь», совершил кругосветное плавание, во время которого проводил систематические океанографические работы в Тихом океане. Результаты этих работ он обобщил в труде «„Витязь“ в Тихом океане» (издан в 1894 году в Петербурге). Этот труд принес ему мировую славу ученого-океанографа. Ознакомился с опубликованными результатами экспедиции Макарова и Колчак, понял — у них общие интересы. Но встретиться им не удалось: Макаров в 1894 году ушел в свое второе кругосветное плавание — из Петербурга в Средиземное море, через Суэцкий канал на Дальний Восток, а затем в 1896 году через Тихий океан в Северную Америку и через Атлантику вернулся в Россию. Колчак в это время тоже плавал в том районе, но им опять не суждено было встретиться. И вот Макаров в Кронштадте, готовит новую экспедицию, на сей раз в Арктику на ледоколе «Ермак», построенном под его непо-

средственным руководством на верфи Армстронг в Ньюкасле (Англия).

Когда в мае 1899 года лейтенант Колчак вернулся в Кронштадт, он наконец-то встретился там с вице-адмиралом Макаровым. Узнал, что тот собирается в свою первую полярную экспедицию. Колчак близко познакомился со Степаном Осиповичем, просил Макарова взять и его с собой, хотел даже выйти в отставку. Но по служебным обстоятельствам вице-адмирал не смог этого сделать и, к обоюдному сожалению, «Ермак» ушел без Колчака. Осуществление мечты о плаваниях в полярных водах отодвигалось на неопределенный срок.

Лето Колчак проплавал в российских внутренних водах на крейсере Морского кадетского корпуса «Князь Пожарский». «Худшее, что только я мог представить», — сокрушался он. Это его не устраивало. Почему? Его манило и влекло, как плененную птицу из клетки на волю, на простор Мирового океана. Ему не сиделось на месте. Там, в океане, он находил применение своей неистраченной энергии, своей мятущейся деятельной натуре. Там открывались новые земли.

И он решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, ему удастся попасть в какую-нибудь экспедицию, — его заинтересовала в гидрологическом отношении северная часть Тихого океана. Видимо, после продолжительных разговоров в Кронштадте с вице-адмиралом Макаровым, под влиянием его авторитета научный интерес Колчака переключился на север Российской империи.

Колчак упорно стремился попасть на любое судно, которое уходило для охраны китового промысла на Командорские острова, к Берингову морю или на Камчатку.

В мучительном ожидании и тревогах проходили дни. Мрачноватое облачко тоски и внутренней неудовлетворенности постепенно разрасталось в грозную тучу.

И вот наконец-то он добился назначения на эскадренный броненосец «Петропавловск», который уходил в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток. В сентябре Колчак прибыл в греческий порт Пирей...

ОТКРОЙТЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС и взгляните на карту Восточной Якутии. На самом ее севере есть мыс Святой Нос, а за ним — Новосибирские острова. К северу от мыса лежат Большой и Малый Ляховские острова, а еще севернее, через пролив Санникова, — остров Котельный — холмистая тундра. К востоку каменные холмы сменяются ровным песчаным пляжем (Земля Бунге), который в начале XIX века первым пересек русский промышленник Яков Санников. Искал он песцов и мамонтовую кость, оставшуюся тут в изобилии от ледниковой эпохи. Только отличался Санников неумной страстью и к поиску новых земель. Вот и теперь за песчаным пляжем обнаружил он пролив, а за ним — огромный остров из песка со льдом (правда, называется он Фаддеевским — по имени другого промышленника, пришедшего сюда позже). Пройдя весь остров, Санников вновь увидел пролив, а за ним новую неизвестную землю. Вскоре он попал туда, но дать название этой земле и проливу снова пришлось не ему. Ссылный Матвей Геденштром окрестил пролив Благовещенским, а землю — Новой Сибирью.

Новая Сибирь оказалась низменным и заболоченным островом, с выдававшимся у Благовещенского пролива далеко на север в океан каменным кряжем — мысом Высокий. Санников взошел на этот мыс весной 1810 года и в сверкающей ледяной дали увидел на северо-востоке синеву, похожую на отдаленную землю. Однажды так уже было, и ему посчастливилось открыть остров. Но сейчас его путь к этой синеве прервала бескрайняя — вправо и влево — полынья.

Больше в той стороне земли не наблюдали, зато сам Санников якобы явственно видел гористую сушу к северу и северо-западу от Котельного. Складывалось впечатление о существовании нового большого материка. Добраться до него мешала все та же бескрайняя полынья. Но как было не верить тому, кто открыл уже так много островов?

И отважные мореходы и путешественники один за другим отправлялись на поиски этого загадочного кусочка суши. Но возвращались ни с чем. Или не возвращались вовсе.

«Земля Санникова» долго служила предметом жар-

ких споров ученых и жила на картах более ста лет, однако оказалась одним из самых таинственных миров, когда-либо возникавших на пути человека.

А вот на северо-востоке от мыса Высокий синева, которую видел Санников, действительно оказалась скалистой землей. В 1881 году туда пришел американский полярник Джордж Де-Лонг, искавший путь к полюсу, и нарек ее именем газетчика Беннетта, оплатившего экспедицию.

Версия о существовании «Земли Санникова» нашла горячего сторонника в лице потомка обрусевших эстляндских баронов молодого геолога Эдуарда Васильевича Толля, фанатика Севера. В 1885—1886 годах Толль участвовал в руководимой А. А. Бунге экспедиции Петербургской Академии наук на Новосибирские острова, которые он вдоль и поперек исходил по топкой тундре, по рыхлому снегу, по лопнувшему от лютой стужи льду. Толль, так же как и Санников, наблюдал с острова Котельный далеко в море очертания неизвестной загадочной земли, мечтал попасть на остров Беннетта, чтобы оттуда начать ее поиск.

«Земля Санникова» мешала спать не только Толлю. Нашлись конкуренты: американцы, а канадский исследователь Бернье заявил, что во время следующей ледовой экспедиции «Земля Санникова» будет его опорной базой. Надо было спешить.

Петербургская императорская Академия наук решила организовать Русскую полярную экспедицию на шхуне «Заря» под начальством Толля. Экспедиция должна была продолжить исследование Новосибирских островов, попытаться разыскать «Землю Санникова» и — второй раз в истории мореплавания — пройти Северным морским путем в Тихий океан.

Толль обратил внимание на научные работы Александра Колчака по океанографии, сыграли свою роль и положительные отзывы о нем вице-адмирала Макарова. Посодействовал и академик Ф. Б. Шмидт — ранее Колчак обращался к нему с просьбой узнать, можно ли попасть в экспедицию. Барону нужны были морские офицеры. Он выбрал трех, среди которых оказался и лейтенант Колчак. Выбирал не по послужному списку, а по способностям, знаниям, энтузиазму.

Во время стоянки корабля в порту Пирей Алек-

сандр Васильевич совершенно для него неожиданно получил предложение от барона Толля принять участие в экспедиции в качестве гидролога. Предложение Колчак принял немедленно. В декабре Морское министерство откомандировало его в распоряжение Академии наук.

Из Пирея Колчак срочно выехал в Одессу, затем в Петербург и в январе 1900 года явился к Толлю.

Познакомив Колчака с ходом подготовки экспедиции, ее задачами и составом, Толль предложил ему, кроме гидрологии, взять на себя еще и должность второго магнитолога экспедиции, а точнее, стать помощником участника экспедиции Ф. Г. Зееберга — специалиста по магнитологии. Колчак согласился. Готовясь к дальнему суровому плаванию, он усиленно изучает магнитологию в Главной физической обсерватории в Петербурге, а затем в течение трех месяцев в Павловской магнитной обсерватории «усиленно занимается практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма».

В Норвегии, где была куплена и оборудована «Заря» (бывшая китобойная шхуна «Гаральд Гарфагер»), Колчак учится работать с новыми методами магнитологии у известного норвежского путешественника Ф. Нансена, друга барона Толля.

Позже Эдуард Васильевич Толль отмечал, что Колчак «не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии»; «наш гидрограф Колчак прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции»; «...научная работа (имеются в виду гидрологические работы, которые проводил Колчак. — *Авт.*) выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого».

...Множество глубоко запечатлевшихся в памяти образов и нахлынувшие за последнее время впечатления так громоздились друг на друга, что Колчаку никак не удавалось привести свои мысли в порядок. Во всяком случае достоверно одно — положено начало экспедиции, которой он так долго ждал. Однако начало ли? Правильно ли это слово? Когда же именно было положено начало? Было ли это во время первого большого плавания Колчака в водах Тихого океана,

когда он увлекся океанографией и гидрологией? Или несколько позже — во время встреч с адмиралом Макаровым, когда молодой лейтенант мысленно видел себя на палубе «Ермака» в полярных широтах? Что считать началом?

Как бы там ни было, фактически экспедиция началась 21 июня 1900 года.

В теплый ясный летний день в 14 часов «Заря» под флагом Невского яхт-клуба снялась с якоря в Петербурге у 17-й линии на Неве, где стояла у набережной двадцать два дня, и взяла курс на Кронштадт (там 15 мая шхуна впервые бросила якорь после прибытия из Норвегии). Мало-помалу исчезли за кормой лица друзей, собравшихся на набережной и на окружавших «Зарю» пароходах и лодках. Вслед шхуне еще долго неслись прощальные приветствия и крики «ура».

В Кронштадте пополнили запасы угля, погрузили дополнительно кое-что из научного оборудования, купили для команды книги по русской литературе, театральные пьесы. На борт «Зари» прибыл главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Степан Осипович Макаров, с которым Толль в 1899 году на ледоколе «Ермак» плавал к берегам Шпицбергена. Увидев Колчака, адмирал крепко пожал ему руку и воскликнул:

— Ну, вот... Добились своего. Дай Бог, в добрый час!

«Заря» снялась с якоря и неторопливо пошла мимо стоявших на рейде судов, с которых ее громко приветствовали матросы. Погода стояла великолепная. На большом рейде Макаров, а также родственники некоторых членов экспедиции, распрощались с командой и сошли на адмиральский корабль.

Позади советы и напутственные речи, приемы, торжественные обеды, прощальные залпы салюта. Сам император Николай II почтил своим визитом маленькое суденышко, отправлявшееся в полярные льды.

После коротких стоянок в Ревеле (Таллинн), Бергене, Тромсё обогнули северную оконечность Европы, и характерные горы Норвегии с их готическими зубцами уступили место плато. Пересекли Варангерфьорд и снова оказались в России, у ее северных берегов. 24 июля «Заря» зашла в гавань Александровска-

на-Мурмане — Екатерининскую гавань, где простояли неделю. За это время ознакомились с работами на борту «Андрея Первозванного» (судно научно-промысловой экспедиции под начальством Н. М. Книповича), купили собак, получили и отправили последнюю почту, совершили интересный и поучительный рейс в Ура-губу, где осмотрели маленький и довольно пустынный городок.

Наконец в пять часов вечера 31 июля снялись с якоря в Екатерининской гавани и вышли в Баренцево море, взяв курс на остров Колгуев.

Молодой флотский офицер, стоя на баке, тщетно пытался сохранить на лице невозмутимость английского джентльмена. Попасть в Первую русскую арктическую экспедицию! Ему все-таки здорово повезло...

В районе Колгуева взору Александра Колчака открылась прекрасная картина — зеркальная водная поверхность, легкий восточный бриз; несколько полос плавучего льда, которые, благодаря преломлению лучей, принимали самые причудливые очертания. Из кают-компании доносились звуки пианино, на котором помощник командира судна Н. Н. Коломейцева лейтенант Ф. А. Матисен играл Шопена, Мендельсона и Чайковского.

Продвигаться приходилось все с большей осторожностью, так как карты не отличались особой точностью. Да и ледовая обстановка в Карском море, особенно у Таймырского побережья, была тяжелой. Все чаще и чаще встречались дрейфующие льды, огромные ледяные массивы.

Однажды с палубы раздались яростные крики: «Белый медведь!.. Два... Нет... Три медведя!..»

Колчак высочил из лаборатории, где делал ареометрические определения проб воды, и застыл у борта. Он часто читал, как полярные исследователи описывали свои первые встречи с «властелинами севера»: «Этот царь ледяных просторов Арктики рассматривал с гордо поднятой головой приближающихся пришельцев, затем с негодованием отворачивался и недовольно отходил». Или еще что-то в том же роде. В данном случае все было не так.

Медведи на огромной льдине не обращали на людей ни малейшего внимания: один безмятежно спал,

другой проснулся, видимо, от шума двигателя «Зари» или от истошных криков, медленно поднялся, повернулся широкой спиной к судну, затем без всякого стеснения привел себя в порядок и улегся снова спать.

В конце августа стали появляться признаки скорой зимы. У островов Норденшельда «Заря» попала в полосу сплошного тяжелого льда, преградившего ей путь. Колчак на паровом катере отправился обследовать окрестности. Результаты были неутешительными: пройти дальше на восток не удастся. Толль заговорил о предстоящей зимовке.

Все были в прекрасном расположении духа. В самом деле, им не на что было жаловаться: отлично оборудованное судно, тепло, светло, хорошая пища. В выдержке, так необходимой в условиях полярного плавания, в терпении пока не ощущалось недостатка, по крайней мере у Толля и Коломейцева. Меньшим запасом терпения, оказалось, обладал Колчак: он считал окружавшую «Зарю» местность отвратительной, не сулившей ничего интересного и не имевшей полярной специфики — такую он мог бы найти и в окрестностях Петербурга. В сентябре он неоднократно плывал на катере к ледяному барьеру, осматривал, исследовал, изучал лед и каждый раз убеждался, что Толль прав: завершилась первая часть экспедиции — плавание через Карское море до Таймырского полуострова.

Ледовый плен продолжался более одиннадцати месяцев. В это время Колчак совершает — когда на собачьих упряжках, когда на лыжах, — неоднократные поездки по побережью и вглубь материка, проводит маршрутную съемку и барометрическое нивелирование, выступает с докладами перед командой «Зари» по истории Великой Северной экспедиции.

Во второй половине октября Колчак участвует в поездке Толля к фиорду Гафнера для устройства там продовольственной базы. Когда они днем достигли восточной части фиорда, то были поражены северным сиянием — самым величественным из всех небесных явлений. Толль описал это событие так: «В полдень солнце поднялось до горизонта, но, уклонившись за мгlistой пеленой, осветило лишь на короткое время местность. В 2 часа 30 минут (27 октября. — *Авт.*),

когда солнечный диск скрылся за горизонтом, на противоположной стороне засветилась широкая розово-красная дуга, окаймлявшая нижележащий темно-синий сегмент неба. Эта дуга медленно угасала, чтобы уступить место темно-фиолетовой завесе, достигшей полного свечения к 3 часам дня. Эта изумительная по красоте картина наблюдалась на северном небосклоне на высоте около 30° над горизонтом. От ярко окрашенного заднего фона резко отделялся белоснежный ландшафт фиорда. Плоская возвышенность горы Кельха выделялась своей слегка заалевшей, позже нежно-фиолетовой вершиной, на снегу играли самые разнообразные оттенки, соответствующие раскраске неба. Вдали можно было различить крутой берег в виде узкой темной полосы».

Во время этого путешествия Колчаком была определена истинная форма Таймырской губы. После его съемок и описаний береговая линия западного Таймыра и соседних островов приобрела на картах совершенно новые очертания.

Астроному и магнитологу немцу Ф. Г. Зеебергу Александр Колчак помогал организовывать и вести наблюдения — магнитные и астрономические. Для этого построили специальный снежный домик на небольшом острове вблизи «Зари»: стены и потолок укрыли парусиной, поставили керосиновую печь, которая поддерживала температуру от нуля до плюс трех градусов.

Колчак систематически наблюдал за состоянием льдов, вел топографические работы, контролировал ежечасный отсчет прилива, занимался другими научными наблюдениями и исследованиями.

А в апреле — мае 1901 года он совершает с Толлем 41-дневную 500-верстную санную поездку по Таймыру. Оба едва не погибли от голода, поскольку барон не мог найти им же оставленные в предыдущих поездках склады продовольствия.

Колчак сильно ослаб за это время. Держаться многие дни на сокращенном пайке и при этом тащить сани, проваливаясь в глубокий снег, и безостановочно окликать собак при встречном ветре, когда они не слышат окрика, — для этого требовалось огромное напряжение физических сил и воли. Но Колчак выдержал это испытание.

Когда 31 мая они вернулись на «Зарю», попали как раз к завтраку. Наскоро умывшись и приведя себя в порядок, сели за стол и почти целиком выполнили программу еды, тщательно составленную ими еще в пути, когда они только мечтали утолить голод.

Немного отдохнув, Колчак предпринимает новые путешествия: к заливу Актиния, на гору Негри, на остров Таймыр. За это время он — по свидетельству Толля — «округлился и растолстел».

Лишь в августе 1901 года экспедиция достигла самой северной точки Евразии — мыса Челюскина. Затем — плавание в водах моря Норденшельд (ныне море Лаптевых) к предполагаемому местонахождению «Земли Санникова». Толль обещал премию тому, кто первым увидит ее. Но — увы... Сколько ни всматривались в трубы и бинокли, «Землю Санникова» так и не увидели. Много раз меняли курс, но все бесполезно. Земли не было...

А тут неожиданно разыгрался шторм, да такой сильный, что «Заря» легла в вынужденный дрейф. На всякий случай приготовили провизию и шлюпки. Опасность усугублял густой туман. Но, как ни странно, это лишь вселило новую надежду в барона Толля:

— Теперь совершенно ясно, что можно было десять раз пройти мимо «Земли Санникова», не заметив ее, — говорил он команде, когда «Заря» была вынуждена покинуть пояс льдов.

Быстро приближалась зима. Температура воздуха упала ниже нуля, появился блинчатый лед — предвестник ледостава. Толль решил предпринять еще одну попытку проникнуть к предполагаемой «Земле Санникова». В сентябре он увидел остров Беннетта милях в пятнадцати. После Де-Лонга на нем двадцать лет не бывал никто, не смог попасть и Толль — льды не пустили. Тогда он решил зазимовать на острове Котельном, а при наступлении короткого полярного лета продолжить поиски загадочной земли. «Заря» ушла зимовать на Котельный.

Вторую зимовку экспедиция провела в лагуне Нерпалах, на западном берегу Котельного. Затертая льдами «Заря» стала геофизической и метеорологической станцией.

Как и во время прошлой зимовки, на «Заре» был установлен твердый распорядок дня. Начались систе-

матические научные наблюдения, в которых Александр Колчак принимал самое активное участие. «Заря» стояла близко от берега, и он — где со спутниками, а где и в одиночку, — пересек остров Котельный, проехал поперек Земли Бунге от устья реки Балыктах до южного берега острова Фаддеевского, совершал поездки по льду к северу и западу от острова Бельковского и даже открыл остров, названный именем Стрижева.

Добавим, что экипаж «Зари» состоял из матросов военного флота и обязанностью всех трех офицеров было поддержание порядка и дисциплины на судне. Колчаку удавалось это лучше других, без оскорблений, характерных для командира «Зари» Н. Н. Коломейцева: не случайно Толль считал Колчака «лучшим офицером» экспедиции. Из-за конфликта с Толлем Коломейцев будет вынужден покинуть шхуну, и командиром станет Ф. А. Матисен, а Колчака назначат старшим офицером — первым помощником командира.

В января 1902 года Колчак неожиданно слег с высокой температурой: из-за постоянного переохлаждения у него развился периостит (воспаление надкостницы челюсти) верхней челюсти. Свою роль в этом сыграла и привычка высказывать из парной бани не одетым на мороз и валяться в снегу. Но молодой организм быстро справился с недугом, и к концу месяца Колчак опять бодр и здоров, продолжает ходить в короткие научные маршруты по Котельному, а в мае уезжает с напарником на остров Бельковского.

Зимовки «Зари» явились для Колчака первым курсом его «полярных университетов». Он научился управлять собаками, охотиться на диких оленей, изучил особенности арктической стихии. Расширению его кругозора во многом способствовало чтение книг из библиотеки «Зари» и беседы на научные темы, которые ученые регулярно проводили с командой. В кают-компании часто разгорались оживленные споры на философские темы, когда сталкивались самые различные взгляды и мнения. Главными их участниками были лейтенант Колчак, по свидетельству Толля «человек очень начитанный», и зоолог А. А. Бируля (Бялыницкий-Бируля).

Многое почерпнул молодой лейтенант и из личных бесед с глазу на глаз с Толлем в часы совместных дежурств и путешествий по неприветливой тундре по-

бережья. Ученый часто говорил о счастливой доле исследователя — первооткрывателя новых земель, о своей готовности отыскать «Землю Санникова», хотя бы для этого потребовалось отдать жизнь. Рассказы Толля возбуждали в Колчаке желание испытать свои силы в борьбе с природой, посвятить себя благородному делу — исследованию неведомых еще пространств российского Севера.

Пристрастил барон Колчака собирать геологический и биологический материал. Поучал:

— Едва отколешь образец, сразу молоток — в порту, на обломок — этикетку, в тетрадь — запись. Ничего на память, все — как в вахтенном журнале.

Лейтенант-гидрограф, придирчивый к матросам, с собаками был и вовсе строг, а дикого зверя и птиц рассматривал лишь через прорезь своей «пушки» — крупнокалиберной, 4,5-килограммовой двустолки. В кают-компани Колчак не раз с живым юмором рассказывал о своих охотничьих переживаниях и наблюдениях за жизнью животных. В поездках с Толлем он полюбил лающую и скулящую братию, а под конец даже сам уговаривал Толля не убивать больных собак, класть их на нарты — авось отлежатся. А в усатых моржей прямо-таки влюбился и на мушку не брал.

Желая увековечить заслуги Александра Колчака, барон Толль назвал его именем мыс и один из вновь открытых островов у берегов Таймыра (в конце 30-х годов остров переименовали в Расторгуев — по фамилии матроса с «Зари», а мысу дали имя писателя К. К. Случевского).

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ БАРОН ТОЛЛЬ все чаще стал отдыхать, как он сам признавался, от внутренней «борьбы». Ложился на медвежью шкуру и мечтал. Мечтал о далеком...

Его сжигала страсть — найти «Землю Санникова». Он стремился туда, верил в возможность существования легендарной земли — еще не открытого северного материка.

Зима, которая, как он ожидал, пробудит в нем интерес к работе, наступила, но большого желания работать у него не было. Естественное ли это следствие второй полярной ночи? Вполне возможно, что

и так. Но довольно! Он должен взять себя в руки, чтобы следовать к намеченной цели. Он обязан внести свой небольшой вклад в науку — добавить хотя бы несколько букв в трудночитаемую книгу о законах природы. По меньшей мере, должен собрать материал для его дальнейшего изучения лучшими учеными в области естествознания.

Приятные минуты доставляло ему чтение труда немецкого философа Рудольфа Эйкена «Мировоззрение великих мыслителей». Многие мысли и другого немецкого философа Иммануила Канта оказались созвучны его жизненному идеалу:

«Жизнь не может идти путем постепенного, спокойного развития вперед, она полна напряжения неотступной борьбы».

«Добродетели, которые не борются со злом в самом его корне, являются сплошным убожеством».

«Призывать решимость и мужество значит уже наполовину себе внушить. В противоположность этому малодушный и праздный образ мыслей, уповающий на помощь извне, расслабляет все силы человека и делает его недостойным этой помощи».

Добродетелями, которые Кант считает важнейшими у человека, являются: правдивость и справедливость. «...Первая направлена преимущественно к самому действующему лицу, последняя к своему ближнему. Правдивость означает полную откровенность перед самим собой, означает поступки, основанные на личном убеждении и самостоятельных решениях, но не на чужом авторитете!»

Видимо, эти философские рассуждения упали на благодатную почву научного авантюризма и тщеславия и дали буйные всходы. В результате Толль принимает роковое решение. Обычно мягкий и заботливый, он был готов ради своей мечты принести в жертву все и всех, тогда как другие члены экипажа вовсе не считали своей главной задачей поиск «Земли Санникова».

Для Толля — сухопутного штатского человека — «Заря», по его же собственным словам, не более как «временное жилище и склад продовольствия», а команда и морские офицеры смотрели на это иначе, по мере возможности берегли судно. Конечно, спорить с начальником экспедиции было не резон. «Ежедневно радуюсь тому миру и спокойствию, — писал в своем

дневнике Толль, — которые царят у нас: никаких неприятностей, никакого неудовольствия среди команды, никаких недоразумений!.. Ее безукоризненным поведением был доволен даже Колчак...» А как же возникшая еще в начале плавания, у норвежских берегов, холодность в отношениях с первым командиром шхуны Коломейцевым, которая вскоре привела к фактическому списанию лейтенанта на берег под благовидным предлогом создания в течение двух летних сезонов угольных складов для «Зари» на Диксоне (у устья Енисея) и на Котельном? Лукавит здесь начальник экспедиции.

Да и новый командир «Зари» лейтенант Матисен проявил твердость, когда не смогли подойти к острову Беннетта и, еле вырвавшись из льдов, с трудом добрались до бухты на западном берегу Котельного. Кругом шторм, сильный снег, в трюме течь, помпы надо чистить, двигатель тоже, угля в обрез, команда с ног валится, а барон снова хочет идти на остров Беннетта. Тогда Матисен положил на стол начальнику список неисправностей — так, мол, и так, выйти в море никак нельзя. Скис барон, захандрил, увлекся Кантом. Тогда и загорелся новой идеей, уже совсем сумасшедшей, — идти на Беннетта небольшой группой.

Толль регулярно отправлял людей в короткие научные маршруты. Как-то в мае на «Заре» остался лишь один офицер — лейтенант Матисен (Колчак с матросом Стрижевым ушел в глубь острова). Ему-то и рассказал барон о задуманном путешествии: с Зеебергом и каюрами Н. Протодяконовым и В. Гороховым он собирался на нартах и легких байдарках пересечь Котельный, перейти на Новую Сибирь и уже с нее отправиться на остров Беннетта.

— Мне нужен только один ясный день, — объяснял Толль лейтенанту, — чтобы с вершин Беннетта осмотреть северный горизонт и увидеть «Землю Санникова».

Матисен пытался отговорить барона от столь рискованной экспедиции, пытался возражать:

— Как начальник, вы не имеете права оставлять судно и подчиненных.

Но Толль предпочел все-таки бросить «Зарю».

— Вспомните, Федор Андреевич, основную цель нашей экспедиции. Это не сбор геологических образцов и не охота на белых медведей. Мы можем дис-

кутировать сколько вам угодно, но своего решения я не изменю. Для меня путь домой лежит только через гавань Беннетта, — закончил обсуждение Толль. — Летом, по чистой воде, «Заря» заберет нашу партию.

«Толль не хотел больше плавать на судне, а просто хотел от него избавиться», — так понял решение барона лейтенант Матисен.

Перед отъездом Эдуард Васильевич Толль оставил инструкцию Матисену, согласно которой «Заре» с наступлением навигации следовало попытаться достичь острова Беннетта. «Предел времени, когда вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннетта, — писал он Матисену, — определяется тем моментом, когда на «Заре» будет израсходован весь запас топлива до 15 тонн угля. Если поиски наших следов приведут к отрицательным результатам, сразу возвращайтесь в бухту Тикси...» Далее необходимо было через Сибирь вернуться в Петербург, привезти туда собранные коллекции и немедленно начать организацию новой экспедиции. Сам Толль рассчитывал самостоятельно вернуться на Новосибирские острова, где ему в условленных местах должны были оставить склады продовольствия, а затем к устью Лены.

Покинув «Зарю» 23 мая, группа Толля обехала на собаках северные берега островов Котельного и Фаддеевского, переправилась через Благовещенский пролив и 21 июня достигла мыса Высокого на острове Новая Сибирь, а оттуда через неделю направилась к острову Беннетта, преодолевая трудности продвижения по битому льду и перетаскивая байдары волоком по плавающим льдинам. 21 июля высадились на острове Беннетта у мыса Эммы.

После отъезда группы Толля жизнь на судне пошла своим чередом. Вернулся с Земли Бунге Колчак. «Иногда мы с гидрографом подолгу засиживались вечером, — писал позже врач экспедиции, бывший политический ссыльный Катин-Ярцев, — клубы дыма наполняли кают-компанию, и дыма не очень ароматного. Табак мы курили третий сорт, запас которого был неистощим, а папиросную бумагу употребляли, какую могли найти...»

Позднее Александр Колчак трезво оценил поступок своего начальника: «Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду,

и потому пошел на это предприятие». Пошел, чтобы больше не возвращаться...

«Заря» оставалась зажатой льдами в лагуне Нерпах до начала июля, когда смогла наконец выйти по свободной воде во внешнюю полынью и стать там на якорь. Свыше месяца шхуна боролась со льдами и только в середине августа смогла совершить попытку обойти с севера остров Котельный и подойти к острову Новая Сибирь. Попытки «Зари» пробиться к Беннетта не увенчались успехом. Лед стоял стеной. Наступил сентябрь, угля осталось восемь тонн — только дойти до устья Лены. Матисену стало ясно, что придется отказаться от дальнейших попыток снять группу Толля с острова Беннетта. Тогда «Заря», выполняя приказ начальника экспедиции — доставить ученых и команду судна на материк для возвращения на родину, — искалеченная льдами, повернула на юг и еле доползла до устья реки Лены в бухту Тикси, на вечную стоянку. Авось Толль перезимует, если успел запастись дичью. Отсутствие угольной базы как в устье Лены, так и на острове Котельном лишало экспедицию возможности провести третью зимовку.

В Тикси перегрузили с «Зари» на единственный на Лене старый пароход «Лена» собранные коллекции и имущество экспедиции, пересели сами и отправились на юг — в Якутск, затем в Иркутск.

На остров Беннетта Толль взял только Зееберга да двух каюров — Н. Протодяконова и В. Горохова. С ними и ушел. Взял бы, конечно, и Колчака — сначала так и собирался сделать. Но нельзя же оставлять в ледовом плавании судно без опытного и авторитетного офицера, к тому же выносливого и волевого. Будь рядом с Толлем Колчак, все могло бы сложиться по-другому...

И вот лейтенант плывет в теплой каюте по широкой сибирской реке, а на острове Беннетта люди приходят на берег, долго и напряженно всматриваются в туманную даль, ожидая помощи. Кому, как не ему, следует теперь спасти начальника.

Полярники, два года видевшие только робкую зелень под сапогами и только коротким полярным летом, целыми днями глазели с палубы «Лены» на проплывавшие мимо сопки — огненные, с полнеба, ковры лиственничной тайги с темными вкраплениями благо-

родного кедра. Только Александр Колчак, никогда не видевший Сибири, пластом лежал в каюте.

В селе Булун, в низовьях Лены, все пошли в баню, где тянуло сквозняком. Здоровенные бородачи только остервенело ругались — то ли дело на «Заре» баня! — а вот щуплый лейтенант простудился и слег с тяжелой ангиной. Вроде бы за эти годы привык ко всему — и в пургу ходить, за канат держась, через залив от «Зари» в ледяную лабораторию на Таймыре; и спать на морозе, положив себе в мешок промерзшие сапоги; и мчаться в санях навстречу мокрому снегу; и в обжигающе холодную воду случалось падать...

Помнится, на Таймыре сутки пролежал с Толлем в сырых мешках — пургу пережидали. Ноги озябли, их то и дело сводила судорога. Еда и керосин на исходе, но табак еще был. Спасались от голода, балдея в табачном дыму. За нуждой выйти — лезь в мокрую одежду, разгребай выход из палатки, потом опять в сырой мешок — дрожать, пока согреешься, и ждать ежесуточного чая с остатками сахара и крошками от сухарей. И сушить у примуса табак и носки.

О чем с бароном говорили, пыхтя трубками, в сизом и едком дыму? О скромности результатов, достигаемых в Арктике столь большими усилиями? Лейтенант положил на карту несколько астрономических пунктов, барон отколол несколько образцов от торчавших из снега скал. Понять общую картину ни тому, ни другому тогда не удалось. Или говорили о еде, о пиршественной вакханалии, которую учинят, вернувшись на «Зарю».

В Якутске лейтенант оправился, а в Иркутск приехал уже здоровым. В ноябре он впервые увидел реку своей судьбы — Ангару. Отсюда через три месяца он устремится в океан спасать барона Толля. Здесь, спустя еще год, поведет под венец свою невесту, которая теперь будет ждать его, сражающегося в Порт-Артуре, как жена. Здесь же в первый и последний раз, спустя еще почти шестнадцать лет, пересечет Ангару пешком, под конвоем. Потом выведут ночью, но не дойти ему до берега, а ухнуть в прорубь...

СУМЕРЕЧНЫЙ ДЕКАБРЬСКИЙ ДЕНЬ навис над Петербургом. Высокое небо серо, тускло. Около здания Российской императорской Академии наук не-

обычное оживление. Подъезжают пролетки, кареты. Солидные господа в шубах, шинелях поднимаются по высокой наружной лестнице к тяжелым дверям. Раздевшись в швейцарской, господа, переговариваясь, поднимаются по широкой внутренней лестнице наверх. Взгляд каждого невольно упирается в огромную мозаичную картину: усатый всадник в треуголке с обнаженной саблей в руке величаво скачет на коне впереди войска. «Петр Великий под Полтавой» — мозаика Ломоносова. Основатель Петербурга и Российской Академии и холмогорский крестьянин, ставший самым знаменитым нашим академиком, — оба эти великих имени гармонично слиты на стене.

Движение на лестнице замирает. Пришедшие собираются в конференц-зале. В последний раз закрылась нарядная белая дверь, обильно покрытая резьбой и позолотой. Началось заседание комиссии Академии наук, встревоженной участью Толля, по снаряжению Русской Полярной экспедиции.

Матисен доложил комиссии о ходе работ экспедиции Э. В. Толля, сообщил о его последней поездке на остров Беннетта, о том, что предпринятые меры к снятию группы барона из-за тяжелых льдов и отсутствия угля оказались безрезультатными.

Известный полярник академик Ф. Н. Чернышев предлагает вновь идти к острову Беннетта на «Заре», снабдив ее весной углем. Нет, отвечают ему, избитый корпус «Зари» нуждается в капитальном ремонте.

— В таких условиях отправлять шхуну во льды — значит заранее обречь спасателей на неудачу, если не на гибель, — заявил на заседании командир «Зари» Ф. А. Матисен.

Тогда выдвигается новое предложение: зафрахтовать «Лену». Но нет у Академии наук таких денег — купчиха Громова, которой принадлежит пароход, даже за доставку угля на остров Котельный затребовала больше, чем стоит вся «Заря».

Зачитали письмо из Кронштадта: вице-адмирал Макаров, гордость русского флота, намерен сам вести ледокол «Ермак» — спасти Толля. Но это еще дороже, поскольку ледоколу пришлось бы, сняв Толля, зазимовать с огромной командой. Да и Морское министерство справедливо опасается потерять ледокол.

Все как будто бы правы. Но надо же что-то делать!

Мрачная сидела комиссия, еще мрачнее — полярники.

И вот один из них сказал твердо:

— Толля придется снимать вельботом... Снять китобойный вельбот с «Зари», затем по льду доставить на остров Котельный, оттуда на веслах идти до Беннетта через открытую воду... Надо сейчас, немедленно, не откладывая ни на один день, снаряжать новую экспедицию на землю Беннетта для оказания помощи Толлю и его спутникам.

Комиссия отнеслась к этой идее скептически: это такое же безумие, как эскапада барона. Академики только отмахнулись — нашел-де простаков. Но тот опять заговорил, да так, что все к нему обернулись и начали разглядывать в изумлении колющие горящие глаза, изломанные птичкой тонкие губы да нос утюгом.

Видя явное недоверие, лейтенант добавил:

— Я понимаю, что это предложение такого же порядка, что и авантюра барона Толля, но другого выхода, по моему убеждению, нет. — И после небольшой паузы, решительно: — Если прошел Де-Лонг, пройдем и мы!

Ну, это уж слишком! Академики взорвались: Де-Лонг шел от острова Беннетта на материк сорок дней в один конец, и из трех ботов спасся только один!

Однако лейтенанту только один вельбот и нужен.

— И времени, — утверждал он, — хватит, если завести лодку на Новую Землю загодя санями и в санях же вернуться на материк осенью.

Но где же взять отчаянных людей в команду этого вельбота?

Лейтенант был готов сам возглавить предприятие, боцман Н. А. Бегичев и старшина В. Л. Железников согласны идти с ним. Больше из команды «Зари» взять некого. Но тут вмешался академик Чернышев — знает-де он на Белом море нескольких подходящих поморов.

Вся комиссия знала, что это безумие: худенький лейтенант либо не дотащит вельбот до мыса Высокого, либо не найдет там открытой воды, либо сомнет его льдами, либо перевернет штормом, либо — если ему и повезет с открытой водой, — не сумеет определиться в пасмурную погоду, минует маленький остров

в тумане. Там ведь если не шторм, то туман. Вот у Де-Лонга было несколько ясных дней, определялся, но попал на Фаддевский вместо Новой Сибири. А куда попадет идущий в океан?

Но другого варианта не находилось, и академики в конце концов согласились, только тихо шептались между собой, пораженные:

— Кто этот самоуверенный лейтенант?

— Гидролог, его Толлю рекомендовал сам Макаров...

— Подает большие надежды, почитайте его статьи...

— Колчак его фамилия... Александр Васильевич Колчак...

Действительно, риск затеянного Колчаком предприятия был исключительно велик. Показательно свидетельство полярного исследователя М. И. Бруснева, который в это же время со своей партией вел работу на Новосибирских островах. «Сначала рабочие мои, — докладывал он в Академию наук, — отказывались верить тому, что г. Колчак приезжал на Новую Сибирь и уехал далее, так им казалась невероятной возможность путешествия на лодках по Ледовитому океану».

9 января 1903 года Колчак получил официальное приглашение секретаря Российской полярной экспедиции В. Л. Бианки принять на себя организацию шлюпочной экспедиции и командование ею. Академия наук дала Колчаку некоторые средства и полную свободу действий.

«...Я отправился обратно через Иркутск и Якутск в селенье Казачье на устье реки Яны, откуда предполагалось начать движение на Новосибирские острова, — писал А. В. Колчак в автобиографии. — Со мною отправились двое из команды шхуны «Заря» по собственному желанию (боцман и рулевой старшина) и четверо мезеньских тюленепромышленников, за которыми я ездил в Мезень. Это были люди, с детства привыкшие к движению льда, и они как нельзя более отвечали моей экспедиции. В Сибири я пригласил участвовать в экспедиции Павла Васильевича Оленина (политический ссыльный, студент, занимался изучением Якутского края. — *Авт.*), бывшего хранителя Иркутского музея, хорошо знавшего путешествия по

якутской области и еще до моего приезда приобретшего для экспедиции теплую одежду и 160 ездовых собак.

В конце апреля моя экспедиция в составе меня, Оленина, шести матросов и восьми тунгусов и якутов на саних с собаками, имея с собой доставленный за несколько сотен верст с устья Лены тяжелый китобойный вельбот, вышла из села Казачьего на Новосибирские острова. Переход был очень тяжелый...

Экспедиция направилась через Абельяхскую губу к мысу Святой Нос. На двух нартах, запряженных тридцатью собаками, везли 36-пудовый вельбот с «Зари»; спереди и сзади — еще десять нарт с собаками, людьми и припасами. Снег и лед становятся рыхлыми, нарты с вельботом начинают постоянно проваливаться, приходится идти по ночам, когда подмораживает. На пути часто попадаются огромные торосы, в которых прорубают путь. Собаки выбиваются из сил, нарты с вельботом приходится тащить и людям. Передвигались по несколько верст в сутки. Днем, после изнурительных ночных переходов, охотятся на оленей. Но еды для собак катастрофически не хватает, и Колчак на Малом Ляховском острове сокращает состав экспедиции — отправляет назад четырех каюров и тридцать собак.

А тут новая напасть: лед в проливе Санникова оказался уже под водой, нарты по нему даже ночью не скользили, собаки из-за голода не тащат их, охотиться просто некогда — и так опаздывают. Тогда Колчак приказал — к всеобщему ужасу — вскрыть четыре пудовые банки консервов и накормить ими собак. А сами хлебали жидкий бульон из немецкого «либихского экстракта».

Когда экспедиция через пролив Санникова добралась наконец до острова Котельный (к Михайлову стану), там уже начиналась короткая полярная весна: таял снег, начался прилет гусей, уток и куликов, вскрывались речки. Лед в море посинел, оседали и разваливались торосы, снежная вода образовала целые озера и стекала под лед, трещины стали расширяться в полыньи — наступило полярное лето с постоянными туманами, дождями с мокрым снегом, с морозами по ночам и редкими ясными теплыми днями... А лед все еще стоял неподвижно. Приходилось ждать вскрытия моря.

Экспедиция располагала ресурсами на четыре месяца, считая и предстоящее плавание к острову Беннетта. Но жить приходилось, учитывая прокорм собак. Поэтому охоте на оленей придавали большое значение, так как от этого зависела участь всех членов экспедиции. Все-таки часть собак пришлось убить из-за невозможности их прокормить.

Однажды, перед самым закатом, накануне отплытия на остров Беннетта, Колчак пригласил Оленина пройтись по тундре: надо было поговорить еще раз, напоследок. В перенаселенной тесной поварне было слишком шумно для такого разговора.

Вечер выдался спокойный и не слишком холодный. Огромное оранжевое солнце, зависшее над всхолмленным горизонтом, разогнало по тундре длинные яркосиние тени. В лучах умиротворенно отходящего на покой светила Колчак и Оленин, неторопливо шагавшие вдоль берега, молчали. Колчак лишь покашливал иногда: в последние дни кашель измучил его, не помогала и трубка.

— Ну как, Павел Васильевич, наверное, поутомились порядком? — первым заговорил он. — Вы на сегодняшний день, безусловно, самый деятельный человек во всей нашей экспедиции, все время — в работе...

— Ничего, — Оленин махнул рукой, — в моем положении это все-таки лучший вариант существования... Я даже благодарен судьбе, что все так устроилось...

Колчак задумчиво покивал: мол, понимаю, понимаю, и они какое-то время шли опять молча.

— Я прежде не заговаривал с вами об этом, — снова первым нарушил молчание Колчак. — Понимаю, тут для вас глубоко личные мотивы... Вы уж простите, что хочу коснуться их...

Оленин вопрошающе посмотрел на Колчака, хотя сразу же понял, о чем пойдет речь.

— Для меня, Павел Васильевич, такие, как вы, — загадка... Вот мы идем рядом, а я чувствую, простите, что рядом со мной идет человек, несущий в себе какой-то иной, не вполне понятный мне мир... — продолжал Колчак. — Я наблюдал и вас, и некоторых других, тоже политссыльных. Опять же, простите мне это нелепое слово — «наблюдал»... Перед каждым из вас может открыться по-настоящему интересный путь, поскольку у вас для этого есть все: знания, способности,

характер, воля... И такое поле деятельности представляет собой Россия! Вы-то, Павел Васильевич, имели возможность почувствовать — какая это громада! И сколько России надо по-настоящему деятельных людей! Знающих людей! Вы же вот, являясь именно таковым, вынуждены здесь, в Сибири, чуть ли не убивать свои лучшие годы... Ваша энергия, ваши знания и способности, в которых так нуждается Россия, остаются под спудом... Тяжело на душе от такого противоречия... Может быть, я чего-то тут недопонимаю, чего-то не вижу... — Колчак искоса посмотрел на Оленина, шагавшего рядом.

Тот едва заметно покивал головой, покусывая губы, напряженно глянул в глаза Колчаку, заговорил не сразу:

— Вы, Александр Васильевич, — ученый, исследователь... Наука, работа исследователя — это, насколько я понимаю, постоянная борьба с косностью устоявшихся представлений, которые всегда, почти всегда не желают уступать своего места новому знанию, новым представлениям, более совершенным, переродовым... Не так ли?

— Положим, что так... — сказал Колчак.

— Ну а в самой жизни, которая тоже не хочет стоять на месте, цепенеть, замирать, разве в ней все не так же? — Оленин снова посмотрел на шагавшего рядом Колчака, как бы сомневаясь: надо ли продолжать, надо ли идти дальше в этом внезапно возникшем разговоре.

— Говорите, говорите! — Колчак быстро закивал. — Я с интересом слушаю вас. И, пожалуйста, не скрывайтесь. Вы, должно быть, имели возможность убедиться, что я — не враг вам...

— Хорошо, — Оленин улыбнулся. — Вот вы говорили о том, что такие, как я, убивают свои лучшие годы и силы в ссылках... А почему? Почему мы вынуждены находиться в таком нелепом положении? Может быть, по недомыслию молодости? Делали бы добросовестно полезные обществу дела, не лезли бы на рожон, и было бы все в порядке... Но можно ли спокойно жить и спокойно делать эти самые полезные России дела, когда сама страна остро нуждается в кардинальных переменах? Не просто в деловом рвении немногочисленной просвещенной части нашего народа, а именно

в широких и решительных переменах. Вот вы, Александр Васильевич, сказали о том, какая громада наша Россия... А посмотрите, как везде на ее просторах царит разнузданная, чисто азиатская стихия бесправия, и здесь вот, в Сибири, она особенно остро ощущается. Всюду — поголовное раболепие перед ничтожными людишками, наделенными почти неограниченной властью. Разве можно спокойно делать какое-либо дело, не помня об этом?!

Колчак закашлялся и потому ответил не сразу:

— Вы тут, Павел Васильевич, как будто косвенно упрекаете и меня... Вот ведь я-то занимаюсь наукой, весь отдан ей... И считаю, что служу не какому-нибудь узкому делу, а именно служу России, ее настоящему и будущему. Совесть моя чиста...

— Но она не может быть спокойной! — горячо воскликнул Оленин. — Вы — передовой человек. Но себя можете проявить лишь в кругу людей, с которыми связаны непосредственно, вот здесь... А в это время страдают миллионы наших соотечественников, творятся беззакония, вся жизнь идет не так, как надо бы ей идти...

— Но наука, как мне кажется, не то чтобы не должна, а просто не может, не в состоянии слить себя с революцией, с политикой. Науке надобно служить всецело... Только такое служение даст настоящий результат. Перед человеком науки не может быть двух целей!

— Не в смысле агитации, Александр Васильевич, — Оленин едва заметно усмехнулся, — скажу: по-моему, путь из науки в революцию вполне естествен, возможен, даже закономерен. Ведь, если вспомнить, сколько прекрасных людей пришло в революцию именно из науки! Взять хотя бы Кибальчича — он был явно гениальным...

— Да, но все эти люди, насколько мне известно, уйдя в революцию, так или иначе изменили науке, а это доказывает, что сочетание науки и революции...

— Это доказывает, Александр Васильевич, все то же: путь из науки в революцию — закономерен! — не сдержавшись, перебил Оленин. — Наука дает понимание законов развития общества. Развитие это, как и развитие в самом широком смысле, состоит из смежных одних, изживших себя форм другими, более совер-

шенными. Разве не следует из того, что люди науки, знающие эти законы, а стало быть, и осознающие необходимость перемен более, чем другие, должны позаботиться об ускорении этих перемен?

— Вот как вы меня окружили! — Колчак рассмеялся. — Мне теперь, для того чтобы стать последовательным и принципиальным ученым, ничего другого не остается, как побыстрее уйти в революционную работу...

— Вы сами подтолкнули меня к этому разговору, — Оленин тоже рассмеялся.

— И вот уже приходится обороняться... — Колчак покачал головой. — Не политик я, Павел Васильевич. Трудно мне вести такие разговоры... Ну а вы... Вы серьезно верите в возможность этих самых кардинальных или, если хотите, коренных перемен?

— Тут, Александр Васильевич, не идет речь о чьей-то личной вере... Я же сказал: есть законы развития...

— Законы — одно, а как в смысле практическом? Вы вот, очевидно, попытались и... оказались вот где... А жизнь как текла себе, так и течет...

— Да, как будто так...

— Вот, вот, — в задумчивости сказал Колчак. — Одно для меня ясно: есть в человеке истинное, страстное стремление к чему-то большому, высокому, пусть и недостижимому даже, так, стало быть, есть и сам человек как личность, как деятель... И в вас, и во мне это стремление живет, горит. В каждом — свое...

Оба замолчали. Было лишь слышно, как похрустывает наст под ногами. Солнце между тем уже село, и сразу стало заметно холоднее. За увлекшим их разговором они не заметили, как далеко ушли от поварни.

Колчак остановился первым, оглянулся:

— Ого! Как мы увлеклись... Пора и возвращаться...

Его рука коснулась Оленина, задержалась на плече. Покашливая, он заговорил опять:

— Я вижу в вас человека твердого, крепкого, на которого во всем можно положиться, чувствую, что со спокойной душой могу доверить вам любое дело, и оно будет исполнено самым наилучшим образом...

— Спасибо, — сказал Оленин.

На обратной дороге к поварне было решено, что Оленин с якутами и тунгусами останется на острове Котельном, чтобы охотой добывать мясо для прокорм-

ма собак до возвращения Колчака и для перехода обратно на материк после замерзания моря. За время отсутствия Колчака он обследует остров и осмотрит склады, оставленные в прошлый раз для Толля, чтобы выяснить, не возвращался ли барон сюда. Кроме того, займется ботаническими, зоологическими и другими сборами.

В июле море вскрылось, тяжело и грозно зашевелилось льдами.

Там, где кончался путь самых отчаянных, путь Колчака, собственно говоря, только начинался — путь в океан. Он невесть как собирался пропорхнуть в лодке там, где не мог пробиться полярный барк, и шансы свои оценивал трезво, считал, что это предприятие было того же рода, что и предприятие барона Толля. Но иного выхода просто не было. Еще раз взвесив «за» и «против», Колчак скомандовал: «Вперед!»

Все было готово к отплытию. И едва шторм отогнал льды от берега Котельного, Колчак и Оленин поспешили к вельботу, вокруг которого уже суетились мезеньские поморы.

— Так, стало быть, мы обо всем договорились, Павел Васильевич? — спросил Колчак.

— Договорились. Не беспокойтесь: все сделаю, что от меня зависит. Лишь бы у вас там все удалось... — Оленин кивнул в сторону севера.

— Да, лишь бы удалось... — Колчак в задумчивости покивал головой. — Как я уже говорил вам, в конце августа — начале сентября ждите, стало быть, нас обратно... Если повезет...

— Буду ждать и надеяться, что вернетесь с добрыми вестями...

— Теперь, что бы там ни было впереди, отступать нельзя, — тихо сказал Колчак и добавил: — Остается повторить некогда сказанное Юлием Цезарем: «*Alea jacta est!*» — «Жребий брошен!» Только бы нам достичь Беннетта... Только бы достичь...

Оленин на прощанье крепко пожал Колчаку руку, обошел с рукопожатием остальных и не оглядываясь побрел к поварне.

Колчак на вельботе вместе с двумя матросами и четырьмя мезеньскими поморами 18 июля вышел в море, пробираясь на север вдоль Земли Бунге, между островами Фаддеевский и Новая Сибирь.

В непредсказуемую многомильную неизвестность

двинулся Колчак на поиски товарищей с полуторамесячным запасом еды и без единого запасного матроса. Случись что-нибудь хоть с одним из семи участников похода, и остальным не вытянуть 75-пудовый восьмиметровый вельбот: столько он стал весить с грузом и приделанными к нему полозьями из бревен. Из таких вот и им подобных «мелочей» состоял весь этот скоропалительный поход, поход в неизвестность...

Впереди Колчаку суждено пережить немало испытаний. Но суровые условия Арктики, еще вовсе не освоенной в ту пору, не сломили его духа и воли, не погасили его веры. Большое мужество и смелость проявит он не раз и после окончания своей арктической одиссеи. Истинный героизм, истинная смелость и мужество в основе своей всегда несут подлинное человеколюбие и великую способность к самопожертвованию. Верно и наоборот. Тут — вечное единство: одно без другого не живет. Вечным единством этим были отмечены жизнь и судьба Александра Васильевича Колчака.

Далее близко к тексту автобиографии передаем впечатления Александра Колчака о первых днях плавания.

День за днем — сплошной густой снег. Колчаку никогда не приходилось видеть такой массы снега во время арктического лета. Снег идет густыми хлопьями, не переставая, заваливая вельбот мягким, влажным покровом, который, тая в течение дня, вымачивал людей хуже дождя и заставлял чувствовать холод намного сильнее, чем в зимний морозный день.

Время от времени, для отдыха и чтобы согреться, высаживались на берег. Найдя проход в ледяном месиве, входили в тихую, словно озеро, полосу воды и сейчас же садились на мель. Потом все лезли в воду и тащили, насколько хватало сил, вельбот ближе к берегу. Затем переносили на берег палатку и необходимые вещи, разводили костер из плавника, отдыхали и принимались снова бродить по ледяной воде, пока не удавалось вытащить вельбот на глубокое место. Тогда ставили парус и отправлялись дальше.

Иногда выбирали площадку прямо на торосе и устраивались на ней, предпочитая довольно отдаленные экскурсии за плавником на берег перетаскиванию вельбота по отмелям.

Таким был путь вдоль Земли Бунге и очень на него похожим — вдоль острова Фаддеевский.

Далее пересекли Благовещенский пролив с частыми мелями и мощными ледяными заторами. Эта часть плавания оказалась самой рискованной и трудной.

Рядом с Колчаком был Никифор Бегичев — бра- вый боцман, оптимист по натуре, который скрупулез- но отмечал все тяготы и лишения, выпавшие на долю спасателей.

«Все время шел снег и стоял туман. Мы шли две- надцать часов, зашли в раздробленный лед. Ничего не видно. Сильно уставшие, голодные и промокшие, мы решили ночевать на высокой льдине, стоявшей на ме- ли. Пристали к ней, вельбот втащили, поставили па- латку. На примусе сварили часть овсянки и бульон. Но эта дребедень не идет никому в горло», — описывает Бегичев обычный день экспедиции. Больше всего его возмущала «дребедень» — «либихский экстракт», кон- центрированный немецкий бульон, четвертьфунтовые банки которого Колчаку подсунили в Якутске. Нес- колько раз боцман буквально спасал всех от голодной смерти, меткими выстрелами добывая оленей.

Наконец достигли северо-западного побережья ост- рова Новая Сибирь — ближайшего пункта, откуда теперь надо было идти в открытый океан, к острову Беннетта. Передохнув, 2 августа отправились даль- ше — на север...

Им повезло: в отличие от прошлого года, когда океан был забит непроходимыми льдами, сейчас за Новой Сибирью море оказалось чистым и гладким, как стекло. Но сплошной туман. Приходится долго идти на веслах.

И вновь повезло. Подул южный попутный ветер и неожиданно встретили большую льдину. Забрались на нее. Ветер гнал льдину на север, к цели. Появилась возможность отдохнуть после многочасовой изнуряю- щей гребли. Забрались в палатку и уснули как убитые.

Позже боцман Бегичев вспоминал: «Только что я стал засыпать, сильным порывом ветра ударила в льдину волна и окатила всю палатку. Я выскочил и увидел, что льдину у нас переломило пополам по- самый вельбот. Другую половину льдины унесло, и ве- льбот катится в воду. Я стал всех будить, а сам держу вельбот, не пускаю его упасть в воду. Все быстро

вскочили и вытащили вельбот подальше на лед. Льди- на стала маленькой, саженой ¹ 70 в квадрате, но тол- стая: от поверхности воды будет аршина ² полтора. Ветер усилился. Временами волна захлестывает далеко на льдину. Решили остаться переждать непогоду. Па- латку и вельбот перетаскили на середину и вельбот привязали вокруг палатки. Один конец я взял к себе в палатку, для того, чтобы если льдину еще переломит и вельбот станет погружаться в воду, то мы услышим и быстро проснемся. Все устроили и заснули как уби- тые».

Из таких неожиданностей, не раз нависавших над Колчаком и его товарищами смертельной опасностью, и состояло это плавание. Но Колчак в таких случаях не терял самообладания, немедленно отдавал необходи- мые распоряжения, сам включался в их выполнение, и все обходилось. Начальник экспедиции наравне со всеми работал на пределе человеческих сил.

Снова потянулись длинные часы на веслах..

Наконец на медленно прояснявшемся туманном го- ризонте стали вырисовываться черные, отвесно ухо- дившие в море скалы острова Беннетта, испещренные полосами и пятнами снежных залежей, — южный берег острова. Подымающийся туман постепенно открыл взору Колчака весь берег, около которого плавала масса больших льдин. Кругом расположилось множе- ство кайр и чистиков со стайками плавунчиков, равно- душно взиравших на непрошенных гостей. Кое-где на льдинах чернели тюлени. Низкое солнце уже готово было спрятаться за ледяной купол острова. За кормой вельбота льдины с солнечными просветами казались зеленоватым венецианским стеклом.

Ветер стих, парус обвис, и его убрали. Осторожно стали пробираться на веслах, лавируя между льдина- ми, под самые скалы, у основания которых через не- обыкновенно прозрачную воду виднелось дно, усеян- ное обломками скал и валунами. Отыскиали узкое пес- чаное побережье, где и высадились на небольшой мыс 4 августа. Этот мыс Колчак назвал Преображенским. Разгрузились и вытащили вельбот на берег.

Кругом были неописуемые, первозданные красоты

¹ Сажень — старая русская мера длины, равная 213,36 см.

² Аршин — устаревшая мера длины, равная 71,12 см.

приполярья. Они давно манили к себе Колчака, но любованию ими мешала тревога за судьбу Толля и его товарищей. Поэтому немедленно обследовали прибрежную полосу и обнаружили первые признаки пребывания здесь барона. На небольшом пляже нашли некоторые вещи и знак — покрытую камнями медвежью шкуру, вблизи которой следы стоянки: обугленные куски плавника, оленьи и птичьи кости, пустые патроны и т. п. Добрался-таки Толль до Беннетта!

И опять повезло: когда нет льда, здесь обычно господствуют волны, и к острову не пристать. Так и случилось через десять лет, когда к острову подошел ледокол «Таймыр» и не смог высадить людей на кипящие волнами крохотные полоски гальки. Пристать удалось только к северному берегу — для группы Колчака это могло бы обернуться гибелью. Но судьба пока была благосклонна к нему.

Заночевали прямо на берегу, на маленькой отмели, у самой воды — лезть на крутую осыпь просто не было сил да и неразумно на ночь глядя. На следующий день нашли новые следы пребывания Толля, в том числе торчавшее в гряде камней весло и бутылку с тремя записками. Там же — схематический план острова с указанием местонахождения жилища полярников — поварни.

Путь к поварне решили спрямить, стали обходить ледник по годовалому морскому льду. Колчак и не догадывался, что впереди его ожидает опасность. Прыжок, еще прыжок, треск льда — и Колчак исчез в ледяной воде. Его вытащили быстро, но температура около нуля, а переодеться удалось не сразу. Попытка обхода по льду дорого обошлась Колчаку. От температурного шока он потерял сознание, в таком виде снова упал в воду. Воздух под курткой не дал утонуть. Его вновь вытянули буквально за волосы. С Колчака сняли сапоги и всю одежду, переодели во что смогли. Оказалось, он еще живой. Дали раскуренную трубку. Колчак вздохнул, закашлялся, пришел в себя. От предложения вернуться к палатке отказался. Стали специально выбирать путь с крутыми подъемами и спусками, так что Колчак вскоре согрелся. Но это купание и трудности заполярной экспедиции на всю жизнь сказались на здоровье Колчака, не замедлили напомнить о себе и в ближайшие месяцы и годы.

Поварню нашли ближе к вечеру, в 15 верстах, на восточном берегу острова. Она оказалась до половины наполненной снегом, смерзшимся в ледяную массу; в ней явно не зимовали. Долго копали ледяной снег, нашли ящик с образцами, геологические инструменты, вещи, последнее письмо Толля президенту Академии наук. Оказалось, что Толль ушел на юг еще в конце октября 1902 года, ушел по движущемуся льду, в полярную ночь, взяв провизии на 14—20 дней. Вывод очевиден: первопроходцы погибли...

Теперь Колчака не будет больше жечь мысль о людях, быть может, умирающих в ожидании помощи, можно без стыда взглянуть в глаза баронессе Толль, вдове. Вот только придется ли? Трудно добраться сюда, еще труднее выбраться.

Сбросив чужую одежду, залезши в мешок в ожидании бобов с мясом (консервы экономить больше незачем) и чая, Колчак впервые мог обратиться мыслями не к цели похода, а к дому. Что-то сейчас в России, Петербурге?

В России было беспокойно, и в дворцовых кругах зрел план: для обуздания крамолы нужна «маленькая победоносная война». Так виделся тамошним стратегам неизбежный конфликт с Японией.

А как видели будущее крамольники, о чем спорили? В Лондоне тогда заседал второй съезд РСДРП. В те минуты, когда спасатели, вымотанные океаном, наполняли штопаную палатку богатырским храпом, председатель съезда Г. В. Плеханов заявил на 25-м заседании, что касса съезда пустеет и пора кончать прения. Его не слушали — слишком важна была тема спора. Нет, ни об убитых рабочих, ни о России, ни о Японии речь не шла — в течение восьми заседаний бурно обсуждался трехстраничный устав.

На разных сторонах планеты обитали полярники и делегаты, так что над ледником как раз заискрился край утреннего солнца, когда делегаты, Ленин и Троцкий, кончали важный спор: какое большинство — $\frac{4}{5}$ или $\frac{2}{3}$ — считать квалифицированным, если голосовать могут трое? И безмятежно спали в своих постелях, когда полярники волокли мокрого бесчувственного лейтенанта по хрупкому льду подальше от трещины. Пока Колчак с товарищами рубили лед

в избушке, делегаты бесстрашно избавились от несогласного меньшинства съезда, в том числе и от «экономистов», ратовавших за насущные интересы рабочих. И, радостные, шли обедать, впервые ощутив себя большевиками — хоть большинство рабочих как раз и были «экономистами», — когда Колчак и его товарищи затихли в тесных сумерках избушки над предсмертным письмом Толля.

Россия неумолимо катилась к войне и революции.

А на острове Беннетта время ползло, почти не двигалось. Полярники, побывавшие здесь через пятьдесят три года, сложили из обломков скал памятную доску с запретным именем. Арктика робко, но хранит память о своих героях.

Обладая сильной волей, высоко развитым чувством ответственности за порученное дело, Колчак не жалел ни сил, ни самой жизни, преодолевая неисчислимые трудности, стоявшие на пути полярного исследователя в ту пору, когда работа в Арктике была равнозначна подвигу. Нельзя забывать, что в те годы еще не пользовались ледоколами, не существовала полярная авиация, не было ни полярных станций, ни радиосвязи, ни ледовой разведки.

Возможно, настанет время и люди придут сюда, чтобы заменить доску гранитным памятником. Ведь поставлен же памятник Челюскину на мысе его имени, в самой северной точке Азии — мало кто его видит, но все знают, что он есть, и могут посмотреть фотографию. Пусть и тут кто-нибудь сможет увидеть его раз в двадцать — тридцать лет, зато все будут знать, что подлинное величие духа не забыто.

Не с показным мужеством на лице должен быть тот будущий памятник — видится гранитный лейтенант грустным. Щуплый, не под стать могучим поморам, горожанин чуть склонил голову и смотрит исподлобья в океан. Он пришел спасать, а спасать некого...

7 августа Колчак отправился в обратный путь на остров Котельный и через 42 дня плавания на вельботе вернулся (27 августа) к своему первоначальному исходному пункту — к Михайлову стану. Его встретил Оленин, который сумел выполнить свою задачу — сохранить собак для перехода на материк.

«Дождавшись в ноябре замерзания льда, я с экспедицией по льду вернулся вновь в село Казачье после

семимесячного отсутствия, — писал А. В. Колчак в автобиографии. — Вся экспедиция вернулась в полном составе, не потеряв ни одного человека. Впоследствии от Императорского географического общества я получил за эту экспедицию Большую золотую медаль».

Многих тогда восхищало мужество молодого флотского офицера, и его полярный подвиг был оценен по достоинству: 6 декабря 1903 года Колчак награждается орденом Св. Владимира четвертой степени.

Это была первая награда Колчака. Первая, но, как оказалось, далеко не последняя. И поскольку герой нашей книги получил за свою долгую военную службу почти полный набор существовавших тогда в России орденов, то самое время сказать хотя бы несколько слов о русской орденской системе того времени. Это тем более полезно для читателя, что в русской классической литературе от Пушкина до Чехова постоянно упоминаются те или иные награды героев, причем часто это имеет немаловажное сюжетное значение.

Система офицерских наград формировалась довольно долго и окончательно сложилась только к середине XIX века (хотя и позже в нее вносились некоторые изменения). Офицеры награждались следующим чином, орденами, медалями, офицерскими крестами, знаками отличия беспорочной службы, золотым оружием, подарками, денежными суммами и т. д., а также им могла объявляться Высочайшая благодарность. Однако в разные исторические периоды отдельные виды наград могли иметь большее или меньшее распространение.

Высшим орденом России всегда оставался орден святого Апостола Андрея Первозванного, учрежденный в 1698 году Петром I. Но получали его, как правило, лица царствующих династий или крупные сановники. В 1769 году учреждается орден Победоносца Георгия — высший военный орден, которым награждались только офицеры и только за выдающиеся боевые подвиги, он имел четыре степени и считался самой почетной наградой в России.

Далее (по степени старшинства) шли орден Св. Владимира и Св. Станислава, причем награжденный за боевые подвиги получал эти знаки с двумя скрещенными мечами. «Станислав» имел три степени,

«Анна» и «Владимир» — четыре. Орден Св. Анны четвертой степени выдавался только за военные подвиги офицеров любого чина и крепился к рукоятке сабли (шашки, палаша), а на эфесе помещалась еще надпись «За храбрость» (Аннинское оружие). Для награждения за военные заслуги к «Владимиру» четвертой степени и «Анне» третьей степени присоединялся бант. Третья степень (для «Владимира» и «Георгия» — третья и четвертая) носилась на ленточке на груди, вторая — на ленте вокруг шеи (отсюда известное «Анна на шее»), а первая — на широкой перевязи у бедра, на груди же при высшей степени полагалось носить звезду — серебряную с эмалью и позолотой или шитую золотой и серебряной нитями.

Награждение золотым оружием с надписью «За храбрость» осуществлялось на тех же основаниях, что и орденами. Золотое оружие как награда стояло очень близко к ордену Св. Георгия, и в 1913 году оно стало официально именоваться Георгиевским оружием.

Итак, будущий флотоводец получил не последний по старшинству орден, правда, без «мечей» и «банта», которые будут пожалованы ему позже, в 1907 году. Лейтенанту было чем гордиться.

...Как ни краток был Колчак на предсмертном допросе, арктическую эпопею своей жизни он изложил довольно подробно. Но при этом ни слова о тяготах пути, острове, названном в его честь.

Тогда, в 1903 году, Колчак выбрал верный маршрут и после многодневного плавания на утлом суденышке во льдах полярного океана отыскал следы Толля. Пятнадцать лет спустя ему, как и другим лидерам белого движения, казалось, что им суждено спасти Россию от большевизма. Но масштабы оказались иные, и маршрут был выбран ошибочный...

В КАЗАЧЬЕМ АЛЕКСАНДРА КОЛЧАКА ожидала приятная неожиданность: здесь он встретился со своей невестой — Соней, доставившей смельчакам продовольствие. Одна, в 27 лет, приехала она с острова Капри, из Италии, — на судах, поездах, лошадях, оленях — на Северный Ледовитый океан, чтобы его повидать. Для того времени это было удивительное, трудное и весьма рискованное путешествие. Мужественная женщина!

Почти три года назад, когда он ехал из рейса тропического в рейс полярный, они познакомились и решили быть вместе. Почти три года назад... Он был тогда моложе и стройнее, в черном с золотом мундире, при кортике. Разве мог он устоять и не поддаться очарованию милой серьезной девушки? Но судьба отпустила им тогда мало времени.

А сейчас? Он возвращается измученный, с распухшими от ревматизма суставами. Как отнесется к нему теперь Соня?

Но волнения оказались напрасными. Нетрудно представить, каким счастливым он почувствовал себя.

Кто же была избранница его сердца?

Об этой удивительной женщине известно очень мало. Ее отношения с Колчаком — необычная, романтическая, полная загадок история, которая еще ждет своего исследователя.

Нам лишь известно, что Соня — Софья Федоровна Омирова (1876—1956) — была человеком незаурядным и «сложной крови». Родилась в Каменец-Подольске, где ее отец — действительный статский советник Федор Васильевич Омиров — служил начальником Казенной палаты. Он, сын подмосковного священника, учился в бурсе, потом на юридическом факультете Московского университета. Это был очень порядочный человек, хороший юрист, «маленький Сперанский», ученик и друг Каткова и академика Грота. Федор Васильевич несомненно был заметной фигурой эпохи реформ Александра II и царствования императора Александра III. Будучи очень скромного происхождения и из духовного звания, своими моральными достоинствами он достиг больших чинов и умер человеком не старым, ожидая назначения на пост губернатора Подольской губернии, которой фактически управлял последние годы своей жизни.

Мать же Софьи Федоровны, Дарья Федоровна, — дочь генерал-майора Ф. А. Каменского, директора Лесного института, и сестра известного скульптора Федора Федоровича Каменского.

Среди своих предков Дарья Федоровна считала выходцев из Германии обер-гофмейстера барона К. В. Миниха (брата генерал-фельдмаршала графа Б. К. Миниха, пленившего в Хотинской крепости Колчака-пашу в 1739 году) и генерал-аншефа М. В. Берга,

разбившего Фридриха II Великого в Семилетнюю войну 1756—1763 годов, учителя великого русского полководца Александра Васильевича Суворова.

Ее же собственный отец был воспитан своим дядей — генералом Григорием Максимовичем Бергом, который был контужен и взят в плен во время сражения между русско-австрийскими и французскими войсками в 1805 году при Аустерлице (ныне город Славков).

Все эти старые истории Дарья Федоровна не забывала, и ее рассказы дочери дошли и до сына А. В. Колчака — Ростислава — через записки матери.

Софья Федоровна очень походила на свою мать и, по-видимому, унаследовала ее волевой и независимый характер. Воспитанная в Смольном институте, она была очень образованной девушкой, знала семь иностранных языков, из которых французский, английский и немецкий в совершенстве.

...Из Казачьего — где на собаках, а где на оленях, — Соня вместе со своим женихом и остальными участниками экспедиции поехала в Верхоянск, а затем в Якутск, куда все прибыли 26 января 1904 года.

И здесь снова произошел резкий «поворот руля» в судьбе Колчака, один из тех, что были так характерны для всей его жизни. Инерция будто не в силах пронести его мимо точки выбора. Жизненный путь его отчетливо делится на отрезки, отличавшиеся друг от друга, кажется, всем — и местом действия, и кругом общения, и характером деятельности, и требованиями к его личности, и внутренним содержанием занятий... Но полного разрыва с прошлым никогда не происходит, и рядом с новой основной линией его деятельности постоянно присутствуют необрываемые нити прежних дел, связей, мыслей.

Когда прибыли в Иркутск, телеграф принес известие о нападении японцев на корабли русской эскадры в Порт-Артуре.

Глава 4

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Вечером 26 января 1904 года придворные лакеи в расшитых золотом красных фраках проходили по лестнице Зимнего дворца, убранной мягким пушистым ковром, и лили из бутылок на раскаленные чугунные совки придворные духи, распространявшие какой-то специальный, придворный аромат.

Начали съезжаться приглашенные. Некоторые из них подъезжали к дворцу со стороны Дворцовой площади. Этот подъезд носил название «подъезда ея величества» и являлся привилегией придворных дам, имевших придворное звание, и офицеров кавалергардского полка. Все прочие гости съезжались в Зимний дворец с так называемого Крещенского подъезда, со стороны Невы, и там обычно была толкотня.

Гости, входившие в подъезд со стороны Дворцовой площади, неспешно поднимались на второй этаж. На всех площадках и поворотах стояли псары императорской охоты в расшитых галунами кафтанах темно-зеленого цвета. За огромной стеклянной дверью, отделявшей лестницу от первого небольшого зала второго этажа, гости проходили мимо парных часовых-великанов, солдат лейб-гвардии Измайловского полка, и через минуту оказывались в полукруглом угловом зале, в котором неизвестно с каких пор и зачем стояла пушка. Кавалергарды по случаю бала были одеты в дворцовую парадную форму и медные каски.

Продолжая путь, гости проходили через так называемую большую галерею, в которую с левой стороны выходили двери из внутренних царских покоев. На противоположной стороне во всю длину этого

широкого коридора висели громадные портреты выдающихся государственных и военных деятелей прежних времен.

В круглом зале, так называемой «ротонде», с гостями раскланивались нарядные скороходы в шляпах с плюмажами из страусиных перьев и придворный негр-великан в белой чалме. Со времен Петра I негр считался ближайшим телохранителем царской особы.

В большом Николаевском зале хрусталь люстр играл переливами от тысяч электрических ламп, а в соседней галерее был открыт буфет с шампанским, клюквенным морсом, миндальным питьем, фруктами и большими вазами с изготовленными в придворных кондитерских Царского Села печеньями и конфетами. Таких сладостей в продаже найти было нельзя, и всякий старался увезти побольше этих гостинцев домой.

Около буфета уже толпились офицеры уланского полка. Особый интерес привлекали в зале члены дипломатического корпуса. Но японского посла уже среди них не было — дипломатические отношения с Японией были прерваны, и все говорили о статьях в «Новом времени» и недопустимых притязаниях японцев на Корею.

Шум голосов все усиливался, и уже трудно становилось протолкнуться в этой пестрой и нарядной толпе. Великосветский Петербург тонул среди случайных гостей — дам и барышень, попавших во дворец благодаря служебному положению мужей и отцов, или наехавших из провинции на сезон богатых дворян: они искали женихов для своих дочерей, а лучшую биржу невест, чем большой придворный бал, трудно было найти.

Около дверей, из которых должна была выйти царская семья, толпились высшие чины свиты. Среди них стоял военный министр генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин.

Военно-придворная петербургская знать мало интересовалась постом военного министра, непричастного к светской жизни и гвардейским интригам, а потому поначалу легко переварила появление на горизонте какого-то безвестного Куропаткина. О нем знали, что он боевой офицер, имеет ранения, участвовал в завоевании Средней Азии. Но в глазах света никакие личные заслуги не искупали скромного происхождения,

и Куропаткину не могли простить его генерал-адъютантских аксельбантов, ибо они открывали ему доступ ко двору и уравнивали с особами титулованными.

Никто во дворце не подозревал о надвигавшихся событиях.

На балу все шло своим установленным порядком.

Вдруг все мгновенно стихло, и в двери, распахнутые негром, стала входить царская семья с царем и царицей во главе.

В первой паре шла царица — уже пополневшая и подурневшая — со старшиной дипломатического корпуса, турецким послом в красной феске на голове. Тот с чисто восточной почтительностью держал Александру Федоровну за руку и старался как можно лучше попадать в такт полонеза из «Евгения Онегина».

За этой парой шел царь, держа за руку стареющую красавицу, жену французского посла маркиза Монтебелло, владельца крупнейшей фирмы шампанского.

За ними шел и сам маркиз-коммерсант с великой княгиней Марией Павловной, женой дяди царя — Владимира. Далее следовали пары в том же роде, то есть составленные из членов царской семьи и дипломатического корпуса. Они проплывали вокруг зала длинной колонной среди толпы смертных второго разряда, состоявшей из стариков — членов Государственного совета, сенаторов, генералов, придворных помоложе и офицеров гвардии всех чинов. Армейцы на такие приемы не допускались.

...Невдалеке усердно и исправно танцевал полковник в красном чекмене гвардейских полков — Николай II. Он чувствовал себя не хозяином, а скорее гостем, отбывавшим по традиции какую-то повинность. Он был чужим не только на этом балу, но и во всей своей стране. При восшествии на престол он никого не знал и никому никогда не верил.

...Мог ли Николай II думать, покидая этот пышный раздушенный бал, что он был последним в Российской империи, что через несколько часов русские корабли, стоявшие на внешнем Порт-Артурском рейде, подвергнутся внезапному нападению японских миноносцев и понесут тяжелые потери.

Это известие вызвало прежде всего споры и рассуждения о том, может ли иностранный флот атаковать без предварительного объявления войны? Это каза-

лось столь невероятным и чудовищным, что некоторые были склонны принять происшедшее лишь как серьезный инцидент, не означавший, однако, начала войны. К тому же не верилось, что какая-то маленькая Япония посмеет всерьез ввязаться в борьбу с таким исполином, как Россия. Вообще что такое война — большинство четко себе не представляло. Одним она казалась коротенькой экспедицией, чуть ли не командировкой. Другим представлялась совершенно независимым от воли людей явлением природы, вроде налетевшей среди бела дня грозы.

О Японии и ее армии в России, откровенно говоря, имели представление, мало чем отличавшееся от того, какое было о ней, например, у командира полка «свиты его величества» генерала Николаева. Современники рассказывают, что, узнав в яхт-клубе от престарелого генерал-адъютанта князя Белосельского-Белозерского об объявлении войны, Николаев спросил:

— Да где же находится эта Япония?

Белосельский-Белозерский объяснил, что она расположена на островах. На это генерал Николаев, улыбнувшись в свои густые седые усы, ответил:

— Что ты, что ты, батюшка!.. Разве может быть империя на островах?!

В пять часов вечера 27 января все офицеры гвардии и петербургского гарнизона были снова созваны в Зимний дворец. Но на этот раз уже не на бал, а по случаю объявления войны с Японией.

Участников русско-турецкой войны 1877—1878 годов среди присутствовавших оставалось мало, а молодое поколение офицеров привыкло исполнять военную службу как всякое другое ремесло мирного времени. В них больше воспитывали чувство верности престолу, чем чувство тяжелой военной ответственности перед Родиной. Быть может, именно поэтому никому еще как-то не верилось, что такое событие, как война, может нагрянуть столь просто и неожиданно. О степени готовности армии и России к войне не знали.

По окончании молебна в дворцовой церкви в зал вошел Николай II, в скромном пехотном мундире и с обычным безразличным ко всему видом. Все заметили только, что он был бледен и более возбужденно, чем всегда, трепал в руке белую перчатку.

Повторив известное уже всем краткое сообщение

о ночном нападении на русскую эскадру в Порт-Артуре, он закончил бесстрастным голосом:

— Мы объявляем войну Японии...

Тут раздалось «ура». Оно пробежало эхом по бесчисленным коридорам и залам дворца, но прозвучало казенно: лишь немногие вызвались поехать на войну...

Непродуманная и легкомысленная русская политика на Дальнем Востоке столкнулась в начале нынешнего века с захватническими устремлениями Японии, где уже тогда зарождались грандиозные планы доминирования на азиатском континенте. Подготовившись сама к войне, Япония знала, что Россия не сможет отразить вооруженное нападение здесь, на Востоке, за тысячи километров от центра.

Русское общественное мнение мало интересовалось Дальним Востоком, и война с Японией, повторим, явилась для него полной неожиданностью. Война была непопулярна. Единственное, что оживило чувство патриотизма и оскорбленной национальной гордости, было пиратское нападение на Порт-Артур.

В ПРОШЛЫЕ ВРЕМЕНА, а прошлым для нас стал уже не только девятнадцатый век, но и начало двадцатого века, принято было считать, что каждый офицер должен пережить самое малое две войны — одну в юности и другую в пожилом возрасте. Вряд ли эта примета справедлива, но такая примета была. Во всяком случае, в юности Александр Колчак такую войну пережил.

Позже он рассказывал:

— Когда я в Якутске получил известие о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре, и вслед за тем известие о том, что адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию наук с просьбой вернуть меня в Морское ведомство и обратился в Морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в Тихоокеанскую эскадру, для участия в войне.

Показательный штрих — не правда ли?

Академия наук не хотела отпускать Колчака, пришлось добиваться своего через президента — великого князя Константина Константиновича.

Пока суть да дело, Александр с невестой перебра-

лись в Иркутск, где в местном географическом обществе он сделал доклад «О современном положении Русской полярной экспедиции». Одновременно подготовил и отправил в Петербург — в Академию наук — «Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннета для оказания помощи барону Толлю лейтенанта Колчака», датированный 9 марта. Вскоре он был опубликован в «Известиях Императорской Академии Наук».

Кто знает, повернись судьба по-иному, и мы бы находили фамилию Александра Васильевича среди знаменитых российских путешественников, ученых, первооткрывателей. И здесь он достиг бы, несомненно, больших успехов. Но Колчак очень остро переживал японскую агрессию и всегда помнил: он — военный моряк, офицер. Чувство долга обязывало его принять активное участие в войне с Японией. В томительном ожидании сменяли друг друга февральские дни.

Получив наконец известие о благоприятном решении его вопроса, Александр Колчак стал срочно готовиться к отъезду в Порт-Артур, куда ему было приказано явиться.

Так как Оленин был в курсе дел экспедиции, Колчак сдал ему все дела, ценности, научные коллекции и поручил со всем этим ехать в Петербург, в Академию наук для доклада.

Теперь оставалось только одно — определиться наконец со своей личной жизнью, тем более, что невеста уже устала ждать.

В условиях начавшейся войны свадьбу решили далее не откладывать. Из родственников в Иркутск приехал только отец Колчака — Василий Иванович.

5 марта 1904 года А. В. Колчак и С. Ф. Омирова обвенчались в Градо-Иркутской Михайло-Архангельской церкви. Это событие зафиксировано скупой записью в церковной книге:

«Звание, имя, фамилия, отчество и вероисповедание жениха и который брак» — «Лейтенант флота Александр Васильевич Колчак, православный, первым браком, 29 лет».

«Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты и который брак» — «Дочь Действительного Статского советника, потомственная дворянка Подольской губернии София Федоровна Омирова, православная, первым браком, 27 лет».

«Кто совершил таинство: — Протоиерей Измаил Ионнов Соколов с диаконом Василием Петелиным.

Кто были поручители: — По жениху: генерал-майор Василий Иванович Колчак и боцман Русской полярной экспедиции, шхуны «Заря» Никифор Алексеевич Бегичев. По невесте: подпоручик Иркутского Сибирского пехотного полка Иван Иванович Желейщиков и прапорщик Енисейского Сибирского пехотного полка Владимир Яковлевич Толмачев.

Подписи: Протоиерей Измаил Соколов

Диакон Василий Петелин».

Пробыв еще несколько дней в Иркутске, они разъехались: молодая жена со свекром в Петербург, муж со своим другом Н. А. Бегичевым, который изъявил желание идти с Колчаком и дальше, — в Порт-Артур, к вице-адмиралу С. О. Макарову.

ЗА ВОСЕМЬ ЛЕТ ДО ВОЙНЫ Степан Осипович Макаров писал, что японцы начнут войну с нападения на русский флот, так как, не уничтожив его, они вообще не могут воевать с Россией. Задача русского Тихоокеанского флота, по мнению Макарова, состояла в том, чтобы самому уничтожить неприятельский флот и блокировать берега Японии.

Обстоятельный отчет Макарова, характеризующий его не только как моряка с широкими оперативными взглядами, но и как незаурядного политика, был принят к сведению и... сдан в архив. Но Макаров продолжал интересоваться событиями, происходившими на Дальнем Востоке. В 1900 году он снова обратился в Морское министерство, на этот раз протестуя против безответственного отношения к сооружению укреплений Порт-Артура. Он точно определил роль крепости в будущей войне. «Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке, — писал он. — Порт-Артур должен быть сделан неприступным». И снова рапорт оставлен без внимания.

26 января 1904 года, когда флот Японии находился в Желтом море на пути к Порт-Артуру, главный комендант Кронштадтского порта вице-адмирал Макаров, находясь за тысячи километров от Дальнего Востока и тревожась за судьбу русского флота, подал

в Морское министерство письмо, в котором предупредил, что нахождение судов на открытом рейде дает японцам возможность беспрепятственно производить ночные атаки. «Японцы не пропустят такого бесподобного случая нанести нам вред,— писал он.— Вполне понимаю, что пребывание флота на внутреннем рейде Порт-Артура есть зло, но еще большее зло стоянка на большом рейде с огромным расходом угля, с крайним утомлением команд и возможностью больших потерь от минных атак неприятеля». Из двух зол Макаров рекомендовал выбрать меньшее: «держат не занятые операциями суда флота во внутреннем бассейне Порт-Артура».

Голос Макарова прозвучал одиноко. Письмо с резолюциями «доложить его высочеству», «военно-морскому отделу к делам» и «хранить весьма секретно, копий не снимать» — попало в архив.

Но когда началась война и прогнозы Макарова подтвердились, когда положение на Дальнем Востоке стало критическим, 1 февраля вице-адмирала известили, что царь назначил его командующим флотом на Тихом океане. Через несколько дней Степан Осипович со своим штабом выехал на театр военных действий.

24 февраля в Порт-Артур прибыл новый командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Макаров и немедленно отправился на корабли. Он принял решительные меры по усилению обороны базы и повышению боевой активности эскадры. Русский флот впервые в большом масштабе и с должной эффективностью стал использовать минное оружие.

Прибыв во второй половине марта в Порт-Артур, лейтенант Колчак явился к командующему Тихоокеанской эскадрой вице-адмиралу С. О. Макарову, которого считал «своим учителем как в военном деле, так и в области научных работ», и попросил назначения на миноносец.

Адмирал приветливо встретил молодого офицера, будучи наслышан о его полярных походах совместно с бароном Толлем в поисках таинственной «Земли Санникова». Но дать в командование миноносец не спешил. Он считал, что Колчаку нужен небольшой отдых после «полярных приключений», что ему не-

обходимо пожить в человеческой обстановке на большом корабле.

— Послушайте совета,— продолжал убеждать Колчака адмирал,— отдохните, осмотритесь, не суетесь зря. Судьба везде найдет. Если само начальство так решило,— значит надо. Свое дело хорошенько делайте, и пока довольно. Выскакивать нечего. Погибнуть нетрудно и не страшно, но погибать зря — глупо!

Колчак как будто соглашался с доводами адмирала и... продолжал упорствовать, прося назначения на миноносец.

— Неисправим, хоть брось! — махнул рукой адмирал.— Ну, так вот: свободного миноносца у меня сейчас ни одного нет... Ступайте к начальнику штаба, он что-нибудь придумает... Дай Бог, в добрый час! — закончил он разговор своей любимой поговоркой.

Для Александра Колчака этим «что-нибудь» оказалось назначение его вахтенным начальником на крейсер I ранга «Аскольд».

Ныряя по выбоинам, пересекая лужи, похожие на пруды, жмурясь и прикрываясь как можно от брызг жидкой грязи, снопами вздымавшихся из-под ног лошадей и колес экипажей, Колчак жадно всматривался, пытаясь уловить и запечатлеть в памяти общую картину, общее настроение города...

Поминутно попадались обозы, отмеченные красными флажками. Тяжело громыхали зарядные ящики артиллерии. Рысили легкие одноколки стрелков. Тащились неуклюжие азиатские повозки, запряженные лошадьми, мулами, осликами, высоко подобрав полы шинелей, шагали при них конвойные солдаты; ревели ослы, надрывно кричали и ссорились между собой китайские и корейские погонщики, беззастенчиво использовали все богатство русского языка ездовые. С озабоченным видом, привстав на стременах, сновали казаки-ординарцы; с музыкой проходили какие-то воинские части. В порту грохотали лебедки, гудели свистки и сирены, пыхтели буксиры; четко рисуясь в небе, поворачивались, наклонялись и подымались, словно щупальца каких-то чудовищ, стрелы гигантских кранов. Слышались лязг железа, слова команды, шипенье пара. Откуда-то долетали обрывки «Дубинушки» и размеренные выкрикивания китайцев, что-то

тащивших или подымавших... А над всем этим — ярко-голубое небо и ослепительное солнце.

«Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний», — удивленно размышлял Колчак, направляясь к своему кораблю. И тем не менее он чувствовал, что в этой суете, в этом лихорадочном оживлении нет ни растерянности, ни бестолковости. Чувствовал, что каждый занимается своим делом и уверен, что выполнит его как надо. Огромная машина, которую называют военной организацией и которую в мирное время проверяют и «проворачивают вхолостую» лишь по частям — работала сейчас по-настоящему, полным ходом.

Тяжелые впечатления от расставания с женой, неудовлетворенность от разговора с адмиралом — все сгладилось, потонуло в чувстве солидарности с этой массой людей, еще так недавно почти чуждых друг другу, а теперь — живших одной жизнью, одной мыслью...

Прямо перед Колчаком возвышался массив Золотой горы, увенчанной брустверами батарей, над которыми высоко в небе гордо вилял на ветру русский флаг. Налево, в восточном бассейне, виден был «Новик», а из-за серых крыш мастерских и складов поднимался целый лес стройных, тонких мачт миноносцев, темнели громады «Петропавловска» и «Севастополя». Правее, в проходе на внешний рейд, видны были мачты и трубы «Ретвизана». Еще правее, за батареями, вырисовывались силуэты прочих судов Тихоокеанской эскадры, тесно набитых в небольшое пространство западного бассейна.

Колчак прошел на адмиральскую пристань и через несколько минут уже высаживался с катера на «Аскольд». Встретили его без особых церемоний. Познакомились. Сразу, не спускаясь вниз, провели по кораблю...

Прошло уже две недели, как японский флот не проявлял никаких признаков деятельности в районе Порт-Артура. Это казалось подозрительным, и в ночь с 30 на 31 марта все исправные миноносцы были направлены в разведку. Считали, что ночного, темного времени вполне достаточно для выполнения поставленной задачи, но, на всякий случай, если бы пришлось возвращаться уже при свете дня, миноносцам было

обещано, что для их прикрытия с рассветом выйдет в море им навстречу крейсер «Аскольд». В четыре часа утра вице-адмирал Макаров со штабом перебрался на «Петропавловск». В это же время на востоке показались возвращавшиеся миноносцы. Неожиданно с их стороны донеслись раскаты выстрелов. Туда устремились «Баян», «Диана», «Новик» и «Аскольд», но вскоре все закончилось и миноносцы вернулись в гавань, кроме «Страшного», который в результате скоротечного боя был японцами потоплен. В семь часов из гавани вышел «Петропавловск», за ним «Полтава». Все корабли выстроились в кильватерную колонну и направились к месту гибели «Страшного», где обнаружили японские броненосцы и миноносцы. Превосходство сил было на стороне врага, и Макаров повернул к Порт-Артуру. Вскоре японские корабли прекратили погоню и ушли на запад.

— Почему они не стреляли? — недоумевал Колчак. — «Аскольд» шел последним — на расстоянии орудийного выстрела, прямо соблазн швырнуть несколько снарядов...

Тем временем из гавани вышли остальные корабли, и вся эскадра начала обычное крейсерство в окрестностях Порт-Артура. На сегодня — инцидент исчерпан. Пора приниматься за утреннюю приборку. Колчак спустился с верхнего мостика, начал отдавать обычные распоряжения старшему боцману, когда глухой, раскатистый удар заставил вздрогнуть не только его, но и весь крейсер. Колчак в недоумении оглянулся... Удар повторился еще громче... Что такое?

— «Петропавловск»!.. «Петропавловск»!.. — как-то жалобно и беспомощно раздалось вокруг разрозненные, испуганные восклицания, заставившие Александра броситься к борту в предчувствии чего-то ужасного.

Он увидел большое облако бурого дыма. «Пироксилин, минный погреб», — мелькнуло в мозгу. Его взгляд выхватил из дыма как-то нелепо, наклонно повисшую в воздухе, не то летящую, не то падающую фок-мачту... Слева от этого облака видна была задняя часть броненосца, совсем такая же, как и всегда, словно там, на носу, ничего не случилось.

Третий удар... Клубы белого пара, заслонившие бурый дым...

«Котлы!» — пронеслось в голове.

Корма броненосца вдруг стала подниматься так резко и круто, точно он тонул не носом, а переломившись посередине. На мгновение в воздухе мелькнули еще работавшие винты...

Колчаку показалось, что эта, единственно видимая за тучей дыма и пара кормовая часть «Петропавловска» вдруг словно раскрылась, и какой-то ураган пламени хлынул из нее, как из кратера вулкана... Ему казалось, что даже несколько мгновений спустя, после того как скрылись под водой остатки броненосца, море еще выбрасывало это пламя...

Никогда еще на «Аскольде» не наступало такого глубокого безмолвия...

Внешне как Колчак, так и все офицеры крейсера сохраняли спокойствие. Каждый инстинктивно чувствовал, что одно неосторожное слово, один неверный жест могли вызвать панику. Это был один из тех критических моментов, когда от ничтожного внешнего толчка люди могут с одинаковой вероятностью и проникнуться жаждой подвига, и предаться позорной трусости.

Миноносцы бросились к месту гибели «Петропавловска» в надежде спасти кого еще можно. Как известно, из всего экипажа броненосца спаслись только семь офицеров (в том числе Великий князь Кирилл Владимирович) и 73 матроса.

Суровая тишина царила вокруг Колчака, и в этой тишине, и в себе самом молодой лейтенант чувствовал не подавленность, не растерянность, а вскипающий могучий гнев, всепоглощающую ненависть к врагу за его удачу, холодную решимость бороться до последнего. Без команды, без сигнала все были на своих местах, готовые к бою...

Вскоре после полудня «Аскольд» вместе с другими кораблями эскадры уже стоял на своем месте в западном бассейне порт-артурской гавани.

Ужасный день...

Никогда, ни до того, ни после, в самых тяжелых условиях войны Колчаку не приходилось испытывать на себе такого гнета непоправимости разразившегося удара.

Это было общее настроение.

Существует предание, что в Александрии «ревностный проповедник Евангелия бросился с топором на

статую Сераписа и начал рубить ее, и гром не грянул, и земля не расступилась, чтобы поглотить нечестивца, и великое уныние распространилось среди язычников...» Именно уныние. Впоследствии многие из них крестились, но не потому, чтобы вдруг перестать верить в старых богов (это не делается сразу), а в силу горького осознания того, что старые боги их покинули, от них отвернулись.

Мы привели эту легенду потому, что ею ярче всего можно охарактеризовать то состояние, в котором находились Колчак и весь личный состав эскадры после гибели адмирала Макарова.

— Если Бог попустил такую беду, — значит, отступился...

Командующий флотом погиб, не осуществив своих оперативных и тактических планов и намерений. Останься он жив, и, возможно, по-иному сложился бы ход русско-японской войны. С гибелью Макарова активные операции русских кораблей прекратились. Да и японцы словно сквозь землю провалились и не показывались в течение почти трех недель. Эскадра замерла в бассейнах, даже дежурство крейсеров на внешнем рейде Порт-Артура было отменено.

В это время с помощью паровых катеров и баркасов тралили внешний рейд, разыскивая японские мины, и, действуя тем же образом, ставили свои в тех местах, куда сами ходить не собирались. Но все это делали как-то вяло, неуверенно, нерешительно... Макаровские активные действия бесспорно были осуждены начальствующими в Порт-Артуре лицами, возмущавшимися лозунгом «беречь и не рисковать» кораблями.

Колчака не устраивала спокойная жизнь на корабле, он рвался в бой. И вскоре добился своего.

Циркуляром наместника императора на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева лейтенант Колчак 17 апреля переводится исполняющим дела артиллерийского офицера на минный заградитель «Амур», а через три дня назначается командиром эскадренного миноносца «Сердитый».

Но Александр Колчак не рассчитал своих сил, которые и так уже были подорваны двумя полярными экспедициями, не выдержал нового напряжения: получил тяжелое воспаление легких и был вынужден лечь в госпиталь. Оправившись от болезни, он в июле вновь

вступил в командование миноносцем, участвовал в выходе кораблей эскадры из Порт-Артура с целью прорыва во Владивосток, но в боях в Желтом море против японского флота не участвовал. Колчак лишь проводил эскадру, а затем вернулся в Порт-Артур.

После неудавшегося прорыва во Владивосток вернулись на базу и остатки русской эскадры. В Порт-Артур возвратились броненосцы «Пересвет», «Ретвизан», «Победа», «Севастополь» и «Полтава», крейсер «Паллада», три миноносца и госпитальное судно «Монголия». Броненосец «Цесаревич» дошел до Циндао, крейсер «Диана» пришел в Сайгон, крейсер «Аскольд» — в Шанхай. Все они были интернированы и разоружены. Тоже случилось и с четырьмя миноносцами. Миноносец «Бурный» налетел на камни и погиб.

С этого времени флот был привлечен к артиллерийской обороне крепости, активно поддерживал своим огнем сухопутные войска. Для усиления сухопутного фронта туда была передана значительная часть личного состава эскадры, сотни орудий и большое количество боеприпасов. Какая ирония! — Флот на сухопутном фронте...

Эсминец «Сердитый» под командованием Колчака продолжал заниматься постановкой минных заграждений, неоднократно участвовал при этом в мелких столкновениях и боях.

— Я осенью видел, — рассказал Колчак позже, — что мне становится на миноносце все хуже и хуже. После того как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный фронт. Последнее время мы уже занимались постановкой, главным образом, мин и заграждений около Порт-Артура, и мне удалось в конце концов поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на которой взорвался японский крейсер «Такасаго»¹.

Как воевал Колчак? За «сторожевую службу и охрану проходов в Порт-Артур, обстреливание неприятельских позиций» на «Сердитом» 11 октября он был

¹ Японский легкий крейсер «Такасаго» взорвался в ночь на 30 ноября 1904 года на минном заграждении, выставленном эсминцем «Сердитый» 27 августа к югу от Порт-Артура. У японцев погиб весь экипаж: 23 офицера и 251 матрос.

пожалован орденом Св. Анны четвертой степени с надписью «За храбрость».

К осени у Александра Васильевича резко обострился суставной ревматизм — последствие полярных экспедиций (как и быстрая потеря зубов; к 1919 году он был почти беззубым). Да и центр тяжести боевых действий переместился на сухопутный фронт. 1-я Тихоокеанская эскадра через шесть месяцев боевых действий, не добившись преобладания на море и потеряв всего один броненосец из семи и несколько малых кораблей, перестала существовать как боевая организованная морская сила. Колчак прекрасно все это видел и понимал. Поэтому и вынужден был в сентябре просить назначения на сухопутный фронт.

Молодому лейтенанту на этой войне пришлось пережить многое, но не верилось, что все окончится так печально; все надеялись на другой исход, ну, да не привел Бог, что делать.

Пересказать то, что там было, нам не под силу, да и трудно не испытывшему это представить себе ту ужасную, тяжелую и трагическую картину. Даже теперь, когда оглядываешься назад, перед мысленным взором вырастает что-то грандиозное, потрясающее, и понимаешь, сколько горя, сколько боли оставлено там, в Порт-Артуре.

СУХОПУТНЫЙ ФРОНТ крепости Порт-Артур состоял из линии долговременных фортов, укреплений и батарей. Промежутки между ними были заполнены стрелковыми окопами с блиндажами, бойницами. Вся эта линия была окружена кольцом искусственных препятствий, главным образом в виде простых и электрических проволочных сетей и фугасов. Все форты, укрепления и главные батареи соединялись между собой и со штабом крепости сетью телефонов. На некоторых фортах и между ними были установлены прожектора.

В тылу линии долговременных фортификационных сооружений располагались отдельные артиллерийские огневые точки и батареи крепостной артиллерии, почти везде открыто, на вершинах гор. Из них наиболее известны в истории обороны Порт-Артура Большое и Малое Орлиные Гнезда, Заредутная и Курганная

батареи и другие. Перед линией фортов были оборудованы передовые позиции полевого типа, редуты Кумирненский, Водопроводный, Скалистый и другие. Общее командование фронтом осуществлял генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко.

Весь сухопутный фронт был разделен (справа налево) на Восточный, Северный и Западный фронты. Нас интересует Восточный фронт, поскольку на его северо-восточном участке и воевал лейтенант Александр Колчак. Фронт начинался у бухты Тахэ, включал форты № 1, 2 и 3 и заканчивался укреплением № 3 и Курганной батареей; в тылу фронта имелась еще одна оборонительная линия, окружавшая Старый город. От Северного фронта Восточный отделялся долиной реки Лунхэ, по которой проходила железнодорожная линия и Мандаринская дорога. Восточный фронт делился на несколько боевых участков. Его особенностью являлось наличие на линии фронта оставшегося еще от китайцев земляного вала, так называемой «Китайской стенки». Восточный фронт был подчинен командиру бригады 7-й дивизии генерал-майору Горбатовскому.

2 ноября 1904 года лейтенант Колчак назначается на Восточный фронт командиром сводной батареи 120-миллиметровых и 47-миллиметровых морских орудий в Вооруженном секторе Скалистых Гор под началом капитана II ранга А. А. Хоменко и «с прикомандированием к эскадренному броненосцу «Ретвизан» для продовольствия». Там он не только заслужил новые боевые награды и получил ранение, но и составил «Записки о действиях артиллерии», которые позже высоко оценили специалисты.

В это время положение на Восточном фронте складывалось тяжелое. Ежедневно с раннего утра, как горох, сыпались на головы защитников крепости японские снаряды самых различных калибров, назойливо визжали над ухом ружейные и пулеметные пули. На эту какофонию не отвечали, сидели, притаившись в окопах, в подавленном настроении — берегли снаряды и патроны, которые потом использовали против штурмующей русские укрепления японской пехоты. Не раз и не два русские солдаты и матросы ходили в яростные штыковые контратаки.

После одной из них японцы неожиданно запросили несколько часов перемирия, чтобы убрать своих уби-

тых. Во время уборки к поручику Карамышеву, наблюдавшему за японцами в районе Курганной батареи, подошел японский офицер, хорошо говоривший по-русски, и сказал:

— Вчера здесь был убит сын командующего третьей армией генерала Ноги. Труп его мы нашли. На нем была золотая шашка — подарок нашего императора. Это ценная вещь для генерала Ноги. Прошу, если кто-нибудь из ваших солдат, польстившись на золото, взял эту шашку, пусть возвратит. Генерал Ноги его достойно отблагодарит.

Карамышев молча сходил к себе в блиндаж, принес золотую шашку и, передавая ее японцу, сказал:

— Наши солдаты не польстились на золото, ее взял мой денщик как трофей и подарил мне.

Затем, помолчав немного, добавил:

— Я ее возвращаю генералу Ноги и благодарности не прошу.

С обеих сторон на уборку трупов вышло много офицеров и солдат. То тут, то там завязывались оживленные беседы. Русские санитары вместе с японскими быстро уносили трупы к окопам последних — времени было немного. Русский горнист проиграл отбой, и обе стороны быстро разошлись по своим позициям. Еще несколько минут — и снова засвистели пули и загрохотали взрывы снарядов, снова те же люди, которые так недавно вместе мирно работали и разговаривали между собой, стали непримиримыми врагами.

В течение августа — ноября японцы четыре раза предпринимали штурм русских позиций под Порт-Артуром, и лишь ценой больших потерь смогли в отдельных местах вклиниться в оборону защитников крепости. На Восточном фронте японцам удалось взять в сентябре капонир № 3¹, Кумирненский и Водопроводный редуты, в октябре — капонир № 2. В ноябре они постоянно штурмуют форты № 2 и № 3, но, потерпев неудачу, переносят свои основные усилия на Западный фронт, где 22 ноября овладевают горой Высокой. Отсюда японская артиллерия приступила к уничтожению уцелевших кораблей русской эскадры, запертой на внутреннем рейде.

В связи с тяготами окопной жизни и с ухудшением

¹ Оборонительное сооружение для ведения огня в двух противоположных направлениях.

питания в Порт-Артуре началась цинга, которая в отдельные дни вырывала из рядов защитников крепости больше людей, чем снаряды и пули противника. Усилились холода.

Колчак быстро привык к ежедневным потерям, к постоянному свисту пуль, к оглушительным разрывам 11-дюймовых снарядов, которые не выдерживали никакие бетонные блиндажи и укрытия. Но артиллеристы лейтенанта Колчака дрались с прежней энергией и упорством, ежедневно под руководством своего командира били по вражеским позициям, по ночам восстанавливали разрушения, причиненные артиллерийским огнем неприятеля, совершенствовали оборонительные сооружения. Все ноябрьские дни Александр Колчак был в горячем сражении, в артиллерийской перестрелке, отражал атаки японской пехоты, собирал неразорвавшиеся 11-дюймовые снаряды противника, к которым в мастерских нарезали новые ведущие пояски и затем из орудий отправляли их обратно — по японским позициям. Все попытки японцев проникнуть в глубину обороны русских провалились. И в этом немалая заслуга лейтенанта Александра Колчака.

В конце ноября произошло событие, которое тяжелым камнем легло на сердце Колчака. Японская артиллерия с горы Высокой начала систематический обстрел кораблей русской эскадры. На глазах у Колчака затонули броненосцы «Ретвизан», «Пересвет», «Победа». Их участь разделили «Полтава», «Паллада», «Баян» Велико было возмущение офицеров и матросов, потерявших свои боевые корабли не в открытом бою с неприятельским флотом в море, а в результате расстрела с суши. Их ярость обратилась на японцев, штурмовавших крепость.

Вследствие больших потерь и болезней среди солдат защита Порт-Артура после ноябрьских боев на многих участках Восточного и других фронтов легла на моряков. Японцы по этому поводу писали в газетах, что на позициях русских видны главным образом синие куртки (форма моряков).

Здесь держали фронт опытные, закаленные в боях, отважные, мужественные и сильные люди. Был среди них и лейтенант Александр Колчак.

В декабре он вел рабочую тетрадь-дневник, где на

тридцати семи страничках описал ход обороны сектора, боевую жизнь свою и соседних батарей.

Практически все это время Александр Васильевич болел — все сильнее и сильнее начинали сказываться последствия длительного пребывания на Крайнем Севере.

Дневник лейтенанта Колчака — свидетельство последних трагических дней 329-дневной обороны Порт-Артура, когда главные опорные пункты сухопутного фронта уже были захвачены японцами и положение стало критическим. Он содержит интересные сведения по истории порт-артурской эпопеи и характеризует своего автора как вдумчивого аналитика, смелого экспериментатора в области артиллерийского вооружения начала века. Под Порт-Артуром мичман русского флота С. Н. Власев создал новый вид оружия — миномет, а лейтенант Колчак был одним из офицеров, первыми начавших применять его в бою.

Вот что писал Колчак в своей тонкой ученической тетрадке-дневнике (второстепенные детали и события опущены)¹:

«Цинга увеличивается, и больных ею — масса; характерно заболевание куриной слепотой — признак крайнего утомления и истощения...

*Венера (пятница) 3/16 декабря*². Утро ясное и холодное...

Днем редкий огонь преимущественно из 11-дюймовых орудий (обозначение калибра орудий в дюймах. — *Авт.*) <...> Днем японцы время от времени пускали шрапнель (артиллерийский снаряд для поражения открытых живых целей. — *Авт.*) на батарею № 4 и Скалистую гору. Сегодня орудия с отрога Большой горы обстреливали окопы на гласисе (земляная пологая насыпь перед наружным рвом укрепления. — *Авт.*) и ров у укрепления № 3 — очень неудачно, и разрушили японские окопы около правого угла рва этого укрепления. Вечером, когда стемнело, я приступил к углублению хода сообщения к батарее № 4. Грунт скалистый, и необходимы подрывные работы... Днем я сделал несколько

¹ Дневник цитируется с некоторыми сокращениями по публикации С. В. Дрокова в журнале «Советские архивы» (1990. № 5. С. 62—74).

² Здесь и далее — старый / новый стиль.

выстрелов по перевалу из 120-мм (обозначение калибра орудий в миллиметрах. — *Авт.*) орудия по идущему обозу...

Сатурн (суббота) 4/17 декабря. С утра начали делать <...> ход сообщения. Японцы <...> шрапнель на наши батареи. Круссер (командир 75-мм батареи. — *Авт.*) весь день обстреливал японские работы в долине Лун-хе (река. — *Авт.*) и батареи 75-мм орудий за Курганной батареей. Японцы с утра обстреливали Старый Город и порт из 2"—6" орудий с Волчьих гор. К вечеру они начали стрельбу из 11" мортир (артиллерийское орудие с коротким стволом, допускающее стрельбу навесным огнем по целям за укрытиями. — *Авт.*) по правому флангу, а с 11 часов ночи стали стрелять куда-то в Новый Город. Третьего дня нас постигло большое несчастье — 11" снаряд около 10 [часов] вечера влетел в каземат форта № 2 в офицерское помещение и убил 7 и ранил 8 офицеров. В числе убитых, к несчастью, находился генерал Кондратенко, полковник Науменко, полковник Рашевский; потеря Кондратенко — незаменима — это был самый выдающийся защитник Артура...»

Случилось это так.

Японцы ворвались в ров форта № 2. Солдаты, загородив им путь мешками с песком, сохранили за собой половину рва. Через несколько дней японцы пробуравили стену из мешков с песком и пропустили через нее трубку, через которую стал проникать удушливый газ. Положение оказалось критическим. Об этом доложили Кондратенко.

2 декабря начальник сухопутного фронта генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко решил осмотреть форт № 2. Вечером он прибыл к командующему вторым отделом Восточного фронта подполковнику Науменко и вместе с ним в сопровождении других офицеров отправился на передний край обороны.

На форте генерала встретил комендант поручик Фролов и провел в бетонный каземат, где жили офицеры, доложил о состоянии форта. Военный инженер подполковник С. А. Рашевский (посмертно удостоен звания полковника) доложил генералу о минных работах японцев против форта. Слушая, Кондратенко изредка делал замечания и давал указания.

В это время снаружи послышался гул крупнокалиберного снаряда, раздались сильный удар и взрыв. С потолка посыпалась штукатурка, погасла свеча. Через несколько минут последовал второй взрыв. Кондратенко продолжал совещание. После обмена мнениями решили осмотреть форт. В сопровождении коменданта и Рашевского генерал вышел из каземата и поднялся на парапет. В это время разорвался недалеко от форта очередной гаубичный снаряд. Офицеры вернулись в каземат.

Шел десятый час вечера. Склонившись над картой, генерал сидел за столом. Послышался гул очередного 11-дюймового снаряда. Каземат озарила ослепительная вспышка, сопровождавшаяся взрывом... Все офицеры были убиты.

Гибель генерала Кондратенко была большой потерей для Порт-Артура. Если в свое время смерть вице-адмирала Макарова произвела на офицеров и матросов, только что начавших войну, тяжелое впечатление, то весть о смерти генерала Кондратенко для гарнизона крепости, находящегося в безвыходном положении, просто всех потрясла. Оборона Порт-Артура по существу кончилась со смертью Кондратенко. Началась усиленная, ничем не прикрытая подготовка к капитуляции, возглавляемая генералами А. М. Стесселем и А. В. Фоком (новый начальник сухопутного фронта). В 1907—1908 годах оба привлекались к военно-уголовной ответственности за сдачу Порт-Артура. Стесселя, как главного виновника, приговорили к смертной казни, замененной 10-летним заключением. Но в 1909 году он был помилован по «высочайшему повелению».

4 декабря на Восточном фронте происходила усиленная артиллерийская стрельба. Сотни крупнокалиберных снарядов противника рвались на фортах и на Орлиных Гнездах.

«После обеда я, — пишет Колчак, — ... был у Стеценко (флаг-офицер при младшем флагмане эскадры. — *Авт.*) и Елисеева (капитан II ранга, начальник 1-го отряда эскадренных миноносцев. — *Авт.*). Степанов (инженер-механик. — *Авт.*) сообщил, что на днях японцы передали нам частную корреспонденцию — во всяком случае, это большая любезность. Про «Сева-

стополь» (эскадренный броненосец. — *Авт.*) он говорит, что атаки на него были отбиты; японцы потеряли 4 миноносца, но взрывы в сетях причинили все-таки повреждения в обшивке, кроме того, одна мина (говорят с минного катера) прошла через разрушенную сеть и причинила пробоину. «Севастополь» теперь на грунте. Во всяком случае, это лучше, чем быть расстрелянным на внутреннем рейде Порт-Артура. Вечером продолжались работы по углублению окопов и ходов сообщения. Ночи теперь лунные, и можно работать...»

Здесь необходимо добавить, что в конце ноября из броненосцев на ходу оставался только один «Севастополь». Под командованием капитана I ранга Н. О. фон Эссена «Севастополь» вышел из внутренней гавани и бросил якорь в бухте Белый Волк. Он рассчитывал уйти в открытое море и прорвать блокаду, но был обнаружен японскими миноносцами. Во время торпедных атак против «Севастополя» японцы выпустили 180 торпед. Артиллеристы броненосца вели огонь по противнику из всех орудий и вывели из строя свыше десяти японских миноносцев. Несмотря на полученную пробоину, которую быстро заделали, «Севастополь» оставался на плаву и продолжал вести огонь по кораблям и сухопутным позициям противника.

Между тем развязка близилась.

Совершенно неожиданно для Эссена утром 20 декабря по телефону было получено распоряжение выполнить секретный приказ, касающийся уничтожения судов эскадры. Эссен организовал эвакуацию команды, вышел на броненосце на глубину и открыл кингстоны... «Севастополь» стал быстро погружаться в воду и крениться. Тогда к борту тонущего корабля подошел пароход «Силач», и Эссен перешел на него с остатками членов команды...

Возможно, «Севастополь» и мог бы в первую ночь после выхода из внутренней гавани прорвать морскую блокаду японцев, но его командиру — капитану I ранга Эссену — этого не разрешили, да и из гавани его выпустили по существу только после ультиматума.

Русская эскадра погибла. Адмиралы, командовавшие ею в разное время, — Старк, Витгефт, Вирен — оказались не флотоводцами и погубили флот, а с ним и тысячи русских моряков.

К слову сказать, не лучше обстояли дела и в Маньч-

журской армии генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина (с октября 1904 года главнокомандующего вооруженными силами на Дальнем Востоке). Роты и батальоны беспощадно уничтожали японцев, полки дрались с невероятным успехом, а дивизия и высшие соединения проигрывали сражения. Происходило это, в первую очередь, оттого, что некоторые русские высшие начальники не умели — а может, и не хотели — принимать на себя ответственность за крупные операции и боевые действия. Каждый из них больше думал о своей пенсии и о продвижении по службе, чем о чести армии и пользе государству. Этим в основном и объясняются неудачи в полевой войне в Маньчжурии, каждый из высших начальников ожидал прямого указания и точного приказа от своего начальника, не проявляя инициативы, с тем чтобы в случае неудачи сослаться на приказ начальника и объявить, что он-де точно его исполнил.

Мы намеренно упомянули о полевой войне в Маньчжурии, чтобы еще раз подчеркнуть, что Порт-Артур является единственным светлым пятном на мрачном фоне несчастной для России войны.

Далее записи Александра Колчака рассказывают нам о напряженной борьбе, драматически складывавшейся обстановке на сухопутном фронте обороны Порт-Артура, в частности вокруг фортов № 2 и № 3, о его личном участии в этих боевых действиях.

«Солнце (воскресенье) 5/18 декабря. Утро ясное, довольно тихо и тепло. Снег понемногу <...> С утра редкий огонь на правом фланге сосредоточивается по форту № 2 и Малому Орлиному Гнезду. Время от времени японцы посылают шрапнель и на наши батареи. Около 2 пополудни на форте № 2 в бруствере (земляная насыпь впереди окопа или траншеи для стрельбы, укрытия стрелков от огня и наблюдения противника. — *Авт.*) был произведен взрыв, и около роты японцев попробовали штурмовать форт, но не пошли далее 1/3 бруствера и залегли. Взорванные места обставили мешками, где и засели. В то же время японцы развили сильный артиллерийский огонь по прилегающим к форту укреплениям... Японцы обстреливали 11" бомбами склон Золотой горы — по-видимому, безрезультатно. Замечено у них два взрыва на Высокой горе (Западный фронт. — *Авт.*) и за Вол-

чьими горами. Сегодня у японцев большое движение обозов, но передвижения войск не заметно. Японцы вели редкий шрапнельный огонь по нашему сектору, до вечера пуская снаряды по всем долинам, вероятно, предполагая там резервы.

Луна (понедельник) 6/19 декабря. Утро холодное... Ночью мы оставили форт 2-й, взорвав все внутренние помещения, и убрали оттуда около 150 человек гарнизона. Держаться далее было бы действительно трудно, когда [укрепления] форта наполовину разрушены и пробиваются каждым 11" снарядом. Японцы под утро обложили форт мешками: из трех взрывов, сделанных ими вчера в бруствере, подействовал хорошо один, другой ничего не сделал, третий выбил забивку в их же сторону... Приступлено к углублению и устройству окопов на Б[езымян]ной горе, устройству глубокого блиндажа: работы ведутся подрывными способами. Днем японцы обстреляли Город 9" [и] 11" снарядами с Пуланжана. Стреляли [с] Сахарной Головы по Новому городу и порту. Утоплен 120-мм снарядами «Всадник». Обычная, редкая шрапнель по дороге и нашему сектору — бризантными снарядами (осколочные или осколочно-фугасные снаряды (гранаты) с дистанционным взрывателем, обеспечивающим разрыв снаряда в воздухе на определенной высоте. — *Авт.*) и 11" mortars по Малому Орлиному и Китайской стенке. Обстреливали также Большое Орлиное и Заредутную. Вечером я продолжал работу по устройству ходов сообщений от батареи № 4 на Безымянную гору и углубил дворик 75-мм [китайских] пушек <...> сделал прикрытие из <...> от шрапнели. Около 9 ч. вечера у укрепления № 3 послышалась стрельба и взрывы бомбочек (имеются в виду ручные гранаты. — *Авт.*) — обстреливал ров, скоро все стихло. 11" орудия с Сахарной посылали время от времени снаряды на форт и укрепление 3-е. Окончил работы в 2 ч. ночи. Ночи теперь лунные, и стрелять хорошо. Я попробовал сегодня 75-мм гранаты с медными поясками, но они оказались негодными для моей пушки и упали на склоне Митрофаньевской горы. Я приготовил 10 таких гранат с керосином для поджога мешков у укреп[ления] № 3, но, к сожалению, ими стрелять нельзя, придется приготовить гранаты со свинцовой оболочкой.

Марс (вторник) 7/20 декабря. День облачный, до-

вольно холодно и свежий ветер. С утра Пуланжанские 11" орудия стреляют по городу; больше половины их снарядов не рвутся. Крестовая гора обстреливала 9" mortars форт № 2...

Работы на Безымянной продолжаются, взрывают пока <...> и разбивают камень. Я углубил яму для 75-мм китайской пушки: в 1 ч. окончил работу и сделал выстрел. Пушка теперь хорошо прикрыта от прицельных выстрелов — вот шрапнель для нас прямо несчастье: у нас нет шрапнели, и хотя японцы стреляют ею неважно, тем не менее это крайне важный снаряд при современной войне. Днем большое движение обозов и людей.

Меркурий (среда) 8/21 декабря. День пасмурный, морозный, и крепкий ветер. Днем отдельные выстрелы. Были у нас генерал-лейтенант Фок и генер[ал]-майор Горбатовский (начальник Восточного фронта. — *Авт.*) — осматривали позиции. Ожидается штурм на Орлиное Гнездо и Курганную батарею. Японцы бросают, по-видимому, воздушные мины на Китайскую стенку около Орлиного Гнезда. Надо будет попробовать пустить в редут № 1 пироксилиновую мину из 97-мм пушки, установленной на Орлином Гнезде. Утром я сделал пробные выстрелы из 47-мм пушек, установленных в импане (китайский хутор. — *Авт.*), для пробы ртутных компрессоров. В двух пушках слабое просачивание ртути. 47-мм пушку № 2 мы ставим на Скалистой горе в редуте... Надо постараться поставить пушку для стрельбы через амбразуру и замаскировать ее, насколько это возможно: он[а] назначается специально для стрельбы в амбразуру блиндажа с 75-мм, недавно поставленной, к крайнему моему неудовольствию, вблизи обстреливаемых мною окопов... Вечером платформу, тумбу и пушку отправили на место установки. Вечер облачный, временами редкий снег, прежний снег уже почти весь исчез. Вечером около 11 донесли, что на Куропаткинском люнете (открытое с тыла полевое укрепление с одной или двумя сторонами, обращенными к противнику, и двумя короткими сторонами, перпендикулярными линии фронта. — *Авт.*) пожар и горят погреба — что это такое, не знаю, — вероятно, мы сами подожгли для уничтожения левой части люнета. Вечером привезли 300 47-мм патронов.

Юпитер (четверг) 9/22 декабря. День ясный и морозный при свежем ветре. Вечером полная луна. Японцы бросают время от времени мины в Китайскую стенку. Редкий орудийный огонь с утра внезапно усилился около 10 ч. утра около укреплений № 3, в ров которого опять забралась японцы; с укрепления стали бросать в ров бомбочки, а ближайшие пушки стали обстреливать ров и окопы. С капонира выпустили в ров 18 снарядов. Скоро все стихло. Днем большое движение войск на <...> перевале — признаки близкого штурма. Японцы работают также на Дивизионной горе — куда стреляли с 75-мм батареи. У нас много новых заболеваний цингой среди команды, и число цинготных теперь не менее 30%. Люди постоянно простужаются, не имея теплого платья, едят одну <...> живут черт знает в каких-то землянках — понятно, и заболевают цингой. У нас все время работали по установке 47-мм пушки в редуте наблюдательного пункта.

Венера (пятница) 10/23 декабря. День ясный, холодный, с крепким ветром. Японцы с 6 часов утра обстреливают центр и прилегающую часть правого фланга: на левом фланге идет артиллерийская подготовка, направленная главным образом на форт № 5 и Точную гору. С 7 ч. утра там началось наступление и сильный ружейный огонь — к 8 ч. утра все стало стихать. 11-е орудия из-под Сахарной стали бросать снаряды на форт и укрепление № 3. Затем стали обстреливать город и порт. На форте № 5 около 11 ч. утра начался пожар. Японцы выбили нас из окопов на Промежуточной горе и заняли их. Пуланжанские 11-е орудия подбили на форте 5 — дальнобойных 6-х пушек — еще одно доказательство, что ставить открыто пушки на фортах нельзя. После полудня стреляли из 120-мм сегментными снарядами на Дивизионную гору, где японцы роют окопы <...> затем стреляли по перевалу по 11-й версте (направл. пер. Мандаринскому) по обозу <...> Около 6 ч. вечера я отправился в город, прошел через порт и, проходя, увидел «Амура», лежащего в доке: это какой-то кошмар: судно лежало на боку с трубами и мачтами на берегу. На катере я переправился на Тигровый полуостров, был <...> «Ретвизана» и «Победы», а затем переговорил с Власевым по поводу воздушных мин. Последние ночи японцы бросают в редут № 1 и канонир 2-й динамитные мины на

Китайскую стенку и причиняют большие разрушения и убивают стрелков. Взрыв их мин очень серьезный, удар напоминает выстрел из 12-дюймового орудия — только более резкий. Надо отвечать японцам тем же и бросать воздушные мины. Это очень трудно в этом месте, но надо попробовать <...> Мина эта (японская. — Авт.) носит вообще характер <...> в нее кроме динамита вложено несколько фунтов рубленой толстой проволоки и мелкие и острые осколки от разорвавшихся снарядов — вообще весьма «гуманное» оружие, и сторонникам мира и гуманности доставило бы много удовольствия... Затопленные суда — минируются и приготавливаются на всякий случай к полному уничтожению. Положение вещей в Артуре очень серьезное».

...Эти постоянные — и днем, и ночью — изнурительные артиллерийские обстрелы выматывали Колчака. Слов нет, куда увлекательнее гоняться за японскими кораблями по морским просторам. Однако лейтенант во время этих артиллерийских обстрелов приобрел тот важнейший для человека навык, без которого ни ему, да и никому другому, не удавалось бы стать истинным военным: умение стоять под огнем. Это далеко не просто: стоять, когда в тебя стреляют, и не ложиться, не прятаться, не забиваться куда-нибудь, когда ноги стремятся унести тебя прочь из опасного места, отдавать в грохоте боя нужную команду, руководить огнем и показывать пример для подчиненных.

Позже Колчак понял: боевой выдержке нельзя научиться в самых лучших морских училищах, ее не освоить на самых суровых маневрах, ее можно приобрести, только находясь под огнем. Только человек, не однажды побывавший под огнем, понимает, что можно, а чего нельзя ожидать от других. Только такой командир знает пределы возможного и невозможного в бою и может точнее и лучше любого военного теоретика под грохот снарядов и стоны раненых товарищей рассчитать каждый свой шаг — это боевой опыт, который не имеет цены для военного человека.

Оборона крепости Порт-Артур принимала все более ожесточенный и обреченный характер. Настроение было неважное. Колчак начинал понимать: проигрывали не рядовые, а генералы. Так и было. Колчаку еще не раз предстояло убедиться в слабости высшего воен-

ного и политического руководства тогдашней России. Дряхлеющий правящий класс уже не в состоянии был выдвинуть полководцев, подобных Петру Великому, Суворову, Кутузову. В Порт-Артуре — только в малых размерах — произошло то, что потом случилось в масштабах неизмеримо более огромных и привело к последствиям несравненно более трагическим и чему Колчак позже стал свидетелем. Только стойкость и мужество русских воинов позволяли армии хоть как-то восполнять просчеты неграмотного командования и плохого руководства...

«Сатурн (суббота 11/24 декабря. Ясный холодный день с ветром, усиливающимся после полудня. Японцы обстреливают с Пуланжана и из-под Сахарной Головы 3-й форт, 3-е укрепление. Днем большое движение обозов, — передвижение войск невелико. Обстреливание дороги из города в штаб генерала Горбатовского шрапнелью, даже по одиночным людям, вызвало устройство новой дороги мимо нашей импани. После обеда батарея Круссера усиленно обстреливала дороги около Сахарной головы; батареи Волчьих гор обстреливали шрапнелью... нашу батарею, а также 75-мм снарядами 47-мм пушки на Митрофаньевской и Владимирской горе. Нашим батареям не принесено существенного вреда (...) на дальних расстояниях шрапнелью стрелять очень трудно, и, по-моему, лучше ее ставить на ударе. Вечером я пришел в штаб генерала Горбатовского и оттуда по ходу сообщения на укрепление № 3; мне надо было найти 75-мм пушку на колесном лафете для стрельбы воздушными минами, предложенными Власевым; на укреплении № 3 имеется такая пушка, обстреливающая ров этого укрепления. Укрепление № 3 почти не пострадало от 11" снарядов; казематы его, покрытые тонким слоем земли, пока выдерживают удары этих снарядов, свободно пробивающих 3" толщину бетона, как на форте № 2. Мнение инженера, что постройки укрепления и форта 3 выдержат 3—4 11" снаряда в одно и то же место...

Солнце (воскресенье) 12/25 декабря. С утра японцы начали обстреливать (...) Курганную батарею... Огонь по Курганной был очень сильный — они выпустили 140—142 11" снарядов, но результаты ничтожны; ни одного раненого, и подбит лафет 42-линейной полевой пушки. Это обстреливание продолжалось до вечера.

Вечером я отправился на дачные места переговорить с капит[аном] 2 ранга Герасимовым (автор приспособления мортиры для стрельбы минами. — *Авт.*) и лейтенантом Развозовым (производил опыты по стрельбе минами из мортир. — *Авт.*) относительно минной стрельбы с Орлиного Гнезда. Мне обещали через несколько дней доставить минную пушку для стрельбы минами на 400—500 шагов... Их разрушительное действие не уступает японским минам, а гораздо больше, т. к. гильзы из толстой меди рвутся на массу мелких неправильных кусков. С дачных мест я и лейт[енант] Развозов верхами отправились в штаб г[енерала] Горбатовского и оттуда прошли на Китайскую стенку, против редута № 2, где я осмотрел минную пушку, и при мне выбросили мину на японские окопы около редута; взрыв 18-фунтовой мины очень серьезный. Японцы подошли под стенку, местами на 20 шагов, и мы бросали в них бомбочки, состоящие из пустых 47-мм гильз, снаряженных пироксилином (взрывчатое вещество, превращаемое соответствующей обработкой в бездымный порох. — *Авт.*) и рокароком (рок-арок — взрывчатое вещество, приготовляемое местными инженерами из выловленных японских мин. — *Авт.*), воспламеняющимися или бикфордовым шнуром от фитиля, или же бикфордовым шнуром с вытяжной трубкой. Эти бомбочки чрезвычайно сильны на таких близких расстояниях — они делают сильный взрыв, убивающий ближайших людей и производящий достаточное моральное впечатление, чтобы остальные прекратили работы.

Луна (понедельник) 13/26 декабря. День ясный и теплый с легким ветром. С утра японцы обстреливают 11" снарядами Курганную, укрепление № 3 и форт № 3 — очевидно, готовят штурм на эти укрепления; масса вновь поставленных пушек, преимущественно 75-мм... Кроме того, они отвечают на каждый наш выстрел и поминутно пускают по всем направлениям шрапнель. Около 4 часов я прошел на капонир, чтобы заменить разогревшееся кольцо и плиту 75-мм китайской пушки. Японцы в это время обстреливали Митрофаньевскую гору и Владимирскую. В 5-м часу на укреплении 3 в бруствере произошел взрыв — как оказалось, японцы взорвали мину, но неудачно — забивку выбило к ним в ров; облако дыма окутало ров

и укрепление, с которого стали бросать бомбочки — совершенно ни к чему, т. к. из-за неудачного взрыва японцы не пошли на штурм и во рву никого не было — даром извели массу бомбочек; японцы стали обстреливать укрепления шрапнелью, но сравнительно вяло — у нас также открыли кое-где редкий огонь, и все стихло — видно, обе стороны недоумевали, что делать. Так ничего и не вышло. Ночь тихая и ясная. Вечером приходила команда работать в окопах около капонира — там окоп по пояс... и во время стрельбы ходят там — просто черт знает что.

Марс (вторник) 14/27 декабря. Ясный и теплый день. Японцы с утра продолжают обстреливание форта 3-го, укрепление 3-е и Курганную 11" снарядами. Ожидается взрыв и штурм 3-го форта. 11" из-под Сахарной обстреливали и 6" орудия на остроге Большой горы — но безрезультатно <...> Вечером я был на Орлином Гнезде, чтобы выбрать место для установки минной пушки и переговорить с капитаном Зейцом — начальником VII артиллерийского сектора... Японцы в капонире № 2 установили 3 минные пушки и громят ими Китайскую стенку совершенно безнаказанно. Японцы подошли к ней шагов на 30 местами. Всю ночь японцы пускают шрапнель по укреплениям и бросают мины. Движение обозов большое, войск — незначительное. Ожидается завтра или послезавтра штурм.

Меркурий (среда) 15/28 декабря. С рассветом батареи VII артиллерийского сектора открыли огонь по редутам и капонирам; 75-мм батарея Круссера стреляла по Волчьим горам. С 8 ч. утра японцы начали обстреливать форт 3 и укрепление 3-е, и в 9 ч. начался штурм форта 3-го. День пасмурный, теплый и тихий. Штурм начался со взрыва бруствера — по-видимому, удачно, который послужил сигналом открытия сильнейшего огня по форту и укреплению 3. Форт и укрепление <...> в облаках дыма и пыли от взрыва и рвущихся снарядов. 75-мм батарея Круссера открыла огонь по батареям на Пуланжане и Волчьих горах; я стал обстреливать окопы у форта 3-го из 4-фунт. пушки, а затем перешел на капонир, открывший огонь по окопам и укреплению № 3; 47-мм [пушка] с редута стреляла по 75-мм орудию в блиндаже у окопов укреплений № 3. На дорогу у нашей импани посыпалась масса пуль; кроме того, японцы стали пускать шрапнель и бри-

зантные снаряды, сосредоточивая и по батарее Круссера и капониру. Форт 3-й был совершенно невидим; по мере увеличения стрельбы все стало застилаться буровой мглой от пыли, среди которой мелькали огоньки выстрелов и рвущихся снарядов; в небе повсюду белеют клубы дыма шрапнелей. Сильная ружейная перестрелка стала стихать к 11 часам; я уменьшил огонь с капонира и к 1/2 12-го совсем прекратил его — все стало стихать, казалось, что штурм отбит... С 12 ч. до 2 было сравнительно тихо; около 3 часов огонь стал усиливаться, и около 3 1/2 ч. начался штурм форта 3-го. У укрепления 3-го было сравнительно тихо, и я обстреливал редким огнем прилегающие к нему окопы. Скоро опять все исчезло в <...> облаках пыли и дыма. В 4 ч. мы с наблюдательного пункта заметили массу японцев на бруствере форта, наши отошли к горже (тыловая часть оборонительного укрепления. — *Авт.*) и держались в левом углу форта; японцы быстро окопались <...> сильный огонь по нашим и бросали ручные <...> гранаты. К 5 часам вечера около 2 батальонов японцев окончательно утвердились на бруствере и стали там окапываться; огонь стал стихать; во время штурма видно было, как японские снаряды и шрапнель хоронили их войска — они вообще этим не стесняются. Вечером продолжается оживленная перестрелка, и к нам летит масса пуль; ранило одного на батарее Круссера и у меня № 2 от 47-мм орудия <...> Ночь тихая и теплая; в центре линии наших войск видны взрывы ручных гранат; японцы пускают все время шрапнель, вероятно, в расчете на резервы — но их нет <...> Весь вечер мы подносили на батарею снаряды и патроны... чтобы обстреливать бруствер форта 3-го, занятый японцами. Долго ли еще продержится этот форт в таком положении; теперь очередь за Куропаткинским люнетом и укреплением 3-м, и тогда вся линия укреплений центра и части правого фланга будет в руках неприятеля».

Прервем здесь рассказ Колчака о его участии в обороне Порт-Артура и хотя бы кратко остановимся на том, чего не знал еще тогда и он сам, продолжая усердно укреплять позиции своей батареи и готовясь к новым боям с японцами.

А в это время — 16 декабря — начальник укрепленного Квантунского района генерал Стессель на воен-

ном совете высших командиров уже поставил вопрос о необходимости капитуляции крепости. Его никто не поддержал. Выступавшие после него генералы и адмиралы считали необходимым продолжать оборону. Но Стессель думал иначе и 19 декабря, не ставя никого в известность, отправил к командующему японской армией генералу Ноги парламентарера с предложением вступить в переговоры о сдаче крепости Порт-Артур. Одновременно он поддержал предложение генерала Фока очистить без боя Малое Орлиное гнездо, Куропаткинский люнет и батарею литера Б, что значительно ослабило силы обороны крепости. А 20 декабря Стессель уполномочил своего начальника штаба полковника Рейса окончательно заключить с японцами договор о капитуляции Порт-Артура.

В полдень 20 декабря уполномоченные обеих враждующих сторон встретились в деревне Шуйшуин. Начальник штаба японской армии генерал Идзитти передал полковнику Рейсу японские условия капитуляции и потребовал ответить на них через 50 минут. Рассмотрев их, русские выдвинули свои условия, среди которых главным было требование оставить гарнизону Порт-Артура оружие. Японцы на это не пошли. Тогда полковник Рейс согласился принять японские условия, и обе стороны стали совместно дорабатывать остальные пункты. К семи часам вечера все было кончено.

Между тем на переднем крае обороны и 16, и 18, и 19 декабря продолжались упорные бои. И Александр Колчак тому свидетель и активный участник.

«Сатурн (суббота) 18/31 декабря. Утро ясное, тихое и теплое. С утра японцы обстреливают 11^а снарядами укрепление 3-е и Курганную батарею. В 8 1/2 ч. приехали к нам генералы Фок и Горбатовский. В 9 ч. Круссер и я пошли на батареи. Мы уже подходили к наблюдательному пункту, когда сигнальный крикнул нам, что на укреплении 3 произошел сильнейший взрыв; в тот же момент открылся огонь японских батарей, на бегу я приказал открыть огонь по рву и окопам укрепления 3-го и прошел на капонир. Начался штурм. Взрыв был очень действителен и обвалил большую часть бруствера; на гребне показались в дыму фигуры японцев; капонир бил уже прямо по людям; японцы быстро <...> пытались проникнуть на двор

укрепления ко 2-му брустверу <...> показался японский флаг, огонь по укреплению мгновенно стих и перешел на окружающие батареи, непрерывный огонь шрапнелью и брзантными снарядами по капониру и батарее Круссера; снаряды их ложились очень хорошо; Круссер стрелял по Волчьим горам и Пуланжану; мои орудия по укреплению 3-му и окопам. Около 10 ч. утра на горже укрепления показался белый флаг; укрепление было взято. Взрыв <...> взорвал 2000 пироксилиновых ручных бомбочек, лежащих в одном месте. Этот взрыв перебил большую часть гарнизона, убит и комедант. Японцы поставили около горжа пулемет и принудили полузадохнувшихся людей сдаться. Ружейный огонь был очень слаб, и укрепление взято взрывом и страшным артиллерийским огнем. Мы бес- сильны бороться с артиллерией японцев, особенно при необходимости экономить снаряды. Во время штурма стреляли почти все наши батареи, особенно форт 4-й, Перепелиная гора, Стрелковая по форту 3-му <...> К полудню все стихло. Около 2 часов японцы двинулись с форта 3-го на Скалистый кряж, по ним был открыт сильный ружейный огонь с наших окопов, кроме того, очень натурно работали 47-мм пушки, особенно наши в редуте — стрельба по людям прицельная. Японцы сильно обстреливали нас, но без серьезных последствий. Несколько раз я открывал огонь по укреплению 3-му, разгоня работавших там японцев. До вечера в окопах под этим укреплением виднелся огромный национальный флаг — я стрелял по нему, но сбить его не удалось. К темноте японцы были отбиты от Скалистого кряжа и ушли на форт; их легло там порядочно — видно было, как их укладывали в горжевом ходе. К вечеру тихо. Вечером носили патроны и снаряды из главного погреба на батареи. Летит много пуль... После подноса патронов (мне и <...> под огнем пришлось посылать за патронами, т. к. я очень быстро выпустил весь погребок) начинали делать траверз на недоконченном окопе, служащем ходом сообщения на капонире и чтобы <...> хотя бы от пуль и осколков. Ночью ружейный огонь и минный взрыв, изредка шрапнель.

Солнце (воскресенье) 19 декабря / 1 января. С утра ясно, тихо <...> небольшой мороз. За ночь очищена

Китайская стена от форта № 3 до Орлиного Гнезда и оставлены Скалистый кряж, Волчья мортирная и Заредутная батарея. Наши позиции идут по линии Курганная, Ланеровская, Владимирская, Митрофаньевская, Орлиное Гнездо, с 2-й <...> линией Скалистых гор и Безымянной горой. Сильные сами по себе позиции мало пригодны, <...> окопы и ходы сообщения не окончены, прикрытий от шрапнели и блиндажей нет; высидеть долго под японским артиллерийским огнем, которым они только и берут позиции, нельзя. С утра началось обстреливание Орлиного Гнезда. Подходящие резервы несли огромные потери. После полудня сильный артиллерийский огонь по вновь занятым позициям. На Заредутной батарее, на Скалистом кряже японцы [заняли] вершины и поставили пулеметы; идет бой от Орлиного Гнезда до литеры В. 120-мм сегментными снарядами я разбил бруствер на Заредутной батарее и заставил японцев очистить гребень — в это время японцы уже выбили нас из окопов Орлиного Гнезда и стали взбираться на вершину. К 4 1/2 ч огонь стал стихать и продолжались лишь редкие ружейные выстрелы. Орлиное Гнездо — ключ новой позиции, без него она должна была пасть на другой день. К вечеру облачное небо и полная тьма. Парламентеры поехали в японские позиции. Ночью редкий ружейный огонь; с 8 ч. вечера начались страшные взрывы на кораблях, продолжавшиеся до следующего утра. Японцы изредка пускали на наши позиции шрапнель.

Луна (понедельник) 20 декабря / 2 января. Всю ночь продолжались раскаты взрывов в порту — все на судах уничтожалось — подрывались орудия, машины и корпуса судов: «Баян», «Победа», «Пересвет» горели. Рано утром, еще когда была полная тьма, мы получили извещение первыми не открывать огня и стрелять только при наступлении японцев; это было вовремя — еще 15 [мин, и] я с Круссером открыли бы огонь по Заредутной и Орлиному Гнезду. В ночь были очищены Куропаткинский люнет, форт литеры Б, Малое Орлиное Гнездо и залитерная вершина и вся Китайская стенка до укрепления № 2. Когда рассвело, то на всех вершинах виднелась масса японцев: они не скрывались и просто сидели группами на вершинах и [обращенных] к нам склонах, большинство без оружия, кроме цепи

довольно редких часовых. Редко кое-где слышались отдельные ружейные выстрелы или отдельные удары взрывов: порт и город скрывались в густом тумане и дыме горевших судов. Получено вторично приказание ни под каким видом не открывать первыми огня — очевидно, японцы получили такое же приказание. Обе стороны не <...> друг друга — большинство японских [солдат] было даже без ружей. После полудня мертвая тишина — первый раз за время осады Артура. Японцы кое-где работают на... Митрофаньевской горе весь день — парламентарский флаг. Объявлено перемирие по случаю переговоров о капитуляции крепости. Около 10 ч. утра «Севастополь» показался перед входом во внутренний рейд и стал тонуть, через 5 минут он исчез под водой. Суда взорвались... кое-где дымились; в минном городке продолжается пожар. Вечером известили нас, что крепость сдалась, и получили приказание ничего более не взрывать и не портить, чтобы <...> было <...> и передано. Флот не существует — все разрушено и уничтожено; вход в гавань прегражден затопленными мелкими судами, кранами и землечерпательными машинами; 4 миноносца ушли ночью в Чифу: кажется, с 2 минными катерами.

Марс (вторник) 21 декабря / 3 января. За ночь мы кое-что уничтожили, но пушек не подрывали и вообще взрывов никаких не устраивали. Утро туманное <...> легкий мороз. Около 10 ч. у импани собралась японская и русская комиссии по сдаче крепости, и в город стали вступать японские войска в порядке и тишине — в это время и был виден взрыв за Обелисковой горой, было два или три ружейных выстрела, но тишина и порядок были полные. Около 11 ч. приказано было сдать все ружья и ружейные патроны в экипаж, что я и сделал. Хоменко с утра уехал в комиссию. После обеда я получил предписание очистить... и приказал войскам в районе нашего сектора уходить в казармы, оставив только посты. Японские солдаты без оружия небольшими группами проходили в город и обратно, невольно обращая внимание на себя своим прекрасным обмундированием и дисциплиной — у нас, к сожалению, наоборот — много распушенности и внешней, и внутренней. К вечеру я снял посты и оставил только дневальных на батареях и увел команду в город. Ночь

тихая, и эта мертвая тишина как-то кажется чем-то особенным, неестественным...»

Тридцатилетнего лейтенанта Колчака охватывает жуткое, гнетущее до слез, до боли чувство. Измотанному боями, больному Александру Васильевичу казалось, что у него забирают что-то дорогое, родное и светлое: слишком много отдано Порт-Артуру сил, телесных и душевных, а главное — привык он связывать свою судьбу, свои печали и радости с судьбой героического города.

Вспомним суворовские полки, окруженные в снежных горах, — они пробились сквозь превосходящего противника чуть ли не босиком, хотя «по правилам» им полагалось бы сдаться. И так было и до, и после великого Суворова. Еще летом 1877 года турками был окружен небольшой русский гарнизон в замке крепости Баязет. Ни хлеба, ни боеприпасов, а осаждающих ровно в десять раз больше (это потом точно высчитали военные историки), чем защитников. И что же? На предложение сдаться, что было бы вполне «по правилам», капитан, командовавший гарнизоном, отвечал, что русские не сдают крепостей, а сами берут их. Двадцать три дня держался гарнизон, пока не подоспела помощь.

А Порт-Артур сдали противнику преждевременно. Еще находились в строю около 30 тысяч офицеров, солдат и матросов, которые держали оборону. Еще стреляли 610 орудий (из них 287 морских), имелось свыше 200 тысяч снарядов, не ощущалось острой нужды в хлебе и сухарях, после капитуляции осталось до 50 тысяч пудов муки и много другого продовольствия, наконец, было для убоя около трех тысяч лошадей.

Из 59 укрепленных узлов крепости было потеряно не больше 20. Еще можно было сражаться, сковывая у Порт-Артура истекавшую кровью японскую армию, но генералы предпочли предать героев обороны крепости, предать лейтенанта Колчака и его батареи.

Тяжело, конечно, было переживать осаду, но еще тяжелее сознавать ее конец. Однако Колчак твердо, всей душой верил в лучшее будущее для России, верил, что Бог вознаградит ее за это тяжкое испытание и пошлет ей скоро светлые дни.

Как глубоко он заблуждался...

Итак, Александр Колчак находился в Порт-Артуре вплоть до падения крепости. Он, как и другие русские офицеры, солдаты и матросы, оказался в плену.

Александр Васильевич еще держался, хотя болезнь с каждым днем все сильнее и сильнее давала о себе знать: у него в очень тяжелой форме развился суставной ревматизм. Колчак уже еле ходил и в конце концов был вынужден лечь в госпиталь. К тому же он был ранен, но легко, так что это его почти не беспокоило, а ревматизм совершенно свалил с ног.

Из крепости эвакуировали всех, кроме тяжелораненых и больных.

Тем временем война продолжалась, и дела на фронте шли все хуже и хуже. В январе 1905 года при сражении под Сандепу из трех маньчжурских армий под командованием генерала А. Н. Куропаткина 2-я армия была разгромлена. В конце февраля Россия вновь потерпела тяжелое поражение в Мукденском сражении, и ее войска отступили на всем фронте. Отступали неорганизованными толпами людей, потерявших всякую связь со своими частями. Куропаткин оказался военачальником ниже всякой критики. Стали совершенно ясными полнейшая его непригодность для верховного командования русскими армиями и безнадешность расчетов на то, чтобы задержать наступление японцев. В начале марта главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами на Дальнем Востоке был назначен командующий 1-й маньчжурской армией генерал Н. П. Линевич. Активные боевые действия в это время на сухопутном фронте практически прекратились. Обе стороны были истощены войной. Последней ставкой России в войне были вновь сформированные 2-я Тихоокеанская эскадра (командующий вице-адмирал З. П. Рожественский) и отряд кораблей 3-й Тихоокеанской эскадры (командующий контр-адмирал Н. Н. Небогатов), направленные зловещим роком из Балтики навстречу своей гибели — Цусимскому морскому сражению.

А в Порт-Артуре события шли своим чередом.

Александр Колчак начал мало-помалу поправляться и в апреле вместе с другими русскими офицерами был отправлен по железной дороге в город Дальний, а оттуда в Нагасаки, на остров Кюсю. Мукден был

уже позади, Цусима — впереди, русские офицеры рассматривались японцами как достойный уважения противник.

В Нагасаки японское правительство через французского консула предложило русским больным и раненым офицерам пользоваться лечебными учреждениями и водами Японии или же возвратиться домой без всяких условий. Все предпочли вернуться домой. Колчак через Америку приезжает 4 июня в Петербург.

Чуть больше года назад Александр Васильевич ушел в военный поход необстрелянным молодым человеком, теперь он прошел сквозь огонь, прокалился в самом пекле войны, не раз глядел смерти в лицо. И стоял. Колчак показал себя не только храбрым, но и талантливым офицером-артиллеристом, в совершенстве знающим свое дело. Он испытал всю меру опасности и риска, все тяготы боев. Он стал ветераном, опытным офицером, настоящим боевым командиром.

Его ратный труд был оценен по достоинству.

После возвращения из плена, за отличие под Порт-Артуром, 12 декабря 1905 года А. В. Колчак был пожалован Золотым оружием с надписью «За храбрость» и орденом Св. Станислава второй степени с «мечами». В следующем году он получает серебряную медаль в память о русско-японской войне. В марте 1907 года к ордену Св. Владимира четвертой степени (получил ранее за полярную экспедицию) Колчаку были пожалованы «мечи» и «бант». А в 1914 году к его наградам прибавился еще нагрудный знак для защитников крепости Порт-Артура.

Боевое крещение Александра Колчака состоялось. Состоялось со славой.

Да, он повторил и приумножил воинскую славу российских моряков. Однако не кичился ею и тяжело переживал поражение, стоившее России многих жертв, особенно цусимскую катастрофу. Размеры бедствия потрясли его. Казалось, все, что было раньше: постепенное уничтожение флота, сосредоточенного на Дальнем Востоке до начала войны, беспримерные поражения армий в Маньчжурии, падение Порт-Артура, — все бледнело перед ужасами Цусимы. Российская эскадра в составе многочисленных судов погибла мгновенно,

сразу, в первую же и единственную свою встречу с неприятельским флотом. Как узнал Колчак по приезде в Петербург, изрешеченные ураганным огнем русские суда стремительно шли ко дну со своими экипажами. После многомесячного страдного перехода молниеносным ударом сметены, убиты, потоплены все вышедшие из Балтики на верную гибель. Одни героически встретили смерть. А другие сдались неприятелю.

Петербург — тот Петербург, который веселился в весеннюю и летнюю пору на островах и в шато — кабаках в центре города, — не облекся в траур по погибшим морякам. Весть о Цусиме не прервала его обычных развлечений, еженощного пьяного разгула. Увеселительные сады были переполнены. Оперетка неистовствовала. На открытых подмостках шли аттракционы. Страстная цыганская песня, чувственный надрыв румынского оркестра, обильная, жирная пища гнали к вину, лившемуся рекой, к любовным утехам, оргиям и блуду. Наглая белая ночь, сменившая прозрачные сумерки, озаряла великий разврат столицы, равнодушной к беспримерным ужасам Цусимы.

Рабочие требовали на сходках прекращения войны и созыва Учредительного собрания. В Павловске произошла демонстрация интеллигенции против войны, вызвавшая вмешательство полиции...

На квартире известного оперного певца Леонида Собинова пили чай, закусывали, обсуждали злободневные вопросы, а врач Ф. П. Поляков рассказывал как о деле решенном о предстоящей осенью всеобщей забастовке, которая вынудит власть уступить требованиям народа...

А тут июньские события на броненосце «Потемкин», восстание, возглавляемое лейтенантом П. П. Шмидтом... Революционное брожение перекинулось и в тыл действующей армии...

На повестку дня выдвинулся вопрос о мире. На совещании в Царском Селе 24 мая ближайшее окружение царя высказалось за прекращение войны. Да и президент США Рузвельт предлагал услуги посредника в решении этого вопроса. Благоразумие требовало воспользоваться американским предложением, и заключать мир направили председателя комитета министров Сергея Юльевича Витте...

СТРАННАЯ ЭТО БЫЛА ВОЙНА, и странными были ее итоги. К мирному соглашению с Россией в приморском курортном городке Портсмут (США) победительница Япония пришла полностью обессиленной и истощенной. Россия же, напротив, легко могла бы продолжать военные действия — такова была оценка начальника германского генерального штаба графа Шлиффена, внимательно изучавшего опыт русско-японской войны. По мнению Шлиффена, ресурсы России были едва затронуты, и она могла выставить если не новый флот, то новую армию — стоило только лучше мобилизовать силы страны.

В этой войне столкнулась японская военная слабость (относительная, конечно, в сопоставлении с российской мощью), компенсированная моральной силой, с русским военным превосходством, сведенным, однако, на нет неуверенностью в собственных силах и правоте. Моральная сила в этой войне взяла верх.

Да, странная это была война, в которой слабый одолел сильного. И этот парадокс не объясняется только ссылкой на то, что в ходе войны Япония получала от США и Англии значительную финансовую помощь, а еще до ее начала Франклин Рузвельт выступил с откровенно шантажным заявлением, обращенным к Германии и Франции, предупредив их, что если в ходе русско-японского конфликта они встанут на сторону России, то США выступят против них на стороне Японии. Да, США и Англия поддерживали японцев, но исключительно в своих интересах, заключавшихся в обоюдном истощении России и Японии. И вплоть до определенного момента: после Цусимы английский и американский денежные рынки оказались для Японии закрыты. В США и Англии сочли, что Япония, вместо того чтобы ослабеть, чрезмерно усилилась, а это не входило в их планы. Так что заканчивать войну японцам пришлось самим.

У С. Ю. Витте есть такое объяснение катастрофы, происшедшей с Россией в этой войне: «Не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки».

В чем видел причины поражения России в войне Александр Колчак?

Позже — на допросе в Иркутске — он так отвечал на этот вопрос:

— Главную причину я видел в постановке военного дела у нас во флоте, в отсутствии специальных органов, которые бы занимались подготовкой флота к войне, отсутствием образования. Флот не занимался своим делом, — вот главная причина... Я считаю, что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно, и она могла бы действовать.

— Значит, вы считали, — уточнял следовательно, — что техническая, профессиональная подготовка военно-морского дела была причиной нашего поражения, что сама постановка была ошибочной, то есть вы считали ее как бы добросовестной ошибкой, и считали, что она происходила не из условий политического строя, а из условий ошибки?

— Я приписывал именно этому, потому что я считал, что политика никакого влияния не могла иметь на морское образование, на военную организацию.

— Ведь не обращалось внимания потому, что тот, кто должен обращать внимание, не делал этого. Главной всех военных сил был император, и императорская фамилия и династия распределяли между собой все важнейшие роли.

— Тут были общие причины, — соглашался Колчак. — Я видел здесь, на Востоке, как мы вели боевую подготовку, чем занималось командование, чем занимались командиры. Конечно, общая система была неудовлетворительна.

— У нас есть поговорка, — продолжал следовательно, — что рыба начинает разлагаться с головы. Не приходили ли вы к убеждению, что именно сверху нет ничего, кроме слов, в отношении ответственности и руководства?

— Я считал, что вина не сверху, а вина была наша, — последовал четкий ответ.

— Когда вы говорите, что виновато само командование, то получается впечатление, что командованию была дана определенная задача, которая им не выполнялась...

— Я вам на это скажу, что причины лежали, как мне они представлялись, в ином. Возьмите постановку

боевых стрельб... Никаких научных оснований для этого не было разработано. Инструкции, которые давались свыше, требовали от нас выполнения боевой подготовки, но сами исполнители, благодаря своему невежеству и своей неподготовленности, не могли ничего выполнить... наш флот стрелять не умел. Но, повторяю, конечно, сверху требовали, чтобы флот стрелял... не могли же сверху исходить другие требования. Выполнение же этих требований было никуда не годное, благодаря нашему невежеству... отсутствию знаний у наших руководителей, отсутствию подготовленных людей для того, чтобы руководить флотом, потому что к этому времени уже флот представлял собой такую сложную боевую машину, что он требовал других людей, более воспитанных и подготовленных... Так что я повторяю, — вооруженная сила может быть создана при каком угодно строе, если методы работы и отношение служащих к своему делу будут порядочные. Наоборот, при каком угодно строе, если такого отношения не будет, вы вооруженной силы не создадите.

— Таким образом, вы из неудач войны с Японией не делали никаких выводов?

— Нет...

— В вас неудачи японской войны не вызвали никаких сомнений в отношении политического строя, и вы оставались по-прежнему монархистом?

— Я оставался по-прежнему.

— И, в частности, никаких сомнений в династии это не вызвало?

— Нет, я откровенно должен сказать, что ни в отношении династии, ни в отношении личности императора это у меня никаких вопросов не вызывало.

Просим читателя простить нас за столь длинный диалог.

Дело в том, что он как нельзя лучше помогает уяснить то обстоятельство, что Колчак прежде всего человек военный, а все остальное — от лукавого. В наше время кажется немыслимым, чтобы офицер не понимал, ради чего ему предстоит сражаться, проливать чужую и свою кровь. Но в старой России именно так и было. Никто из вышестоящих начальников даже не пытался объяснить молодому лейтенанту, почему на-

чалась война с Японией, какие цели стоят перед русской армией и флотом, перед родиной в целом. Даже для офицерского корпуса необходимость хоть какого-то политического осмысления происходящего не считалась обязательной.

В старом русском флоте официальная идейная подготовка офицеров строилась на одном простом принципе: верность престолу и отечеству. В результате у офицерского корпуса вырабатывалась ограниченность в понимании важных общественных вопросов. Надо признать, что подобная ограниченность в какой-то мере была присуща и лейтенанту Колчаку.

Он считал, что, приняв присягу, действовал так, как она того требовала, — честно нес службу морского офицера, был полностью занят тем, чем занимался. Колчак относился к монархии как к существующему факту, не критикуя и не задаваясь вопросами о правомерности существующего государственного строя. В офицерской морской среде таких вопросов тогда просто не возникало. Поэтому и революцию 1905 года Колчак рассматривал исключительно как выражение народного негодования, оскорбленного национального чувства за проигранную войну.

Между тем нам очень важно сегодня определить: какие последствия для русского народа имело это поражение, этот крестный путь через Порт-Артур, Мукден, Цусиму. Определив это, можно лучше понять, как постыдная война и увенчавшее ее фиаско связаны с последующей, окончательной катастрофой 1917 года. И на этот счет замечательное поэтическое объяснение дано Сергеем Есениным. У него в «Анне Снегиной» есть эпизодический персонаж, некто Лабутя Оглоблин, прошедший через русско-японскую, а теперь спившийся малый, по поводу и без повода тянущий: «Прославленному под Ляояном ссудите на четвертак...» Когда начинаются смутные времена, он оживает, первым идет описывать снегинский дом. Вот он, результат униженного поражения, подлинный итог Порт-Артура, Цусимы, Портсмута — деградация личности, обнищание духом, выветривание из человека чувства личной ответственности и морального начала.

От «Варяга» до «Авроры» пролег прямой путь. Последняя недаром приняла боевое крещение при Цусиме...

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЯПОНИИ В ПЕТЕРБУРГ
было не близкое, особенно по тем временам — только 4 июня Колчак прибыл в столицу. Прошло более двух лет с тех пор, как он последний раз покинул Петербург. Он вновь увидел знакомые с детства и юности великие памятники великого города, пышные и стройные здания, оживленные толпы прохожих. Казалось, мало что изменилось здесь.

Правда, до Колчака доходили неясные слухи о каких-то загадочных событиях в Зимнем дворце, случившихся там 6 января. А было следующее. В присутствии царя происходило обычное крещенское водосвятие на Неве у Зимнего дворца. Петропавловская крепость салютовала обычными пушечными выстрелами. Им полагалось быть, разумеется, всегда холостыми. На этот же раз на фасад Зимнего дворца посыпалась картечь. Царь не был задет ею. Заряд главной массой пронесся выше. Были разбиты стекла в окнах бельэтажа Зимнего дворца. Тем не менее рассыпавшиеся пули ранили несколько человек. Напрашивался вывод, что картечный выстрел определенно целил в царя. Произведенное расследование, однако, не выяснило, умышленно или случайно был положен в стрелявшее орудие заряженный снаряд. Дело свели к случайности, к недосмотру производивших салют офицеров. Им было сделано соответствующее внушение. И тем дело ограничилось.

Узнал Колчак и о событиях 9 января — дне ужаса и трагедии, когда Петербург обогрелся кровью рабочих. Кровавый день сменился тревожной ночью... Обыватель плохо разбирался в сущности и значении произошедшей катастрофы, содержавшей в себе элементы не отмеченной обывателем новизны. Подвергшаяся расстрелу манифестация рабочих была первым на памяти современников организованным выступлением столь внушительных по своей численности объединенных масс. Инертно оценивая новое по-старому, обыватель увидел в катастрофе лишь кровавое подавление очередных «рабочих беспорядков», не понял, что в России на смену революционному движению пришла в тот день сама революция.

Для Александра Колчака все происходившее в то время тоже было малопонятно. Он, разумеется, кое

о чем слышал, читал в газетах о якобы готовящейся на осень какой-то всеобщей забастовке, которая должна вынудить власть пойти на уступки требованиям народа... Почему? Виноваты ли в этом социалисты, бросающие бомбы? Или кто-то другой? Или что-то другое? Может, народ возмущен гибелью русского флота в Цусиме, сдачей Порт-Артура?..

Колчак не находил ответа и, по свойственной русским черте характера отмахиваться от чего-то непонятного, неприятного, сложного, беспокоящего, отодвигал неясные для себя вопросы на потом.

Шло время, и сама жизнь словно бы тоже отодвигала все сомнения на второй план. Они становились неглавными и ненужными. А военному человеку полагалось служить...

После освидетельствования врачебной комиссией Колчак был признан инвалидом и приказом по Морскому ведомству от 24 июня получил длительный отпуск для лечения на водах, где и провел все лето 1905 года. Это дало ему возможность подлечиться, окрепнуть, вернуться к довоенному образу жизни. Осенью Александр Колчак вернулся на службу, но считал себя обязанным перед Академией наук дать прежде всего полный отчет о полярной экспедиции Э. В. Толля, привести в порядок полученные в ее ходе наблюдения и материалы, которые фактически бросили на произвол судьбы.

В декабре президент Академии наук великий князь Константин Константинович направил морскому министру письмо, в котором просил вновь прикомандировать лейтенанта Колчака к Академии сроком до 1 мая 1906 года для обработки гидрологических и картографических результатов Русской полярной экспедиции. При этом он опирался на высокие отзывы современников о результатах экспедиции, в частности, на оценку начальника Главного гидрографического управления: «...Материалы охватили работы по описи берегов, промеру, гидрологии сибирских морей, наблюдения над льдом, астрономические и магнитные наблюдения, выполненные во время плавания и санных поездов, и имеют значение как для научной, так и для практических целей полярного плавания, в частности же, для исправления на картах контура берегов

северо-восточной части Сибирского материка от острова Диксона до устья реки Лены».

Морской министр удовлетворил просьбу президента российской Академии наук, и Александр Колчак стал заниматься уже чисто кабинетным трудом. Он работает в физической обсерватории, приводит в порядок свои научные разработки и северные наблюдения, составляет отчеты, публикует те результаты экспедиции, которые в большей или меньшей степени являлись итогами его собственных исследований.

Русская полярная экспедиция добыла и привезла столь богатые научные материалы, что для их обработки понадобились многолетние усилия и русских, и иностранных ученых. Но недостаток времени не позволил Колчаку завершить подготовку обобщающего труда о работе экспедиции. Не довел он до печати и научный труд о картографических работах экспедиции, и некоторые другие научные работы. Но и многое успел.

Колчаком была написана и опубликована в «Известиях Академии наук» статья «Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля», книга по гидрологии и магнитологии, изданы четыре карты. Ряд своих исследований по результатам экспедиции он «передал в обработку специалистам».

Но главным научным трудом Александра Колчака стала его книга «Лед Карского и Сибирского морей», в основе своей написанная во время зимовок на Таймыре и Новосибирских островах. Этот труд специалисты признают фундаментальным. (В 1928 году он был переиздан Американским Географическим обществом в книге «Проблемы полярных исследований», в которой собраны труды тридцати одного наиболее выдающегося полярного исследователя.)

Фактически это первая научная монография по гидрологии Северного Ледовитого океана, но и сейчас она остается одной из лучших книг о полярных водах и льдах. Колчак впервые дал физическое объяснение Великой Сибирской полыньи; впервые предсказал, что кроме выносного дрейфа льдов, открытого Ф. Нансеном, в Ледовитом океане — между полюсом и Канадским архипелагом — существует замкнутый антицик-

лонический круговорот. Научные идеи Колчака намного опередили время, но даже в науке (причем до сих пор) имя его искусственно забыто, хотя советские океанографы нередко использовали, как свои, мысли и теории Колчака. И теперь — через девять десятков лет, — вновь и вновь листая страницы его трудов, написанных предельно четко и ясно, трудно отделаться от мысли, что именно наука и была настоящим призванием Александра Колчака. Что ж, может быть...

10 января 1906 года на объединенном заседании двух отделений Императорского Русского Географического общества лейтенант Александр Колчак сделал сообщение об экспедиции на остров Беннетта, а 30 января Совет общества — в присутствии П. П. Семенова-Тян-Шанского, М. А. Рыкачева, Ф. Н. Чернышева, Н. Я. Цингера, В. И. Ламанского, Н. И. Веселовского, Ю. М. Шокальского, Ф. И. Щербатского — за географические открытия и научные достижения, участие в Русской полярной экспедиции и особенно за поход на остров Беннетта, «необыкновенный и важный географический подвиг, совершение которого сопряжено с трудом и опасностью», присудил Колчаку высшую награду — Большую золотую Константинопольскую медаль, поставив молодого лейтенанта в один ряд с такими корифеями, как Нансен, Пржевальский, Норденшельд. В феврале Колчак был избран действительным членом Императорского Русского Географического общества. Имя Александра Васильевича Колчака становится широко известным, и не только в научных кругах. Под его именем еще в 20-х и 30-х годах на советских картах фигурировали мыс и остров. Но потом те, кому положено, спохватились и «ошибку» исправили, как мы уже говорили ранее.

ДВА ОТЧЕТА КОЛЧАКА О ПЛАВАНИИ в полярных широтах разделены двадцатью месяцами. Отчет Российской Академии наук написан в марте 1904 года в Иркутске, на скорую руку, в те несколько дней, когда он поспешно сдавал дела Ленину и женился. Тогда он был героем дня, позади — ледовый подвиг, впереди — подвиги военные. Несмотря на краткую деловитость, отчет не мог скрыть самоуверенного на-

строения автора — его выдают постоянные «я». Всем сделаны должностные комплименты, но душой и мозгом экспедиции являлся все-таки он один, один...

В оправдание Колчака следует заметить, что, во-первых, отчеты так обычно и писались (не изменил этому правилу даже Толль), а во-вторых, сама исключительность плавания располагала к самолюбованию, и боцман Бегичев в своих воспоминаниях тоже не скромничает, ставит себя во главу спасательной партии, хотя и писал об этом уже в зрелые годы.

Второй отчет (Императорскому Русскому Географическому обществу) написан в ноябре 1905 года в Петербурге. Назойливое «я» в ряде мест уступает у Колчака скромному «мы». Перед нами уже совсем другой человек. За спиной у него злосчастная и трагическая война, ранение (пусть и легкое), госпиталь, японский плен, возвращение на родину, медицинская комиссия, лечение на водах и вот теперь — бунтующий Петербург, где железные дороги встали и министры ездят к царю в Петергоф морем (в России набирала силу всеобщая политическая забастовка, неумолимо надвигалось кровавое декабрьское вооруженное восстание).

В течение октября во всеобщую забастовку постепенно втянулись в Петербурге все фабрики и заводы, железные дороги, почта, телеграф, телефон, аптеки. В министерствах забастовка не прошла, и там все работали. В высших учебных заведениях шли массовые митинги. Ораторы призывали к вооруженному восстанию в целях свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания. Рекомендовалось нападать на полицию и жандармерию для их разоружения и овладения арсеналом. Указывалось, что большая часть войск на стороне революции, что не соответствовало действительности.

Напряженность росла. На Неве наготове стояла императорская яхта, чтобы в случае непосредственной опасности вывезти царя и членов императорской фамилии за границу. На митингах распространялись слухи о будто бы уже состоявшемся бегстве царя.

Политическая забастовка совершенно изменила вид и характер уличной жизни столицы. Колчак заметил это сразу. Ни одного экипажа, ни одной конки. Мага-

зины, лавки — все закрыты, с окнами и дверьми, заложены ставнями или просто досками. И весь Невский запружен — не только тротуары, но и улицы — громадными толпами насупившегося, грозного в своем молчании народа. По одежде и облику Колчак определил — все рабочие...

Революция 1905 года Колчака, можно сказать, не коснулась, да он ее и не понял: «Я этому делу не придавал большого значения. Я считал, что это есть выражение негодования народа за проигранную войну, и считал, что главная задача, военная, заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства».

Поэтому под грохот революционной бури Колчак работал над своим отчетом. Что думал он о Толле? Колчак признавал, что барон «был человеком, который верил в свою звезду и в то, что ему все сойдет». Колчак знал, что говорил, ибо вдвоем с бароном провел 41 день на таймырской «дороге жизни», откуда они могли не вернуться. Но, едва восстановив силы, барон вновь ушел туда, и опять без помощников. Колчак удивлялся стойкости этой породы людей. Что он думал о них? Мы не знаем, знаем только, что сам он сильно изменился, стал отличаться от прочих морских офицеров — в это время он был близок к Государственной думе и служил посредником между ею и Морским Генеральным штабом. Правда, никогда не шел левее правых кадетов, но и на таких во флоте оглядывались, не очень-то жаловали. Поэтому и двигался Колчак по жизни почти что в автономном плавании.

Возможно, тут мы подходим к самому главному, определяющему в жизненных коллизиях Колчака — к его отношениям с людьми. Он полагал, что «общее дело» важнее всего, и в этом отношении Колчак — сын своего времени. Через шестнадцать лет полная неспособность ладить с людьми, управлять ими в трудных ситуациях, приведет его к краху.

Колчак и ранее, и особенно после русско-японской войны буквально разрывался между научными исследованиями и военно-морским делом. Острые пробле-

мы военного строительства в России увлекали его все больше.

И здесь новый поворот в судьбе нашего героя.

После окончания срока прикомандирования к Академии наук Александр Колчак приступил к исполнению своих прямых обязанностей — обязанностей морского офицера российского флота, чтобы «возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор». Его полностью захватила идея «возрождения нашего флота и морского могущества».

Глава 5

ВОЗРОЖДАЯ ФЛОТ РОССИИ

Неудачи войны с Японией сильно ударили по национальному самолюбию русских офицеров. Стало очевидным, что высший командный состав жил «преданьями старины глубокой» и следовало немедленно произвести радикальные перемены в подходе к вопросам современной военной науки и техники. Началась лихорадочная работа по реорганизации армии, по переводу иностранной военной литературы на русский язык. Никогда еще, вероятно, военная мысль не работала так интенсивно, как в первые годы после русско-японской войны. О необходимости реорганизации вооруженных сил России говорили, писали, кричали. Усилилась потребность в самообразовании, значительно возрос интерес к военной печати. Изучение германской военно-морской программы определенно указывало на неизбежность большой европейской войны. Оставалось мало времени, надо было торопиться...

На каждом этапе истории военачальники и государственные мужи, как правило, имели излюбленный род войск, которому в мирное время уделялось наибольшее внимание и на который расходовались максимальные средства. В военное же время именно от его успешных действий ожидался счастливый исход битв.

В средние века таким фаворитом была рыцарская конница; со времени Наполеона бюджетные сливки доставались «богу войны» — артиллерии. Перед Второй мировой войной находились теоретики, рьяно утверждавшие, что все определяют авиация и танки. Не так давно горячие головы собирались решать государственные конфликты при помощи ракет и ядерно-

го оружия, а накануне Первой мировой войны большие и малые государства охватила страсть к маринизму.

После русско-японской войны в военном судостроении произошел подлинный переворот. Учтя ее уроки и использовав последние достижения научной мысли и промышленной техники, кораблестроители создали такие военные суда, с которыми старые не шли ни в какое сравнение. Начало было положено строительством в Англии нового типа линейного корабля, получившего имя «Дредноут» («Бесстрашный»), впоследствии ставшее нарицательным.

Мания дредноутизации быстро обуяла правительства всех стран. Мощный военный флот сделался решающим аргументом дипломатии; целый период ее стал именоваться «эпохой канонерок». Термин «политика канонерок» был синонимом беззастенчивого грабежа и насилия.

Увлечению линейными кораблями в значительной мере способствовало повсеместное распространение теории «господства на море», родоначальниками которой были американские и английские адмиралы. Суть этой теории сводилась к чрезвычайному преувеличению роли флота в мировой истории. Эта доктрина стала официальной во всех без исключения государствах, которые начали измерять мощь своих флотов (а следовательно, в известной мере, и свой престиж на мировой арене) числом линейных кораблей. Так повсеместно началось гипертрофированное развитие одного рода оружия и одного типа боевых кораблей.

Для РУССКОГО ЦАРИЗМА ПРОБЛЕМЫ «быть или не быть флоту» не существовало. Великодержавный престиж никаких сомнений на этот счет не допускал. Русская монархия намеревалась активно участвовать в мировой политике и считала, что рычагом для осуществления этого намерения является флот — атрибут великой державы. А потому он России необходим, и она должна иметь его и быть в состоянии послать туда, куда потребуют государственные интересы.

Идея необходимости для России мощного флота, кроме официальных лиц и организаций, пропагандиро-

валась целым сонмом «писателей по морским делам». Цель всей этой трескучей пропаганды была одна — убедить русскую «общественность» в неизбежности все новых и новых ассигнований на военно-морское строительство, предложить «свой самый лучший рецепт» для излечения пороков морского ведомства и тем самым помочь прохождению его планов через Государственную думу.

Вопрос о строительстве флота перерастал границы морского ведомства. Он тесно связывался с общей политикой правительства, и это обеспечивало широким планам Морского министерства поддержку как со стороны МИД России, так и со стороны всего правительства, и в первую очередь — Николая II.

Кроме великодержавных интересов, воссоздавая флот, царь преследовал и свои личные цели. Он был явно неравнодушен к военно-морскому флоту, и моряки находились у него в фаворе. К тому же, как все слабовольные люди, он был человеком упрямым и своенравным. «Ничего сделать нельзя, — с грустью признавал начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал А. Ф. Бринкен. — Государь, всегда такой добрый и мягкий, при всякой попытке кого бы то ни было сказать что-либо против флота буквально свирепеет, хлопает кулаком по столу и не желает ничего слушать. То же было и с великим князем (Николаем Николаевичем. — *Авт.*). Это просто какой-то гипноз, и морское начальство делает благодаря этому что хочет».

Мы не ошибемся, если скажем, что у истоков возрождения российского флота после его сокрушительного разгрома в русско-японской войне стоял и Александр Колчак. Давно миновали благословенные времена, когда юный лейтенант грезил Южным полюсом, отныне — ставка на трезвый, математически точный расчет, на людей, готовых и способных оказать ему содействие.

Но таких оказалось немного. В целом офицерский состав флота захлестнула деморализация. Многие погибли. Значительная часть офицеров ушла в отставку, не видя впереди «ничего светлого для флота». По свидетельству бывшего морского министра вице-адмирала И. К. Григоровича, на службе остались немногие, «и по большей части это молодежь, обязанная платить

за полученное образование». «Заграничные плавания прекратились, время пребывания в море сократилось довельзя, и соблазны берега усилили свое развращающее действие»; «при недостатке офицеров вообще приходилось много еще увольнять по суду, что было очень прискорбно».

Александр Васильевич оказался в узком кругу тех энергичных и образованных морских офицеров, которые взяли на себя задачу воссоздания и научной реорганизации русского военного флота.

В начале 1906 года группа морских офицеров — А. В. Колчак, А. Н. Щеглов, М. М. Римский-Корсаков, В. К. Пилкин (вскоре к ним присоединились и другие) — решила самостоятельно заняться разработкой вопросов возрождения флота и его руководства на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор. По мнению Колчака, до этого времени флот был совершенно не подготовлен к войне и вся деятельность его была не военная и не серьезная. Он считал «своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям (имеется в виду поражение в русско-японской войне. — *Авт.*)... У нас настолько не обращалось внимания на живую подготовку во флоте, что это было главной причиной нашего поражения...» Колчак считал, что «вина не сверху, а вина была наша, — мы ничего не делали».

Здесь с Александром Васильевичем хочется поспорить. Во-первых, кто это «мы»? Лейтенант Колчак и ему подобные офицеры флота, которые еще не нюхали пороха и не обладали должным авторитетом, чтобы вмешиваться на государственном уровне в вопросы строительства и управления флотом?

Во-вторых, была явная вина «сверху». Пост генерал-адмирала (равнозначен сухопутному генерал-фельдмаршалу) и главного начальника флота и морского ведомства занимал великий князь Алексей Александрович. Это про него на вопрос «что такое Алексей?» остро слов М. И. Кази (начальник Балтийского судостроительного завода) отвечал: «семь пудов августейшего мяса». За двадцать три года его управления флотом было построено множество броненосцев и броненосных крейсеров — факт бесспорный. Но это «множество» являлось лишь собранием отдельных су-

дов, а не флотом. Например, броненосные крейсера «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской» были заложены одновременно однотипными. А после завершения их строительства оказалось: один — как бы корвет, а другой — фрегат, один — двухвинтовой, другой — одновинтовой и т. д. «Память Азова» — слабый крейсер как по вооружению, так и по броне. «Рюрик», «Громобой» и «Россия» были разнотипными: двух- и трехвинтовые, с артиллерией трех различных калибров. Еще большее разнообразие царило между другими броненосцами, хотя они должны были быть совершенно одинаковыми. И так сплошь да рядом. Кроме того, суда типа «Цесаревич» представляли собой подобию английских броненосцев, но с опозданием на шесть-семь лет.

Уже этот краткий перечень показывает, что в смысле создания флота деятельность генерал-адмирала Алексея Александровича была характерным образцом растраты государственных средств и свидетельствовала о полной непригодности самой организации и системы управления флотом.

Если кратко, то организация морского ведомства сводилась к следующему: во главе — генерал-адмирал с личным докладом царю, на утверждение которого поступали все важнейшие дела; непосредственным помощником генерал-адмирала являлся управляющий Морским министерством. Главными административными учреждениями были: Адмиралтейств-совет (призван руководить флотом, а на деле занимался решением мелких хозяйственных дел), Главный морской штаб (ведая личным составом и строевой частью), Главное управление кораблестроения и снабжения (занималось финансовой и хозяйственной частью флота и государственными заводами), Морской технический комитет (заведовал технической частью флота).

Учреждения, которое бы занималось «морской политикой» России в области стратегической подготовки флота (в соответствии с его назначением в общей системе обороны и военных государственных задач), не было. Теоретически предполагалось, что этим ведал генерал-адмирал по непосредственному указанию царя, а исполнительным органом является ученый отдел Главного морского штаба, который на деле занимался перепиской с морскими агентами за границей

и разбором газетных вырезок — «самоновейших» и «важнейших» технических сведений об иностранных флотах и о «морской политике иностранных государств» (более серьезные сведения и гораздо раньше, чем они появлялись в штабе, печатались в хронике «Морского сборника»).

Тактическая подготовка флота была вверена командующим эскадрами, которые сменялись через каждые два года, «выплавав ценз».

Результаты такой системы с полной наглядностью и проявились в русско-японской войне. Поэтому, когда Колчак говорит, что «вина не сверху», с таким его утверждением согласиться нельзя.

В 1905 году, вскоре после Цусимы, началось преобразование управления флотом и морским ведомством. Должность генерал-адмирала как главного начальника флота и морского ведомства была упразднена и заменена должностью морского министра, объединившего в своем лице всю полноту власти, с личным докладом царю. Первым морским министром был назначен вице-адмирал А. А. Бирилев.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ СОДЕЙСТВИИ Морского министерства в начале 1906 года офицеры образовали в Петербурге военно-морской кружок, полуофициальный. Ему было предоставлено помещение в Николаевской морской академии, а Морское министерство, благожелательно относившееся к работе кружка, выделило кое-какие средства. В числе основателей кружка был Александр Васильевич Колчак, а в 1908 году он стал его председателем.

По отзывам современников, работа кружка была плодотворной и полезной, заслуживающей внимания моряков и общества в целом. На заседаниях кружка, проходивших в кабинете начальника Главного гидрографического управления, звучали доклады о плаваниях и маневрах русских кораблей, обсуждались вопросы, связанные с боевым опытом минувшей войны, стратегией и тактикой, подготовкой личного состава флота и прохождения службы, и многие другие. Все темы жизненны и современны, все разработаны, обоснованы и проверены опытным путем. На ряде заседа-

ний председательствовал капитан-лейтенант Александр Колчак.

В частных разговорах членов кружка все настойчивее обсуждался вопрос о насущной необходимости систематического военного планирования и централизованного руководства эскадрами на всех морских театрах, так как Главным морским штабом эти идеи не осуществлялись. Планирование сводилось к составлению судостроительных программ, а управление силами флота — к контролю за выполнением ежегодных программ плавания. Строительство боевых кораблей велось бессистемно, мобилизационная готовность флота и его боевая подготовка имели существенные пробелы.

Тяжелое поражение в русско-японской войне показало несовершенство российской военной машины. Война выветрила все недостатки в строительстве кораблей, организации и боевом использовании флота. Александр Колчак, как непосредственный участник боевых действий, отлично осознавал это. Он видел: требуется решительная перестройка военно-морских сил в целом, и ее следует начать с создания руководящего центра нового типа.

В кружке был поставлен вопрос о назревшей необходимости иметь в России Морской генеральный штаб (аналогичные штабы уже имели Япония, Германия, Франция), то есть такой орган, в функции которого входила бы разработка планов войны на море, мероприятий по подготовке флота к войне и по его боевому применению, чего раньше не было: был Главный морской штаб — административно-кадровый орган, и только, который, по свидетельству бывшего морского министра И. К. Григоровича, отличался «наибольшей рутинной» в Морском министерстве.

Отражая общее недовольство деятельностью Главного морского штаба, которое сложилось у командного состава флота после неудачной войны с Японией, Александр Колчак принимает самое активное участие (вместе с лейтенантом Щегловым) в подготовке специальной записки — «Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны» — для Морского министерства. В ней, в частности, говорилось:

«...Нет такого распоряжения, которое бы не исходило от начальника Главного морского штаба. Так, на-

пример, высочайшая особа пожелала иметь фотографические снимки пробоин «Новика», и начальник Главного морского штаба собственноручно делает соответствующее распоряжение письменно, причем из того, что слова «прошу сделать скоро, экстренно» трижды подчеркиваются, можно судить, как горячо начальство штаба относилось к этому распоряжению. Когда, вследствие гибели адмирала Макарова, для спешных распоряжений потребовалось возвращение в Петербург с охоты генерал-адмирала, то начальник штаба озабочивается высылкой экстренного поезда на станцию Верещино. В то же время начальника штаба терзают телеграммами о розыске чертежей клеток для броненосцев «Бородино» и «Орел»... На все это начальник штаба собственноручно дает телеграфные ответы, точно так же, как вступает в собственноручную переписку с ведомством православного вероисповедания, испрашивавшего разрешение студентам духовной академии осмотреть Невский и Балтийский заводы...»

И далее резонный вопрос:

— Мог ли начальник штаба при таких условиях сосредоточиться на ходе военных событий? Мудрено ли, что распоряжения военного характера, исходившие из Главного морского штаба, были необоснованны и прямо вредны?..

Существовавший военно-морской ученый отдел Главного морского штаба, являвшийся по идее оперативным органом последнего, тонул в общем хаосе разнообразных административных дел.

Итак, Главный морской штаб требовал реформы. Это сознавалось многими офицерами флота. Был выдвинут проект о создании Морского генерального штаба, который должен вести оперативными вопросами и плановой подготовкой флота к войне, за Главным же морским штабом оставались лишь строевые и распорядительные функции.

Морской министр вице-адмирал А. А. Бирилев не сочувствовал этому движению. Проект о создании генерального штаба был подан окольным путем Николаю II, которого убедили в необходимости реформы. Главным проводником идеи создания Морского генерального штаба при дворе был начальник морской походной канцелярии А. Ф. Гейден. (Здесь необходимо добавить, что, кроме Бирилева, натянутые отношения

с Морским генеральным штабом сложились и у последующих морских министров — И. М. Дикова и С. А. Воеводского, которые считали, что штаб ущемляет их права, и всячески препятствовали его работе.)

К поданной записке отнеслись одобрительно. Николай II повелел образовать Морской генеральный штаб, в ведение которого передавались все вопросы, связанные с развитием русского флота.

В результате 23 апреля 1906 года был утвержден Морской генеральный штаб. Это событие сопровождалось следующим рескриптом на имя морского министра:

«Начатые обширные государственные преобразования, направленные к обновлению и преуспеванию дорогого отечества нашего, могут быть с успехом приведены в исполнение лишь при уверенности русских людей во внешней безопасности государства и при создании неизменного международного положения России как великой державы. Для достижения этой цели крайне необходимо воссоздание соответственного боевого флота в ряду других вооруженных сил империи и содержание в полной боевой готовности, без которой никакой флот не может быть на высоте своего государственного значения.

Все усилия и все затраты, которые будут делаемы государством для постройки и боевой подготовки флота, тем не менее могут остаться тщетными, доколе в деле его устройства не будут положены новые начала, обеспечивающие правильную, целесообразную работу всего морского ведомства. Посему, признавая наиважнейшим для флота безотлагательное и коренное преобразование Главного морского штаба, ныне ведающего боевой готовностью морских сил, повелеваем:

1) Выделить ныне же из состава Главного морского штаба стратегическую часть и связанную с ней организационную часть мобилизации флота в самостоятельное ответственное учреждение, в ряду других установлений.

2) Морской генеральный штаб имеет предметом своих занятий составление плана войны на море и мероприятий по организации боевой готовности морских вооруженных сил империи...»

30 апреля Морской генеральный штаб образован во временном составе из двенадцати офицеров. Во главе

штаба поставлен один из выдающихся морских офицеров того времени капитан I ранга Л. А. Брусилов.

В числе офицеров штаба был и Александр Васильевич Колчак, на которого возложили обязанности начальника отделения русской статистики, а позже — отдела по разработке стратегических идей защиты Балтики. По свидетельству современников, Колчак являлся в штабе «одним из самых деятельных работников. Не было вопросов оперативного, тактического или организационного характера, в разработке которых его мысль не приняла бы самого близкого участия».

«Тут (имеется в виду Морской генеральный штаб. — *Авт.*) собралось все то лучшее из молодежи, что смогла выделить уцелевшие остатки боевого флота, — вспоминал позже член комиссии по государственной обороне Государственной думы Н. В. Савич. — Тут кипела жизнь, работала мысль, закладывался фундамент возрождения флота, вырабатывалось понимание значения морской силы, законов ее развития и бытия. Вот с этими-то элементами морского ведомства нам и пришлось впервые столкнуться в ноябре 1904 года... И среди этой образованной, убежденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выделялся молодой, невысокого роста офицер. Его сухое, с резкими чертами лицо дышало энергией, его громкий мужественный голос, манера говорить, держаться, вся внешность — выявляли отличные черты его духовного склада, волю, настойчивость в достижении цели, умение распоряжаться, приказывать, вести за собой других, брать на себя ответственность. Его товарищи по штабу окружали его исключительным уважением, я бы сказал даже, преклонением; его начальство относилось к нему с особым доверием. По крайней мере, во все для ведомства тяжелые минуты, а таких ему пришлось тогда пережить много, — начальство всегда выдвигало на первый план этого человека, как лучшего среди штабных офицеров оратора, как общепризнанного авторитета в разбиравшихся вопросах. Этот офицер был <...> Александр Васильевич Колчак».

Волею судьбы Колчак, можно сказать, не по чину оказался одной из ключевых фигур в деле воссоздания русского военного флота. Его талант засверкал новыми гранями. Как генератор идей и умелый организа-

тор, он проявляет большую волю и настойчивость, оказывает влияние не только на офицерскую молодежь, но и на ветеранов флота, его адмиральский эшелон. Александр Колчак все определеннее выступает в роли воссоздателя и реформатора военно-морского флота России.

ЧТО КАСАЕТСЯ МОРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ в целом, то она оценивалась тогда с двух точек зрения: с точки зрения создания мощного флота открытого моря, который дал бы России возможность продолжать активную внешнюю политику, прерванную русско-японской войной, и с точки зрения создания оборонительного флота для обеспечения безопасности российских побережий. Эта последняя задача — оборона побережья — была по существу основной.

Задача морской обороны средствами флота имела несколько вариантов решений, каждый из которых влек за собой определенную программу восстановления морских сил России.

Первым вариантом решения вопроса был проект создания минной обороны — с помощью миноносцев, подводных лодок и средств минной позиционной войны (мин заграждения).

С тех пор как появились миноносцы, способные поражать минами большие корабли, идея создания специального «минного флота» не сходила с повестки дня. Всегда были сторонники постройки этого «дешевого» флота, которых прельщала возможность на стоимость одного большого корабля построить целую флотилию — 10—15 миноносцев.

Возникла школа сторонников минного флота, имевшая большую поддержку в общественных кругах, школа, настаивавшая на создании минной обороны берегов.

Наконец, явные успехи подводного плавания, разработка новых типов подводных лодок, которые в 1906—1908 годах уже вышли из стадии опытов и смело могли быть включены в категорию боевых судов, дали толчок к активной агитации в печати, в широких общественных кругах России в пользу подводного флота. Подводные лодки превозносились не в качестве специального типа судов, имеющих некоторые сущест-

венные преимущества перед надводными минными судами, а в качестве универсального боевого корабля, способного с успехом и пользой для дела заменить все существующие типы боевых судов надводного флота.

В статьях и выступлениях, посвященных этому вопросу, не только дилетанты морского дела, но и кадровые офицеры флота противопоставляли подводный флот надводному, говорили о перевороте в военноморском искусстве, связанном с изобретением подводной лодки, проводили параллель между этим переворотом и переходом в прежние эпохи от гребного флота к парусному или от парусного к паровому.

Не ограничиваясь агитацией в пользу постройки возможно большего числа подводных лодок, их сторонники упорно доказывали не только возможность, но и целесообразность в интересах обороны морских границ государства полного отказа от современных броненосцев, крейсеров и других кораблей военного флота, предлагая заменить их судами подводного плавания. При этом экономические вопросы стоимости тех и других судов нередко смешивались с чисто военными — стратегическими и тактическими — вопросами обеспечения флотом защиты российских берегов.

Признавая такую агитацию не соответствующей интересам России, способной ввести в заблуждение общественное мнение страны и воспрепятствовать рациональному развитию флота (необходимым условием которого является гармоническое сочетание судов и средств различного рода, определяемое общим термином «линейный флот»), члены Петербургского военноморского кружка организовали в конце 1907 — начале 1908 года несколько докладов на темы: «Зачем России нужен флот», «Подводное плавание и его значение для России», «Тактические недостатки подводных лодок» и другие. В прениях по докладам приняли участие, кроме членов кружка, многие офицеры подводного плавания, корабельные инженеры, инженеры-механики и строевые офицеры флота.

На заседании кружка 21 декабря 1907 года капитан-лейтенант Колчак сделал доклад на тему «Какой нужен России флот», получивший высокую оценку присутствующих. Были высказаны соображения о целесообразности выступлений с этим докладом перед широ-

кой аудиторией «с целью распространения в обществе правильных идей о флоте».

Причина такого решения коренилась не только в неправомерном противопоставлении подводного флота надводному, в чрезмерном преувеличении значения первого, но и в хаосе проповедуемых (в общественных организациях, периодической печати, литературе) убеждений и взглядов по поводу дальнейшей судьбы вооруженных сил России вообще. Встали вопросы: нужен ли России флот? А если нужен, то такой? Сможет ли Россия справиться со сложной техникой современного морского дела?

Подводя итог выслушанных докладов и прений по ним, члены военноморского кружка на своем заседании 8 февраля 1908 года пришли к заключению, что для защиты морских границ и обеспечения самостоятельной внешней политики Россия нуждается в активном флоте. Таким флотом признавался линейный флот в тесном взаимодействии с судами специального назначения, обслуживаемый базами, вспомогательными судами и средствами. Подводные лодки были отнесены к одному из типов судов специального назначения. Члены кружка считали, что «подводные лодки не могут заменить собой в настоящее время ни один из типов судов надводного флота» и что они «могут составить сильнейшую угрозу неприятельскому флоту» только в случае их тесного взаимодействия с линейными кораблями. Идею создания специального оборонительного — минного — флота члены военноморского кружка не разделяли, признавали «вредной и опасной».

Таким образом, в противовес минной обороне выдвигалась идея создания флота открытого моря, способного к выполнению всех видов действий, не связанного с ограниченной местностью, способного вести наступательную войну, — то есть идея активной обороны на основе линейного флота. Во главу угла ее было положено соображение о необходимости силы, способной противостоять противнику в открытом море, способной бороться за обладание этим последним, то есть располагать возможностью не только оборонять свое, но угрожать неприятельским берегам и силам, их защищавшим. Для решения этих задач минная оборона с ее местными средствами не годилась.

Спор о том, нужно ли строить минный оборонительный флот или линейный, был в значительной степени спором о том, оставаться ли России второстепенной морской державой, думающей только о защите своих берегов, или стремиться к возвращению себе того значения, которое она утратила в русско-японскую войну, значения мировой морской державы.

2 ОКТЯБРЯ 1906 ГОДА НИКОЛАЙ II получил подготовленный Морским генеральным штабом первый программный документ — доклад «О состоянии, воссоздании и реорганизации флота». В нем начальник штаба капитан I ранга Л. А. Брусилов предлагал срочно создать на Балтийском море такой флот, который был бы способен бороться с германским в ходе оборонительной войны. При этом возможность успешной борьбы ставилась в зависимость от наличия на Балтике активного линейного флота. Это положение доклада по-разному было воспринято заинтересованными российскими кругами.

Помимо Морского министерства, свой ответ на вопрос «Какой флот нужен России?» имело министерство иностранных дел, военное министерство, Совет государственной обороны, различные фракции Государственной думы, общественность и, наконец, царь.

Министерство иностранных дел, считая военноморской флот эффективным орудием в осуществлении внешней политики, полагало необходимым для России иметь сильный линейный флот.

— ...Этот флот должен быть свободным, — считал министр иностранных дел А. П. Извольский, — не связанным частной задачей обороны того или иного моря и залива. Он должен действовать там, где укажет политика...

Ссылаясь на исторический опыт, министр подчеркивал, что государства, пренебрегавшие восстановлением утраченного ими флота, неизбежно попадали в разряд второстепенных держав.

Такую точку зрения полностью разделял Председатель совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин, который считал, что флот — «это атрибут великой державы».

В военном министерстве преобладала другая точка зрения: возложить основную ответственность за оборону берегов на сухопутную армию. Поэтому дорогостоящий линейный флот не нужен, не он создал Россию в ее нынешних границах, создала ее исключительно сухопутная армия. Иного от «сухопутчиков» и не стоило ожидать.

Совет государственной обороны, призванный вырабатывать единую военную доктрину России, руководствовался решением совместного заседания (декабрь 1906 года) начальников морского и сухопутного генеральных штабов. На заседании было решено, что Балтийский флот не является активным флотом, а должен ограничиться оборонительной ролью.

Через четыре месяца — 2 апреля 1907 года — новый морской министр адмирал И. М. Диков представил царю «малую программу» судостроения, в основу которой были положены следующие стратегические задачи: «Балтийскому флоту — оборонять Финский залив и вместе с тем представлять собою сводную морскую силу для поддержания интересов империи во внешних водах». Программа была подкреплена приказанием царя: «Рассмотреть в Совете государственной обороны общие основания доклада Морского генерального штаба. В основу средств, необходимых для выполнения задач Балтийского флота, должен быть поставлен линейный флот».

Несмотря на столь сильную поддержку, председатель Совета государственной обороны великий князь Николай Николаевич, подводя итог прениям, заявил, что в законодательные органы должна быть представлена единая программа развития вооруженных сил страны. В ней распределение средств между морским и сухопутным ведомствами должно быть произведено в зависимости от важности каждого из них для обороны страны. При этом великий князь считал, что начинать надо с восстановления сухопутной армии как несравненно более важной для России, чем флот. Дальше этого Совет государственной обороны не пошел, и вопрос о начале нового судостроения был вновь отложен.

В Государственной думе разброс мнений объяснялся тем, что различные фракции отстаивали точку зре-

ния тех социальных групп, представителями которых являлись. Объединяла почти всех избранников народа лишь боязнь новой революции. А для ее подавления в первую очередь должна быть восстановлена армия.

Правые призывали своих единомышленников отказывать правительству в ассигнованиях на флот до тех пор, пока в Морском министерстве не будет наведен должный порядок, который даст хоть какие-нибудь гарантии не только от новой Цусимы, но и от «Потемкина».

Октябристы (члены основанного в ноябре 1905 года «Союза 17 октября» — партии крупных землевладельцев и верхов торгово-промышленной буржуазии) считали, что России необходим линейный флот на Балтийском море, однако еще более необходима сухопутная армия, именно поэтому развитие флота и армии должно быть строго согласовано, причем приоритет во всех вопросах должен остаться за армией.

Точка зрения кадетов (членов Конституционно-демократической партии, основанной в октябре 1905 года, — ведущей либерально-монархической партии в России), ни разу за все предвоенное время не согласившихся голосовать за строительство флота линейных кораблей на Балтике, выразилась в выступлении от имени фракции депутата А. И. Шингарева при обсуждении «программы усиленного судостроения Балтийского флота»: «Политическая часть проекта нам кажется подозрительной, технически сомнительной, финансовая — ошибочной..» Однако при обсуждении вопроса о строительстве флота на Черном море уже не правительство убеждало думу в необходимости ассигнований на новые корабли, а наоборот.

Так, П. Н. Милюков утверждал, что фракция не против флота вообще, а против строительства Балтийского флота, так как война в Европе в ближайшее время маловероятна: «Иное дело Ближний Восток, где война возможна в некоторые времена года чуть ли не каждую минуту». Эту точку зрения поддерживали и прогрессисты (члены «Прогрессивной партии» — партии крупных капиталистов и обуржуазившихся помещиков, основанной в 1907 году группой депутатов 3-й Государственной думы и занимавшей промежуточное положение между октябристами и кадетами).

А дело здесь в том, что — по мнению кадетов — одним из необходимых условий создания «Великой России» являлась ориентация на союз со странами буржуазной демократии — с Францией и Англией. Член ЦК кадетской партии, лидер ее правого крыла П. Б. Струве настаивал на изменении основного направления внешнеполитического правительственного курса. Он считал, что дальневосточная политика была в корне ошибочной, ибо шла вразрез с «историческим прошлым» и «живыми культурными традициями». Струве полагал, что есть только один путь «для создания Великой России»: «направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, «выходящие» к Черному морю». Эти идеи разделялись и поддерживались всеми буржуазными партиями.

Социал-демократы и трудовики (члены «Трудовой группы» — фракции мелкобуржуазных демократов в Государственной думе), не озабоченные вопросами обороноспособности России, безоговорочно выступали против всяких ассигнований морскому и военному ведомствам.

Точка зрения министерства финансов России по вопросу о флоте опиралась на голые факты. Министр В. Н. Коковцев всегда напоминал о плачевном состоянии финансов и требовал, чтобы все программы морского и сухопутного генеральных штабов соответствовали двум основным требованиям: во-первых, были бы согласованы друг с другом и, во-вторых, были бы по плечу министерству финансов.

Таким образом, одни уверенно высказывались за необходимость немедленного воссоздания военного флота, способного на равных вести борьбу чуть ли не с флотом Англии. Правда, по мнению Колчака, такие высказывания базировались «в большинстве случаев на чисто фантастических основаниях».

Другие столь же упорно доказывали полное излишество и даже вред любого флота для России.

Что касается сторонников последнего мнения, то Колчак был их ярким противником и всячески старался убедить общественность и своих оппонентов в том, что военная морская сила России нужна.

Учитывая повышенный интерес русского общества к морскому делу, морской министр адмирал И. М. Диков разрешил офицерам Морского генерального штаба выступать с докладами на разных общественных собраниях, а также в Государственной думе. Образовалась группа из нескольких офицеров во главе с Александром Колчаком. Своей убежденностью, логичностью, искренностью, ясностью изложения и компетентностью Колчак производил хорошее впечатление на слушателей, и скептические настроения по отношению к флоту нередко сменялись полным сочувствием. Со страниц периодической печати, в Петербургском клубе общественных деятелей, в кронштадтском Обществе офицеров флота, в Обществе ревнителей военно-морских знаний страстно звучал голос молодого офицера:

— ...Минувшая война уничтожением Балтийского флота в Порт-Артуре и Корейском проливе привела Россию к потере морского могущества почти во всех водах, омывающих ее морские границы. Последовавшая за войной внутренняя государственная неурядица не могла не коснуться остатков бывшей морской силы, нанеся ей тяжелые удары морального свойства, еще более ее ослабившие. И вот теперь так же, как и после эпохи грозных наполеоновских войн сто лет назад, поднимается вновь вопрос о возрождении флота...

Александр Колчак терпеливо разъяснял причины, побуждающие Россию иметь сильный флот, подробно рассказывал о государственных морских границах, их значении. Наиболее важной и подверженной ударам возможного противника он считал балтийскую морскую границу.

— ...На этом море мы имеем один из сильнейших мировых флотов, — говорил Колчак, — сильный не только количественно, но и качественно, управляемый непосредственно императором Германии, политика которой является воинствующей... Обладание водами Балтийского моря принадлежит Германии, которая располагает вторым в мире коммерческим флотом и одной из первых в мире армий. Тем самым она представляет собой силу, вблизи которой можно существовать постольку, поскольку это определяется ее мировой политикой, поддерживаемой упомянутым военным могуществом...

Но может ли представлять это обладание Балтийским морем реальную опасность для существования Российского государства?

Колчак считал, что может.

— Экономическое значение Прибалтийского края невелико, — признавал он, — но на берегах Балтики в пятидесяти верстах от германской морской границы, то есть самой опасной со стратегической точки зрения, находится столица нашего Отечества, и эта граница лежит на фланге и в тылу нашей западной армии...

Действительно, потеря столицы всегда в истории войн имела огромное значение, а иногда определяла исход вооруженной борьбы за интересы государства, так как с военной точки зрения столица является одной из основных организационных и снабженческих баз вооруженной силы страны. Отсюда Колчак делал вывод о том, что «обеспечение этой базы есть неременное условие вооруженной мощи государства».

— ...Кроме Германии, — разъяснял Колчак, — мы имеем на Балтийском море исторического векового врага — Швецию. В силу естественных последствий обладания морем, политика Швеции в настоящее время подчинена политике Германии, и ее вооруженные морские силы, специализированные для действия в шхерных районах Балтийского бассейна, явятся грозным резервом германского флота, представляя уже теперь сами по себе силу, которую мы при нашем бессилии не можем игнорировать.

Колчак считал, что отсюда неопровержимо вытекают тяжелые для России возможные последствия, которыми чревато промедление в воссоздании балтийской боевой эскадры.

Что касается политического значения присутствия российских морских сил на Балтике, то для Колчака оно было очевидным.

— ...Вступая в непосредственную связь и так или иначе реагируя на вооруженную силу одной из мировых держав, — говорил он, — мы тем самым обеспечиваем значение нашей политики во всем мире; и безопасность наших границ на Японском море и, быть может, на Черном будет всегда стоять в зависимости от основания всякой политики — вооруженной силы на Балтийском море. Наше политическое могущество двести лет назад создавалось на водах Балтики, и нет

решительно никаких оснований думать, что за этот период значение Балтийского моря для нас утратилось, — подчеркивал Колчак и делал вывод: — Исходя из интересов государственной безопасности, следует признать, что вооруженная морская сила должна быть создана в первую очередь на Балтийском море...

— Какая же морская сила нужна России? — спрашивал Колчак у аудитории и сам на этот вопрос отвечал так: — России нужна реальная сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ и на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы, то есть такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в виде успешной войны.

Эту реальную силу Колчак видел в линейном флоте, и только в нем.

— По крайней мере, — убежденно заявлял он, — в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом. Если России суждено играть роль великой державы, — она будет иметь линейный флот как непременное условие этого положения. Перед нами теперь стоит этот вопрос во всей своей сложности, со всею тяжестью громадных материальных, я скажу, не затрат, а жертв, и, решаясь принести эти жертвы, надо не верить, а знать, что результатом их явится действительная сила...

И далее:

— Беря на себя смелость отрицать, хотя бы в настоящее время, необходимость вооруженной силы — надо идти до конца и отрицать всякий флот, ибо создание фиктивной силы в виде специального минного или подводного флота чрезвычайно дорого — при нашем положении мы не имеем права тратить десятки миллионов на опыты и основывать хотя бы часть государственного бытия на сомнительной или заведомо неудовлетворительной силе...

— Морская сила должна быть и будет, — продолжал Колчак, — в форме линейного флота. Нашему Отечеству предстоит выполнить огромную задачу по его созданию, которое надлежит осуществлять одновременно во всех частях сложного механизма флота. Только при этом условии можно рассчитывать на результаты, достойные цели.

Эту ключевую для судеб Российского военно-мор-

ского флота идею Александр Колчак подробно развивал в своей статье «Современные линейные корабли».

В 1906—1907 годах, когда Александру Колчаку приходилось постоянно выступать на многих собраниях и заседаниях, деятельность его была чрезвычайно многогранной. Именно к этому времени относится тесная взаимосвязь между морским и сухопутным генеральными штабами и Государственной думой, с ее комиссией по государственной обороне, на заседаниях которой Александр Васильевич неоднократно присутствовал в качестве эксперта и докладчика по военноморским вопросам, принимал активное участие в обсуждении всех проблем, касающихся флота.

Комиссия по государственной обороне под председательством А. И. Гучкова была создана в ноябре 1907 года III Государственной думой. Конечно, депутаты были либо штатские, либо отставные военные, давно отошедшие от дел. Поэтому их старались ознакомить со всеми вопросами, над решением которых билось военное и морское ведомства.

Так, члены комиссии впервые узнали о том ужасном, поистине катастрофическом положении, в котором находились вооруженные силы России вследствие неудачной войны и внутреннего кризиса. Одновременно в комиссию представлялись проекты восстановления военной мощи государства, в том числе и морской. Для тщательного, в деталях, изучения этих проектов и планов был организован ряд совместных заседаний членов комиссии по государственной обороне с представителями военного и морского ведомств. Докладчиками выступали молодые офицеры-специалисты, чаще всего из состава Генерального штаба, военного или морского. Заседания шли отдельно по обоим ведомствам, но параллельно, так как нужно было составить общий план финансирования обороны государства. По морским вопросам собирались то в Таврическом дворце, то в более тесном кружке, в более интимной обстановке на частных квартирах, например, у Ю. Н. Милютина или у А. А. Столыпина. Здесь офицеры морского штаба могли выступать с полной откровенностью.

В то время среди наиболее спорных вопросов было требование морского ведомства о выделении 120 миллионов рублей на постройку четырех dreadnoughtов. Во-

круг этого вопроса кипели страсти и в обществе, и в прессе, и в военной среде, и даже среди самих моряков. Денег было мало. Требуемая морским министерством сумма казалась огромной.

«Трудно было найти более блестящего защитника столь неблагодарной задачи, каковая тогда была возложена морским ведомством на Колчака, именно — отстоять требование об ассигновании сумм на постройку 4 броненосцев, — свидетельствует Н. В. Савич, член комиссии Государственной думы по обороне, лидер земцев-октябристов. — Вся его блестящая эрудиция, знание вопроса, ораторский талант, страстная убежденность фанатика своего дела — все это разбивалось о факты печальной действительности. Армия была в буквальном смысле раздета и лишена оружия... дефицит в бюджете, пустая государственная казна — все это заставляло нас относиться с величайшей осторожностью к расходованию тех крох, кои мы надеялись наскрести... А если принять во внимание, что оздоровление, реорганизация береговых учреждений морского ведомства тогда еще ни во что реальное не вылилась, что там все осталось по-старому, все старые привычки, навыки, пороки и даже люди были все те же, что единственная свежая струя — Морской генеральный штаб — не успела еще получить решающей, даже просто значительной роли в жизни и работе ведомства, то выбор наш был прост и решителен. Все, что мы могли дать на дело обороны, мы решили дать в первую очередь военному ведомству... И в этом вопросе вся энергия Морского генерального штаба в целом и Колчака в частности, все его дарования и личное обаяние не могли изменить принятого решения. Комиссия по обороне внесла определенное и категорическое решение — средства на постройку современного броненосного флота будут даны лишь тогда, когда прекрасные и благие намерения Морского генерального штаба воплотятся или, по крайней мере, начнут воплощаться в дело, в действительность, в реальное осуществление реорганизации и реформы ведомства, всех его технических и береговых органов. Сами они, молодые моряки, очень убедительно показали и доказали, что надо в этом отношении сделать, чего добиваться, каковы должны быть усилия, при которых отпущенные народные средства пойдут дейст-

вительно на дело развития мощи государства, а не для кормления береговых и тыловых учреждений. То, что так блестяще доказывал А. В. Колчак, нами в значительной степени было усвоено. Но для момента вывод наш был диаметрально противоположный его выводу. Он и его товарищи рисовали картину, при которой начнется правильное развитие морской силы, и для начала этого процесса требовали кредитов, говоря, что остальное само собой устроится. Мы требовали, чтобы процесс реорганизации, возрождения ведомства начался немедленно, вылился в осязаемые формы, и только тогда мы согласились давать деньги... И, естественно, с ним (Колчаком. — *Авт.*) происходили наиболее жаркие словесные схватки; чаще всего ему оппонировать приходилось мне. Мы оба — он и я — шли к одной заветной цели — созданию боевого флота, способного выполнить те задачи, кои на него будут возложены стратегической обстановкой вероятного конфликта. Но шли к этой цели мы разными путями, и отсюда неизбежность острого конфликта мнений. При всем том наши личные отношения ни на один миг не помрачались. Он был для меня авторитетом в его специальности, человеком энергии и знания, качеств, столь редких у нас вообще, а в его среде в особенности... Я должен признать, что на мое, например, отношение к делу развития у нас морской силы (мне пришлось быть докладчиком по морской смете вплоть до войны, вернее, вплоть до революции), Колчак того времени имел громадное влияние. Мне пришлось на первых порах с ним бороться, но все его аргументы, все его взгляды, все его идеи глубоко запали в душу и в свое время принесли определенные плоды. Но если таково было влияние идей Колчака на его тогдашнего противника, лишь изредка с ним встречавшегося, то можно судить, каково оно было на его сотрудников и соратников по оружию, на его подчиненных и даже на старших чинов, с которыми он имел постоянное, регулярное общение».

ПЕРВАЯ РАБОТА, КОТОРАЯ БЫЛА ВЫПОЛНЕНА Морским генеральным штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки. Это был период, когда морской и сухопутный генеральные шта-

бы работали вместе, единственный период их согласованных действий.

Опираясь на полученные результаты, Колчак, как и его единомышленники, еще в 1907 году пришел к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны, начало которой определял 1915 годом. На это совершенно однозначно указывал анализ военно-политической обстановки, главным образом в Германии, изучение ее военной и морской программ. «Мы знали, — говорил позже Колчак, — что инициатива в этой войне, начало ее, будет исходить от Германии; знали, что в 1915 году она начнет войну».

Та же мысль отражена и в докладе морского министра вице-адмирала И. К. Григоровича от 4 апреля 1911 года о будущей войне на море: «Военно-политическая обстановка, определяемая судостроением Германии, Австрии и Турции, указывает на 1914—1915 гг., как в высшей степени угрожающие, а потому 1915 год должен быть принят за срок, к которому должна быть сформирована современная эскадра на Балтике».

Но еще в 1905 году адмирал флота лорд Фишер в своем меморандуме к комитету государственной обороны Англии предсказал, что Германия объявит войну в августе 1914 года, потому что именно к этому времени, не позже и не раньше, Германия успеет закончить все приготовления, необходимые для этой цели.

Гораздо позже, в 1912, в 1913 годах в европейской прессе стали появляться указания на то, что война вспыхнет не позже весны 1914 года.

Таким образом, мы видим, что одни специалисты за 1,5—2 года, русский Морской генеральный штаб за 7 лет, а лорд Фишер даже за 9 лет точно определили дату, когда начнется мировая война. Кажется, почти невозможно найти эксперта, который предсказал бы, какое лето — дождливое или сухое — будет через два года. Между тем оказывается, имея известные данные, можно определить начало войны даже за 10 лет до нее. По крайней мере, лорд Фишер уже в 1905 году предсказал, что лето 1914 года будет «очень жарким». Сотрудник русского Морского генерального штаба, молодой капитан-лейтенант Александр Колчак ошибся лишь на один год...

Надо было решать — как Россия должна на это реагировать.

В своем мнении Колчак не был одинок: многие офицеры морского и сухопутного генеральных штабов — после долгого и детального изучения исторического и военно-политического материала — считали, что Россия выступит на стороне противников Германии, что союз с немцами нельзя заключать и что «эта война должна будет решиться, в конце концов, вопрос о славянстве: быть или не быть ему в дальнейшем». Сторонниками такой точки зрения были и адмиралы Н. О. фон Эссен и А. И. Непенин. Адмирал Эссен — участник русско-японской войны, затем служил на Балтийском флоте начальником минной дивизии, начальником соединенных отрядов флота и морских сил Балтики, с 1911 года — командующий флотом; под его руководством был разработан план защиты Балтийского моря, который обеспечил русским войскам успех в начале Первой мировой войны. Фон Эссен был определенно против немцев, хотя сам немецкого происхождения. Непенин также ненавидел немцев. Среди крупных представителей морского ведомства германская ориентация не находила сторонников.

Большинство склонялось к союзнической ориентации, так как всем было видно, что приготовления в Германии к войне идут, что она готовится к войне именно с Россией, о чем недвусмысленно свидетельствовали добытые документы. На такой точке зрения стоял и Колчак.

Откровением тогда для него, например, стали высказывания немецкого историка и публициста Г. Трейчке об агрессивном отношении Германии к России. Думается, если у Колчака и были минуты колебаний, то идеолог реакционного пруссачества, шовинизма, германской экспансии Трейчке их полностью уничтожил, откровенно провозглашая культ грубой силы, войны.

Вместе с тем у некоторых штабных офицеров морского ведомства имелось и другое мнение, которое резко расходилось с такой точкой зрения и указывало на необходимость тесного союза с Германией. Сторонники союза считали, что предположение о войне с Германией ошибочно, разрыв с ней нельзя, все существующие вопросы могут быть разрешены удовлетворительно и что, наоборот, союз с Англией и Францией

не сулит России ничего, кроме дальнейших осложнений. Например, активным сторонником союза с Германией, как свидетельствует А. В. Колчак, являлся Е. А. Беренс (с 1910 года военно-морской атташе в Германии, с 1919 года — командующий морскими силами РСФСР), который «был всегда убежденным германофилом». «Он всегда, — рассказывал позже Колчак, — ...считал величайшей ошибкой наше участие в войне против нее (Германии. — *Авт.*). Это было его глубокое убеждение, и с этой точки зрения он и рассматривал все происходившие события. ...Я понимал точку зрения Беренса. Она могла быть объективно оправдана, так как Германия во время войны обнаружила необычайно высокую постановку дела во флоте. Так как вся военная литература, все военные исследования были немецкими, то вполне понятно, что он находился под влиянием немецкой военно-морской школы».

Сторонником союза с Германией был и первый начальник Морского генерального штаба. В октябре 1906 года в своем докладе царю о «программе развития и реформ морских вооруженных сил России» капитан I ранга Л. А. Брусилов, подчеркивая мысль о том, что главный противник России — Германия, указывал одновременно, что еще более опасным врагом следует считать Англию, и предлагал стремиться к союзу с первой для борьбы со второй.

Но такие позиции постепенно, шаг за шагом разрушались оппонентами. И в этом большая заслуга Александра Колчака. Его выступления и речи были логичными, убедительными, покоряли слушателей глубиной мыслей и неопровержимостью аргументов, расчетов.

Хочется еще раз подчеркнуть, что эта война была заранее предусмотрена. Она не была неожиданностью, и даже при определении ее начала ошибались только на полгода. Впрочем, немцы сами потом признавали, что начали ее раньше, чем предполагали.

Итак, главным противником России была определена Германия, а сроком начала боевых действий — 1915 год.

Исходя из этого офицеры Морского генерального штаба разработали судостроительную программу,

которую и положили в основу воссоздания Российского флота. Одним из главных ее авторов был Александр Колчак.

Но программа, которую планировали закончить к 1915 году, так и осталась всего лишь программой.

Реально, по свидетельству Колчака, «постройка судов шла без всякого плана, в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств». В результате возникали какие-то фантастические корабли, которые появлялись неизвестно зачем.

На Колчака, для которого судостроительная программа являлась смыслом, целью его существования в тот период, это подействовало самым печальным образом. Он был одним из главных составителей программы, написал и разработал большую ее часть, наконец, отстаивал ее в Государственной думе, с этой целью ездил к председателю комиссии по государственной обороне А. И. Гучкову, встречался со многими членами думы. Колчак старался сделать все возможное, чтобы спасти свое детище: писал, убеждал, просил, доказывал...

— ...Создав себе военный флот достаточной силы, — говорил он, — Россия сразу займет положение, при котором союза с ней будут искать самые сильные державы мира... От России будет зависеть, как использовать эти предложения для достижения тех или других политических выгод, необходимых ей для своего упрочения... Тогда в руках России будет многое... Истратить несколько сот миллионов рублей для того, чтобы создать себе в ближайшем будущем такое положение, стоит; они окупятся очень быстро многими и многими политическими и экономическими последствиями...

Все, конечно, соглашались с этим — и только, дальше дело не двигалось.

«Неужели все зря?» — в который уже раз в отчаянии задумывался Колчак, болезненно переживая очередную неудачу, все более и более осознавая тщетность своих усилий, трагическую неудачу, невозможность проложить путь к заветной цели сквозь рутинную кабинетную тишь и чопорность.

Что мог сделать рядовой штабной офицер флота, вторгаясь в сферу «высших интересов» государства?

Он хотел строить для России флот, а правительство было далеко от планов его воссоздания: начало 1908 года совпало с подготовкой войны с Турцией, а вскоре начался Боснийский кризис, затянувшийся до весны 1909 года. В этих условиях внимание российского правительства было отвлечено разрешением совсем иных проблем, чем немедленное развитие флота. Да и на-строение Государственной думы ясно свидетельствовало о том, что на крупные кредиты для судостроения в ближайшее время надежды нет.

Дума склонялась к тому, чтобы все средства, какие удастся выкроить для обороны, отдать армии — не флоту. Такое решение можно понять. Армия и флот соперничали в борьбе за ассигнования. При большой ограниченности возможностей приходилось волей-неволей выбирать. Армия была раздета и плохо вооружена. Концепция совместного развития и взаимодействия сухопутных и морских сил отсутствовала. При традиционном сухопутном характере русской стратегии приоритетная помощь армии выглядела более весомо.

Наконец, у Государственной думы не было доверия к морскому ведомству, где по-прежнему царили бюрократизм и рутина. Офицеры Морского генерального штаба производили хорошее впечатление, но высшие чины морского ведомства в большинстве своем относились свысока к этим «младотуркам», как они именovali реформаторов. У думы возникло опасение: если выделить флоту средства, не уйдут ли они на кормление береговых и тыловых бюрократических структур?

«В Государственной думе на нас нападали Гучков, Шингарев, Бобянский, Годнев, Звегинцев, Савич, Челноков и другие (члены думы: А. И. Гучков — лидер партии октябристов, председатель комиссии по обороне, с 1910 года — председатель III Государственной думы; А. И. Шингарев — земский врач, один из лидеров кадетов; А. Ф. Бобянский и И. В. Годнев — октябристы; А. И. Звегинцев — октябрист, закончил Морской корпус, некоторое время служил во флоте и считался в думе специалистом по морским делам; М. В. Челноков — главноуполномоченный Союза городов, один из самых правых кадетов. — *Авт.*), —

пишет в своих воспоминаниях бывший товарищ¹ морского министра, а с 1911 года морской министр адмирал И. К. Григорович. — Все сводилось к тому, что, пока Министерство не покончит со старым порядком, не реорганизует ведомство на новых началах с ответственным начальником, пока не откроет все свои дефекты, — ассигнования выдаваться не будут... Такие же отношения к морскому ведомству были у членов Совета министров. Больше всего нападали на ведомство министр финансов В. Н. Коковцев, министр торговли и промышленности С. И. Тимашев и Государственный контролер П. А. Харитонов. И несмотря на такое безотрадное положение, морской министр (С. А. Воеводский. — *Авт.*) спокойно уехал в отпуск к себе в имение, а следом за ним и начальник Главного морского штаба Яковлев. Остальные начальники разбрелись по дачам, отчего, конечно, все стало делаться еще медленнее...»

А каких, спрашивается, успехов можно было достичь в возрождении российской морской мощи, если на посты в морском ведомстве в большинстве своем ставились моряки, без учета их деловых качеств, просидевшие весь срок своей службы в канцеляриях Морского министерства, структура и организация службы в котором не отвечали современным требованиям?

Николай II назначал морских министров каждые два года: занявшего в 1905 году этот пост А. А. Бирилева сменил в 1907 году И. М. Диков, а его в 1909 году — С. А. Воеводский.

Морскому министру И. М. Дикову в 1908 году исполнилось 74 года, и, хотя он в полной мере сохранил умственные способности, ему трудно было ездить в Государственную думу и ее комиссии и еще труднее присутствовать на заседаниях Совета министров, где председательствовал П. А. Столыпин. К судьбе судостроительной программы Диков относился безразлично, но не мешал ее продвижению в думе.

¹ Товарищ морского министра — заместитель, имевший определенную самостоятельность. В его функции входило руководство судостроением на государственных и наблюдение за ним на частных заводах. Товарищу министра подчинялись непосредственно начальники всех государственных заводов Морского министерства. Заняв пост морского министра, И. К. Григорович ликвидировал должность товарища министра и заменил ее должностью помощника министра, резко ограничив права последнего.

С. А. Воеводский, став морским министром, неожиданно для всех начал борьбу с Государственной думой именно из-за этой судостроительной программы. Он начал изменять и постоянно переделывать ее, задерживать ответы на запросы, которые шли из думы. Между тем время шло, и Воеводский в конце концов поставил дело так, что программу не выполнили к тому сроку, к которому она могла и должна была быть выполнена. Вначале эта программа была известна как одна «большая программа». Затем она по инициативе Воеводского распалась на два проекта — большой и малый.

«С Воеводским император и императрица познакомились при плавании в Финских шхерах¹, — вспоминает российский государственный деятель С. Ю. Витте, — и он им очень понравился. Сам по себе он представлял, скорее, кавалергардского офицера, нежели моряка. Человек он почтенный, но в смысле деловом и в смысле таланта ничего собой не представляющий. Одним словом, он обладает всеми такими хорошими качествами, которые, тем не менее, нисколько не делают человека государственным деятелем и морским министром».

Аналогичную оценку С. А. Воеводскому, еще в бытность его товарищем морского министра, дал главный инспектор кораблестроения и исполнивший дела председателя Морского технического комитета генерал А. Н. Крылов: «К этому посту он не был подготовлен. Технику морского дела знал мало, схватить и оценить сущность дела не мог, легко поддавался наветам, верил городским слухам и сплетням, не умел ни заслужить доверия Государственной думы, ни дать ей отпор, когда следовало. Ясно, что с этими качествами, несмотря на истинное джентльменство и корректность, он мало подходил к деловой должности товарища морского министра, в особенности в то время, когда надо было спешно воссоздать флот».

И еще: «Воеводский часто давал в комиссиях (Государственной думы. — *Авт.*) неосторожные обещания,

¹ В Финских шхерах (прибрежная полоса моря, насыщенная большим числом островов, разделенных узкими проливами, надводных и подводных скал и камней) в районе островов Бьерского архипелага неподалеку от входа в Выборгский залив расположен рейд Штандарт — излюбленное место летнего отдыха императора Николая II и его семьи; здесь они отдыхали на борту царской яхты «Штандарт» (построена в Дании, вступила в строй в 1896 году).

иногда заведомо ложные, иногда заведомо неисполнимые, и никак не мог понять того, что нет возможности, давая ложные сведения, упоминать тех 50 или 60 членов, перед которыми он эти неверные сообщения сделал; поэтому в другой раз, повторяя неверные сообщения, он легко впадал в противоречия, что вело к утрате доверия».

Такие министры не могли квалифицированно руководить ни составлением планов войны на море, ни созданием судостроительных программ. Они могли только распределять посты и должности, на которые, как правило, попадали некомпетентные люди, и своей деятельностью еще больше разваливали формировавшееся веками сложнейшее флотское хозяйство. А в силу своих монархических убеждений, стереотипов мышления ни один из них не мог найти общего языка с Государственной думой, которая платила им тем же.

Таким образом, подытожим: единой обоснованной программы судостроения не было, имелись лишь проекты создания судов для Балтийского моря, и совершенно игнорировалось Черное море. Работы на судах, уже находившихся в процессе постройки, шли медленно из-за недостатка финансирования, так как отсутствовало доверие к морскому ведомству, особенно к его руководству, со стороны законодательных учреждений. В результате — новые нападки на морское ведомство и новые сокращения кредитов. Программа возрождения российского флота безнадежно увязла в бюрократической трясине.

Быстро пролетели два года. Так бывает всегда, когда человек занимается любимым делом, и занимается им в охотку. Но...

«Колчак был страстным защитником скорейшего возрождения флота, — свидетельствует Н. В. Савич, — он буквально сгорал от нетерпения увидеть начало этого процесса, он вкладывал в создание морской силы всю свою душу, всего себя целиком, был в этом вопросе фанатиком... Весной 1908 года Колчак проиграл бой в Государственной думе. Но он сделал свое дело. Он внес горячую свежую струю в ведомство (имеется в виду морское. — *Авт.*), его мысли стали достоянием многих, его знания просветили среду его сослуживцев

и внесли определенность и ясность в вопрос реорганизации флота... Можно считать несомненным, что, когда закладывались основные камни будущей реконструкции ведомства и восстановления флота, Колчак внес свой крупный и плодотворный вклад в дело, которое ему было так дорого».

Однако Александр Васильевич потерял всякую надежду на успех. Он перестал работать над судостроительной программой и не видел смысла дальше оставаться в Морском генеральном штабе. Колчак начал читать лекции в Николаевской морской академии, но и это не приносило удовлетворения. Все чаще и чаще он стал задумываться о возвращении к прежней научной деятельности.

Лишь одно не изменилось — Колчак по-прежнему продолжал работать в военно-морском кружке, на который смотрел главным образом как на образовательный, имевший целью поднять уровень военного образования в офицерской среде. Все это было новым в жизни флота. И в этом — немалая заслуга Александра Колчака. А вот изучением флота в предшествующие периоды истории России кружок совершенно не занимался.

Почему Колчак не придавал этому должного значения? Считал ненужным? Невольно возникает вопрос: а его труды и деятельность будут так же забыты и проигнорированы последователями, которые снова начнут открывать Америку? Ведь армия сильна традициями, которые в течение двух веков складывались благодаря гению русских полководцев и подвигам боевых сынов России. Одно только имя Суворова и его бессмертные победы свидетельствуют об этом. Личный же состав флота, по мнению современников Колчака, всегда отличался полным незнанием своей военно-морской истории.

Политическая борьба и разногласия между Государственной думой и Морским министерством все сильнее затягивали решение вопроса о начале выполнения судостроительной программы, и в 1908 году Александр Колчак «пришел к убеждению, что поставить этот вопрос в реальные формы быстрой и энергичной деятельности невозможно. Все свелось к препирательству между Думой и Морским министерством; уходило время, а вопрос о судостроительной програм-

ме не двигался, и работа Морского генерального штаба стала получать чисто академический характер».

Служба в штабе шла своим чередом, размеренная и уже неинтересная. Колчаку — человеку активному и целеустремленному — стало скучно. Он чувствовал — надо заняться чем-то более существенным, сделать свою жизнь более содержательной.

«Я решил, — писал Колчак в автобиографии, — снова вернуться к старой работе по исследованию полярных морей и по изысканию Великого северного пути из Атлантического в Северный океан. В это время Главное гидрографическое управление Морского министерства решилось заняться этим вопросом и для этого снарядить экспедицию. Я принял участие в подготовительных работах этой экспедиции, и при моем непосредственном участии были разработаны и спроектированы чертежи двух специальных ледокольных судов...»

ВОПРОС ОБ ИЗУЧЕНИИ Северного морского пути снова встал на повестке дня после русско-японской войны. Сложности, связанные с посылкой через три океана эскадры адмирала Рожественского, а затем Цусима вынудили русские власти задуматься о том, что существует гораздо более короткий путь к восточным владениям империи. Увы — совсем не изученный. Этим вопросом заинтересовались морское командование и российский Совет министров. Последний на своем заседании 7 апреля 1908 года признал необходимым «в возможно скором времени связь устья Лены и Колымы с остальными частями нашего Отечества как для оживления этого обширного района Северной Сибири, отрезанного ныне от центра, так и для противодействия экономическому захвату этого края американцами, ежегодно посылающими туда из Аляски свои шхуны для меновой торговли с прибрежным населением».

Создается специальная комиссия под председательством начальника Главного гидрографического управления морского ведомства известного гидрографа, полярного исследователя генерал-лейтенанта А. И. Вилькицкого. Комиссия признала, что Северный морской путь проходим, но установить доступность его для плавания как военных, так и коммерческих судов мож-

но лишь путем всесторонних систематических исследований после выполнения хотя бы общей описи берегов и гидрографических работ.

В 1907—1908 годах Главное гидрографическое управление готовит комплексную морскую экспедицию, получившую (по ведомственной принадлежности) довольно скромное название — Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. Ее задача заключалась в изучении северных и северо-восточных морей с целью освоения Северного морского пути. С этого, собственно говоря, и начинается история новой полярной экспедиции, в которой принимает участие капитан II ранга Александр Колчак. Он по-прежнему интересуется проблемами севера, продолжает научные исследования.

Вилькицкий, хорошо знавший Колчака, предложил ему принять участие в выработке общего плана и программы плавания для исследования морского пути из Тихого океана через Берингов пролив, вдоль северных берегов Сибири, к мурманскому берегу. Встретившись и переговорив с генералом, Колчак с радостью соглашается заняться этим делом. Он разрабатывает проект экспедиции и подает его Вилькицкому. Проект одобрили.

Используя свой богатый полярный опыт плавания на «Заре», Колчак предложил организовать новую экспедицию на судах ледокольного типа, конечно, не таких, которые могли бы ломать, колоть океанский полярный лед, — плавание «Ермака» показало, что это невыполнимо, что активная борьба с океанским льдом пока невозможна. Речь шла о другом: построить стальное судно, которое выдержало бы давление льдов. При этом Колчак считал, что необходимо иметь два таких судна, чтобы избежать любых случайностей.

Оставаясь пока в Морском генеральном штабе, Александр Васильевич все свободное время работает над организацией экспедиции, ездит на заводы, продумывает с инженерами конструкцию судов. Остановились на конструкции корабля, который весом своего стального корпуса раздавливал бы лед (эта идея легла в основу ледокольного флота в последующем и находится на вооружении кораблестроителей и поныне). Участие Колчака в разработке ледоколов не случайно:

он обладал глубокими познаниями в технике. Еще учась в Морском кадетском корпусе, Александр Васильевич постоянно бывал на военном Обуховском сталелитейном заводе, изучал там металлургическое дело, освоил слесарные навыки. И приобретенные ранее знания теперь ему здорово помогали.

Приказ № 98 по морскому ведомству от 28 апреля 1908 года гласил: «Государь император, в 28-й день апреля сего года, Высочайше повелеть соизволил зачислить в списки судов флота, в класс транспортов, два строящихся на Невском судостроительном и механическом заводе парохода ледокольного типа в 1290 тонн водоизмещением, с присвоением им наименований: „Таймыр“ и „Вайгач“». Их строительство осуществлялось при самом активном, а подчас и решающем участии Колчака.

Через месяц Высочайшим приказом по морскому ведомству Александр Колчак назначается командиром «Вайгача», а капитан II ранга Ф. А. Матисен, который вместе с Колчаком участвовал в экспедиции барона Э. В. Толля, — командиром «Таймыра». Суда были военными и имели пушечное и пулеметное вооружение. Кроме того, «Вайгач» был оборудован специально для картографических работ. Оба судна получили самое современное по тем временам оснащение для жизни и деятельности в Арктике, проведения там научных исследований. На ледоколах имелись радиотелеграфные установки, что позволяло им держаться на некотором удалении друг от друга. Экипажи полностью состояли из военных моряков-добровольцев — от командира до матроса. Каждый из офицеров имел научные обязанности. Решив заняться исключительно делами экспедиции, Александр Васильевич добился перевода в 1908 году из Морского генерального штаба в Главное гидрографическое управление (правда, участвовал при этом в работе комиссии при Морском Генеральном штабе по составлению новых сводов боевых сигналов).

В конце октября 1909 года «Таймыр» и «Вайгач» покинули место стоянки в устье Невы, вышли в Финский залив и направились в свое долгое плавание обычным путем — через Суэцкий канал и Индийский океан на Дальний Восток.

Позади остались Стокгольм, Копенгаген, Киль,

Роттердам, Гавр, Бискайский залив. Берегов Испании и Португалии Колчак не увидел — суда проходили вдалеке от Пиренейского полуострова, но вечером и ночью легкий ветерок доносил аромат цветущих апельсиновых и лимонных садов. В дни стоянки в алжирском порту командир «Вайгача» видел бой быков, побывал в Каире и осмотрел пирамиды. Медленно проходили ледоколы мимо низких, плоских, песчаных берегов Суэцкого канала. Короткая остановка на ночь у Измаилии — прекрасного оазиса на африканском берегу; мимолетная остановка у южного конца канала в Суэце — и русские корабли вышли в знойное Красное море. Потом Аравийское море — «предмесье» Индийского океана.

«Таймыр» и «Вайгач» были первыми русскими военными кораблями, совершавшими далекое заграничное плавание после русско-японской войны. По-видимому, частые остановки в разных портах делались не без умысла, а чтобы продемонстрировать русский военно-морской флот, впервые после Цусимы.

Позади остался и Индийский океан. К Сингапурскому порту суда подошли ночью. Неподалеку на огороженном молом огромном рейде на якоре стоял какой-то военный корабль. Когда рассвело, выяснилось, что корабль японский. Очертания его показались Колчаку знакомыми. Велико же было его (да и не только его) негодование, когда Колчак узнал бывший русский военный крейсер «Варяг», затопленный командой после неравного боя у Чемульпо у берегов Кореи в 1904 году, в первые дни русско-японской войны. Японцы подняли его со дна Желтого моря, отремонтировали и ввели в строй под названием «Соя». (В 1916 году Россия выкупила крейсер у Японии, и он получил прежнее название.)

Давно уже на небе горели чуждые русскому капитану, северянину, созвездия. Сиял новый для него Южный Крест. Большая Медведица и Полярная Звезда стояли низко над горизонтом. Южное небо значительно беднее северного яркими созвездиями.

Непомерно продолжительное плавание — восемь с лишним месяцев — в южных морях заканчивалось. Путь «Вайгача» и «Таймыра» лежал через Цусимский пролив в Японское море, где в заливе Петра Великого раскинулся по берегам бухты Золотой Рог российский

важнейший тихоокеанский порт Владивосток — отправной пункт плавания ледоколов в Северный Ледовитый океан.

Из-за длительной стоянки в Гавре для устранения выявившихся конструктивных недостатков (за что Матисен был заменен А. А. Макалинским) во Владивосток пришли лишь 3 июля — позже срока, необходимого для начала работ в Арктике. Еще позднее — 9 августа — прибыл начальник экспедиции И. С. Сергеев. Поэтому, по свидетельству Колчака, Главное гидрографическое управление поставило перед экспедицией задачу «пройти в этом году Берингов пролив и обследовать район этого пролива, имея основным пунктом для съемок и больших астрономических наблюдений мыс Дежнева, и затем вернуться обратно во Владивосток на зимовку, а в следующем году идти дальше». Главная часть программы откладывалась до весны 1911 года.

К этому времени последовало и официальное учреждение Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана.

У экспедиции было весьма приближенное представление об условиях предстоящего плавания. Опыта не было ни у кого, за исключением Матисена и Колчака. «Что ждет экспедицию в Беринговом проливе? — невольно задумывался капитан «Вайгача». — Как поведут себя ледоколы во льдах?» Для него было ясно одно: долго плавать в этом году не придется. Кончался август, лето было на исходе. До Берингова пролива предстоял долгий и трудный путь. В Ледовитый океан экспедиция в лучшем случае могла попасть во второй половине сентября, а это время считалось уже концом арктической навигации.

Но в экспедиции царили оптимистические настроения: считали, что льды, являвшиеся для деревянных судов непреодолимым препятствием, не станут таковыми для «Вайгача» и «Таймыра». Зимовать в океане, да еще в самом начале плавания, никто не собирался. Никто о зимовке всерьез и думать не хотел. Однако следовало приготовиться ко всему. И готовились. Впрочем, эта подготовка не отличалась особой тщательностью.

Настал момент, которого с таким нетерпением ждали участники экспедиции. 30 августа 1910 года

скромно и незаметно ледоколы покинули гостеприимную, но порядком надоевшую бухту Золотой Рог. В Петропавловске на борт «Вайгача» поднялся штурман с транспортного судна «Колыма» А. Шильдкнехт, которого очень заинтересовал необычный корабль. Колчак сам познакомил его с ледоколом. «Показав мне весь корабль, он не ограничился этим, — вспоминал штурман, — а пригласил меня к себе, вытащил кучу чертежей и прочел мне целую лекцию о конструкции ледоколов, условиях образования льдов и торосов и предполагаемых возможностях плавания северным путем. Обладая колоссальной эрудицией как общей, так и в этом специальном вопросе, Колчак сделал свою лекцию настолько, не скажу даже интересной, а просто увлекательной, что я не заметил, как пролетели два часа, проведенные с ним».

После короткой стоянки в Петропавловске Колчак повел свой ледокол в залив Провидения. В Беринговом море экспедицию настиг сильный шторм. Качало невыносимо. Около недели отнял путь до залива.

Из залива Провидения суда вышли к мысу Дежнева — самому восточному пункту Азиатского материка — и вошли в Ледовитый океан. Пройдя вдоль берега на запад около 30 миль, встретили сплоченные льды. Температура резко упала. Льды и снегопады вынудили прекратить береговые работы и остановиться. Колчак занимался океанографией и гидрологией. Рассчитывать на улучшение погоды не приходилось — наступил октябрь. Дальнейшее плавание становилось по меньшей мере бесполезным. В случае же задержки экспедиция рисковала остаться тут на зимовку. 2 ноября ледоколы вернулись в бухту Золотой Рог, закончив таким образом свое первое полярное плавание.

Поставленная задача была выполнена с успехом в значительной степени благодаря Александру Колчаку, обладавшему тогда среди всех участников экспедиции наибольшим полярным опытом и умевшему этим опытом делиться с другими. 6 декабря 1910 года Колчак награждается орденом Св. Анны второй степени.

После 1910 года Александр Колчак больше никогда не выходил в арктические моря. Его непосредственная, столь плодотворная деятельность полярного исследователя и путешественника закончилась, что называется, на полпути из-за не менее важных для России дел,

о чем разговор пойдет ниже. Тем не менее, и то, что он сделал, заслуживает глубокой благодарности потомков. Он оставался признанным полярным авторитетом, и мысли о далеком сибирском севере его никогда не покидали. Колчак, в частности, выступил в 1912 году против престижной гонки экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу. Не ставя под сомнение героические стороны путешествия Седова и научные результаты плавания «Святого великомученика Фоки», следует, однако, сказать, что, не учтя замечаний Колчака и других оппонентов по плану экспедиции, Седов все же поспешил в путь. Эта поспешность в сочетании с исключительно трудными ледовыми условиями и моральной невозможностью для Седова вернуться, не достигнув полюса, и привела его к гибели.

Освоение Арктики до конца жизни оставалось для Колчака предметом постоянных интересов и забот. Карта полярных экспедиций висела и в омском кабинете адмирала.

...В июне 1913 года Владивосток уже в третий раз провожал Гидрографическую экспедицию, настойчиво пытавшуюся пройти Северным морским путем в Европу. На пути к Берингову проливу паралич разбил начальника экспедиции генерал-майора И. С. Сергеева. Морское министерство передало по радио приказание встать во главе похода командиру «Таймыра» капитану II ранга Б. А. Вилькицкому — сыну бывшего начальника Главного гидрографического управления генерал-лейтенанта А. И. Вилькицкого (умер в феврале 1913 года).

«Таймыр» и «Вайгач» то расходились, то встречались вновь, ведя научные исследования Северного морского пути. Садились на мели, стаскивали друг друга, ломали лопасти винтов. Но упорно шли к намеченной цели. У Таймырского полуострова попали в сплоченные льды. После тщетных попыток отыскать полынью приняли решение взять курс на север, чтобы обойти ледяное поле. Вот тут и начались главные неожиданности: на горизонте показалась узкая полоска неизвестной земли, которая оказалась довольно большим островом. Шел год 300-летия Дома Романовых. И, естественно, остров назвали именем Цесаревича Алексея, наследника престола.

Изучив остров, двинулись дальше. И вновь на гори-

зонте появились контуры высокого гористого берега. Новооткрытая земля была названа Землей Императора Николая II. Под дружное «ура» на установленном бамбуковом флаштоке гордо захлопал на ветру флаг России.

Дальше путь экспедиции преградил сплошной лед до самого горизонта. Не оставалось ничего другого, как повернуть назад.

С началом навигации 1914 года ледоколы вновь, в четвертый раз, ушли на Север. Обследовали и описали Землю Императора и остров Цесаревича, затем арктические исследования заставила отложить война. В октябре 1915 года Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана была расформирована. Б. А. Вилькицкий принял командование эсминцем «Летун».

4 октября 1916 года «Правительственный вестник» напечатал документ, в котором были и такие строки:

«Замечательное число открытий и географических исследований в области полярных стран, произведенное в течение столетий усилиями русских мореплавателей, недавно пополнилось новейшими успехами, коим и закончилась деятельность флигель-адъютанта Его Императорского Величества капитана II ранга Вилькицкого, начальника Гидрографической экспедиции, которой в 1913—1914 гг. было поручено исследование Северного Ледовитого океана.

Этот офицер произвел в 1913 г. опись нескольких обширных местностей. Засим, поднявшись к северу, открыл обширные земли, распространяющиеся к северу от Таймырского полуострова, коим были даны наименования **ЗЕМЛИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II**, острова **ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ...**

Императорское Российское Правительство имеет честь нотифицировать настоящим правительствам союзных и дружественных держав включение этих земель в территорию Российской Империи».

Придя к власти, большевики не нашли ничего лучшего, как «закрыть Америку». Будто не было вовсе «царской» экспедиции, открывшей обширные земли со столь «одиозными» названиями. В 1918 году выпустили карту, на которой были обозначены Москва, Иркутск, Киев, но не нашлось места для Ледовитого океана, все пространство которого стыдливо прикрывал заголовок карты.

Но в 1924 году вспомнили «одиозные» названия: нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в своем Меморандуме № 297 от 4 ноября, в частности, писал: «Правительство Союза СССР... вынуждено заявить всем державам нижеследующее: В сентябре 1916 г. Российское правительство известило все союзные и нейтральные державы, что нижеперечисленные острова составляют неотъемлемую часть российской территории, а именно: ...Земля Императора Николая II, остров Цесаревича Алексея...»

Через несколько лет на новых картах Земля Императора фигурировала под названием... Северная Земля, затем появился новый вариант — Таймырский архипелаг, а остров Цесаревича Алексея стал Малым Таймыром.

Но на этом не успокоились, и метаморфозы продолжались. В 1935 году на карте северной части Карского моря Земля Императора никак не названа. Зато щедро рассыпаны созвучные эпохе названия: Большевик, Комсомолец, Пионер, Молотов, Уншлихт, Роза Люксембург и неперенный Карл Либкнехт... Не оказалось на карте фамилий многих участников экспедиции Вилькицкого, прежде всего, конечно, эмигрантов и носителей немецких фамилий.

Бухта Новопапенного (командир «Вайгача», капитан II ранга) превратилась в Тройную, мыс Рудовица станет Дровяным, мыс Жохова переименуют в Молотова, а затем в Арктический, и т. д. Исчезнет остров первого командира «Вайгача» А. В. Колчака...

ПО ПРИБЫТИИ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Северного Ледовитого океана в ноябре 1910 года во Владивосток Колчак неожиданно для себя получил телеграммы из Морского Министерства и Морского генерального штаба: его просили срочно вернуться в Петербург и продолжить работу над судостроительной программой и подготовкой флота к войне. После некоторых колебаний Колчак согласился — у него «опять явилась надежда, что, может быть, удастся дело направить», — и был назначен в Морской генеральный штаб на прежнюю должность: начальника отдела по разработке стратегических идей защиты Балтики. «Меня все это время замещал мой помощ-

ник, — рассказывал позже Колчак, — и я принял дело почти в прежнем состоянии, так как за время моего... отсутствия там ничего не делалось. Я прибыл в Петроград зимой 1910 года и оставался там (в Морском генеральном штабе. — *Авт.*) 1911 год, до весны 1912 года».

Здесь необходимо подчеркнуть, что в 1909 году произошло событие, имевшее большое значение для флота: в августе был упразднен Совет государственной обороны, деятельность которого — особенно его председателя великого князя Николая Николаевича — была направлена по сути на срыв восстановления флота.

В марте 1911 года последовал указ Николая II о назначении вице-адмирала И. К. Григоровича на пост морского министра. С этим назначением кредиты на строительство флота наконец были открыты. В 1911—1914 годах был принят ряд законодательных актов о строительстве флота, которые получили название Малая и Большая судостроительные программы. В короткий срок Григоровичу удалось наладить четкую работу всех учреждений Морского министерства, избавившись, несмотря на сильное давление, от откровенных бездельников и интриганов. Благодаря его стараниям был разработан и утвержден ряд руководящих документов, регламентировавших работу Морского министерства, порядок проектирования кораблей, взаимоотношения с промышленностью, прохождение службы офицерским составом, а также установление предельного возраста службы для адмиралов и высших офицеров.

Начальником Морского генерального штаба был адмирал А. А. Эбергард, которого в декабре 1911 года сменил вице-адмирал светлейший князь А. А. Ливен. Последний разделял взгляды прогрессивно настроенных офицеров.

Почти полтора года — второй период работы Колчака в Морском генеральном штабе. В это время Александр Васильевич дорабатывает план будущей войны на море, основы мобилизации флота, трудится над проектированием новых типов военных судов — вообще ведет всю подготовку флота к войне. Участвует в разработке и маневрах Балтийского флота, становится специалистом в области боевых стрельб и особенно минного дела.

Но главной его головной болью становится составление законопроекта судостроительной программы, которая в Государственной думе проходила под названием «Программа спешного усиления Балтийского флота» (Большая программа). Она предусматривала строительство четырех линейных крейсеров дредноутного типа («Измаил», «Бородино», «Кинбурн» и «Наварин»), двух минных крейсеров («Муравьев-Амурский» и «Адмирал Невельский»), четырех легких крейсеров («Светлана», «Адмирал Грейг», «Адмирал Бутаков», «Адмирал Спиридонов»), тридцати шести эскадренных миноносцев типа «Новик» и двенадцати подводных лодок типа «Барс». Кроме того, в программу было включено строительство порта и крепости в Ревеле и двух легких крейсеров — «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Лазарев» — для Черного моря.

Этот законопроект проходил вполне гладко во всех комиссиях Государственной думы и вскоре был представлен в думу для окончательного рассмотрения.

6 июня 1912 года состоялось историческое заседание Государственной думы. Быстро, без возражений приняли несколько мелких законопроектов и перешли к кардинальному вопросу этого дня — вопросу о судостроительной программе.

К этому времени в ложе правительства заняли места председатель Совета министров П. А. Столыпин, министр финансов В. Н. Коковцев, морской министр адмирал И. К. Григорович, министр иностранных дел С. Д. Сазонов, товарищ морского министра вице-адмирал М. В. Бубнов, начальник Морского генерального штаба вице-адмирал светлейший князь А. А. Ливен, начальник Главного морского штаба вице-адмирал М. В. Князев, начальник Главного управления кораблестроения контр-адмирал П. П. Муравьев и другие высшие военные чины. В ложе чинов канцелярии Государственной думы разместились адмиралы и офицеры центральных учреждений морского ведомства. Из действующего флота присутствовал командующий морскими силами Балтийского моря вице-адмирал Н. О. фон Эссен со своим штабом, командир эсминца «Уссуриец» капитан II ранга Александр Васильевич Колчак.

Обсуждение началось речами докладчиков, членов Государственной думы Хвоцинского (от комиссии по

государственной обороне), Звегинцева (от Воронежской губернии), Опочина (от бюджетной комиссии). Они высказывались за принятие предложенной морским ведомством судостроительной программы. Выступивший вслед за ними Григорович доказывал необходимость боевого линейного флота для защиты государства. После его речи, выслушанной с большим вниманием при полной тишине, начались бурные прения.

Об этом заседании Государственной думы Григорович в своих «Воспоминаниях» пишет: «Заседание Государственной думы, в закрытом от публики зале, началось в 11 часов утра и длилось без конца; докладчик и многие члены думы говорят о необходимости ассигнования денег на строительство флота. В их поддержку выступает В. Н. Коковцев, затем я, некоторые члены думы против ассигнования, один из них (П. Н. Милюков, один из лидеров партии кадетов. — *Авт.*) отвратительно и гадко выступает тоже против ассигнования, он лжет и нарочно пугает такими расходами, которые никто пока не просит, требует денег только на армию, ему оппонирует Звегинцев и доказывает неверность его цифр. В зале сильное возбуждение, везде, где можно, сидят строевые офицеры флота, нарочно приглашенные мною, чтобы в антрактах они могли говорить с членами думы. Настало время завтрака, приходит обед, а закон еще не прошел. Когда все записавшиеся ораторы высказались, вопрос был поставлен на баллотировку, это было уже в первом часу ночи, и, наконец, законопроект принимается при неистовых и бурных аплодисментах большинства членов думы, слава Богу, теперь я спокоен: флот будет!»

Путь к достижению этой заветной цели был долгим и нелегким. Фактически дело перевооружения военноморского флота России задержалось примерно на два года.

Теперь, когда морским министром стал Григорович и были получены огромные средства на строительство новых мощных кораблей, началось активное возрождение флота, реорганизация управления военноморскими силами, освоение новых методов ведения боевых действий на море. В 1914—1915 годах уже стали вводиться в строй мощные, быстроходные, маневренные, с сильным вооружением корабли новых

типов — эсминцы типа «Новик», первые русские линкоры типа «Севастополь», строились сверхдредноуты — крейсера типа «Измаил», новые подводные лодки и т. д. Все это было во многом и личной заслугой штабного работника, капитана II ранга Александра Васильевича Колчака, который в 1915—1917 годах уже успешно использовал в боевой обстановке новейшие русские корабли.

Вместе с тем, по справедливому мнению Колчака, «мы к войне не были готовы в смысле выполнения намеченной программы. Эта программа, начиная с судостроительной, с которой было связано все остальное, была задержана Воеводским на два года. Что касается других причин задержки в выполнении этой программы, то и помимо людей таких причин было много. Причиной этого была, прежде всего, сама организация Морского министерства и, главным образом, его технических отделов, с их страшной канцелярщиной и волокитой в сношениях с заводами, с утверждением чертежей, с разрешением всевозможных вопросов, связанных с судостроением. Все это страшно отражалось на деле. Таким образом, одной из причин являлся также бюрократизм, бывший в этих учреждениях. Это было ужасное место, с которым генеральный штаб пытался вести борьбу, но тщетно».

Действительно, в 1913—1914 годах больше России затратили на флот только два государства — Англия и Америка. Даже на могущественные германский и французский флоты тратилось меньше, чем на возрождавшийся русский флот. Но, несмотря на колоссальные расходы, флот России к началу войны не был готов к военным действиям. Большинство судов находилось еще в первоначальной стадии постройки, часть достраивалась во время войны, но значительная часть осталась не достроенной вовсе.

...Александр Васильевич хорошо знал положение дел на Балтике и понимал значение побережья Балтийского моря для государственной обороны. В 1911 году в объяснительной записке к программе «спешного усиления» Балтийского флота он писал: «Политическое значение России как великой державы создавалось на водах Балтийского моря». Балтийское море, а следовательно и Балтийский флот, были главной заботой

Александра Колчака в течение почти десяти лет, с 1906 по 1916 год.

Еще в марте 1909 года Колчак был назначен в подкомиссию по установлению взаимоотношений между командующими флотами, начальниками морских сил и комендантами приморских крепостей. По существу, речь шла о разграничении прав флота и армии над приморскими крепостями. Колчак считал, что они должны подчиняться флоту. Совещания этой подкомиссии во многом определили отношения морских и сухопутных офицеров к Балтийскому морскому театру военных действий. Если последние считали его второстепенным, то первые, не отрицая, что главным театром будущей войны станет западный (против Германии), полагали, что Балтийский морской театр имеет самостоятельное значение и что приморские крепости должны подчиняться флоту. Только так можно наиболее эффективно предотвратить возможный немецкий и даже шведский десант на Балтийском побережье, тем более опасный, если принять во внимание «внутреннее состояние Прибалтийского края и Финляндии, которое значительно облегчит операцию немецкого десанта». То, что сухопутные офицеры тогда отвергли вероятность такого десанта и вообще умаляли значение Балтийского театра военных действий, нам кажется знаменательным — в 1919 году именно Юденич, Щербачев, Головин, Миллер, Андогский и другие сухопутные белые генералы явились сторонниками использования Финляндии.

Колчак еще в 1907 году разработал план развертывания Балтийского флота на так называемый «частный случай № 1», т. е. восстание Финляндии против России. Проблема обороны Финского залива настолько волновала Колчака, что даже в мае 1919 года, когда к нему обратились представители Швеции с просьбой предоставить им планы минных заграждений в Балтийском море для разминирования, он разрешил выдать границы полей заграждения, «но не сами планы заграждения, ввиду их особой секретности». Идея немецкого десанта и вообще немецкие виды на Финляндию и Прибалтику волновали Колчака по крайней мере с 1906—1907 годов, когда он в Морском генеральном штабе начал разрабатывать стратегические про-

блемы Балтики и изложил их в своей статье «Какой нужен России флот», напечатанной в «Морском сборнике». Он выделял Балтийское море из ряда других водных бассейнов, окружавших Россию, по его стратегическому значению и указывал на германскую опасность на этом театре военных действий. Свое отношение к Финляндии во время службы в Морском генеральном штабе Колчак выразил такими словами: «Финляндия составляет неперемненное условие существования Российского государства как такового». Мысль эта была продиктована не национальной гордостью или реакционностью, а вытекала из постулатов военно-морской науки начала века.

Из автобиографии А. В. Колчака:

«Судостроительная программа, обеспечивающая наши жизненные интересы на Балтийском и Черном морях, начала осуществляться, и Балтийский флот, получив в лице адмирала Н. О. Эссена талантливого и энергичного начальника, пошел по верному пути подготовки флота к войне, близость которой с каждым годом становилась все очевидней.

Имея своей главной задачей разработку плана операций в Балтийском море, я особенно много уделял времени и всесторонней разработке планов войны на Черном море, главным образом Босфорской операции. В Петербурге в это время был учрежден военно-морской отдел Морской академии, в которой я некоторое время читал лекции по службе Генерального штаба (основные идеи А. В. Колчака на эту тему были изложены в его книге «Служба Генерального штаба: сообщения на дополнительном курсе Военно-морского отдела Николаевской морской академии», изданной в Санкт-Петербурге в 1912 г. — *Авт.*), посещая в то же время лекции и в военной академии».

К этому времени Колчак считал свои задачи по судостроительной программе и подготовке флота к войне выполненными и начал тяготиться штабной работой, пребыванием на берегу. Он чувствует себя уставшим, ему хочется «отдохнуть в обычной строевой службе...» Он «это откровенно высказал: заявил, что главную задачу <...> выполнил, что дело сделано и что теперь остается только следить технически, чтобы налаженное дело шло дальше», — так оценивал ситуацию Колчак.

ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ В МОРСКОМ генеральном штабе Александр Колчак тесно взаимодействовал с командующим морскими силами Балтийского моря вице-адмиралом Н. О. фон Эссеном (последователем адмирала С. О. Макарова) и его штабом. Колчак участвовал в маневрах флота, в разработке для них заданий, постоянно бывал в штабе, где сотрудничал с флаг-капитаном по оперативной части капитаном II ранга В. М. Альтфатером — будущим командующим Морскими силами Советской Республики в 1918—1919 годах. Колчак «всегда считал Альтфатера карьеристом, человеком, который считает возможным делать карьеру... Мечтой Альтфатера было флигель-адъютантство, он к этому и шел, так как имел большие связи при ставке».

Эссен предложил Колчаку перейти в действующий флот. Это его заинтересовало. Весной 1912 года Александр Васильевич уходит из Морского генерального штаба в минную дивизию: в течение года командует эсминцем «Уссуриец», затем несет службу в Либаве, где находилась база минной дивизии. В Либаве до начала войны оставалась и его семья: жена, сын, дочь. Вскоре командующий Балтийским флотом адмирал Н. О. фон Эссен назначает Колчака флаг-капитаном (в сухопутных войсках эта должность носила название квартирмейстера) по оперативной части к себе в штаб на броненосный крейсер «Рюрик», где адмирал держал свой флаг. Одновременно около года Колчак командует эскадренным миноносцем «Пограничник» (посыльный корабль адмирала Эссена, на котором адмирал часто поднимал свой флаг, направляясь на осмотр различных частей Балтийского флота). «Пограничник» постоянно находился при флагмане. Главная задача та же: дальнейшая подготовка флота к войне и его обучение в тактическом отношении. Колчак — с 6 декабря 1913 года уже капитан I ранга — принялся за дело основательно, вдумчиво и настойчиво. Это была, несомненно, его стихия. Служба шла хорошо.

В 1913 году — году 300-летия Дома Романовых — Колчак впервые увидел императора. Николай II с женой присутствовал 10 июня на Якорной площади в центре Кронштадта при освящении Морского собора, строительство которого началось на добровольные пожертвования еще при адмирале С. О. Макарове

в бытность его главным командиром Кронштадтского порта. Оттуда царь проследовал (на яхте) на рейд Штандарт, где произвел смотр судов-заградителей, который представляли вице-адмирал фон Эссен и начальник отряда контр-адмирал В. А. Канин. Заградители были вызваны для постановки пробных минных заграждений. Их сопровождал отряд миноносцев, в состав которого входил и «Пограничник».

«...Для того чтобы видеть характер этой постановки, мой миноносец, — рассказывал позже Колчак, — назначен был идти рядом с ними. На мой миноносец прибыл государь, свита его и адмирал Эссен. Мой миноносец шел рядом с одним из заградителей — «Амуром», который ставил мины. Это был случай, когда государь был у меня на миноносце. Но так как я был командиром, стоял на миноносце и управлял им, то не мог с ним разговаривать. Затем, после окончания постановки мин, я прошел на «Штандарт» (императорская яхта. — *Авт.*)».

Там Александр Васильевич присутствовал на завтраке, во время которого единственный раз увидел императрицу Александру Федоровну.

...Весной 1914 года, когда уже все ощущали стремительно надвигающуюся войну с Германией — «в воздухе пахло войной», Колчак, оставаясь в должности флаг-капитана, по приказу фон Эссена оставил командование «Пограничником» и перешел в штаб командующего флотом на крейсер «Рюрик».

Н. В. Савич, побывавший в середине июня 1914 года на Балтийском флоте, в штабе Эссена, позже так излагал свои впечатления о капитане I ранга Колчаке: «Он работал больше всех, был душою и мозгом оперативного отдела штаба. И в дружеских интимных беседах в каюте адмирала, где разговаривали и спорили после еды офицеры его штаба, обращаясь к хозяину как к любимому отцу или старшему уважаемому брату, опять голос Колчака звучал наиболее весомо, с его мнением больше всего считались, он опять пользовался всеобщим уважением и авторитетом. Видно было, что им гордятся, им восхищаются. Эта репутация была вполне заслуженна. Тут он был в своей сфере, он знал, чего он хочет, знал прекрасно людей, своих товарищей, начальников и подчиненных, отлично понимал, что от каждого из них можно ожидать. Он ставил себе

определенные, подчас очень смелые, но всегда продуманные цели, правильно оценивал обстановку и умел настоять на выполнении раз поставленных заданий. (Как ни странно, но именно это не получалось у него в Омске.) Он был правой рукой адмирала, его ближайшим и деятельнейшим помощником. Его роль в период подготовки Балтийского флота к войне была громадна».

В это время он сосредоточился на разработке программ корабельных стрельб, подготовке и проведении минных учений, разработке и реализации других вопросов ускоренной подготовки флота к войне. Колчак инспектирует отряд подводных лодок, другие части и базы Балтийского флота, продумывает меры защиты, минирования Финского залива. Особое внимание Колчак уделяет минной обороне: заказывает минные заграждения — сети и буи, пристально наблюдает за практическими занятиями судов-заградителей в постановке мин, вновь и вновь просматривает план военных действий, разработанный в его бытность в Морском генеральном штабе совместно со штабом командующего Балтийского флота. Не забывает и о воздухоплавательных отрядах флота, организывает их тренировки. Он не сидит в штабе — постоянно в разъездах.

В середине июля Колчака вызвал к себе в Ревель фон Эссен.

— Разрыв с Германией и Австрией почти неминуем, — решительно заявил Эссен своему флаг-капитану. — Поэтому надо срочно готовиться к выполнению того плана, который мы наметили...

План ставил перед флотом, как первоочередную, задачу защитить восточную часть Финского залива от проникновения туда неприятельских кораблей в период проведения мобилизационных мероприятий. В общих чертах он сводился к тому, чтобы в наиболее узком месте залива, между полуостровом Порккала-Удд и островом Нарген, выставить сильное минное поле и защищать его от разрушения противником всеми наличными силами флота. Минные и подводные лодки — в случае проникновения противника в Финский залив с прибалтийского плацдарма — должны были постоянными атаками мешать проведению любых операций.

Зная, что соотношение морских сил Германии

и России не в пользу последней, фон Эссен и Колчак на первый план борьбы с превосходящими силами противника выдвинули минную войну. И это оказалось верным решением. Правда, немцы утверждали, что вынудили русский флот отсиживаться в Финском заливе. Но под надежным прикрытием минных полей в Финском и Рижском заливах Балтийский флот мог готовить и успешно осуществлять, опять же, минные операции, но только уже в водах противника, выводя из строя его корабли. Александр Колчак оказался непревзойденным мастером ведения минной войны.

Колчак позже рассказывал:

— После этих разговоров нужно было немедленно составить инструкции, распоряжения, сигналы, так как, хотя и не было еще окончательного разрыва, все-таки надо было сделать решительно все, чтобы не терять ни одного часа, когда нужно будет выставить минные заграждения, составить особый отряд минных заградителей, — одним словом, привести все в такое состояние, чтобы все могло быть выполнено по первому сигналу. Сведения, получавшиеся нами в следующие часы, все более и более сгущали эту атмосферу открытия военных действий...

Адмирал фон Эссен страшно волновался:

— Все кончится тем, что германский флот прорвется в Финский залив... Высланные в море крейсера, конечно, не удержат его, и, не выставив вовремя минных заграждений, мы сможем задержать противника лишь на несколько дней....

Неопределенность положения до объявления войны, при общей растерянности, не позволяла успешно и своевременно решить этот важнейший для обороны вопрос. Фон Эссен несколько раз телеграфировал в Петербург с просьбой указаний: ставить заграждения или нет? Ответ неизменно был один — нет.

— Надо самим принять решение и ставить минные поля, каковы бы ни были последствия, так как разрыв ясен... Надо взять на себя постановку поля, — убеждал адмирала Колчак.

Адмирал наконец согласился с предложением Колчака, и оба, на свой страх и риск, на крейсере «Рюрик» со всем флотом вышли к Наргену: решили с рассветом начать постановку минного поля, не ожидая приказа из Петербурга. У Порккала-Удда сосредоточился от-

ряд заградителей с шестью тысячами мин на борту. Флот, который их прикрывал, расположился у острова Нарген. По плану заградители в два приема ставили восемь линий минных заграждений, после чего уходили в шхеры, а флот возвращался в Ревель.

Но как раз в тот момент, когда вся подготовительная работа была завершена и на «Рюрик» подняли сигнал «начать постановку заграждений», когда показались дымы заградителей и флот вышел в море для их прикрытия, в этот самый момент на «Рюрик» была получена условная телеграмма-молния за подписью морского министра адмирала И. К. Григорovichа: «Ставьте минные заграждения». Интуиция не подвела Колчака.

18 июля оборонительные минные заграждения были поставлены.

Через несколько часов была объявлена война...

Глава 6

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ

В воспоминания Александра Колчака вплетались не только события, участником или непосредственным свидетелем которых он был, но и другие, о которых узнавал из газет и журналов, рассказов встреченных на пути людей. И к интересным выводам приходил: события, поначалу казавшиеся личными, что ли, впоследствии приобретали государственный, глобальный масштаб.

Как мирно и радостно начинались весна и лето 1914 года. В апреле царская семья отправляется в Крым. В отличие от пасмурного Петербурга, здесь все залито солнцем. Цветет миндаль. Море спокойное и ласковое. Ливадийский дворец в нарядном убранстве, все словно ждет праздника. А он уже пришел, причем незаметно, поселился в сердцах приехавших. Николай II в отличном расположении духа — сын Алексей чувствует себя хорошо, беззаботно играет, смеется, бегаёт. Отец не отрываясь смотрит на него, и душа его покойна. Царь разрешил себе оторваться от государственных дел и с сыном отправился на автомобиле к горе «Красный камень». За ними — в экипаже — начальник команды императорской яхты «Штандарт» Деревенко, «дядька» наследника, и донской казак, несший службу при императоре. Возбродились на склон горы Джайла, поднимаются выше. Цесаревич Алексей радостно закричал:

— Папа, снег!..

Стремительно выскочив из автомобиля, он бросился в снег, барахтался в нем, кидал снежки в отца. Император улыбался и радовался вместе с сыном. Но

малейшее неловкое движение цесаревича вызвало страх, который уже десятый год держал всех в постоянном напряжении. И в первую очередь, саму императрицу Александру Федоровну...

Но все по порядку. Итак, вот что вычитал Александр Васильевич Колчак из различных источников и вот как прочитанное отложилось в его памяти.

Алиса Гессенская — четвертый ребенок великого герцога Людвига Гессенского и Алисы Английской, младшей дочери королевы Виктории. Родилась в Дармштадте. Рано потеряла мать. Воспитывалась при английском дворе, у бабушки, королевы Виктории. Любимая внучка. Надо заметить, что королева не любила немцев, особенно императора Вильгельма II. А русский царь Николай II обожал Вильгельма II и неизменно обращался к нему в письмах: «Дорогой Вилли...» А тот к нему: «Дорогой Ники...»

Избалованная любовью бабушки-королевы, воспитанная в роскоши, Алиса к семнадцати годам превратилась в белокурую красавицу, настоящую принцессу. Видимо, у бабушки имелись свои расчеты по поводу устройства будущей любимой внучки, иначе она бы ни с того ни с сего не отправила ее в Россию в гости к старшей сестре Елизавете, которая была замужем за великим князем Сергеем Александровичем, братом Александра III.

По Петербургу быстро разнеслась молва — при дворе объявилась принцесса необыкновенной красоты. И, как обычно, начались бесконечные балы, приемы, приглашения... Придворные кавалеры, которые не хотели иметь лишних неприятностей, особого внимания Алисе не оказывали: в воздухе уже носилось, что принцесса эта не для простых смертных. Хотя, как показали последующие события, уж лучше бы ей выйти замуж за кого-нибудь другого. Но от судьбы не уйдешь. Все прочили красавицу в невесты великому князю, будущему императору Николаю II. Обворожив русский двор и высший свет, оттанцевав на балах и приемах, Алиса возвратилась в родной Дармштадт. И увезла прозвище — «солнечный лучик» — за веселость и красоту. После ее отъезда будто померк Петербург, натянув на себя хмурые балтийские сумерки...

В молодости Николай вел жизнь, обычную для столичных гвардейских офицеров, большая часть кото-

рых происходила из известных дворянских семей. Здесь были и пирушки в дружеском кругу, и посещения различных увеселительных заведений, и неперенные романтические увлечения. Он испытал серьезное увлечение примой-балериной Императорского Мариинского театра Матильдой Феликсовной Кшесинской. Это был серьезный роман в жизни цесаревича, который довольно долго служил темой оживленных пересудов в столичном обществе. Об увлечении старшего сына узнали родители. Какое-то время Александр III и Мария Федоровна смотрели на это как на обычные «шалости» молодого человека. Но по мере распространения сплетен и слухов царь и особенно царица стали проявлять признаки беспокойства. Последовало несколько неприятных объяснений. В конце концов, после категорического требования родителей и их согласия на брак сына по его выбору, все уладилось.

Николай женился по любви в 26-летнем возрасте. Руки своей избранницы, Алисы Гессенской, добивался долго. Наконец 8 апреля 1894 года состоялась помолвка.

20 октября этого же года в Ливадийском дворце скончался император Александр III, не дожив до 50-летия. Похороны царя были пышными и многолюдными. Гроб с телом перевезли из Крыма через Севастополь, Спасов Скит, Харьков, Орел, Москву. Жители этих городов смогли проститься с императором. Скорбели по несбывшимся надеждам, неоправдавшимся ожиданиям. Испытывали привычное в таких случаях для подданных империи чувство тревоги и страха перед будущим: как бы с новым царем не стало хуже.

Казалось, кровавая и дымящаяся русская история остановилась в своем драматическом развитии — как бы перед новым рывком. В обществе не исчезало ощущение тяжести и растущей тревоги. В сумерках александровского царствования вершилась та подпольная работа, которая готовила крах правящей династии.

Такую Россию оставил Александр III своему наследнику — сыну Николаю.

В тусклый ноябрьский день Алиса вместе со своим женихом сопровождала гроб с усопшим с Николаевским вокзала в царскую усыпальницу Петропавловского собора. Прекрасное лицо не поддавалось печали. И, может быть, поэтому в толпе прошелестело: «Она

вошла к нам позади гроба... Она принесет нам несчастье...» Через три недели после смерти Александра III — 14 ноября — состоялось венчание, которое проходило в атмосфере глубокого траура, а вся брачная церемония в большой церкви Зимнего дворца носила необычайно скромный и скорый характер. 14 мая 1896 года — коронация молодых супругов-монархов в Москве. Тогда-то и произошла трагедия на Ходынском поле: во время раздачи царских подарков было задавлено насмерть более тысячи трехсот человек.

Брак принес четырех дочерей. Отсутствие сына-наследника в какой-то мере отравляло счастье семейной жизни. И вот 30 июля 1904 года в Петергофе, в самый разгар бесславной русско-японской войны, в царской семье поселилась радость — на белый свет появился наконец наследник, великий князь, цесаревич Алексей.

Вместе с радостью пришла и великая тревога, не прекращавшаяся потом ни на один день: выяснилось, что долгожданный наследник страдает роковым недугом гессенских герцогов — гемофилией. Дядя, брат и два племянника Алисы-Александры умерли от этой неизлечимой болезни. Младенец-наследник мог погибнуть в любой момент: от ушиба, от безобидного кровотечения из носа, от незначительного ранения. Простой порез — и смертный исход... Гемофилия — несвертываемость крови. Ею болеют только наследники мужского пола, 85 процентов, страдающих гемофилией, умирают в детстве и юности. А передается она только женщиной...

Болезнь наследника скрывали от народа. Это была тайна. Но, когда ему исполнилось восемь с половиной лет, ткани артерий и вен стали настолько хрупки, что всякий толчок мог повлечь разрыв сосудов — и роковое кровотечение...

Он, сходя с лодки, упал, поранил левую ногу. Внутреннее кровоизлияние. В паху образовалась кровяная опухоль. Атрофия нервов ноги. И впервые тогда опубликовали бюллетень о здоровье цесаревича-наследника. Было богослужение о здравии. Слабый после болезни, нервный цесаревич еле-еле поднимался с койки. Начали его вывозить в коляске. Когда Алексея не вывозили несколько дней, на всех ложилась печать

уныния и ожидания грядущей беды. Особенно мучилась императрица-мать.

Эта семейная драма послужила важнейшей причиной утверждения у подножия трона мрачной фигуры Григория Распутина, ставшего радостью и надеждой последних монархов и одновременно их проклятием.

Однажды, во время обострения болезни сына, царица-мать решилась послать к Алексею Распутина. Он явился — высокий, худощавый, с пронизательными серо-голубыми глазами, насупленными бровями, длинными волосами и бородой. Голубая шелковая рубаша, собранная поясом. Широкие черные штаны и высокие сапоги. У наследника пробыл недолго, «сотворил молитву». Выйдя от него, заявил царю, что сын будет жить, только надо молиться Богу за Григория Распутина и, когда станет плохо Алексею, послать за ним. Царица-мать готова была чуть ли не в ноги поклониться спасителю сына, посланному Богом.

О том, что вмешательство Распутина неоднократно изменяло в лучшую сторону течение болезни наследника, сохранилось много различных упоминаний. Но конкретных, подлинно документированных данных почти нет. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то знал от кого-то, но никто из числа людей, оставивших письменные свидетельства, ничего сам не видел. Но одно можно все-таки констатировать вполне определенно: Распутину действительно удивительным образом неоднократно удавалось оказывать помощь маленькому принцу. Объяснения природы подобных воздействий находятся за пределами возможностей историка. Тут требуются серьезные и объективные исследования медиков, которых пока нет.

Распутин постепенно начинает заирать власть над царницей, потом над всей державной семьей. Очень любил выпить, погулять, повеселиться с женщинами и, как ни странно, постепенно начал влезать в государственные дела, вплоть до назначения... министров. Каким чудодейственным даром он обладал, по мнению Колчака, никто не объяснил, а что касается вымыслов и различных догадок, так их хоть отбавляй.

Григорий Распутин был родом из села Покровского, что в 150 верстах от Тобольска. Отца звали Ефимом. Прозвище — «Новый». Гришка в молодости — вор, разбойник, поэтому и получил кличку — «Рас-

путин». Она так крепко к нему приклеилась, что все уж забыли, какая у него настоящая фамилия. Как-то Гришка попал в монастырь, там молился, каялся в грехах, то ли искренне, то ли с хитрецей. Сила неведомая в нем явилась, о чем поползла молва, которая вскоре докатилась и до Санкт-Петербурга...

Итак, весна 1914 года начиналась светло и радостно. Алексей бегал по крымскому снегу, веселился, а царь, любуясь сыном, с тревогой оберегал каждое его движение.

В мае прошел слух об обручении старшей дочери, великой княжны Ольги с румынским наследником принцем Карлом. Ольге лишь восемнадцать лет. Когда до нее донесся этот шелест, она вдруг заявила:

— Я не хочу быть иностранкой... Я — русская и хочу оставаться русской!..

Если бы она только знала, как непросто быть русской княжной. Уж лучше бы она стала иностранной принцессой. Глядишь, и осталась бы в живых...

Яхта «Штандарт» стояла на якоре в Ливадии, поджидала коронованных особ. Приняв их, легко и весело побежала по тихим волнам Черного моря в сторону Констанцы, на свидание с принцем Карлом. Встречали царскую семью, да притом еще будущую королеву Румынии, с особой торжественностью. Гремели оркестры. Бухали пушки. Расцветные праздничными флагами суда в гавани словно застыли на синих морских волнах. Старый король Карл, королева Елизавета (Кармен Сильва), принцы, принцессы... Все счастливые, в приподнятом настроении. Епископ Нижне-Дунайский совершил торжественный молебен.

В беседке, которая далеко выдавалась в море и казалась парящей между небом и землей, состоялся неофициальный завтрак двух коронованных семей. Принц Карл старался быть рядом с будущей невестой. Но Ольга с трудом сдерживала невесту откуда взявшееся раздражение. Сватовство не состоялось. Яхта «Штандарт» вернулась в Одессу. Оттуда — в Кишинев. Здесь царская семья присутствовала на освящении памятника Александру I.

Интересное совпадение...

4 июня 1914 года самодержец всея Руси Николай II с семейством подъезжал к своему дому в Царском Селе. В тот же день из замка Конопиште выезжал

наследник австро-венгерского престола австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд с женой, графиней Софией Хотек. В пути находился и гимназист Гаврило Принцип, член организации «Млада Босна» («Молодая Босния»).

Тут на память Александру Колчаку пришли некоторые детали этих трагических перемещений.

Император Франц Иосиф, продержавшийся на троне рекордный срок — 68 лет, — неожиданно остался одиноким, передать престол было некому. Единственный сын-наследник вместе с возлюбленной покончил жизнь самоубийством. Остался 50-летний племянник императора — эрцгерцог Франц Фердинанд.

«Млада Босна» вынесла приговор: предать эрцгерцога смерти, — и поручила исполнение приговора гимназисту Гавриле Принципу. 15 июня на улице Сараева, центра Боснии, приговор был приведен в исполнение.

Итак, совпадение движения трех действующих лиц, на первый взгляд не представлявшее особого значения для мировой истории, в конце концов ввергло человечество в глобальную катастрофу.

Конечно, Колчак не настолько наивен, чтобы приписать выстрелам в Сараеве вспышку мировой войны, но покушение дало толчок всем последующим событиям, результатом которых и явилась Первая мировая война.

Надо отметить, что к 1914 году на Балканах содалась странно запутанная и оттого напряженная обстановка. В 1912 году Сербия, Болгария, Греция и Черногория образовали Балканский союз и в октябре единым фронтом выступили за освобождение балканских народов от турок. Турция потерпела поражение.

В результате войны возникло Албанское государство, зависимое от Турции, но престолонаследником оказался немецкий принц. В январе 1913 года младотурки совершили государственный переворот, начали войну с Балканами. И потерпели поражение... Россия все время поддерживала Балканские государства, а Австро-Венгрия — Турцию.

В июне 1913 года Болгария без объявления войны внезапно напала на Сербию, Черногорию и Грецию. Потом и на Румынию. Эти государства, к которым присоединилась еще и Турция, дали отпор Болгарии и в течение месяца разгромили ее войска. Россия дип-

ломатическим путем пыталась предотвратить столкновение славянских народов: русская армия к этому времени не была готова к боевым действиям. Создав военную программу в 1912 году, Россия собиралась ее завершить примерно в 1916—1917 годах. По замыслу генерального штаба, который разрабатывал эту программу в содружестве с военными стратегами Англии и Франции, к этому времени отставание в оснащении русской армии по сравнению с германской должно было быть ликвидировано.

В начале 1914 года, несмотря на первую (1912) и вторую (1913) Балканские войны, считалось, что Европа переживает вполне мирное время. Но армии Германии и Австро-Венгрии насчитывали в своих рядах 8 миллионов человек. Начальник германского генерального штаба Мольтке-младший выдвинул идею превентивной (предупредительной) войны против России. Тем более, что соотношение сил складывалось в пользу Германо-Австро-Венгерского блока. Император Германии Вильгельм II посетил замок Конопиште и посоветовал австрийскому эрцгерцогу Францу Фердинанду ударить по Сербии и тем самым утвердить свое влияние на Балканах. Эрцгерцог выехал к сербской границе на маневры австро-венгерской армии, но, как известно, был убит вместе с женой гимназистом Принципом.

Выстрел в Сараеве оказался подобным взрыву бомбы в пороховом складе. В воздухе остро запахло войной. В Берлине и Вене только и ждали удобного повода, чтобы начать войну. И повод нашелся.

В Берлине Вильгельм II, удовлетворенно потирая руки, заявил:

— Теперь или никогда!..

По его рекомендации на переговорах в Потсдаме (июль) Австро-Венгрия должна предъявить такой ультиматум Сербии, чтобы та не смогла его выполнить: «Ввести на ее территорию войска». Сербия пытается уладить конфликт, но Австро-Венгрия 15 июля объявляет ей войну.

Россия, исстари являвшаяся покровительницей славян, естественно, не могла допустить господства Австро-Венгрии на Балканах, тем более не защитить маленькую и слабую славянскую страну. 17 июля Россия приступила к мобилизации.

Это была схватка имперских амбиций. Все давно

шло к такому лобовому столкновению — о нем много и часто говорили еще с весны, теперь же «выяснение отношений» между крупнейшими европейскими континентальными державами Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, и Россией и Францией — с другой, как-то само собой становилось неизбежным.

Войны бывают разные: большие и малые, справедливые и захватнические, освободительные и колониальные, народные и антинародные, холодные и горячие, продолжительные и скоротечные. Бывают еще абсурдные. Именно такой абсурдной войной, кровавой и жестокой бойней, унесшей миллионы жизней, бойней, в огне которой сгорели великие старые монархии Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, стала эта война.

...Поднимаясь на яхту «Штандарт», цесаревич Алексей неожиданно ударился о выступ лестницы. Подкожное кровоизлияние в суставе. Вся царская семья и все вокруг нее — в унынии. Распутина нет: отправили в Тюмень в госпиталь — одна молодая женщина ножом пырнула его в живот. Пролежал восемь дней — и здоров.

Из царских покоев летят в Тюмень к Гришке телеграммы: «Мы опасаемся возможности войны. Думаешь ли ты, что она возможна? Молись за нас. Поддержи нас своими молитвами». Хитрый Распутин отвечал: «Войны следует избежать во что бы то ни стало, если не желаете навлечь самые худшие бедствия на династию и страну».

В июне в Кронштадт прибыла английская эскадра из четырех броненосных крейсеров новейшего типа под командой адмирала Д. Битти. Цель посещения — демонстрация морской силы и непримиримого отношения к Германии, а также ознакомление с водами Балтики, где, возможно, скоро начнутся военные действия. Кроме того, адмирал Битти имел особую секретную миссию к английскому послу, которую нельзя было доверить ни почте, ни даже лицу, могущему передать ее с корабля на берег, так как за действиями Англии, Франции и России зорко следили немцы, имея своих агентов всюду.

Началась череда празднеств и приемов как при дворе, как и в других местах Петербурга. Николай II с женой и дочерьми посетил флагманский английский

корабль, а в день ухода эскадры провожал ее в море на яхте «Полярная звезда».

Вскоре после отбытия английской эскадры, в июле, на Кронштадтском рейде бросил якорь крейсер «Франция». На нем прибыл высокий гость — президент Французской Республики Р. Пуанкаре. Встреча была торжественной, Николай II вышел в море на яхте «Александрия» у Петергофа. Опять черед торжественных приемов, встреч, парадных обедов. Четыре дня гостил французский президент в Петербурге. Вручил тяжело больному наследнику Алексею орден Почетного легиона. Все закончилось большим прощальным обедом на французском крейсере, и Пуанкаре из Кронштадта отплыл в сторону Стокгольма.

Прощание с французской эскадрой состоялось при мирной, но весьма напряженной обстановке. А через несколько дней разгорелся мировой пожар, которого мало кто хотел, но предотвратить никто не сумел. И пожар этот распространялся с такой скоростью и в таких размерах, о которых никто и не думал, но тушить было уже поздно. Президент Франции еле-еле успел благополучно проскочить домой.

11 июля Россия приняла решение о мобилизации четырех военных округов: Киевского, Одесского, Московского, Казанского и двух флотов: Черноморского и Балтийского.

Утром того же дня министр иностранных дел Сазонов, получив из Берлина телеграмму об австро-венгерском ультиматуме Сербии, воскликнул:

— Это европейская война!..

Чтобы избежать войны, Совет министров России посоветовал Сербии не оказывать сопротивления.

А реакция Вилли была совершенно иной. Получив известие об ультиматуме, предъявленном Сербии, он воскликнул:

— Браво!.. Признаться, от венцев этого уже не ожидал!..

В субботу 12 июля в Царском Селе под председательством Николая II заседал Чрезвычайный совет. На нем приняли решение: «Соблюдать политику соглашений, достойную и решительную. Затронута наша национальная честь, и мы защитим братскую славянскую страну...»

16 июля Австрия объявила всеобщую мобилизацию, а на следующий день подвергла бомбардировке Белград.

17 июля в 17 часов 30 минут телеграф разнес по России весть об объявлении всеобщей мобилизации. Вечером 18 июля посол Германии в России граф Пурталес посетил министра иностранных дел Сазонова и заявил, что германское правительство дает 12 часов срока русскому правительству, чтобы оно остановило всеобщую мобилизацию. В противном случае Германия, в свою очередь, тоже объявит всеобщую мобилизацию. Срок ультиматума истекал в субботу — 19 июля — в полдень.

Великий князь Константин Константинович, со слов Николая II, описал в своем дневнике события, относящиеся к кульминационному моменту — дню принятия окончательных решений:

«19 июля (1 августа по новому стилю. — *Авт.*), в день Святого Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от графа Фредерикса (министр императорского двора. — *Авт.*), с которым для скорости говорил по телефону Сазонов, что у последнего был Пурталес с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа германского правительства на случай как благоприятного, так и неблагоприятного ответа России относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом, растерянность или рассеянность. Итак, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 часа ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски; но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообщая Государь сочинил длинейшую телеграмму английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю; потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его уже была на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма; он еще раз (уже сам объявил нам войну) взывал к миролюбию

Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа ему не последовало».

19 июля Россия объявила о разрыве с Германией, и военные действия начались, а через несколько дней такой же акт последовал и в отношении Австро-Венгрии.

В столице подъем и популярность войны громадны. Все бастовавшие заводы стали работать. Дом германского посольства (на Исаакиевской площади) разгромлен, с крыши над фронтоном здания даже сбросили скульптурное украшение — квадригу с лошадьми, которая отсутствует и сегодня. Постоянно собираются заседания Совета министров под председательством императора, и на первом из них Николай II выразил желание встать во главе войск. Но все министры решительно высказались против этого. В конце концов Николай II согласился с мнением министров, подчеркнув, что впоследствии этот вопрос еще раз нужно обсудить.

На второй день войны — 20 июля — в Зимнем дворце в присутствии всех высших чинов Российской империи и законодательных учреждений (Государственной думы и Государственного совета) состоялся торжественный акт объявления войны. В этот же день император России объявил манифест народу о войне с Германией. Николай II появился на балконе Зимнего дворца. Многотысячная толпа опустилась на колени и пропела русский гимн:

Боже, царя храни.
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
На страх врагам,
Царь православный.
Боже, царя храни.

Двадцать второго июля Германия объявила войну Франции. Командование русской армией принял на себя двоюродный дядя Николая II великий князь Николай Николаевич, который был давно приставлен к военному делу: в 1895—1905 годах состоял генералом-инспектором кавалерии, с 1905 по 1908 год возглавлял Совет государственной обороны, а затем стал командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Этот Романов был хорошо известен

в войсках, пользовался в офицерской среде авторитетом, что и определило назначение его на пост главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

МИРОВАЯ ВОЙНА, КОТОРАЯ ВЫЗРЕВАЛА в сердце Европы в течение нескольких лет, обрушилась на Россию подобно урагану. Ни одна великая держава в Европе не нуждалась в мире так, как Россия после войны с Японией.

Какой станет война? У Колчака на этот вопрос не было ответа, но одно он знал твердо: схватка с Германией не будет носить узорегиональный характер, как это было в русско-японскую войну. Это будет война, в которой, как и в 1812 году, примет участие вся нация, весь русский народ.

В жизни человека случаются мгновения, когда всякие размышления и раздумья становятся бессмысленными: вместо них приходит осознание важности происходящих событий. Колчак ясно понял, что в грянувшей войне он исполнит свой долг...

Как ни странно, при всех своих научных и технических интересах, Колчак любил строевую службу. В 1912 году ему захотелось «отдохнуть в обычной строевой службе» от работы в Морском генеральном штабе, а известие о начале войны, по его утверждению, было встречено штабом Балтийского флота «с громадным энтузиазмом и радостью»: «был громадный подъем... офицеры и команды все с восторгом работали».

«Эту войну я не только предвидел, но и желал как единственное средство решения германо-славянского вопроса, получившего в этот период большую остроту благодаря балканским событиям», — писал Колчак в автобиографии.

Женщина удивительной судьбы и «Божией милостью поэт» — А. А. Ахматова метко заметила, что XIX век закончился лишь в 1914 году, именно с началом мировой войны. Эпоха европейского гуманизма, русского просветительства, эпоха борьбы за свободу и права личности уходила в прошлое.

Время становилось жестче, а различия в общественных интересах и устремлениях проступали все грубее. Россия втянулась в войну, которой никто не хотел и которой все боялись. Цели ее были отвлеченными,

доступными пониманию лишь ограниченного круга лиц, и призывы отстоять престиж империи, завоевать Черноморские проливы и водрузить крест на соборе Святой Софии в Константинополе (Стамбуле) вызвать глубокого отклика в народе не могли. Подавляющая часть населения плохо себе представляла, где находятся Австро-Венгрия или Германия и почему с ними надо воевать. Но авторитарная власть живет по своим законам. Она не спрашивает у «низов», она им лишь «ниспосылает» свои решения, которые надлежит неукоснительно выполнять. Такая война не только убивала и калечила физически, она калечила нравственно, так как чем дальше, тем больше в бессмысленном насилии и крови во множестве выковывались люди «железной воли» и «непоколебимых принципов», которые стали вскоре созидателями невиданного и грандиозного общества коллективного счастья. 1917 год очень во многом был результатом 1914 года.

Однако начало войны вызвало подъем патристических чувств, когда угрозы реальные и мнимые «братьям-славянам» и самой России, о чем голосила вся печать, объединили в едином порыве правительство, оппозиционно настроенные по отношению к нему силы, армию. Оптимизм в военной среде был безграничен, здесь считали, что война быстро закончится, торопились совершить подвиги, проявить себя...

«Вообще начало войны было одним из самых счастливых и лучших дней моей жизни», — признавался Колчак в феврале 1920 года, зная, что дни его сочтены, и поэтому не имел оснований говорить неправду. Война действительно дала ему, человеку незнатного происхождения, без связей и могущественных покровителей, редкий шанс. Он понял это, и постарался им воспользоваться.

Война становится его стихией, и он остается верен ей до конца своей жизни. «Война... выше справедливости, выше личного счастья, выше самой жизни», — вывел Колчак для себя аксиому.

Не думается, чтобы в этом он нашел подлинное сочувствие у кого-нибудь из своих полярных товарищей, и с началом войны все контакты с ними порвались.

Офицером Александр Колчак был достойным. Образован, умен, храбр, инициативен. Как уже говори-

лось, не без его настойчивости и воли за считанные часы до начала войны был закрыт сильным минным полем вход в Финский залив, что обеспечило бы безопасность Петрограда в случае нападения подавляюще сильного германского флота, — правда, эти же мины потом не дали англичанам поддержать войска белого генерала Н. Н. Юденича с моря.

Шли первые месяцы войны...

По плану военных действий, составленному сухопутным генеральным штабом, флот должен был задерживать противника не дольше чем на две недели, пока войска не будут отобилированы, а в последующем на него вообще не рассчитывали. Между тем указанный срок прошел, и русский флот начинает проявлять инициативу в боевых действиях.

Конечно, перевес на стороне германского флота с его дредноутами. Россия с их строительством сильно запаздывала, и ввод в действие собственных дредноутов типа «Севастополь» начался только с осени, но и тогда никто не мог ими воспользоваться без личного (каждый раз!) высочайшего разрешения. Да и к тому же на дредноутах первое время плавало по 300—400 рабочих для устранения заводских неполадок. Поэтому приходилось в основном действовать не только ограниченными силами, но и полагаться на устаревшие броненосные крейсера «Рюрик» и «Андрей Первозванный», а также на минные суда как надводного, так и подводного плавания. Правда, старых подводных лодок было лишь несколько, а новые появились на флоте уже в разгар войны. Что касается минных судов, то они выслуживали «последние сроки своего боевого значения и в ближайшей части совсем его утратили», так как этот род морского оружия не пополнялся новыми кораблями уже в течение девяти лет. Эти недостатки в подготовке флота к войне, которые всеми силами на протяжении ряда лет стремились преодолеть Колчак и его единомышленники, как раз и выдвинули на первое место минные заграждения в качестве как оборонительного, так и наступательного оружия. И это оружие оказалось в надежных руках капитана II ранга Александра Колчака.

Первые два месяца войны Колчак оставался в должности флаг-капитана.

Позже он рассказывал:

— Все это время я работал над всевозможными планами и всякими оперативными заданиями, причем старался, где это было возможно, непосредственно участвовать в их выполнении. Поэтому я постоянно переходил на ту или иную часть флота, которая выполняла различные задания, утвержденные, конечно, адмиралом Эссеном, но разработанные мною. Противник оказался, против наших ожиданий, не активным. Мы считали, что жизни нам осталось немного, что если он придет с достаточными силами, то, несмотря на заграждения, он сумеет прорвать их и уничтожить. И в этом случае положение Балтийского флота было бы чрезвычайно тяжелым...

Действительно, первые месяцы войны показали, что германский флот пока и не собирается прорываться в Финский залив. При подготовке войны на два фронта немецкий генеральный штаб разделил военно-морской флот между Северным и Балтийскими морями. Для операций на Балтике он выделил сравнительно небольшие силы под командованием гросс-адмирала принца Генриха Прусского — 9 легких крейсеров, 16 миноносцев и 3 подводные лодки, а также несколько минных заградителей, сторожевых кораблей и тральщиков. Правда, Кильский канал позволял Германии в случае необходимости быстро перебрасывать корабли флота открытого моря с Северного моря в Балтийское. Но сейчас Германию заботил не русский устаревший флот, а новейший английский, против которого она опасливо и сосредоточила свои основные морские силы.

Поэтому Балтийский флот, успешно прожив отпущенные ему сухопутным генеральным штабом две недели, неожиданно для всех начал проявлять агрессивный характер. И этому в первую очередь способствовала союзница России — Англия, которая парализующе действовала на германский флот, удерживая его от активных действий в Балтике.

Неожиданная удача. Редкие появления в Балтийском море германских крейсеров и миноносцев, приближавшихся к Финскому заливу, Моонзундскому архипелагу и Рижскому заливу, не смущают фон Эссена и Колчака, но заставляют принять дополнительные меры к оборудованию обороны Моонзунда и подступов к нему со стороны моря, как с юга, так и с севера.

Под руководством и при непосредственном участии Колчака срочно создается моонзундская минная позиция. Она, кроме минного заграждения, вооружается артиллерией, правда, на первое время небольшого калибра из орудий, снятых с разбившегося в конце августа на камнях у острова Оденсхольм немецкого крейсера «Магдебург». Получает свое дальнейшее развитие оборонительная позиция Ревель — Порккала-Удд (центральная минно-артиллерийская позиция). Обстоятельства заставляют Колчака разработать и осуществить план выноса правого фланга этой позиции еще дальше на запад по финляндскому побережью и установить артиллерийские орудия на Аландских островах (Або-Аландская шхерная позиция).

Александр Васильевич весь в работе: разрабатывает новые планы, новые оперативные задания флоту. Самые решительные его намерения: пользуясь пассивностью немецкого флота, расширить оперативную зону кораблей русского Балтийского флота, вынести его действия далеко в море (и даже к германским берегам), — пока не удается отстоять. Этому мешают старые предрассудки российских стратегов, осторожность и безответственность морского начальства в ставке, паническое настроение командования 6-й армией, которой поначалу подчиняется Балтийский флот: верхи одержимы животным страхом перед немецким десантом против Петрограда. Смелость руководства Балтийским флотом кажется им очень рискованной.

Но Н. О. фон Эссен и А. В. Колчак — единомышленники. Они на свой страх и риск постепенно, шаг за шагом, начинают переходить к более активным боевым действиям на море. С наступлением длинных осенних ночей Колчак разрабатывает и начинает проводить операции по минированию морских путей наибольшего движения между городами северного побережья Германии от Мемеля до островов Борнхольм и Рюген. В период с октября по декабрь 1914 года на подходах к Мемелю, перед Пиллау, между островом Борнхольм и банкой Штольпе, в других местах было поставлено свыше 1200 мин. Эти операции совершаются частично миноносцами полудивизиона Особого назначения под прикрытием броненосных крейсеров, частично самими броненосными крейсерами. Из-за малочисленности германских морских сил на Балтийском

море эти минные постановки остаются не замеченными противником и на них подрывается ряд немецких военных и коммерческих судов.

— Постепенно мы получили возможность не только защищать Финский залив, — рассказывал позже Колчак, — но перенести нашу деятельность дальше, до Рижского залива, прикрывать там вход и развить нашу деятельность в Ботническом заливе на Або, среди шхер, которые по первоначальному плану как бы отдавались немцам. Тут оказалось, что мы имеем возможность продвинуться дальше на запад, что немцы не только не предпринимают ничего, но ведут себя пассивно, ограничиваясь стрельбой по маякам и редкими демонстративными действиями крейсеров и миноносцев у берегов. Тогда, с наступлением зимы, мы решили перейти к более активным действиям в смысле выхода в море и нападения на противника в открытом море. Для этой цели в море выходили несколько крейсеров, с ними выходил и сам Эссен. Но это не давало ничего, и обыкновенно мы никого не встречали. И только один раз встретили крейсер, который ушел от нас, будучи более быстроходным...

Колчак — весь в операциях, им самим разработанных. Ищет встречи с противником в открытом море. Пробирается с боевыми кораблями через льды. Темными ночами, в плохую погоду участвует в заградительных походах — в планомерном минировании германских берегов на Балтике, в постановке мин у захваченной немцами Либавы.

Достигнутые успехи вдохновляют на новые дела. Командующий Балтийским флотом адмирал фон Эссен расширяет зону операции флота — мины ставятся на подходах к портам Данциг и Киль. Это предприятие было смелым и рискованным: старые и тихоходные российские крейсера и миноносцы могли быть без труда уничтожены превосходящими силами противника. Колчак лично принимает участие в подготовке и выполнении операций, проявляя при этом такие качества, как активность, непреклонность в принятии решений, умение брать на себя ответственность и учитывать риск.

«...В ночь на Новый год (1915) старый тихоходный крейсер «Россия», имея на палубе большое количество мин заграждения, должен был поставить их западнее

острова Борнхольм на подходах к Килью, — вспоминал позже бывший командир эсминца «Казанец» М. И. Смирнов. — На крейсере держал флаг адмирал — начальник отряда миноносных заградителей, на ответственности которого было выполнение операции. Колчак тоже находился на крейсере. Вечером он лег спать, приказав разбудить себя, когда крейсер будет подходить к месту постановки мин. Не доходя 50 миль до назначенного места, адмирал получил доклад, что радиотелеграфисты слышат усиленные радиопереговоры между неприятельскими кораблями, которые находятся очень близко от «России». Адмирал решил, что идти дальше чрезмерно рискованно, отменил операцию, и крейсер лег на обратный курс. Один из офицеров доложил об этом Колчаку. Он немедленно взбежал на командный мостик, убедил адмирала во что бы то ни стало продолжать выполнение операции, хотя бы ценой собственной гибели. Адмирал согласился и приказал повернуть на прежний курс. Около полуночи мины были поставлены точно по плану, и крейсер «Россия» затем благополучно вернулся в Финский залив, разойдясь ночью с неприятельскими кораблями».

(В данном случае речь идет о новой постановке в районе острова Борнхольм минного заграждения, на котором спустя десять дней подорвался германский крейсер «Газзеле», а 1 апреля погиб пароход «Грете Хемсот». В этой операции участвовал отряд крейсеров — «Россия», «Богатырь», «Олег», «Рюрик», «Баян», «Макаров». Колчак пробрался на «России» за остров Борнхольм, прошел до мыса Аркона и там поставил минные заграждения «как раз на новый 1915 год».)

А вот другой пример.

Временно вступив в начале февраля в командование отрядом эскадренных миноносцев — «Генерал Кондратенко», «Охотник», «Пограничник» и «Сибирский стрелок», — Колчак успешно провел самостоятельную операцию — поставил у входа в Данцигскую бухту заграждение из 200 мин. Выполнить это на минных судах со слабыми корпусами в самое суровое время года — в феврале там бывает масса льда — было чрезвычайно трудно, но у Колчака имелся опыт плавания в полярных льдах. Кроме того, операция и с чисто военной точки зрения была очень рискованной, и для прикрытия миноносцев направили в море

бригаду крейсеров под командованием контр-адмирала Бахирева. Ночью из-за пасмурной погоды и снега флагманский крейсер «Рюрик» наскочил на камни севернее острова Готланд, получил большую пробоину в днище. Положение стало критическим, о продолжении похода нечего было и думать, Бахирев приказал всем судам возвращаться. Но Колчак не согласился с таким решением и добился по радиотелефону от командующего Балтийским флотом фон Эссена разрешения продолжать операцию без прикрытия. Задуманная операция была выполнена и дала положительные результаты: несколько крейсеров, миноносцев и транспортов противника подорвались на русских минах. Это вынудило командующего германским флотом на Балтике гросс-адмирала принца Генриха Прусского запретить выход кораблей в море до тех пор, пока не будут обезврежены русские мины.

Вообще Колчак полагал, что, разрабатывая какой-нибудь план, операцию, необходимо присутствовать и при их непосредственном выполнении. Адмирал фон Эссен разделял его точку зрения и не препятствовал стремлению Колчака лично участвовать в наиболее рискованных и сложных боевых операциях флота. В промежутках между операциями, боевыми столкновениями на море Александр Васильевич находился на флагманском корабле — броненосном крейсере «Рюрик» — и продолжал выполнять обязанности флаг-капитана или выходил в море вместе с фон Эссеном.

В середине февраля 1915 года тяжелая ледовая обстановка в Финском заливе вынуждает корабли Балтийского флота приостановить свои дальнейшие минные операции на море.

Несмотря на немецкое происхождение, адмирал фон Эссен держался англо-французской ориентации и был большим патриотом России. Он жил жизнью флота и думал только о флоте, нисколько не берег себя, неоднократно выходил с кораблями на боевые задания, и вот сильно простудился весной и 7 мая скончался в Ревеле.

К. Житков в книге «Адмирал Н. О. фон Эссен» так описывает день похорон адмирала: «В яркий солнечный день 9 мая 1915 г. Петроград отдавал последний долг адмиралу. В 10 часов утра к пристани Храма — памятника войны 1904—1905 гг. подошел под приспу-

щенным флагом командующего любимейший из миноносцев покойного «Пограничник». После заупокойной обедни и отпевания тело адмирала на корабле перевезено в Ново-Девичий монастырь, где при залпах салюта было предано земле». (Отец адмирала Отто Васильевич фон Эссен (1828—1876) — товарищ министра юстиции и тайный советник — похоронен там же.)

Сергей Николаевич Тимирев, служивший в штабе фон Эссена флаг-капитаном по распорядительной части, так позже писал о нем: «По своему нравственному облику — истинный воин без страха и упрека... в адмирала Эссена все верили; я не помню ни одного адмирала, — пожалуй, кроме Макарова, — который бы пользовался такой популярностью среди офицеров и команд, как Эссен».

Новым командующим Балтийским флотом стал вице-адмирал В. А. Канин, куда менее одаренный и решительный человек. «...Это было ошибкой, — пишет в своих «Воспоминаниях» бывший в то время морским министром адмирал И. К. Григорович, — и в нем пришлось скоро разочароваться. Это был офицер, который еще мог быть хорошим, когда над ним стояло начальство, а сделавшись сам начальником, он совершенно распустился и чуть не расстроил все то, что так крепко и хорошо было спаяно усопшим адмиралом Эссеном».

Роль Александра Васильевича Колчака с этого времени резко возросла. Он порой выступал фактическим руководителем боевых действий Балтийского флота. В это время Колчак разработал и осуществил операцию по постановке минных заграждений у передовой базы немецкого флота — Либавы и в Ирбенском проливе (поставлено 2347 мин), сорвав майскую попытку германского флота прорваться в Рижский залив с юга.

Тогда немецкое командование перебросило на Балтику из Северного моря значительные силы флота открытого моря и развернуло усиленную подготовку новой операции по прорыву в Рижский залив. В течение 26 июля — 5 августа немцы ведут ежедневные широкомасштабные тральные работы в южной части Ирбенского пролива, и вражеским кораблям все-таки удается прорваться в Рижский залив. Неоднократные попытки русских кораблей воспрепятствовать этому не имели успеха. Почему? Да потому, что немцы бросили

на прорыв 2 линкора, 4 крейсера, 33 эскадренных миноносца, 52 тральщика под прикрытием огня 8 линейных кораблей, 8 крейсеров, 32 эсминцев и других кораблей. Русские морские силы Рижского залива состояли из устаревшего линейного корабля «Слава», 8 эсминцев, 4 канонерных и 6 подводных лодок. И все...

А где же новейшие русские линейные корабли Балтийского флота — «Гангут», «Севастополь», «Петропавловск», — которые вступили в строй в ноябре — декабре 1914 года и являлись лучшими в то время линкорами? Где новейшие эсминцы типа «Новик»?

Неоднократные требования командования Балтийского флота о необходимости использования для операций дредноутов и попытки получить в этом отношении «оперативную свободу» встречали систематические отказы ставки, которая указывала, что «линейные корабли типа «Севастополь» находятся в непосредственном распоряжении государя императора» и что «указанные корабли не могут быть использованы вне главной позиции флота без высочайшего на то разрешения». Доводы вице-адмирала В. А. Канина и его флаг-капитана по оперативной части А. В. Колчака о том, что «операции, выполняемые устаревшими и слабыми миноносцами и крейсерами, получают весьма неустойчивый характер из-за отсутствия должного обеспечения со стороны мощных современных линейных кораблей» и что «ввиду сосредоточения противником в Балтийском море линейных кораблей типа «Нассау», всякая операция крейсеров, не поддержанная кораблями типа «Севастополь», явится авантюрой», — также не приводили к желаемому результату. В дни рижской операции на повторную просьбу ввести в дело дредноуты ставка отвечала, что они «должны быть использованы для основной цели (бой на центральной позиции) и рисковать ими для «частной» операции безусловно не следует», что «в обороне Рижского залива не должны принимать участие линейные корабли (новые и старые), для которых задача остается неизменной и по-прежнему заключается в обеспечении Финского залива от вторжения противника». Содействие же флота обороне Рижского залива с моря должно выражаться лишь: 1) «в удержании Ирбенского пролива средствами позиционно-подводной обороны»; 2) «в организации обороны морских подступов к Усть-

Двинску подводными лодками и в прочном удержании Моонзундской позиции»; 3) «в разработке вопроса о заграждении южного выхода из Моонзунда на случай форсирования его противником *после овладения Рижским заливом*» (выделено нами. — Авт.).

Как же можно было успешно — да и нужно ли? — защищать Рижский залив, когда верховное командование России не ставило флоту такой задачи и фактически списало Рижский залив со счетов? Оно требовало от командования Балтийской флота лишь одного: уклоняться от проведения активных операций в открытом море и все силы и внимание сосредоточить на обороне внутренней части Финского залива, опираясь на укрепления у Гельсингфорса и Ревеля и минные заграждения, поставленные между ними. Поэтому активная боевая жизнь флота, как правило, ограничивалась действиями отдельных подводных лодок и ночными минными заградительными операциями. Их ярым сторонником, неизменным автором и исполнителем был капитан I ранга А. В. Колчак, который нередко всю ответственность за их проведение брал на себя.

Правда, наступление немецких сухопутных войск на Курляндию и появление в ночь с 17 на 18 апреля неприятельских миноносцев у острова Руно (в Рижском заливе) послужило поводом, если не причиной, к выдвижению передовой линии обороны флота в Рижский залив. Действия немцев русское верховное командование расценило как подготовку к высадке десанта на побережье Балтики, что создало бы угрозу как флангу сухопутного фронта, так и Ревелю, центральной минно-артиллерийской позиции и главной оборонительной линии Петрограда. В Рижский залив срочно направили пять миноносцев и подводную лодку, которым в качестве артиллерийской поддержки были приданы две канонерские лодки. Таким образом, в конце апреля 1915 года в Ирбенском проливе был создан новый оборонительный рубеж.

Неудобство стоянки минных судов в необорудованных гаванях заставило Колчака подумать о сооружении минных баз. И летом 1915 года разворачивается интенсивное строительство и оборудование такой передовой базы в бухте Рогокюль (западное побережье Эстонии). Здесь должны были базироваться созданные

весной для обороны Моонзундского архипелага морские силы Рижского залива.

После оккупации немецкими войсками северной Курляндии, которая была закончена к середине июля, и отступления русских войск к Риге, Рижский залив приобрел большое стратегическое значение и туда направили линейный корабль «Слава». Но в целом русские Морские силы Рижского залива были малочисленными и технически устаревшими и не могли эффективно противостоять мощному современному германскому флоту Балтийского моря, который 6 августа прорвался в Рижский залив.

Несмотря на превосходство противника в силах, русские корабли смело вступили в бой, но в конце концов отступили в пролив Моонзунд и стали на якорь у Куйвасто (на острове Моон). Сюда срочно прибыл капитан I ранга А. В. Колчак. Под его руководством за считанные часы была организована и осуществлена постановка минного заграждения в южной части Моонзундского пролива, а подводные лодки направлены в Рижский залив. Это сразу изменило обстановку. В условиях возросшей минной опасности и активизации действий русских подводных лодок противник был вынужден прекратить операцию и 8 августа вывести свои корабли из Рижского залива. Германская армия, в это время развернувшая наступление на Ригу, осталась без поддержки флота.

Ни одна из задач операции — уничтожение русских военно-морских сил в Рижском заливе и минирование пролива Моонзунд — не была решена. Германский флот понес значительные потери: подорвались на минах и затонули два эсминца и три тральщика, получили серьезные повреждения два крейсера, эсминец и тральщик. Русский флот потерял две канонерские лодки. Капитан I ранга А. В. Колчак еще раз доказал, что в умелых руках специалиста минное оружие является эффективным средством борьбы даже против значительно превосходящих сил противника. Он прилагал большие усилия к совершенствованию боевой и специальной подготовки офицеров и матросов, доводил их минное мастерство до высшей степени совершенства. Колчак не только руководил минными операциями, но и сам изобретал новые мины, разрабатывал методы и технику их установки.

Завершая рассказ об августовском прорыве германских кораблей в Рижский залив, для любознательных коротко остановимся на одном примечательном факте из истории этого события. Еще весной 1915 года разведка и контрразведка указывали, что город Пернов (Пярну) намечен противником как место высадки крупного десанта для занятия Эстляндии (удар на Ревель), с одной стороны, и действий в тыл Риги — с другой. Ввиду этого для защиты Пернова создали гарнизон, в который вошли ополченские формирования (две дружины, сотня и полевая батарея). Неожиданное появление 7 августа перед городом немецкого крейсера «Грауденц» и миноносцев в сопровождении транспортов было принято за ожидавшийся десант. Впавшее в панику местное командование, приказав все уничтожить, бросило город и отступило с гарнизоном в глубь побережья. К вечеру Пернов и весь берег были в заревах от пожаров.

Когда после затопления транспортов¹ немецкие корабли удалились и командование вернулось в город, предчувствуя неизбежное возмездие за его оставление, оно спешно создало версию об отражении десанта и потопления транспортов противника, то есть о крушении «основного замысла» неприятеля. В частности, командир ополченской дружины шталмейстер Высочайшего двора полковник Родзянко послал своему брату — председателю Государственной думы — длинную телеграмму с описанием «подвига». Ввиду того, что на следующий день германский флот ушел из Рижского залива и известие об этом сейчас же достигло Петрограда и правительства, «перновский эпизод» на радостях был причислен к страницам «блестящей победы в Рижском заливе», а М. В. Родзянко всюду оповещал о «подвиге» брата как об одной из блестящих побед русского оружия в прибалтийском крае. Истина, однако, была вскоре восстановлена, что повлекло за собой крайнее недовольство генерального штаба и большие неприятности для председателя Государственной думы и его брата.

¹ Заграждение входа в Перновскую бухту путем затопления пароходов было осуществлено немцами вследствие ошибочного предположения, что в Пернове базируются русские подводные лодки.

...После ликвидации августовского прорыва германских кораблей в Рижский залив туда была введена минная дивизия под командованием контр-адмирала П. Л. Трухачева. Кроме того, в заливе была сосредоточена целая группа заградителей, транспортов, подводных лодок и других судов во главе с линейным кораблем «Слава», всего до 50 вымпелов (без миноносцев). К этому времени немцы активизировали свои действия против русских войск и угрожали Риге, которую обороняли правофланговые части 12-й армии Северного фронта.

В начале сентября Трухачев неожиданно получил травму (вывихнул ногу) и выбыл из строя. Командующий Балтийским флотом предложил Колчаку временно вступить в командование минной дивизией и всеми силами в Рижском заливе. Александр Васильевич согласился и развил бурную деятельность. Он срочно едет в Ригу на встречу с командующим 12-й армией генералом Р. Д. Радко-Дмитриевым, чтобы выработать план будущих совместных действий против немецких войск на южном побережье Рижского залива.

«На этой должности, — писал позже адмирал М. И. Смирнов, — Колчак проявил большую активность, он разработал план соединенных операций флота и армии на побережье около Риги, и когда немцы повели сильное наступление на Кеммерни, то были отбиты нашими войсками, поддержанными артиллерийским огнем с кораблей. Кроме того, Колчак произвел несколько высадок десанта на побережье залива, занятое германской армией, и постоянно тревожил ее тыл».

Так, например, 22 октября Колчак на рассвете под прикрытием огня линкора «Слава» высадил у Петрагге (южный берег Ирбинского залива), в тылу немцев, десант общей численностью в 400 человек с девятью пулеметами. Десант отеснил полевые войска противника и, наступая вдоль побережья Финского залива в сторону Риги, неожиданно напал на германский обоз. Немцы отступили с большими потерями. К вечеру десант вернулся обратно на корабли, которые поддерживали эту операцию обстрелом Петрагге, Домеснеса, Гибкена (населенный пункт на западном берегу Рижского залива).

Целью десанта было вызвать тревогу в тылу противника, действовавшего против Риги. Первоначально местом высадки Колчак наметил район местечка Ройен (западное побережье Рижского залива), где, по сведениям разведки, немцы намеревались устроить опорный морской пункт и уже возводили долговременные укрепления. Однако из-за плохой погоды (сильная зыбь), не позволявшей высадку на открытом берегу, Колчак высадил десант севернее, за маяком Домеснес, где берег был укрыт от ветра и зыби.

В результате этих и других действий Морских сил Рижского залива под командованием А. В. Колчака и сухопутных войск наступление противника, непосредственно угрожавшего Риге, было остановлено и этот участок фронта стабилизировался.

За успешные действия по поддержанию войск на рижском побережье Колчак был представлен командующим 12-й армией генералом Р. Д. Радко-Дмитриевым, которому он подчинялся как старшему во время операции, к награждению высшим военным орденом Св. Георгия четвертой степени и 2 ноября получил его. Участник этой операции и подчиненный Александра Васильевича морской офицер Н. Г. Фомин об этом событии вспоминал так:

«Вечером флот оставался на якоре, когда из Ставки Верховного Главнокомандования была мною получена телефонограмма приблизительно такого содержания: «Передается по повелению Государя Императора: капитану I ранга Колчаку. Мне приятно было узнать из донесений командарма XII о блестящей поддержке, оказанной армии кораблями под вашим командованием, приведшей к победе наших войск и захвату важных позиций неприятеля. Я давно был осведомлен о доблестной вашей службе и многих подвигах... награждаю вас Св. Георгием 4-ой степени. Николай. Представьте достойных к награде...»

Ночью, когда Александр Васильевич заснул, мы взяли его тужурку и пальто и нашли ему георгиевские ленточки».

До этого были и другие награды: 9 февраля 1915 года капитану I ранга А. В. Колчаку был пожалован орден Св. Владимира третьей степени, а 9 мая — «Подарок из кабинета Его Императорского Величества».

Здесь необходимо подчеркнуть, что до войны Колчак не соприкасался с царствующей династией, с представителями высших российских кругов. Он не имел ни связей, ни знакомств, ни возможностей бывать в этой среде — среде придворной, среде правительственной.

В подобных обстоятельствах некоторые ищут ходатаев и покровителей. Колчаку это не подходило. Он предпочитал не просить, а ждать, когда попросят его.

(Правда, иногда он встречался с отдельными правительственными чиновниками в свою бытность в Морском генеральном штабе, когда неоднократно посещал Государственную думу, где ему приходилось отстаивать свою точку зрения на дальнейшие пути развития российского флота в беседах с отдельными министрами.)

В феврале 1915 года Колчак второй раз встретился с императором. Николай II осматривал в Гельсингфорсе береговые укрепления, построенные на случай возможной атаки противника с берега, посетил лазареты и госпитали, осмотрел ряд судов. Побывал он и на броненосном крейсере «Россия», где в то время размещался штаб командующего Балтийским флотом. Капитан I ранга А. В. Колчак стоял «во фронте». Император обошел «фронт», поздоровался с командой... и уехал.

В 1915 году Колчак встретился и с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. Командующий флотом фон Эссен послал своего флаг-капитана в ставку для доклада о положении дел на Балтике. В Барановичах, где находилась Ставка, Колчак провел несколько дней, встречался с Николаем Николаевичем, но «говорил очень мало», в основном работал в его штабе над вопросами возможных совместных действий флота и армии на берегах Балтийского моря. Им суждено будет встретиться еще раз.

Трудно сказать, что думал Колчак о представителях царствующей династии как о людях, о личностях. Да и думал ли вообще?

Сам он говорил, что был тогда монархистом и «ни в отношении династии, ни в отношении личности императора» у него «никаких вопросов» не возникало.

Он принял присягу на верность царю — и этим все сказано.

Но, будучи образованным военным человеком, Колчак имел личное мнение о них как о Верховных главнокомандующих (Николай II — с августа 1915 года).

— Я тогда, как и раньше, — рассказывал он позже, — считал Николая Николаевича самым талантливым из всех лиц императорской фамилии, поэтому считал, что... он является единственным лицом, которое действительно могло нести обязанности главнокомандующего армией, как человек, все время занимавшийся и близко знакомый с практическим делом и много работавший в этой области. Таким образом, в этом отношении Николай Николаевич являлся единственным в императорской фамилии лицом, авторитет которого признавали и в армии, и везде. Что касается его смены, то я всегда очень высоко ценил личность генерала Алексеева и считал его, хотя до войны мало встречался с ним, самым выдающимся из наших генералов, самым образованным, самым умным, наиболее подготовленным к широкому военным задачам. Поэтому я крайне приветствовал смену Николая Николаевича и вступление государя на путь верховного командования, зная, что начальником штаба будет генерал Алексеев. Это для меня являлось гарантией успеха в ведении войны, ибо фактически начальник штаба верховного командования является главным руководителем всех операций. Поэтому я смотрел на назначение государя, который слишком мало занимался военным делом, чтобы руководить им, только как на известное знамя, в том смысле, что верховный глава становится вождем армии.

...В ноябре контр-адмирал П. Л. Трухачев поправился и вновь вступил в командование минной дивизией. Колчак вернулся на «Рюрик» и продолжал исполнять обязанности флаг-капитана в штабе командующего Балтийским флотом вице-адмирала В. А. Канина, который перенес штаб флота и свой флаг на вступивший в строй новый линейный корабль «Петропавловск».

В декабре командующий решил назначить контр-адмирала Трухачева командиром 1-й бригады крей-

серов Балтийского флота, а Александра Колчака — начальником минной дивизии и командующим всеми морскими силами в Рижском заливе, но уже не временно, а постоянно. Как только Колчак прибыл в Ревель и вступил в командование дивизией, он решил немедленно выйти к Либаве и Мемелю на постановку минных заграждений. Наступали последние дни декабря, и не сегодня-завтра эту операцию будет очень трудно осуществить. Но на сей раз успех не сопутствовал ему.

— Двадцать четвертого, в сочельник, — рассказывал позже Колчак, — я вышел из Ревеля с отрядом миноносцев, имея свой флаг на миноносце «Новик», но по выходе из Финского залива попал, по-видимому, на неприятельское минное поле. Один из миноносцев взорвался; пришлось его спасать, и таким образом предприятие не удалось. Это — первое предприятие, которое у меня не увенчалось успехом. Пришлось вернуться, таща за собой полузатопленный миноносец. Затем наступила зима 1915—1916 годов, чрезвычайно суровая. Была такая масса льда, что о выходе и думать не приходилось...

КОЛЧАК СТАЛ ЧАЩЕ БЫВАТЬ НА БЕРЕГУ, больше проводить время в кругу семьи, которая сначала жила в Гатчине, затем в Либаве. С началом войны Софья Федоровна с детьми переехала опять в Гатчину. У Колчака было трое детей. Но его первенец — Татьяна — прожила всего несколько дней, а Маргарита, третий и последний ребенок, скончалась в 1915 году в двухлетнем возрасте в Гатчине. В Гельсингфорс семья Колчака — жена и пятилетний сын Ростислав (Славущка, как его все звали) — переехала весной 1915 года. Они остановились в гостинице, а летом жили на даче на острове Бренде под Гельсингфорсом. Там же снимала дачу и семья флаг-капитана по распорядительной части в штабе Балтийского флота С. Н. Тимирева — жена Анна Васильевна и маленький сын.

Анна Васильевна в своих воспоминаниях так отзывалась о жене Колчака: «Это была высокая и стройная женщина, лет 38, наверно. Она очень отличалась от других жен морских офицеров, была более интеллектуальна, что ли. Мне она сразу понравилась, может

быть, потому, что и сама я выросла в другой среде: мой отец был музыкантом — дирижером и пианистом, семья была большая, другие интересы, другая атмосфера... На лето все моряки уходили в море, и виделись мы часто, и всегда это было интересно... Осенью как-то устроились на квартирах и продолжали часто видеться с Софьей Федоровной и редко с Александром Васильевичем...»

Нам неизвестно, были ли романтические истории в молодости Колчака. Скорее всего — нет. В бурной мичманской молодости, в годы плаваний по Дальнему Востоку были у Колчака и пренебрежение к дисциплине (сколько взысканий наложено на него!), и не слишком высокие отношения с береговыми женщинами, и увлечение крепкими напитками — последним, кажется, грешил и позже. Но вот в зрелые годы одна романтическая история была.

...Колчак и Тимирев были знакомы, можно сказать, со школьной скамьи. В Морском кадетском корпусе Колчак был старше одним выпуском; в последний год его учебы оба находились в одной роте: Александр — фельдфебелем, Сергей — унтер-офицером. Во время русско-японской войны оба служили на военных кораблях, а затем на сухопутном фронте, часто встречались. При сдаче японцам крепости Порт-Артур оба оказались в госпиталях и попали в плен. В 1915 году судьба связала их еще теснее и сложнее.

6 января С. Н. Тимирев из Петрограда, где жила его семья, отправлялся к новому месту службы в Гельсингфорс, где на крейсере «Россия» размещался тогда штаб командующего Балтийским флотом. Провожала его жена.

В этот день на вокзале мимо них стремительно прошел невысокий морской офицер.

— Ты знаешь, кто это? — спросил муж и тут же сам ответил: — Это Колчак — Полярный... Он недавно вернулся из северной экспедиции.

У Анны Васильевны от мимолетной встречи осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага.

И все.

Познакомились они уже в Гельсингфорсе, куда Анна Васильевна приехала на три дня к мужу осмотреть-

ся и подготовить свой переезд с ребенком. Их пригласил к себе на квартиру товарищ мужа, тоже портартурец, капитан I ранга Н. Л. Подгурский (командир крейсера «Россия»). Колчак тоже оказался там.

Война на море не похожа на сухопутную: моряки или гибнут вместе со своим кораблем, или возвращаются из похода в привычную обстановку приморского города. И тогда для них это праздник. Они умели радоваться и веселиться.

Анна Васильевна приехала из Петрограда, где не было ни одного знакомого дома не в трауре — в первые же месяцы войны уложили гвардию. Почти все мальчики, с которыми она встречалась в ранней юности, погибли. В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-то не было вестей, кто-то был ранен. Ей был двадцать один год, и все это камнем лежало на сердце.

А тут были совсем другие люди — радостные и веселые. И будто отступили мрак и тяжесть последних месяцев. Ей стало легко и весело.

Она заметила Колчака и...

Они по уши влюбились друг в друга. Понимали это. Упивались этим. Если они не любовались друг другом, то обнимались. Если не обнимались, то целовались. Если не целовались, то вновь начинали смотреть друг на друга, не видя и не слыша ничего вокруг.

В общем, на их долю выпала Любовь. Напечатайте это слово большими буквами. Подчеркните. Выделите особым шрифтом. Добавьте восклицательные знаки. Устройте фейерверк. Разгоните облака. Ее звали Анна. Его — Александр. Без фамилий. Да и по именам-то они называли друг друга не часто. При каждой встрече они находили друг для друга — любимого, любимой — новые имена, некоторые из них шептались — особенные, нежные, откровенные...

Первая встреча — и, вспыхнувшая Любовь, длившаяся многие годы. Она отдала ей всю свою оставшуюся жизнь, за нее прошла многие советские лагеря и тюрьмы. Перед такой Любовью люди должны преклоняться. Поэтому она и не принимала никого, и не говорила ни с кем об отношениях с Александром Васильевичем. Многие, конечно, пытались залезть немытыми руками к ней в душу. И, видимо, иногда это удавалось — залезали...

«Не заметить Александра Васильевича было нельзя, — вспоминала позже Анна Васильевна, — где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и, о чем бы ни говорил — даже о прочитанной книге, — оставалось впечатление, что все это им пережито».

Как-то само собою вышло, что весь вечер они провели вместе. Позже она спросила:

— Что вы обо мне подумали тогда?

Он ответил:

— Я подумал о вас то же самое, что думаю и сейчас...

«Он входил — и все кругом делалось как праздник: как он любил это слово! А встречались мы не часто — он был флаг-офицер по оперативной части в штабе Эссена и лично принимал участие в операциях на море, потом, когда командовал минной дивизией, тем более».

Он писал ей: «Когда я подходил к Гельсингфорсу и знал, что увижу вас, — он казался мне лучшим городом в мире».

К весне она с маленьким ребенком переехала в Гельсингфорс и поселилась в квартире Подгурского, где впервые увидела Колчака. Душа ее пела, ей все нравилось: и город — красивый, очень удобный и легкий какой-то, и близость моря, и белые ночи — просто дух захватывало. Иногда, идя по улице, она ловила себя на том, что начинает бежать.

Стали ходить семьями друг к другу в гости, вместе отдыхали на дачах под городом. Она была молодая и веселая. Знакомых много, некоторые за ней ухаживали. Но был Александр Васильевич...

Анне Васильевне запомнилась одна встреча, которая произошла осенью 1915 года.

«...Было затемнение — война, — вспоминает А. В. Тимирева. — Город (Гельсингфорс. — *Авт.*) еле освещался синими лампочками. Шел дождь, и я шла по улице одна и думала о том, как тяжело все-таки на всех нас лежит война, что сын мой еще такой маленький и как страшно иметь еще ребенка, — и вдруг увидела Александра Васильевича, шедшего мне навстречу. Мы поговорили минуты две, не больше: договорились, что вечером встретимся в компании друзей, и разошлись».

И вдруг я отчетливо подумала: а вот с этим я ничего бы не боялась — и тут же: какие глупости могут прийти в голову! И все».

Где бы они ни встречались вновь, всегда выходило так, что они были рядом, говорили, говорили... И не могли наговориться.

Колчак просил:

— Не надо, знаете ли, расходиться — кто знает, будет ли еще когда-нибудь так хорошо, как сегодня...

Им все было мало, их несло, как на гребне волны. Все казалось удивительным: и глаза с поволокой из-под длинных ресниц, и гибкий, зовущий жест, и поворот головы — изящный, строгий, почти античный, и низкий переливающийся голос, и слова, слова — он сам не знал, о чем и зачем, — наверное, он сошел с ума, сбился с пути и теперь не вернуться назад...

Но однажды произошло событие, озадачившее молодую женщину. На одном из вечеров Колчак неожиданно для Тимиревой стал ухаживать за другой дамой — по свидетельству Анны Васильевны, и некрасивой, и даже довольно неприятной, а ей «стал рассказывать о ее совершенствах». И тогда Тимирева пересказала Колчаку рассказ Герберта Уэллса «Мистер Скелмердэль в царстве фей»:

— Человек поссорился со своей невестой и сгоряча заснул на холме. Проснулся он в подземном царстве фей, и фея полюбила его... А он ей рассказывал и рассказывал о своей невесте. Тогда фея поцеловала и отпустила человека, и он проснулся на том же холме. Но никак не мог забыть того, что видел, невеста показалась ему топорной, все было не так... Но попасть обратно в подземелье ему уже не удалось...

Выслушав Тимиреву, Колчак задумался. И все пошло по-прежнему: встречи, разговоры — и каждый раз радость новой встречи.

Однажды знакомый сказал ей:

— А я видел ваш портрет у Колчака в каюте.

— Ну что ж такого, — ответила она, — этот портрет не только у него.

— Да, но в каюте Колчака был только ваш портрет, и больше ничего...

Потом Александр Васильевич попросил у нее фотокарточку меньшего размера, «так как большую он не может брать с собой в походы».

Так прошел 1915 год...

Встреча с Анной Васильевной — как мощный весенний поток с гор — захлестнула Колчака, закружила. Он не развелся с женой, не оставил семью, но возникшая жизненная ситуация — «треугольник» — стала свершившимся фактом.

По описаниям многих, хорошо знавших Тимиреву, она была молодой женщиной редкой красоты и обаяния, умной, разносторонне образованной. Нередко ей приписывали аристократическое происхождение, называли даже княжной. Но Анна Васильевна была аристократкой по духу, по воспитанию.

Она родилась 5 июля 1893 года в Кисловодске, в семье известного пианиста, дирижера и педагога В. И. Сафонова, длительное время работавшего дирижером филармонии и одновременно директором Национальной консерватории в Нью-Йорке. Был директором и Московской консерватории. Среди его учеников — А. Н. Скрябин, сестры Гнесины и многие другие известные русские музыканты. Дед Анны Васильевны по отцу — И. И. Сафонов — генерал-лейтенант Терского казачьего войска. Корни Сафоновых — в казачестве. Мать А. В. Тимиревой — В. И. Сафонова (урожденная Вышнеградская) — обладательница прекрасного меццо-сопрано, окончила Петербургскую консерваторию по классу пения, концертировала в 1880-е годы. Затем занялась домом и воспитанием десяти своих детей. Анна Васильевна была шестым по счету ребенком в семье; у нее было три брата и шесть сестер. Дед Анны Васильевны по матери — И. А. Вышнеградский — крупный государственный деятель и предприниматель, основоположник теории автоматического регулирования, российский министр финансов (1888—1892).

В 1906 году Сафоновы переехали в Петербург, где Анна Васильевна окончила гимназию княгини Оболенской, занималась рисунком и живописью в частной студии. Свободно владела французским и немецким языками. В 1911 году вышла замуж за морского офицера С. Н. Тимирева (в 1907—1910 годах служил старшим офицером на императорской яхте «Штандарт», затем командиром учебного судна «Верный» в Морском корпусе). В ноябре — декабре того же года Тимиревы совершили свадебное путешествие

по Франции. 4 октября 1914 года у них родился сын Владимир — будущий талантливый художник (репрессирован и расстрелян в 1938 году); многие его работы находятся в Москве, Перми, Сергиевом Посаде, Нукусе (Узбекистан).

Позже П. Бержерон (офицер французской военной миссии в Сибири в годы гражданской войны) в своем дневнике запишет: «Тимирева. Просто женщина, и этим все сказано». А потом все-таки дописал: «Мне действительно почти нечего добавить к характеристике Анны Тимиревой. Редко в жизни мне приходилось встречать такое сочетание красоты, обаяния и достоинства. В ней сказывается выработанная поколениями аристократическая порода, даже если, как поговаривают, она по происхождению из простого казачества. Но я убежден, что аристократизм — понятие не социальное, а в первую очередь духовное... Я убежденный холостяк, но, если бы когда-нибудь меня привлекла семейная жизнь, я хотел бы встретить женщину, подобную этой... Меня поразило их внешнее сходство... тот же взгляд, та же осанка, та же порывистость, тот же Восток, облагороженный славянской мягкостью... Глядя на них со стороны, невольно приходишь к мысли, что раздельно они просто невыносимы».

ВЕСНОЙ 1916 ГОДА, как только состояние льда позволило ледокольным судам пройти через Моонзунд в Рижский залив, Колчак устремился туда из Ревеля. А как только лед вскрылся, он вызвал к себе минную дивизию.

Колчак вновь выходит с кораблями в море, ведет постоянную охоту за судами противника и борьбу с его береговыми укреплениями в Рижском заливе, охраняет вход в залив, уничтожает немецкий дозорный корабль «Виндава».

Передаем далее близко к тексту рассказ одного из тех, кто в это время служил под командой Колчака, уже контр-адмирала.

На эскадренном миноносце «Сибирский стрелок» расположился походный штаб Колчака, в сторожевой цепи кораблей, прямо на минном поле. Мины зловеще колышутся под килем миноносца.

Сведений о противнике нет. Сводки аэроразведки

вполне спокойные. Тихо на корабле. Каждый занят своим делом. Но не спокойно на душе у Колчака. Он хмурится и, сидя в каюте над картой, расчерченной минными полями, по обыкновению молча двигает губами.

Вдруг как вихрь вылетает наверх.

Взрываются сигналы, и через несколько минут миноносцы, разрезая воду и бороздя волны еще не убранными якорями, несутся неведомо куда. Всем жутко от такой прыти и захватывающе интересно. Что задумал Колчак? Оправдается ли и на сей раз вера окружающих в его дар предвидения?

Миноносцы стремительно идут опасным курсом: вплотную к минным банкам и страшным рифам. В наступающих сумерках выходят в открытое море. На мостике головного миноносца — худощавая, несколько сутулая фигура командующего, с орлиным носом, в глубоко надвинутой на голову фуражке.

С других судов пристально наблюдают за этой фигурой, ловят каждое ее движение и стараются его истолковать — каждый по-своему. Черный силуэт сначала почти неподвижен, повороты его размеренны, неторопливы и несколько даже угловаты.

Внезапно фигура словно взрывается, начинает нервно жестикулировать, мелькает то на одном, то на другом крыле мостика. Не переставая дергаются сигнальные фалы, один за другим на всех реях взметываются ввысь сигналы. Их лаконичным языком излагается целый план, и со спуском последнего сигнала миноносцы стремительно разлетаются каждый по своему назначению.

Небо грозно заволакивают тучи, быстро исчезают последние отблески зари, опускается ночь. Миноносцы перестроились в цепь. Колчак продолжает путь с полудивизионом Особого назначения.

Узкий красный луч передает сопутствующим судам: «Адмирал показывает курс: 135». Штурманы поспешно прикладывают к картам транспортиры — курс ведет к Виндаве. Невольно замирает сердце, мистически жуткое чувство охватывает замолкших вдруг людей. Корабли уже в водах противника.

Вокруг только черная даль, томительная неизвестность, равнодушное журчание за бортом холодных балтийских волн...

Вдруг — краткий однобуквенный сигнал: «Меньше ход!»

И сейчас же другой: «Вижу противника на румбе 180!»

Флагманский миноносец стремительно разворачивается, и резкий выстрел из носового орудия ошеломляет своей внезапностью. Море на короткое мгновение озаряется вспышкой выстрела, и все сразу видят врага: немецкий дозорный крейсер с тщательно закрытыми огнями тихо и мирно покачивается на волнах, спокойно отдав якорь.

Всем становится ясно — адмирал завел полудивизион в самый тыл врага, туда, где тот пренебрегает элементарными правилами предосторожности.

Через несколько секунд после командного орудия открывает огонь весь отряд. При вспышках выстрелов видны растерянная беготня на крейсере, попытки поднять якорь. Начинается беспорядочный ответный огонь. Вокруг миноносцев падают снаряды, производя каждый раз зловещий звук, похожий на удар гигантского хлыста.

Немцы телеграфируют о помощи... Их перебивают и перехватывают, и телеграфисты бегом несут на мостик Колчаку бланки со следами перепутанных в телеграфной борьбе букв: adv... тгж... idt... ффр...bed... ppp...

Внезапно у германского крейсера что-то вспыхивает сразу на носу и на корме. А через несколько минут огненные языки уже лижут мостик, надстройки, мачты. Резко поднимается к черному небу яркий огненный столб, и сноп искр разлетается по ветру. Огромное зарево освещает море далеко вокруг. Видно, как Колчак резко ударяет по поручням мостика и приказывает прекратить это огненное зрелище, зовущее к месту боя другие неприятельские корабли.

На головном миноносце поворачиваются торпедные аппараты, и через несколько секунд в воду с громким всплеском падает длинная стальная сигара. Блеснув на мгновение красным отблеском пожара и шипя, она устремляется вперед.

Оглушительное, стонущее «а-ах!», огненные обломки во все стороны. Через полторы минуты все кончено, на море тишина. Подбирают с воды немногих уцелев-

ших и указанным Колчаком курсом быстро и беспрепятственно уходят домой — к своим минным полям.

Вернулись. Миноносец адмирала облеплен катерами с донесениями. Подведены первые итоги. Колчак выпивает стакан кофе и уходит к себе в каюту, приказав будить с каждым докладом.

На «Сибирском стрелке» поднимается последний сигнал: «Кораблям, вернувшимся с моря. Адмирал изъявляет свое удовольствие. Команда имеет время обедать». Такова была боевая работа Колчака.

Тогда же, получив достоверные сведения о выходе из Стокгольма каравана немецких судов с грузом руды под охраной одного крейсера, контр-адмирал А. В. Колчак с группой миноносцев под прикрытием отряда крейсеров, которыми командовал контр-адмирал П. Л. Трухачев, вышел к шведским берегам. Обнаружив караван, Колчак ночью напал на него, рассеял, а корабль сопровождения потопил. Это было его последнее сражение на Балтике.

С. Н. Тимирев — флаг-капитан по распорядительной части в штабе командующего Балтийским флотом — позже так писал в своих воспоминаниях о Колчаке:

«Он был создан для службы на миноносцах, это была его стихия. Колчак неоднократно говорил своим друзьям, что венцом его желаний всегда было получить в командование минную дивизию: он чувствовал, что там он будет на месте, и о большем не мечтал. Его оперативные замыслы, связанные с миноносцами, всегда были неожиданны, смелы и рискованны, но в то же время ему всегда сопутствовало счастье: однако это не было слепое счастье, а своего рода предвидение, основанное на охотничьей верности глаза и привычке к успеху. Его молниеносные налеты на неприятельские транспорты в шведских водах, атаки на неприятельские миноносцы, самые смелые постановки мин под носом немцев можно было сравнить с лихими кавалерийскими набегами или атаками».

Вот еще один интересный отзыв сослуживца Колчака о его поведении в морских походах: «Три дня мотался с нами в море и не сходил с мостика. Бессменную вахту держал. Щуплый такой, а в деле железобетонный какой-то! Спокоен, весел и бодр. Только глаза

горят ярче. Увидит в море дымок — сразу насторожится и рад, как охотник. И прямо на дым. Об адмирале говорят много, говорят все, а он, сосредоточенный, никогда не устающий, делает свое дело вдали от шумихи. Почти никогда не бывает на берегу, зато берег спокоен».

Колчак заражал подчиненных ему офицеров и матросов своим примером, вызывал у них восхищение. Их впечатления, восторг от рискованных и смелых действий командира получали быструю огласку во флоте, в Петрограде. Слава Колчака, заслуженная, заработанная ежедневным кропотливым ратным трудом на благо России, росла.

На Балтике, в военных условиях в еще большей мере, чем в арктических плаваниях, в научно-исследовательской работе, кораблестроении и морском военном реформировании, выявились новые таланты Колчака. С каждым днем все отчетливее проявляются его способности флотоводца. И если раньше продвижение по службе шло медленно, то теперь оно стало стремительным. 10 апреля 1916 года Колчаку присваивают звание контр-адмирала, а всего лишь через каких-нибудь два с половиной месяца — 28 июня — он уже вице-адмирал, и в его подчинение отдают целый флот. Он оказался самым молодым из командующих Российскими флотидами: был ему тогда сорок один с половиной лет.

Позже Колчак скажет:

— Меня выдвинула война...

Колчак сумел использовать каждую из предоставленных ему возможностей. На него обратило внимание высшее военное руководство, царь. Однако он не угождал, не выслуживался перед начальством, чего не любят товарищи по службе и не всегда одобряет само начальство. Не барствовал, не мордовал низшие чины. Был требователен и ровен в обращении с людьми, ссор и склок вокруг него не возникало. В итоге он научился многому, был уважаем товарищами и отмечен командованием.

ОЧЕРЕДНАЯ ВСТРЕЧА КОЛЧАКА И АННЫ ВАСИЛЬЕВНЫ произошла в Ревеле, куда она приехала к мужу на день своего рождения — 5 июля.

В тот же день Тимиревы были приглашены на обед к Подгурским — товарищу мужа Тимиревой и его молодой жене.

«Подгурский сказал, — вспоминает Анна Васильевна, — что Александр Васильевич тоже приглашен, но очень занят, так как сдает дела минной дивизии, и вряд ли сможет быть. Но он приехал. Приехал с цветами хозяйке и мне, и весь вечер мы провели вдвоем. Он просил разрешения писать мне, я разрешила. И целую неделю мы встречались — с вечера до утра. Все собралось на проводы: его любили.

Морское собрание — летнее — в Ревеле расположено в Катринентале. Это прекрасный парк, посаженный еще Петром Великим в честь его жены Екатерины. Мы то сидели за столом, то бродили по аллеям парка и никак не могли расстаться».

Ей только что минуло 23 года; она была замужем пять лет; у нее был двухлетний сын; она дружила с женой Колчака.

Ее не беспокоила мысль, что их отношения могут измениться. Колчак уезжал надолго и далеко: существовала реальность, что они никогда больше не встретятся.

Но весь последний год был для нее радостью, праздником. Разбуди ее ночью, спроси, чего ей хочется, — она сразу бы ответила: видеть его.

Тимирева сказала Колчаку, что любит его.

— Я не говорил вам, что люблю вас, — ответил он, нежно глядя в ее широко раскрытые восторженные глаза.

— Нет, это я говорю: я всегда хочу вас видеть, всегда о вас думать, для меня такая радость видеть вас, вот и выходит, что я люблю вас, — страстно прошептала молодая женщина.

Он сказал:

— Я вас больше чем люблю...

И они продолжали ходить рука об руку, то возвращаясь в зал Морского собрания, где были люди, то опять углубляясь в каштановые аллеи Катринентала.

Им было и горько, что они расстанутся, и счастливо, что сейчас вместе — ничего больше не нужно. То было другое время, другие люди, и отношения между людьми тоже были другие.

Потом он уехал.

Ее глаза гаснут, словно свет умирающего дня, и ей становится грустно и немного стыдно. Зачем?.. И что я вообразила?.. Но уже поздно... В счастье всегда горечь... «Какая сладость в жизни сей земной печали не причастна?..»

Будет ли она писать? Она в этом не была уверена. Знала, что Александр Васильевич увлекающаяся натура, а там другая жизнь, другие люди.

Она вернулась в Гельсингфорс, на дачу. Там жила его семья. Все как прежде, только его уже не было.

Ночи слились в одну, и не было дня, одна только давящая, обволакивающая мука: мне не пережить того, что случилось. Но дни идут за днями. Время летит быстро...

Он не забыл ее. Письмо было большое и начиналось со слов: «Глубокоуважаемая Анна Васильевна...» и кончалось: «...да хранит Вас Бог. Ваш А. В. Колчак».

Он писал его несколько дней — в Ставке у царя, потом в море, писал о задачах, которые поставлены перед ним, как он мечтает когда-нибудь опять увидеть ее. Тон был очень сдержанный, но ее поразила сила и глубина чувств, которыми было проникнуто письмо. Потом еще письма, письма... Приходили они часто — дня через три, то по почте, то с оказией через знакомых.

Однажды ее хороший друг, приехавший в Гельсингфорс в командировку и передавший письмо от Колчака, спросил:

— Что же из всего этого выйдет?

Она ответила:

— Но вы привозите письма не только мне, но и жене Александра Васильевича.

— Да, — сказал он, — но только те письма такие тоненькие, а ваши такие толстые.

А Софья Федоровна Колчак собиралась ехать в Севастополь. Жили они с Александром Васильевичем очень скромно, и ей надо было многое сделать и купить, чтобы иметь вид, подобающий жене командующего флотом. Они с Тимиревой вместе ходили по магазинам, на примерки.

«Она была очень хорошая и умная женщина и ко мне, — свидетельствует Анна Тимирева, — относилась хорошо. Она, конечно, знала, что между мной и Александром Васильевичем ничего нет, но знала и другое:

то, что есть, — очень серьезно, знала больше, чем я. Много лет спустя, когда все уже кончилось ужасно, я встретила в Москве с ее подругой... и та сказала мне, что еще тогда С. Ф. говорила ей: «Вот увидите, что Александр Васильевич разойдется со мной и женится на Анне Васильевне». А я тогда об этом и не думала: Севастополь был далеко, ехать туда я не собиралась, но жила я от письма до письма, как во сне, не думая больше ни о чем».

Осенью Софья Федоровна Колчак вместе с сыном уехала в Севастополь к мужу...

С САМОГО НАЧАЛА ВОЙНЫ активных боевых действий на Черном море русский флот не вел, а в основном отсиживался в гаванях. Это производило неприятное впечатление, и командующего Черноморским флотом адмирала А. А. Эбергарда и его штаб стали обвинять в бездействии. Это недовольство углублялось по мере того, как на Балтике, наоборот, симпатии к флоту все росли. Настоятельно требовалось обновление высшего командного состава Черноморского флота.

В июне 1916 года морской министр адмирал И. К. Григорович решил наконец сделать по этому поводу доклад Верховному главнокомандующему Николаю II.

«Я знал, — пишет в своих воспоминаниях Григорович, — что сменить командующего флотом будет трудно, тем не менее решение свое, изложенное в хорошо составленном Морским генеральным штабом письменном докладе, в присутствии начальника Морского походного штаба (адмирал А. И. Русин, одновременно начальник Морского генерального штаба. — *Авт.*) я прочел Государю, прося его вместо А. А. Эбергарда назначить А. В. Колчака. Я видел, что Государь не очень доволен такою моею просьбою, но, к моему удивлению, он легко согласился, причем адмирал Эбергард был тут же назначен в Государственный совет, а контр-адмирал Колчак произведен в вице-адмиралы».

На Колчака и раньше обращали внимание в военных верхах, в среде командного состава флота, поговаривали о возможном назначении его командующим

Балтийским флотом вместо нерешительного вице-адмирала В. А. Канина. Но Колчак срочно потребовался на Черном море, а вместо Канина назначили вице-адмирала А. И. Непенина — сослуживца и друга Колчака. В связи с этим для нас интересны такие строки из письма (от 7 сентября) Николая II к жене: «...приехал Григорович с Русиным; по его мнению, в высшем командовании Балтийского флота не все обстоит благополучно. Канин слаб вследствие недомогания и всех распустил. Поэтому необходимо кем-нибудь заменить его. Наиболее подходящим на эту должность был бы молодой адмирал Непенин, начальник службы связи Балтийского флота: я согласился и подписал назначение... Он друг черноморского Колчака, на два года старше его и обладает такой же сильной волей и способностями!» (Выделено нами. — *Авт.*)

Итак, Колчак служил для Николая II своего рода эталоном для подбора командующего Балтийским флотом.

И вот Александра Колчака вызывает в ставку, в Могилев, Верховный главнокомандующий — царь.

Прибыв в ставку, Колчак явился к начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М. В. Алексееву.

Позже об этом визите Колчак рассказывал так:

— Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно инструктировал меня об общем политическом положении на нашем Западном фронте. Он детально объяснил мне все политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого объяснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания, сделанные мне Алексеевым, были повторены и государем. Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обуславливалось тем, что весной 1917 года предполагалось выполнить так называемую Босфорскую операцию, т. е. произвести уже удар на Константинополь. Все это находилось в связи с положением на нашем южном, или левом, фланге. Это было в начале июля, а осенью, приблизительно в августе, должна была выступить Румыния, и в зависимости от этих действий предпо-

лагалось лишь продвижение наших армий вдоль западного берега Черного моря, через пролив на Турцию и на Босфор, или, в зависимости от положения, предполагалось, что флот должен оказывать содействие этим продвижениям либо выбросить десант непосредственно на Босфор и захватить его.

Колчак спросил:

— Почему вызвали именно меня, когда я все время работал на Балтийском флоте, хотя и занимался вопросом о проливах — они меня интересовали чисто теоретически?

— Общее мнение в ставке было таково, — сказал Алексеев, — что только вы лично можете выполнить эту операцию успешнее, чем кто-либо другой.

Возможно, в ставке учитывали опыт балтийских походов Колчака в расположение противника, опыт высадки десантов на побережье Рижского залива, его находчивость, смелость, умение спланировать и довести начатую операцию до конца. К этому времени за плечами Колчака был большой и успешный опыт по руководству крупными морскими соединениями и отрядами кораблей, — опыт талантливой флотоводца. Да и сам он, оказывается, уже размышлял над возможностью Босфорской операции, пусть и «чисто теоретически».

Вместе с тем, говоря о Колчаке как о талантливом флотоводце, о признании его и все возрастающей славе, необходимо отметить, что как человек и военный специалист он нравился не всем. Например, боцман «Зари» Н. А. Бегичев в своих воспоминаниях рисует его заносчивым и высокомерным. А. Н. Щеглов, возглавлявший в 1906—1909 годах 1-ю (стратегическую) часть Морского генерального штаба, ознакомившись с материалами допроса Колчака в Иркутске в 1920 году, утверждает, что адмирал приписал себе кое-что лишнее. А сослуживец Колчака А. А. Сакович в письме (фактически — доносе) к адъютанту морского министра пишет: «Колчак А. В. с задатками военного человека, но... и в этом «но» все: он прежде всего не оператор, не творец военной идеи, а только честный начальник-исполнитель. Колчак потому прежде всего не оператор, что он абсолютно не признает системы там, где без нее не обойтись, оттого, что он слишком впечатлителен и нервен, оттого, что он совершенно не знает

людовой психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов. Такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий, потому что деятельность его спорадична, очень редко обоснована и почти всегда всем крайне неприятна».

Тут хочется лишь подчеркнуть, что старое «системное» мышление автора этого письма вряд ли могло принять новый, творческий, нестандартный подход Колчака к решению оперативных задач. Такими приверженцами «системы» были многие руководители флота. Морской министр адмирал И. К. Григорович, побывав весной 1916 года в штабе Черноморского флота, пришел к выводу, что там «все осталось по-старому — полная инертность и затруднения во всем». Колчак же был образованным моряком и, думается, отбрасывал в сторону устаревшие или негодные в конкретной обстановке стандарты поведения, а действовал творчески, в соответствии с интересами дела.

А вот психологический портрет Колчака нарисован в общем верно. С нервами у него действительно не все было в порядке. И позже это стало более заметно. Да и психологом он был слабым. Ему часто мешали излишняя прямолинейность и доверчивость. Не мог он подбирать себе и окружение.

Вместе с тем, Колчак умел воздействовать на подчиненных своей энергией, силой примера, умом, честностью. А. В. Тимирева подчеркивала в письме одному из тех, кто все-таки добрался до нее позже с расспросами о Колчаке: «Прежде всего он был человеком очень сильного личного обаяния... его любили и офицеры и матросы, которые говорили: „Ох и строгий у нас адмирал! Нам-то еще ничего, а вот бедные офицеры“».

Строгий приказ, отданный с учетом характера исполнителя, оказывается подчас самым полезным для дела. Но Колчак никогда не позволял себе обижать людей просто так, под горячую руку, «под настроение». Ему была свойственна человеческая деликатность в отношениях с подчиненными. Бесспорно, подобная черта характера важна для всякого руководителя, а для военного, да еще в бою, в особенности: ведь люди вокруг тоже раздражены, распалены, нервны. Пример твердого руководства тут особенно впечатля-

ет. Во все времена солдаты и офицеры любили и любили таких командиров, слушаются их, идут за ними беспрекословно.

Поэтому, если кому-то Александр Васильевич и не нравился, то таких, безусловно, было сравнительно мало. Основная же масса офицеров и матросов уважала адмирала. Авторитет его, как флотоводца, был очень высоким.

...Николай II принял Колчака в саду. Поздравив с назначением, сказал:

— Дай Бог, чтобы вы оказались достойным своего высокого назначения...

Медленно пошли по аллеям. Верховный главнокомандующий около часа инструктировал вице-адмирала относительно положения на фронте, главным образом в связи с выступлением Румынии, которая его чрезвычайно заботила. Он считал, что она — Румыния, — по-видимому, не вполне готова начать военные действия и ее выступление может не дать положительных результатов. А это вынудит Россию ввести свои войска в Румынию, удлинив тем самым почти до Дуная и без того большой фронт левого фланга. Сокрушался, что это ляжет новой тяжестью на русскую армию и вряд ли приведет к чему-либо хорошему.

Колчак поинтересовался мнением царя о Босфорской операции.

— Сейчас говорить об этом трудно, — сказал Николай II, — но мы должны подготовиться и разработать два варианта: будущий фронт, наступающий по левому берегу Дуная, и самостоятельная операция на Босфоре — перевозка десанта и выброска его на Босфор.

Немного помолчав, он добавил:

— Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии. Я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование. Оно требует, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила. Они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы, и приходится уступать давлению...

Получив указания, новый командующий Черноморским флотом в тот же день уехал из ставки в Севастополь.

Колчак предложил командиру эскадренного миноносца «Кавказец» (входил в состав минной дивизии Балтийского флота) М. И. Смирнову ехать с ним на Черное море флаг-капитаном по оперативной части штаба флота.

— Я считаю, — объяснил ему Колчак, — что командующий флотом и флаг-капитан должны иметь одинаковые взгляды на ведение войны, а я знаю ваши взгляды и потому предлагаю ехать со мной.

Смирнов, естественно, без колебаний согласился.

Правдами и неправдами Колчак сумел перевести на Черноморский флот старшего флаг-офицера штаба начальника минной дивизии Н. Г. Фомина, а также других офицеров своей дивизии — А. А. Тавастшерна, А. К. Павелецкого, М. Н. Холмского.

Прибыв в Севастополь, Колчак в течение одного дня — 8 июля — принял флот от вице-адмирала А. А. Эбергарда, который в полночь спустил свой флаг, а Колчак поднял свой, вступив в командование. Ближайшая задача, которую должен был решить новый командующий, — обезопасить транспорты для снабжения Кавказской армии, побережье и порты — от набегов германских подводных лодок, а также крейсеров «Гебен» и «Бреслау», имевших значительное превосходство в скорости по сравнению с русскими кораблями.

Командование Черноморского флота принимало меры для борьбы с вражескими кораблями: ставило минные заграждения, сети и боны, но... на подходах к российским портам. Это не приносило ощутимых результатов. Черноморский флот, находясь в море, мог надеяться лишь на случайную встречу с противником, так как у Босфора оперативное дежурство подводных лодок было организовано неудовлетворительно: смена происходила не на позиции у самого Босфора, а по возвращении с дежурства в Севастополь.

Отсутствовала точная информация о выходе противника в море, да и активных операций против Босфора русские корабли не предпринимали. Свободу выхода в Черное море противник использовал для бомбардировки, например, позиций русских войск у Трапезунда 21 марта, порта Евпатории 24 апреля, побережья у Туапсе и Сочи 18 июня 1916 года, а также для сосредоточения в море подводных лодок, причи-

нявших систематический вред российскому транспортному флоту.

Кроме того, Эбергард в надежде на случайную встречу с противником держал корабли в море по пять-шесть суток с перерывом дня на два для погрузки новой партии угля. Это приводило к беспечному изнашиванию механизмов старых кораблей, которые откладывались работать.

По свидетельству М. И. Смирнова, Колчак был хорошо информирован о положении дел на Черном море и уже в вагоне поезда, по пути из ставки в Севастополь, изложил свой план предстоящих действий: прекратить заграждение минами и сетями выходов из своих портов и все усилия сосредоточить на заграждении выходов из Босфора и Варны, на блокаде неприятельского флота.

Но скептики утверждали тогда: минные заграждения, не охраняемые постоянно военной силой в море (из-за удаленности главной базы флота — Севастополя — на 260 миль от Босфора), могут быть без особого труда вытралены противником, а потому окажутся малоэффективными. Кроме того, минные постановки в будущем стеснят планируемые действия кораблей самого Черноморского флота в Босфоре. Наконец, операции по постановке мин очень рискованны и повлекут за собой большие потери, в первую очередь — из-за артиллерийского огня вражеских батарей, расположенных у Босфора. Все эти соображения, бесспорно, имели значение.

Но Колчак рассуждал иначе.

Во-первых, нужно ставить мины в большом количестве, чтобы противник не успевал их вытралить. Для этого необходимо использовать мелкосидящие суда и с их помощью ставить новые мины на тех же местах, где они уже были поставлены ранее.

Во-вторых, разделить весь флот на две группы кораблей, одна из которых постоянно дежурит в море и ведет наблюдение за Босфором.

В-третьих, мины ставить как можно ближе к берегу, но не далее пяти миль от него, чтобы не лишать себя возможности обстреливать босфорские укрепления противника с моря.

Что касается предстоящих боевых действий по захвату Босфора, то Колчак, учитывая опыт Дарда-

нелльской операции англичан (она показала невозможность прорыва флота через узкие проливы без содействия армии), намечал в первую очередь высадить армию на Черноморское побережье и ударом с суши захватить укрепления противника, а уж затем вводить флот в пролив, когда его разминирование не повлечет за собой особых затруднений.

Не смущали Колчака и потери — он считал, что никакой успех на войне не достигается без риска потерь.

Как только Колчак поднял свой флаг и вступил в командование флотом, буквально через несколько минут к нему поступили разведанные о выходе крейсера «Бреслау» из Босфора в Черное море в неизвестном направлении. Командующий немедленно вызвал соответствующих офицеров своего штаба, расстелил на столе карту и начал совещание по поводу возможного местонахождения немецкого крейсера. Колчак загорелся неодолимым желанием немедленно выйти в море. Велико же было его разочарование, когда ему доложили, что срочный выход флота в море в ночное время осуществить не удастся: выходные фарватеры не протралены, и это займет около шести часов. Теперь Колчаку стало ясно, почему флот никогда не мог вовремя выйти в море для встречи с противником. Он тут же отдал указание начальнику охраны севастопольских рейдов немедленно протралить фарватер, а в течение двух дней организовать беспрепятственный ночной выход флота в море. В мучительном ожидании текло время...

Утром 9 июля на флагманском линейном корабле «Императрица Мария» Колчак вышел в море, взяв с собой крейсер «Кагул» и несколько миноносцев. Около двух часов дня на горизонте появился дым: «Бреслау». Проследив за его курсом, Колчак понял: идет на Новороссийск — главную базу, откуда шло снабжение Кавказской армии. «Надо атаковать», — решил адмирал и выслал вперед один из миноносцев, который обстрелял «Бреслау». Немецкий корабль стал отвечать на огонь, и миноносец быстро вышел из-под обстрела. К нему подошли еще два русских миноносца, но все трое держались вне дальности выстрелов «Бреслау». Несмотря на то что «Бреслау» имел скорость хода около 24—25 узлов, четвертый дым, судя по окраске —

нефтяной, быстро приближался: «Императрица Мария» шла полным ходом к месту боя. С расстояния в 22 километра она, развернувшись, открыла огонь. Два первых залпа легли с недостатком в 600 и 400 метров. «Бреслау» выпустил дымовую завесу, и русские корабли прекратили огонь. Когда завеса рассеялась, выяснилось, что линкор «Императрица Мария» значительно приблизился; он тотчас же развернулся и в 14 часов 45 минут снова открыл огонь по «Бреслау», сделав четыре залпа, и вновь мимо. Немецкий крейсер вновь поставил дымовую завесу и прибавил хода, сообщив в 15 часов по радио своему командованию: «Нахожусь в квадрате 1961, курс SW. *Императрица* обстреливает, сближается, несколько эскадренных миноносцев держатся в соприкосновении, необходима поддержка при входе (в Босфорский пролив. — *Авт.*), крейсер в угрожаемом положении. *Бреслау*».

Колчак приказал миноносцам держаться вне обстрела противника и корректировать огонь линейного корабля. Но этому сильно мешали дымовые завесы, не давая «Императрице Марии» пристреляться. К тому же «Бреслау», выпуская завесу, «вилял», уходя от преследовавших его русских кораблей.

Очередной залп с русского линейного корабля накрыл «Бреслау», который получил незначительные повреждения; были тяжело ранены офицер и три матроса.

В 15 часов 52 минуты «Бреслау» использовал последний дымовой патрон. До Босфора было еще далеко. Колчака такой безрезультатный поворот дела не устраивал, и он упорно продолжал преследовать корабль противника. «Бреслау» стал сбрасывать в воду мины, надеясь, что русские корабли подорвутся на них.

Хотя шансов догнать немецкий крейсер у Колчака не было, он продолжал гнаться за ним до позднего вечера, когда наступившая тьма и разразившаяся гроза окончательно разделили их.

10 июля в 5 часов 15 минут «Бреслау» вошел в Босфор.

За время почти 11-месячного командования Колчака на Черном море это был единственный выход немецкого крейсера. Вновь он появился в июне 1917 года, когда Александр Васильевич уже оставил Черноморский флот.

Вернувшись в Севастополь, Колчак в течение нескольких дней разрабатывал с офицерами своего штаба план дальнейших действий Черноморского флота. Он решил отказаться от заграждения минами и сетями выходов из собственных портов и производить эти действия в отношении портов, мест стоянок кораблей противника. То есть новый командующий отказывался от оборонительной тактики и переходил к наступательной — более привычной и любимой им.

Командир немецкого линейного корабля контр-адмирал Герман Лорей — участник операций в Черном море — позже писал: «Оживленную деятельность русских дредноутов, их хорошее обеспечение против атак подводных лодок и тактику эскадренных миноносцев следует объяснить вступлением в командование Черноморским флотом в качестве преемника адм[ирала] Эбергарда нового молодого и энергичного командующего, в[ице]-адм[ирала] Колчака, назначенного в июле 1916 г. По-видимому, под его влиянием усилилась и деятельность эскадренных миноносцев перед Босфором».

Выполняя директиву ставки «принять все меры к воспрепятствованию выхода противника в Черное море и прекращению деятельности его подводных лодок», с конца июля минные суда под руководством Колчака по отработанной на Балтике схеме приступили к масштабным минным постановкам перед Босфором, а затем у Варны — базы немецких подводных лодок.

В течение июля — декабря 1916 года Черноморским флотом было выполнено 13 больших постановок заграждений с миноносцев, подводных лодок и тральщиков у Босфора и в его устье с общим числом свыше 2,2 тысячи мин. По той же директиве, для противодействия операциям подводных лодок противника в октябре — декабре у Варны и Констанцы были поставлены минные заграждения с общим числом 1000 мин. (Для сравнения укажем, что ранее у Босфора было сделано: в 1914 г. две постановки общим числом в тысячу мин, в 1915 г. — одна в 40 мин, в 1916 г. — одна в 40 мин.)

Результаты не замедлили сказаться. На русских минах подорвалось шесть подводных лодок и быстроходный линейный крейсер «Гебен», на них постоянно натывались, гибли или выходили из строя немецкие,

болгарские и турецкие миноносцы и канонерские лодки, пароходы, угольные транспортники и парусники.

Русские мины пытались выгравливать, но на их месте появлялись новые, как раз там, где тральщики работали несколько дней тому назад. Для этого Колчаку потребовалось немало ночей, так как к берегу противника можно было приблизиться только в ночное время суток. Под его руководством новые мины ставились вплотную к ранее поставленным, и немецкое командование удивлялось, «с каким искусством и уверенностью они (русские. — *Авт.*) избегали мин, поставленных на малое углубление».

Непрерывная заградительная и активизировавшаяся подводная деятельность русских кораблей грозила совсем прекратить судоходство в западной части Черного моря. Кроме того, закупорку Босфора Колчак использовал для операций крейсеров, миноносцев и подводных лодок против портов противника. Так, 21 сентября были обстреляны Килия и Эрегли, 6 октября — Самсун и Синоп, 4 и 21 ноября — Констанца и т. д.

Позже немцы признавали: «С выходом из строя трех угольных пароходов: *Патмоса*, *Ирмингарда* и *Родосто* (захвачен русской подводной лодкой «Тюлень» и уведен в Севастополь. — *Авт.*) подвоз угля из Зунгулдака почти совсем прекращался. Скудные средства Турции постепенно таяли... Для флота недостаток угля становился тягостней с каждой неделей... Даже для учебных целей *Гебен* и *Бреслау* и флотилия эскадренных миноносцев не смели разводить паров... Об операциях в ближайшие месяцы нечего было и думать... Траление перед Босфором становилось почти невозможным... Операции в восточной части Черного моря необходимо было прекратить...»

Благодаря организованной Колчаком службе для постоянного поддержания минных заграждений, ему удалось в значительной степени обезопасить Черное море от проникновения в него из Босфора новых военных кораблей противника, а также наладить бесперебойное снабжение морем русской Кавказской армии. Правда, в Варну смогли прорваться несколько немецких подводных лодок и тральщиков, две турецкие канонерские лодки. Но в ноябре подводные лодки UB — 45 и UC — 15 подорвались на русских минах и погибли,

а у Кара-Бурну крейсер «Память Меркурия» обнаружил турецкие канонерские лодки и 21 декабря уничтожил их артиллерийским огнем. Были у противника и другие потери, особенно в транспортном флоте.

Но на войне — как на войне: были потери и у Колчака. На минах у берегов Румынии погиб миноносец «Беспокойный». Имелись потери и среди транспортных судов. Наиболее значительной из потерь явилась гибель флагмана Черноморского флота, новейшего и современного линейного корабля «Императрица Мария».

...7 октября 1916 года город и крепость Севастополь были разбужены мощными взрывами, разносившимися над притихшей гладью Северной бухты. Люди бежали к гавани, и их глазам открывалась страшная картина. Над линкором Черноморского флота «Императрица Мария» поднимались густые клубы черного дыма, разрезаемые молниями взрывов...

Примерно через 10—15 минут после подъема матросы, находившиеся рядом с первой носовой башней, обратили внимание на странное шипение, доносившееся из-под палубы.

— Что это? — спросил кто-то.

Ответить ему не успели: из люков и вентиляторов башни, из ее амбразур стремительно вырвались багровые языки пламени и черно-сизые клубы дыма.

Оцепенение людей длилось секунды. На корабле объявили пожарную тревогу. Все пришло в движение.

И тут произошло непоправимое.

Мощный взрыв в районе носовых хранилищ 12-дюймовых зарядов разметал людей. Столб пламени и дыма взметнулся ввысь до трехсот метров. Как фанерную, вырвало часть стальной палубы, полностью снесло переднюю трубу, носовую рубку и мачту. Повсюду раздавались крики и стоны искалеченных людей. В хаосе рушившихся надстроек металась офицеры. Горящие длинные ленты артиллерийского пороха рассыпались по палубе, вызывая то здесь, то там новые очаги пожара.

Один из спасшихся офицеров корабля позже рассказывал:

— ...Я выскочил на верхнюю палубу и увидел, что в носовой части, под первой башней, произошел взрыв и громадный столб дыма поднимался прямо к небу...

Взрывы продолжались периодически и довольно долгое время. Я уже не помню, скольким раненым я помог отойти подальше от огня, когда услышал голос, по-видимому, бывший голосом старшего офицера, говоривший, что нужно оставить корабль. Я подошел к левому кормовому трапу и увидел, как адмирал Колчак, который тогда был на палубе, и все офицеры стали спускаться по этому трапу на портовые катера и шлюпки, которые к этому времени окружали наш корабль...

Потом — новые и новые взрывы... Всего в течение 48 минут их было 25. В семь часов линкор повалился на правый борт, нос его стал уходить под воду. Дрогнула задняя мачта, описывая в небе полукруг, и, перевернувшись вверх килем, «Императрица Мария» легла на дно...

Над бухтой, как стон, пронесся крик ужаса. Корабли и буксиры поднимали из воды тех, кого еще можно было спасти. Погибли 229 офицеров и матросов.

На перроне севастопольского вокзала специальную комиссию во главе с адмиралом Н. М. Яковлевым встречал начальник штаба Черноморского флота.

— Командующий ждет вас на флагманском корабле «Георгий Победоносец»...

Вице-адмирал Колчак, когда члены комиссии вошли к нему в каюту, нервно расхаживал из угла в угол. Честно говоря, он еще не решил, кого следует видеть в этих прибывших из столицы господах — друзей, союзников или врагов. Он только недавно принял флот и заметно волновался. Хотя кому приятно расхлебывать такую кашу!..

Тонкое осунувшееся лицо. Холодный пронзительный взгляд... Чего он мечется? Что скрывает? Бойтся, что комиссия обнаружит нечто такое, что совсем не обязательно знать господам из Главного морского штаба?

Пригласив гостей сесть, Колчак, казалось, раздумывал — с чего начать разговор?

— В принципе, о нашей трагедии вам известно, — начал он и на несколько секунд замолчал, пристально вглядываясь в лица членов комиссии. — «Мария» взорвалась на виду у всего Севастополя... Прошу, господа, со всеми просьбами обращаться ко мне в любое время суток. Мною даны указания, чтобы к вам немедленно направляли всех, кого вы считаете необходимым вызвать. Думаю, что для успеха дела вам следует осмот-

реть и линейный корабль «Императрица Екатерина Великая». Он — однотипный с «Марией» линкор... Ну, а в подробностях все это выглядело так...

Более трех часов не выходили из каюты Колчака члены комиссии.

Вскоре работа комиссии все больше начинала напоминать бег на месте. Дело не только не становилось ясным, но все более и более запутывалось. В конце концов комиссия, не сумев установить подлинной причины трагедии, остановилась на трех возможных версиях взрыва: самовозгорание пороха, небрежность в обращении с огнем или порохом и «злой умысел», то есть диверсия.

Первую версию комиссия считала «маловероятной». Вторую — допускала. Практическое воплощение в жизнь «злого умысла», по мнению комиссии, «облегчалось имевшими на корабле место существенными отступлениями от требований по отношению к доступу в скрыт-камеры и несовершенством способа проверки являющихся на корабль рабочих».

Колчаку приписывают слова: «Как командующему, мне выгоднее предпочесть версию о самовозгорании пороха. Как честный человек, я убежден — здесь диверсия. Хотя мы и не располагаем пока конкретными доказательствами...» Якобы он так выразился в разговоре с одним из членов комиссии.

На допросе в Иркутске Колчак предпочел стать на точку зрения «командующего».

— Я считал, — говорил он, — что злого умысла здесь не было. Подобных взрывов произошел целый ряд и за границей во время войны — в Италии, Германии, Англии. Я приписывал это тем совершенно непредусмотренным процессам в массах новых порохов, которые заготавливались во время войны. В мирное время эти пороха изготавливались не в таких количествах, поэтому была более тщательная выделка их на заводах. Во время войны... не было достаточного технического контроля, и в нем появлялись процессы саморазложения, которые могли вызвать взрыв. Другой причиной могла явиться какая-нибудь неосторожность, которой, впрочем, не предполагаю. Во всяком случае, никаких данных, что это был злой умысел, не было.

Однако, как честный человек, Колчак не верил ни в «несчастный случай», ни в «самовозгорание пороха».

Об этом он неоднократно писал в своих письмах Анне Тимиревой. Он тщательно анализировал схожесть катастроф «Императрицы Марии» и других военных кораблей и всегда приходил к выводу: «Нет, это не может быть случайностью. Здесь не обошлось без рук немцев... Уверен, в будущем доказательства этого появятся...» Через несколько месяцев в его письме к Тимиревой снова такая фраза: «Я убежден: взрыв на «Марии» — дело рук немцев...» Любопытна следующая деталь: в другом письме он рассказывал: «Хорошо, что мне удалось прибыть на гибнущую «Марию» сразу. Пришлось применить чрезвычайные меры, говорить с матросами, чтобы предотвратить уже другой, быть может, более опасный взрыв — революционный. Атмосфера была накалена до предела. Тогда я впервые понял, что армия и флот выходят из повиновения, что революция не за горами...»

И Колчак оказался прав.

Тайна взрыва «Императрицы Марии» стала известна в конце 1933 года, когда органы ОГПУ раскрыли в Николаеве группу германских разведчиков и диверсантов, «ориентированную» из Берлина на судостроительные заводы. Руководил группой резидент немецкой разведки П. А. Верман — инженер завода «Руссуд» еще с довоенных лет.

«У нас были главное задание и цель, — откровенно рассказывал на следствии Верман, — не допустить ввода в строй строящихся в Николаеве мощных русских линейных кораблей «Императрица Мария» и других. Кроме того, мы постоянно информировали наше руководство о передвижении боевых кораблей Черноморского флота. Кстати, это одна из причин, почему «Гебен» и «Бреслау» могли совершать свои рейсы в относительно «спокойной» обстановке. Радиостанция наша была смонтирована на даче городского головы Матвеева. Это был до конца наш человек...»

Непосредственно на «Марии» осуществили диверсию Сгибнев — электротехник завода «Руссуд», отвечавший за электропроводку и освещение на строящихся военных кораблях, а также Феоктистов — инженер завода.

Сгибнев на допросе рассказал: «Как отвечающий за проводку электросистем, я позаботился о том, чтобы в пороховых погребах в необходимую минуту при перенапряжении электросети возникли бы замыкания.

Такие точки в погребках были сдублированы. В основном же мы рассчитывали на переданные нам через Вермана специальные механические взрыватели, пронести которые на «Марию» не составляло никакого труда ввиду полнейшей безалаберности в ее охране и постоянной возможности для нас, как представителей завода, бывать на корабле. Место взрыва — Севастополь — было избрано не случайно: диверсия в самом Николаеве могла бы поставить под удар русской контрразведки нашу организацию».

...Независимо от причины, по которой погиб современный корабль, это событие вредило репутации командующего флота. Все виновные должны были идти под суд. «Но так как под суд должен идти и командующий флотом, — пишет в своих воспоминаниях бывший морской министр И. К. Григорович, — то я просил государя отложить оный до окончания войны».

В одном из первых после гибели «Марии» писем Анне Васильевне Тимиревой А. В. Колчак писал, что с момента первого взрыва он был на корабле. «Я распоряжался совершенно спокойно и, только вернувшись, в своей каюте, понял, что такое отчаяние и горе, и пожалел, что своими распоряжениями предотвратил взрыв порохового погреба, когда все было кончено. Я любил этот корабль, как живое существо...»¹ Колчак был совершенно потрясен этим несчастьем.

Вскоре Анна Васильевна неожиданно встретила с контр-адмиралом В. М. Альтфатером, который ей сообщил, что Колчак якобы «совершенно не в себе, может говорить только о гибели «Императрицы Марии» и вообще...» По мнению Тимиревой, «Альтфатер рассчитывал по этому поводу на назначение командующим Черноморским флотом, чего нельзя было не понять». Но, к счастью, этого не произошло.

14 октября Анна Васильевна писала Колчаку:

«...Что мне сказать Вам, какие слова найти, чтобы говорить с Вами о таком громадном горе. Как ни тяжело, как ни горько мне, я понимаю, что мне даже представить трудно Ваше душевное состояние в эти дни. Дорогой Александр Васильевич, Вы пишете: «По-

¹ Здесь и далее письма А. В. Колчака и А. В. Тимиревой цитируются по сборнику: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» (М., 1996).

жалейте меня, мне тяжело». Не знаю, жалость ли у меня в душе, но видит Бог, что если бы я могла взять на себя хоть часть Вашего великого горя, облегчить его любой ценой, — я не стала бы долго думать над этим. Сегодня до получения Вашего письма я зашла в пустую церковь и молилась за Вас долго именно этими словами. Если я радовалась каждому Вашему успеху и каждой удаче, то последнее несчастье также большое горе для меня... Вы говорите о расплате за счастье — это очень тяжелая расплата, не соответствует тому, за что приходится платить. Будем думать, Александр Васильевич, что эта жертва судьбе надолго вперед и что вслед за этим ужасом и горем более светлые дни. Вы говорите, что жалеете о том, что пережили гибель «Марии», если бы Вы знали, сколько на Вас надежд, сколько веры в Вас приходится подчас мне видеть, Вы не говорили бы этого даже в такие тяжелые минуты...»

20 октября она вновь пишет ему нежное и трогательное письмо, старается успокоить.

«Дорогой Александр Васильевич, сегодня получила письмо Ваше от 17-го. С большой печалью я прочитала его, мне тяжело и больно видеть Ваше душевное состояние, даже почерк у Вас совсем изменился. Что мне сказать Вам, милый, бедный друг мой, Александр Васильевич. Мне очень горько, что я совершенно бессильна сколько-нибудь помочь Вам, когда Вам так трудно, хоть как-нибудь облегчить Ваше тяжелое горе. Вы пишете о том, что Ваше несчастье должно возбуждать что-то вроде презрения, почему, я не понимаю. Кроме самого нежного участия, самого глубокого сострадания, я ничего не нахожу в своем сердце! Кто это сказал, что женское сострадание не идет сверху вниз? — Ведь это правда, Александр Васильевич. Какую же вину передо мной Вы можете чувствовать? Кроме ласки, внимания и радости, я никогда ничего не видела от Вас, милый Александр Васильевич...»

Вы говорите о своем личном горе от потери «Марии», я понимаю, что корабль можно любить как человека, больше, может быть, даже, что потерять его безмерно тяжело, и не буду говорить Вам никаких ненужных утешений по этому поводу. Но этот, пусть самый дорогой и любимый, корабль у Вас не единственный, и если Вы, утратив его, потеряли большую

силу, то тем больше силы понадобится Вам лично, чтобы с меньшими средствами господствовать над морем. На Вас надежда многих, Вы не забывайте этого, Александр Васильевич, милый... И мне хочется думать, что эти ужасные дни пройдут, пройдет первая острая боль утраты, и я снова увижу Вас таким, каким знаю и привыкла представлять себе. Ведь это будет так, Александр Васильевич, милый?..»

Положение на Черном море в корне изменилось.

По признанию самого противника, к концу 1916 года его флот, благодаря энергичной и умелой деятельности нового командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака, «находился в неблагоприятном положении. Вследствие неприятельской заградительной деятельности большие корабли были вынуждены к бездействию. Недостаток угля обусловил крайнее сокращение движения остальных соединений флота; улучшения такого положения нечего было ожидать, так как за 1916 г. тоннаж заметно сократился. Гибель нескольких подводных лодок в течение последних месяцев имела большое значение для общей обстановки на Черном море: она помешала проведению в жизнь идеи постоянного нахождения подводной лодки у неприятельского побережья и совершенно утратила возможность отправки лодок для противодействия длительным операциям русских подводных лодок и эскадренных миноносцев у северного анатолийского побережья».

Другая задача Колчака — содействие Кавказской армии — протекала с прежним успехом. Дело это было привычное для флота, и благодаря хорошей организации транспортная флотилия легко справлялась с требованиями, предъявлявшимися армией к перевозкам.

Колчак успокоил общественное мнение и ставку: сразу и в большом масштабе надежно завалил Босфор минами и поставил этим точку над «и».

— Таким образом, — рассказывал позже Колчак, — в Черном море наступило совершенно спокойное положение, которое дало возможность употребить все силы на подготовку большой Босфорской операции. По плану этой Босфорской операции, в мое непосредственное распоряжение поступила одна су-

хопутная часть, дивизия ударного типа, командиром ее был назначен один из лучших офицеров генерального штаба — генерал Свечин, начальником штаба был назначен полковник генерального штаба Верховский. Эта дивизия готовилась под моим непосредственным наблюдением и должна была быть выброшена первым десантом на неприятельский берег для того, чтобы сразу на нем обосноваться и обеспечить место высадки для следующих войск, которые должны были идти за ними...

По планам ставки Верховного главнокомандующего, Босфорская операция должна была состояться в то время, когда в результате наступления русской армии на главном сухопутном фронте войска противника дрогнут. Это предполагалось осуществить весной 1917 года.

В августе 1916 года Румыния вступила в войну, что изменило обстановку на Черном море. Вице-адмирал А. В. Колчак настаивал на наступлении соединенной русско-румынской армии на юг, к Константинополю (Стамбулу) при поддержке флота. Однако боевые действия Румынии пошли в другом направлении — непосредственно на Австрию, и для русского Черноморского флота здесь не было того широкого поля деятельности, которое мыслилось в первом случае. Выступление Румынии закончилось полным ее разгромом. Черноморскому флоту пришлось действовать против ее побережья, занятого теперь противником. Бомбардировки с русских кораблей румынского порта Констанцы были последними операциями Черноморского флота в этом районе.

Поэтому Босфорской десантной операции не суждено было осуществиться: помешали неудачи на Румынском фронте, революция и последовавшее за ней разложение вооруженных сил России.

1916 ГОД ШЕЛ К КОНЦУ. Все больше накалялась атмосфера. На фронте дела шли худо, в тылу — Распутин. Потом — убийство Распутина. С фронта потянулись дезертиры, вагоны забиты, на крыше солдаты. И слухи, слухи...

Мысли Колчака заняты не только военными вопросами. Он постоянно думает о Тимиревой, пишет ей письма — большие и не очень, грустные и шутливые,

трогательные, — в которых делится всем: своими чувствами, переживаниями, служебными заботами.

«Прошло два месяца, как я уехал от Вас, моя бесконечно дорогая, и так жива передо мной картина нашей встречи, так же мучительно и больно, как будто это было вчера, на душе. Столько бессонных ночей я провел у себя в каюте, шагая из угла в угол, столько дум, горьких, безотрадных. Я не знаю, что случилось, но всем своим существом чувствую, что Вы ушли из моей жизни, ушли так, что не знаю, есть ли у меня столько сил и умения, чтобы вернуть Вас. А без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости. Вы были для меня в жизни больше, чем сама жизнь, и продолжать ее без Вас мне невозможно. Все мое лучшее я нес к Вашим ногам, как бы божеству моему, все свои силы я отдал Вам.

Я писал Вам, что думаю сократить переписку, но когда пришел обычный час, в который я привык беседовать с Вами, я понял, что не писать Вам, не делиться своими думами, свыше моих сил. Переписка с Вами стала моим вторым «я», и я отказываюсь от своего намерения и буду снова писать — к чему бы это ни привело меня...

«...Вы спрашиваете про симфонический концерт (устроен 31 января 1917 года в Морском собрании севастопольским им. Наследника Цесаревича Дамским кружком помощи больным и раненым воинам, где председателем была Софья Федоровна Колчак. — *Авт.*). Он был весьма не важен, скажу откровенно, но это не мешает мне на днях устроить второй (намечался на 23 февраля. — *Авт.*), где пойдут «Шехерезада» Чайковского (автор упоминаемой симфонической сюиты «Шехерезада» Н. А. Римский-Корсаков. — *Авт.*), некоторые вещи Грига и «Двенадцатый год». Вы охотно согласитесь, что одного приказания играть симфонии Бетховена (31 января исполнялись симфония Бетховена № 3 («Героическая») и хоровые произведения. — *Авт.*) иногда бывает недостаточно, чтобы их играли хорошо, но, к сожалению, у меня слишком мало других средств. Что касается выставки картин — то я совершенно чужд этой области, и вся моя деятельность по художественной части в Черном море ограничилась указаниями моему художнику, писавшему батальную

картину на тему боя «Гебена» со 2-й бригадой линейных кораблей, о виде всплесков и разрывов об воду наших снарядов.

На первой неделе великого поста я предался благочестию и со своим штабом и дамами, пребывающими в моем доме, говел и исповедовал свои грехи, избегая по возможности совершать новые, читал Тертуллиана (христианский богослов и писатель. — *Авт.*) и Фому Кемпийского (монах, духовный писатель. — *Авт.*), и только двукратное гадание несколько нарушило эту гармонию. Но это, я думаю, ничего, хотя с точки зрения канонической это не вполне удобно. Теперь я занялся новым делом: принимаю участие в бракосочетании дочери адмирала Фабрицкого (командир отдельной морской дивизии, предназначенной для участия в Босфорской операции. — *Авт.*) вопреки церковным правилам, запрещающим это таинство в великом посту. По этому случаю я с Веселкиным (контр-адмирал, комендант Севастопольской крепости. — *Авт.*) имел постоянный диспут с архиепископом Таврическим, епископом Севастопольским и ректором семинарии на тему о таинстве брака. После двух часов обсуждения этого вопроса я, опираясь на широкую эрудицию Веселкина в церковных вопросах, блестяще доказал, что брак как таинство с догматической и с канонической стороны может и должен быть совершен в любое время и что до проистекающих из него явлений церкви нет дела. Епископы, по-видимому, впали в панику, но разбить нас не могли и, когда я дошел до Оригена (христианский теолог, философ и ученый, один из отцов Церкви. — *Авт.*), — дали разрешение. Присутствуя на торжестве православия, я немного опасался, не буду ли предан анафеме, но все обошлось благополучно. К участию в совершении этого таинства я привлек еще адмирала Трубецкого (начальник минной бригады. — *Авт.*) и для вящего утверждения принял обязанности посаженного отца — полагаю, что теперь всякое сопротивление будет бесполезно. Как изволите усмотреть, командующему флотом приходится заниматься иногда удивительными делами».

А 3 февраля — в день своих именин — Анна Васильевна получила от Колчака корзину ландышей — он заказал их по телеграфу.

В 20-х ЧИСЛАХ ФЕВРАЛЯ 1917 года главнокомандующий Кавказским фронтом и Кавказской армией великий князь генерал-адъютант Николай Николаевич вызвал Колчака в Батум для решения вопросов о снабжении армии морем, об оборудовании трапезундского порта.

26 февраля командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак на эскадренном миноносце «Пронзительный» ушел из Севастополя в Трапезунд (Трабзон), который при помощи флота был занят войсками Кавказского фронта 5 апреля 1916 года. В начале 1917 года Кавказская армия развивала дальнейшее наступление против третьей турецкой армии.

Колчак попал в шторм. Сильная качка позволяла заниматься только одним делом — спать. Ночью было неуютно: непроглядная тьма, холмы воды со светящимися гребнями — полуподводное плавание. Но к утру все стихло. Осталась мрачная серая погода, низкие тяжелые облака, закрывавшие вершины гор, ровные валы зыби, оставшейся от шторма. Стал на якорь на внешнем рейде. На вельботе Колчак со своими помощниками отправился на берег. И был поражен увиденным.

«Впечатление стихийной грязи и хаоса — если это можно назвать впечатлением — действует даже на меня, выдавшего эти явления в весьма значительной степени проявлений. Сотни невероятного вида животных, называемых лошадьми, орда пленных каннибалов, никого образа и подобия Божия не имеющих, работающих в непролазной грязи и потрясающей атмосфере, — вот обстановка снабжения приморских корпусов Кавказской армии».

Колчак осмотрел порт, присутствовал на завтраке и военном совещании у коменданта Трапезундского укрепленного района генерала А. В. Шварца, которого он лично знал еще по Порт-Артуру (тогда Шварц занимал должность начальника инженеров Восточного фронта). Побывал Колчак и на экскурсии за городом, где осмотрел сооружения и развалины укреплений и дворцов династии византийских императоров Комнинов, потомки которых правили в 1204—1461 годах Трапезундской империей под именем Великие Комнины.

Потом на нелепо раскачивавшемся эсминце плавание вдоль берега с осмотром Сурмине, Ризе, Атина — открытых рейдов с сильным прибоем, разбивавшимся о скалы, и величественными бурунами, непрерывно бегавшими по отмелям и рифам. Зыбь не улеглась до вечера, и «Пронзительный» в крошечной тьме, при адском холоде и под дождем вошел в Батумскую гавань. Здесь уже можно было спать, не боясь того, что в любой момент можно неожиданно и против всякого желания отправиться из койки под стол или еще в какое место, совершенно не приспособленное для ночного отдыха.

28 февраля с утра отвратительная погода, напоминавшая Колчаку петроградский сентябрь, — дождь, туман, холод. Отправился на вокзал встречать поезд Николая Николаевича. На утреннем совещании обсудили вопросы о совместных усилиях армии и флота на Малоазиатском побережье — снабжение морем правого фланга Кавказской армии, оборудование Трапезундского порта и т. д. После завтрака осматривали порт, а затем отправились на Зеленый мыс, на дачу генерала Н. Н. Баратова.

О своих впечатлениях от этой поездки Колчак писал А. В. Тимиревой: «Место поразительно красивое, роскошная, почти тропическая растительность и обстановка южной Японии, несмотря на отвратительную, осеннюю погоду. Впрочем, и на Киу-Сиу (русское устаревшее название острова Кюсю, где Колчак был в японском плену весной 1905 года. — *Авт.*) в январе погода бывает не лучше. Меня удивили цветущие магнолии и камелии, покрытые прямо царственными по красоте белыми и ярко-розовыми цветами. Сопровождавший меня ординарец генерала Баратова... нарезал мне целую связку ветвей магнолий и камелий, покрытых полураспустившимися цветами. Вот не стыдно было бы нести их Вам... Как хотел бы я послать Вам эти цветы — это не фиалки и не ландыши, а действительно нежные, божественно прекрасные, способные поспорить с розами. Они достойны, чтобы, смотря на них, думать о Вас. Они теперь стоят передо мной с Вашим походным портретом, и они прелестны. Особенно хороши полураспустившиеся цветы строгой правильной формы, белые и розовые...»

За обедом великий князь и Колчак читали военные сводки с подробностями о взятии англичанами в Месопотамии Багдада и войсками генерала Баратова в Персии Керманшаха (25 февраля 1917 года). Ничто не предвещало надвигавшейся беды...

Неожиданно Колчак получил телеграмму из Севастополя, в которой сообщалось о том, что в Петрограде восстали войска, что существующая власть дезорганизована, что комитет Государственной думы взял на себя функции правительства.

— Прошу доложить великому князю, что я должен немедленно идти в Севастополь, и прошу меня больше не задерживать, — обратился Колчак с просьбой к начальнику штаба Николая Николаевича.

Тот немедленно доложил просьбу Колчака командующему, который вызвал Александра Васильевича.

Колчак показал ему телеграмму. Он прочел ее, пожал плечами и сказал:

— Мне ничего об этом не известно. Я вас больше не задерживаю, все вопросы мы с вами уже обсудили, свои требования и пожелания я высказал вам...

Колчак отправился на «Пронзительный» и в 11 часов вечера в этот же день вышел из Батума в Севастополь.

Тихая, облачная ночь, среди темных туч проглядывает луна, море совершенно спокойное, и только небольшая зыбь слегка раскачивает эсминец.

По пути перехватили сообщение константинопольской радиостанции на ужасном ломаном русском языке, с болгарскими оборотами. Оно рисовало потрясающую картину происходящих в Петрограде событий: началась революция, идут страшные бои, кровопролитие, кровопролитие...

Севастополь встречал Колчака облачной погодой с солнцем, но было прохладно, как в конце апреля или в начале мая на Балтике.

До сих пор линия судьбы Александра Васильевича Колчака совпадала с магистральной линией развития Российской империи, во славу которой он трудился честно, самоотверженно.

Глава 7

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Закончился 1916 год. Напряженность в стране, как и неудачи на фронте, нарастала. Война до предела обострила экономические, социальные и политические проблемы. В оппозиции царизму оказались все классы и партии, за исключением крайне правых.

В России Новый год отмечали по старому стилю, на 13 дней позже. «Без 10 мин. полночь, — записал Николай II в дневнике, — пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы Господь умилился над Россией!» В молитве звучала тревога...

Незадолго до этого бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков прислал царю письмо: если не остановить «врага внутреннего», Россия останется без монархии, «как купол без креста».

Царица настойчиво убеждала мужа в одном: «России нужен кнут». Она требовала от него: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех... Будь властелином, и все преклонятся перед тобой!»

А начальник московской охраны сообщал: «Подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали... Настроение 1905—1906 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным». Добросовестный чиновник Министерства внутренних дел написал на сем: «Больно осторожно составлен доклад, видимо, наиболее острые моменты в нем не отражены».

С трибуны Государственной думы звучали резкие речи о неспособности царя управлять страной, требования «ответственного министерства», то есть правительства, утвержденного думой и отчитывающегося

перед ней. Думские лидеры были уверены в своей способности, разделив власть с царем, преодолеть кризис и направить развитие страны на путь «цивилизации и порядка».

Незадолго до Нового года П. Н. Милюков — один из лидеров либеральной оппозиции, мечтавшей получить доступ к власти, — выступал в Государственной думе. Голос его прерывался от волнения. О чем говорил? О безобразиях в тылу и на фронте. Каждый пассаж своей речи завершал риторическим вопросом:

— Что это — глупость?.. Или измена?!

«Аудитория, — писал Милюков, — решительно поддерживала своим одобрением второе толкование».

Но бесплодность подобных речей становилась все более очевидной. «Я один из малых сил, что толкут воду в ступе, давая тем материал для газетных писаний и только дразня чаяния населения, воображающего, что дума что-то может, — сетовал один из либеральных думцев. — Ничего она не может, и мы напрасно сотрясаем воздух своими воплями».

В великосветских гостиных и либеральных салонах начали поговаривать о дворцовом перевороте. Но, как признавался Милюков, «не было серьезности во всех разговорах о готовящемся перевороте сверху». Судьбы России решались не салонной болтовней.

Обыватели проводили старый год, по общим отзывам, тихо. Не было того разгула и шума, как в былые времена. Хотя иллюминации на улицах Петрограда и Москвы не менее ярки, чем прежде, а рестораны, иллюзионы, театры, концерты по-прежнему стараются отвлечь от забот, от мыслей о нелепой войне, рождающей в одних ужас и отчаяние, в других желание найти выход, найти виновников бессмысленного кровопролития. Но ни балет в Большом театре, ни авторский концерт Сергея Рахманинова, ни открывшаяся выставка Сергея Коненкова, ни поэтические вечера Игоря Северянина, ни модный фильм «Ледяной дом», ни многое другое не могли никого заставить хоть на минуту забыть о войне.

Первый день Нового, 1917 года в России пришелся на воскресенье. С него началась 128-я неделя войны. Для русской армии этот день стал еще одним днем, проведенным лицом к лицу со смертью, без веры

в победу, но с неизменным — «Война до победного конца!».

Девиз все тот же. Лозунг все тот же. Лозунг остается в силе.

Верить во что бы то ни стало. Рассудку вопреки, наперекор стихиям.

А разбушевавшиеся стихии уже хлещут через борт российского корабля.

Все в мире повторяется. Так было, так будет.

Когда молодое вино цветет, старое уже бродит.

Лента на российском экране дрожит, мигает.

Что-то происходит в России...

Новый год многим представлялся годом перемен.

Известный поэт Велемир Хлебников длинным строением непонятных на первый взгляд дат подводил к обоснованию неизбежности скорого падения монархии. Даже такая правая газета, как «Новые дни», в номере от 3 января 1917 года писала: «Никогда еще житейские события не заставляли так близко чувствовать что-то высшее... А кто чувствует это высшее, величественное и грозное, тот полон озабоченности, какого-то священного беспокойства, тот и пылливо всматривается в даль будущего, ощущаемого в тревожности и необыкновенности каждого переживаемого дня...»

Ожидание выхода из создавшегося тупика проникло и в армию.

Настораживало все: и декабрьское убийство Распутина, и непрерывная смена министров, так называемая «министерская чехарда» (в январе вместо А. Ф. Трепова председателем Совета министров стал престарелый князь Е. Д. Голицын, вновь сменили военного министра, все больший вес приобретал ставленник Распутина А. Д. Протопопов). Совет министров иронически именовали «кувырк-коллегией».

Россия стояла накануне событий, которые должны были дать ответ на многие вопросы, выдвинутые жизнью.

Несмотря на грозные тучи на горизонте, начало 1917 года не предвещало грандиозного размаха надвигавшихся перемен. Еще в феврале никто не предполагал, что революция — дело ближайших дней. Наконец, грянул гром, и раскаты его из столицы разнеслись по всей России: в Петрограде произошла революция!

Оглядываясь на прошлое и думая, по-видимому, о близких себе по духу либеральных кругах, генерал А. И. Деникин высказал в «Очерках русской смуты» верную мысль: «Революцию ждали, но к ней не подготовился никто, ни одна из политических группировок. И революция пришла в ночи, застав их всех как евангельских дев, со светильниками погашенными. Одной стихийностью событий нельзя все объяснить, все оправдать. Никто не сделал заблаговременно общего плана каналов и шлюзов для того, чтобы наводнение не превратилось в потоп».

Трехсотлетний политический порядок в России рухнул в течение недели, и крутой поворот произошел в судьбе вице-адмирала А. В. Колчака.

...В кругах так называемого образованного общества очень долго — на протяжении нескольких поколений — накапливалось скептическое отношение к самодержавной системе, и когда эта, по распространенному убеждению, деспотическая власть с потрясающей простотой рухнула, искренний восторг охватил различные слои общества. Даже некоторые члены династии Романовых приветствовали февральские события.

Не пройдет и нескольких дней, как во главе гвардейского экипажа, предшествуемый знаменосцем с красным знаменем, великий князь Кирилл Владимирович, будущий зарубежный монарх не Божьей милостью, а самотеком, один из первых явится на поклон, присягать на верность новой власти.

Только левосоциалистические деятели, правильно уловив настроения в стране, сумели возглавить и направить общественное движение в необходимом для них направлении и надолго завладели властью. Участь всех остальных была незавидной. Голод, холод, лишения, преждевременная естественная и насильственная смерть. Многим удалось различными путями эмигрировать. На дальних и ближних от России «чужих берегах» осели бывшие сановники, офицеры, адвокаты, журналисты «со стойкой либеральной репутацией», обнищавшие «финансовые гении», носители громких аристократических фамилий и, конечно, многочисленные борцы за «Великую Россию» из числа обанкротившихся политических деятелей всех мастей. В течение нескольких десятилетий они яростно доказывали себе и другим, что вот их политические партии делали все

правильно, и, если бы им, честным и умным, не мешали, катастрофы бы не случилось. И тезис о том, что у кормила власти стояли «не те люди», делавшие «не ту политику», быстро был канонизирован мемуаристами.

Как надо было управлять необозримой империей, чтобы внести успокоение в сердца и души ее жителей, чтобы прекратились волнения и возмущения различных народов и племен, чтобы внутренние и внешняя политика находились в органическом взаимодействии, встречавшем понимание и одобрение российских подданных?

Как показала история, весь трагический опыт нашего века, ответов на эти вопросы не знали ни коронованные особы и их министры, ни либеральные и радикальные критики системы самодержавной власти, хотя лидеры оппозиции обладали удивительной самонадеянностью и постоянно декларировали, что им ведома истина в последней инстанции. Но ее не знал никто...

В конце XIX — начале XX века Россия походила на большой корабль. Он плыл не по воле стоявшей у штурвала команды, а в соответствии с непредсказуемыми течениями, определявшими и менявшими курс корабля. Были потеряны исторические цели, и в результате государственная машина работала часто на холостом ходу. Уже к началу XX века отчетливо обозначились признаки того, что принято называть кризисом власти.

Российская государственная самодержавная власть была цементирующим началом. Ее ослабление или отбрасывание неизбежно вело к ослаблению или даже распаду многоликой империи, которая волею исторических обстоятельств соединила в себе часто несоединимое. Колониальные окраины и метрополия развивались в рамках единой территории, достижения цивилизации и культуры соседствовали с невежеством и отсталостью, роскошь и изысканность — с нищетой и дикостью. Здесь вера и чувство доминировали над рассудком и трезвым расчетом. Одним словом, как сказал Федор Тютчев:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

За весь довольно продолжительный период правления Николая II лишь несколько первых лет можно назвать относительно спокойными, хотя и в это время происходили трагически-зловещие события, например, ходынская трагедия, когда в результате образовавшейся давки на коронационных торжествах в Москве в 1896 году погибли сотни людей. Большая же часть царствования — постоянные потрясения, бесконечные смуты, войны. По различным причинам недовольство охватывало все новые и новые круги общества, и на закате империи к числу недовольных относилось едва ли не все политически сознательное население страны. Убеждение в том, что Россией управляют «не так», стало всеобщим, а утверждения о том, что «хуже быть не может» и «так больше жить нельзя», сделались расхожими. Многие боялись и не хотели революции, помня трагические кровавые уроки 1905 года, но перемен желали если не все, то очень и очень многие.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война вызвала вначале кратковременный патриотический подъем. Однако по мере осложнения дел на фронте и утраты надежд на ее победоносное и скорое завершение общественные настроения стали меняться, окрашиваясь в мрачные тона. На высшее руководство страны, и в первую очередь на императора и его ближайшее окружение, стали возлагать ответственность за неблагоприятное течение дел. Уважение к царской особе — в значительной степени под влиянием нелегальной и полуполиальной антиромановской агитации — постепенно заменялось в общественном сознании критической оценкой. Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов считал, что «верховная власть перестала быть источником власти и света».

Через несколько часов после отречения от престола Николай Александрович Романов, превратившись из Николая II в «бывшего императора», записал в дневнике: «Кругом измена и трусость, и обман».

По замечанию русского мыслителя и провидца Н. А. Бердяева, «монархия в России пала сама, ее никто не защищал, она не имела сторонников».

Царь отрекся от престола за себя и за сына, и, вопреки закону о престолонаследии, передал корону брату Михаилу Александровичу, который после некоторых колебаний также отказался от нее и передал

этот вопрос на рассмотрение Учредительного собрания. Длительная историческая эпоха тронов и корон в России завершилась...

БЫЛИНА, СКАЗ, ЛЕГЕНДА, ПРЕДАНИЕ, трехсотлетие дома Романовых. Все кончается, умирает и гаснет, как гаснут огни рампы, огни императорского балета.

Легенда кончилась, началась заварушка.

Одна длилась столетия, другой отсчитано восемь месяцев.

Заварушка превратилась в драму, драма — в трагедию, а Учредительное собрание разогнал матрос Железняк. Почему и как это все произошло, объяснено в учебниках истории... Которая, как известно, время от времени выносит свой «беспристрастный приговор».

«Мягкотелый» князь Г. Е. Львов, историк П. Н. Миллюков, склонный к политическим авантюрам А. И. Гучков, социалист А. Ф. Керенский... Временное правительство...

Когда старая, убогая сединой, возвратившаяся из сибирской каторги Е. К. Брешко-Брешковская взяла за руку и возвела на трибуну, и по-матерински облобызала, и на подвиг благословила молодого Керенского, умиленному, восторгу и энтузиазму не было границ.

— При мне крови не будет! — нервно и страстно крикнул он.

И слово свое сдержал.

Кровь будет потом.

А пока была заварушка.

И вообще, все Временное правительство, с профессорами, гуманистами и присяжными поверенными, все это напоминало не ананасы в шампанском, как у Игоря Северянина, а ананасы в безбрежном океане неочищенного денатурата, в крестьянской, темной, забитой и безграмотной России на четвертый год изнурительной войны.

И вот поехало, пошло.

Сначала разоружили бородатых малиновых городовых.

Вместо полиции пришла милиция, вместо участковых — комиссариаты, вместо участковых приставов —

присяжные поверенные, которые назывались комиссарами. Примечание для любопытных: одним из них был некий Вышинский Андрей Януарьевич...

Вслед за милицией появилась красная гвардия.

И наконец, первые эмбрионы настоящей власти: советы рабочих и солдатских депутатов. Из эмбрионов возникли куколки, из куколок мотыльки с винтовками за плечами, с маузерами под крылышками.

Мотыльки стали разъезжать на военных грузовиках, лугать семечки, устраивать митинги, угрожать, вообще говоря — углублять революцию.

Керенский сначала убеждал, умолял, потом угрожал, но не очень. Тем более что ни убеждения, ни морали, ни угрозы не действовали.

Грузовиков становилось все больше и больше, солдатские депутаты приезжали с фронта толпами, матросы тоже не дремали.

А с театра войны приходили невеселые телеграммы. От генералов Алексева, Брусилова, Рузского, Эверта, от адмирала Колчака...

А всюду шли митинги, партийные собрания, совещания, заседания, что ни день возникали новые комитеты, советы, ячейки, боевые отряды...

А уличные демонстранты кричали во все горло:

— Товарищи, спасайте анархию! Анархия в опасности!..

Продолжение следовало...

НЕВОЛЬНО ПЕРЕД МЫСЛЕННЫМ ВЗОРОМ Колчака снова стали прокручиваться события, связанные с царской семьей.

По крайней мере, с детства ему внушалось, что царь — помазанник Божий. И на земле выше царя никого и ничего не бывает. А теперь все чаще слышится, что главный виновник всех бед и несчастий — царь. Кровопиец. «Кровавый Николашка»... Надо его уничтожить, и тогда кончится война, все разойдутся по домам и наступит мир и благоденствие на многострадальной русской земле.

Но все это воспринималось как-то абстрактно. Он несколько раз стоял перед живым царем, рассматривал его внимательно без особого умиленного восторга. Может быть, именно потому, что не ощущал величия,

мог спокойно разглядывать, примечая даже некоторые детали лица... Неужто этот рыжеватый, невысокого роста и не особенно крепкого телосложения мужчина, кроткий и какой-то робкий, и есть тот самый — кровопиец? И в его маленькой холеной ручке заключена такая адская сила, которая управляет жизнями миллионов людей?..

И еще непонятно Колчаку, зачем царь в августе 1915 года взял на себя непосильную ношу — Верховного главнокомандующего русской армией? Ведь, кажется, в этом деле он ничего не понимает. Издал приказ, в котором после официального текста собственноручно приписал: «С твердою верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамям земли Русской. Николай».

А если неудача в войне? С кого спрос? С него...

Ведь когда главнокомандующим был его дядя — великий князь Николай Николаевич, — тогда в случае поражения на фронте было с кого спросить. И народ верил, что царь спросит с виновных. А теперь как же?..

Может быть, на это его подбила царица?

Но с Александрой Федоровной, видимо, все значительно сложнее. Она женщина, по определению Колчака, дай Бог каждой. Да к тому же жена, императрица и мать, которая безумно любит единственного, долгожданного, после четырех дочерей, сына Алексея, наследника престола, продолжателя рода Романовых. А он болен неизлечимой болезнью... Опасаясь за его жизнь, царица часто и подолгу молилась, впадала в мистический экстаз. А тут молва по Петербургу прокатилась, что объявился человек из народа, из самых его глубин, да к тому же с божественной силой внушения.

Алексей в это время болел. Гришка Распутин пришел, посидел с ним, и цесаревич выздоровел... на этот раз.

Царица поверила в Гришку как в некоего мессию, который послан Богом, чтобы спасти Россию и династию, поверила, что судьба сына зависит теперь от этого человека. Вера давала ей возможность жить и надеяться на благополучный исход болезни сына. Все ее оправдание в том, что она мать.

Но в обществе и народе начал усиленно распро-

страняться слух, что именно порочная связь царицы с вором и разбойником Гришкой Распутиным и ее симпатии к Германии губят Россию и несут страшные бедствия.

Старец... Колчак знал, что в русской православной церкви есть такое понятие — духовный наставник. Он призван в нашем мире к тому, чтобы мы в минуты сомнений, печалей и страданий могли прибегнуть к его совету, указывающему путь к спасению души. Старец — хранитель памяти народа, его идеалов, преданий и традиций. Некоторых старцев канонизируют как святых православной церкви. Истинные отшельники-старцы пребывают затворенными в кельях. Живут в посте и молитве до конца своих дней. Пищу получают через окошко в келье, которое является единственным связующим звеном их с внешним миром.

А Гришка Распутин?.. Он не походил не только на истинного старца, но даже на его бледную тень. Вор и грабитель, пьяница и развратник. Приобретя неограниченную власть над владычицей русского престола, он начал с жадностью выкачивать из нее блага жизни. Не обладая ни благородством, ни мужеством, не говоря уже об образованности, тасканный мужик в смазанных дегтем сапогах, с архиерейскими прошлым и настоящим властвовал негласно и в то же время открыто и нагло над Россией в течение более десятка лет. «Вот парадокс, которого не припомнит, наверное, ни один народ в мире, — подумал Колчак. — Кроме, конечно, нашего...»

И еще. Ну пусть прибыла бы Александра Федоровна во главе высочайшего семейства на фронт, кто против, хотя, откровенно говоря, зачем ей это нужно, тоже непонятно. Ну ладно, приехала, показала подданным свою царственную красоту, налюбовалась восторгом изголодавшихся по женщинам русских воинов и поезжай себе дальше, дразни воспаленное воображение других фронтовых частей. Так нет же, ей вздумалось пригласить на прогулку главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта Алексея Алексеевича Брусилова и, беседуя с ним с глазу на глаз, начать выпрашивать о сроках наступления войск. Да еще и советы давать, чтобы Брусилов обязательно опередил неприятеля. Все это на первый взгляд странно и непонятно, но в то же время вполне объяс-

нимо, если учесть, о чем толкуют на каждом перекрестке...

«Не лезть бы царице ни в какие мужские дела, — думал Александр Васильевич, — а заниматься нарядами да детьми, храня домашний очаг. Да дорогими игрушками забавляться. Вроде той, которую подарил ей августейший супруг на Пасху 1906 года. Пасхальное яйцо с бриллиантами, размером с гусиное, а то и поболее. Отроешь его, а там лебедь по озеру плавает. Заведешь специально встроенный в яйцо механизм — лебедь начинает крылья расправлять и, поворачивая голову влево-вправо, плывет по озеру...»

Может быть, случайное совпадение, но как раз в то время готовилось одновременное наступление трех фронтов: Западного, Северо-Западного и Юго-Западного. Тогда, в мае 1916 года, Юго-Западный фронт должен был нанести вспомогательный, отвлекающий удар. А главный удар поручался Западнему фронту. Юго-Западный фронт, взломав оборону противника, успешно продвигался вперед. Ждал, что вот-вот войдут в бой основные силы Западного фронта, предназначенные для главного сокрушительного удара. Но Западный фронт даже с места не двинулся и обрек на поражение не только известный в истории «прорыв Брусилова», но и всю Россию.

Нелепей ситуацию трудно придумать!..

А ведь разгром Австрии и Германии казался неминуемым. Русские войска раздавили бы их, ослабленных, парализованных, выдохнувшихся. «Это было критическое время, — признавался позже бывший начальник штаба Восточного фронта немецкий генерал Эрх Лютендорф. — Мы израсходовали все наши средства, и мы хорошо знали, что никто не придет к нам на помощь, если русские пожелают нас атаковать». Но этого, как видно, кое-кто из могущественных людей в России не желал. И получилось так, что ситуация, сложившаяся на фронте к маю 1916 года, разрешилась катастрофой не только для армии, но для всей России.

Значит, кому-то это было нужно и выгодно? Значит, кто-то готовил глобальную интригу и успешно ее проводил? Значит, все зря — пролитая русская кровь, загубленные жизни, искалеченные судьбы... Ни света, ни надежды на спасение и умиротворение. Только ужас и мерзость бойни. И накопление гнева. Такое состоя-

ние долго продолжаться не могло. И взрыв произошел...

А что теперь?

КОГДА СОВЕРШИЛСЯ ПЕРЕВОРОТ, Александр Васильевич Колчак посчитал себя свободным от обязательств по отношению к прежней власти. Его позиция определялась следующим: «Я видел, — для меня было совершенно ясно уже ко времени этого переворота, — что положение на фронте у нас становится все более угрожающим и тяжелым и что война находится в положении весьма неопределенном в смысле исхода ее. Поэтому я приветствовал революцию, как возможность рассчитывать на то, что она внесет энтузиазм, — как это и было у меня в Черноморском флоте вначале, — в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего — и образа правления, и политических соображений».

Для Колчака было ясно, «что монархия не в состоянии довести эту войну до конца, и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну».

Адмирал «признал Временное правительство, считал, что, как временная форма, оно является при данных условиях желательным; его надо поддерживать всеми силами; что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в учредительном органе форму правления». И какую бы форму он ни выбрал, Колчак готов был подчиниться. Для него было ясно: «восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию... уже не выбирают». Колчак считал, что с этим вопросом покончено, и думал, что, вероятно, «будет установлен какой-нибудь республиканский образ правления», отвечающий потребностям страны.

«...Я считал необходимым поддерживать Временное правительство совершенно независимо от того, какое оно было, так как было время войны, нужно было, чтобы власть существовала, и как военный, я считал нужным поддерживать ее всеми силами».

Такова была тогдашняя психология морских офицеров. Они присягали царю и Отечеству. Царь отрекся

от престола и повелел служить новому правительству. Царя не стало. Но осталось Отечество. Что следовало делать? Могло быть только два решения: оставить службу (но тогда флот потеряет боеспособность, и это только приблизит наступление анархии) или оставаться исполнять служебный долг во имя родины.

По свидетельству начальника штаба Черноморского флота контр-адмирала М. И. Смирнова, адмирал Колчак, сознавая громадную нравственную ответственность за флот и не считая возможным продолжать ее нести в случае отказа личного состава флота от выполнения боевых приказов, направил Верховному главнокомандующему и морскому министру доклад, в котором определил свою позицию в сложившейся ситуации. Колчак писал, что он командует флотом до тех пор, пока не наступит одно из следующих трех обстоятельств: отказ любого корабля выйти в море или исполнить боевой приказ, смещение с должности без согласия командующего флотом кого-либо из начальствующего состава вследствие требования сверху или снизу, арест подчиненными своего начальника. В случае наступления одного из указанных обстоятельств, Колчак складывал с себя обязанности командующего флотом и спускал свой флаг.

На Черноморском флоте события поначалу развивались менее драматично, чем в Гельсингфорсе — главной базе Балтийского флота, Кронштадте или Ревеле. Сам Колчак объяснял это не только отдаленностью от главных центров революционного брожения, но и тем, что корабли Черноморского флота, в отличие от Балтийского, все время действовали в море, а не стояли месяцами в портах.

Действительно, к моменту февральской революции в Крыму было мало членов большевистской партии и не было ни одной оформленной партийной организации. Первой, в апреле 1917 года, оформилась севастопольская организация. В других крымских городах они появились позднее: летом — осенью.

В общеполитическом движении весной 1917 года в Крыму принимали участие все слои населения. В массовом порядке стали возникать различные партии, союзы, общества. В одном только Севастополе подвизалось на политической арене свыше двух десятков партий и организаций. Кого только здесь не было:

октябристы, кадеты, трудовики, эсеры, меньшевики, анархисты, земцы, кооператоры, дашнаки, бундовцы, сионисты, национальные союзы женщин, союзы молодежи и т. д., и т. п. Даже служители культа — дьяконы и псаломщики пытались объединиться в союз для защиты своих материальных интересов.

Первые месяцы после февральской революции в массовых организациях Крыма преобладало влияние эсеров и меньшевиков, которые находили поддержку и в среде рабочих, солдат, матросов. Большинство населения оказалось захваченным «революционным оборончеством». Многие исходили в оценке войны из факта нападения врага, считали, что необходимо продолжать войну для защиты завоеваний революции. Такие настроения особенно были распространены среди матросов и солдат Севастополя.

Когда 1 марта А. В. Колчак вернулся из Батума в Севастополь, первое что он сделал — это спросил у своего начальника штаба:

— У вас есть какие-нибудь сведения о происходящих событиях?

— Никаких определенных сведений нет. Я только знаю, что в Петрограде происходит какое-то восстание войск... Больше я ничего не знаю...

Вечером Колчак получил телеграмму от главы Временного исполнительного комитета Государственной думы М. В. Родзянко. Тот, по свидетельству Колчака, извещал, что «правительство пало, что власть перешла к комитету Государственной думы, и что он просит меня соблюдать полное спокойствие, помятуя, что все идет к благу родины, что прежнее правительство, оказавшееся несостоятельным, будет заменено новым, и что он просит меня принять меры, чтобы не было никаких осложнений и эксцессов».

По воспоминаниям М. И. Смирнова, «телеграмма заканчивалась призывом к флоту соблюдать спокойствие и продолжать боевую работу и выражала надежду, что все скоро войдет в нормальное русло». Смирнов по прямому телеграфному проводу тут же связался со ставкой. Там ему сообщили, что обстановка пока неясна и потому никаких указаний пока не дается.

— Вслед за этим, — рассказывал позже Колчак, — был получен целый ряд радио из Константинополя, которые сообщали о том, что на фронте и в армии

происходят бунты, что немцы победоносно продвигаются вперед и что в Балтийском флоте происходит полное восстание и избиение офицеров. Я лично сразу же отнесся к этому константинопольскому радио как к совершенно определенной провокации, но препятствовать передаче было совершенно невозможно, так как все радио принимаются на судах дежурными телеграфистами.

Тогда командующий флотом издал приказ, в котором разъяснял, что «такие радио даются нашим врагом, очевидно, не для того, чтобы сделать для нас что-нибудь полезное», и обратился ко всем командам с требованием верить ему, его сообщениям. Со своей стороны, Колчак обещал немедленно оповещать команды обо всем, что ему самому станет известно, просил «не придавать никакого значения слухам», верить своим начальникам, а не посторонним агитаторам.

После этого Колчак собрал на совещание старших начальников флота, крепости и порта, информировал прежде всего их, чтобы они могли сообщить о петроградских событиях офицерам, которые, в свою очередь, готовы были бы разъяснить как следует смысл происходящего своим подчиненным. Офицерам надлежало поступать таким образом и дальше, чтобы известия приходили к матросам от их прямых командиров, а не со стороны. Старшим начальникам все важнейшие сведения штабом флота должны были сообщаться немедленно. Выслушав мнение присутствовавших, командующий решил отдать приказ по флоту, опубликованный в прессе 3 марта. Приказ гласил:

«В последние дни в Петрограде произошли вооруженные столкновения с полицией и волнения, в которых приняли участие войска Петроградского гарнизона. Государственной думой образован временный комитет, под председательством председателя Государственной думы Родзянко, для восстановления порядка.

Комитет поставил целью установлением правильной деятельности в тылу и поддержанием дисциплины в воинских частях довести войну до победного конца. Войска гарнизона Петрограда восстановили порядок.

В ближайшие дни преувеличенные сведения об этих событиях дойдут до неприятеля, который постарается

ими воспользоваться для нанесения нам неожиданного удара. Такая обстановка требует от нас усиленной бдительности и готовности в полном спокойствии сохранить наше господствующее положение на Черном море и приложить все труды и силы для достойного Великой России окончания войны. Пусть каждый помнит, что мы являемся не только защитниками своего побережья, но и способствуем боевым подвигам наших доблестных армий, а наша боевая работа и готовность непосредственно влияют на успех войны.

Приказываю всем чинам Черноморского флота и вверенных мне сухопутных войск продолжать твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед Государем Императором и Родиной.

Приказ прочесть при собраниях команд на кораблях, в ротах, сотнях и батареях, а также объявить всем работающим в портах и на заводах».

2 и 3 марта состоялись отречения от верховной власти Николая II, наследника и великого князя Михаила Александровича. Но из-за перерыва в телеграфном сообщении со ставкой извещение об отречении от престола великого князя Михаила Александровича было получено Колчаком с опозданием в несколько дней, и по его приказу началось приведение команд к присяге на верность государю императору Михаилу Александровичу, которое проходило без каких-либо осложнений. Приведение к присяге новому императору было прекращено после восстановления действия прямого провода со ставкой и получения известия об отречении от престола великого князя Михаила Александровича.

Затем в штаб Черноморского флота поступила телеграмма председателя Временного правительства и министра внутренних дел князя Г. Е. Львова об обнародовании этого правительства.

Колчак собрал команды на своем флагманском корабле «Георгий Победоносец», прочел им телеграмму князя Львова и сказал:

— В настоящее время прежней власти не существует, династия, по-видимому, кончила свое существование, и наступает новая эпоха. Каковы бы ни были у нас взгляды, каковы бы ни были наши убеждения, но мы ведем войну и потому имеем обязательства не только перед правительством или той властью, которая существует, но мы имеем большие обязательства и перед

нашей родиной. Какое бы правительство ни существовало у нас, оно будет продолжать войну, и мы будем выполнять свой долг так же, как и до этого времени...

Далее он подчеркнул, что сейчас правительству будет чрезвычайно тяжело, а поэтому необходимо оказать ему помощь и поддержку.

— Я первый стою за это правительство и считаю необходимым в ближайшие дни присягнуть ему на службу...

К прежней славе Колчака как «героя Рижского залива» добавилась слава о нем как о «первом адмирале, примкнувшем к народному правительству».

Командующий флотом с первых дней петроградских волнений надежно взял инициативу в свои руки, изо дня в день информировал подчиненных о развитии событий, а затем первый принял присягу новому правительству и организовал 5 марта парад войск по случаю победы революции. По указанию Временного правительства вице-адмирал А. В. Колчак издал приказ о выборах флотских комитетов в Севастополе, Одессе и других портовых городах, работал в тесном контакте с севастопольским советом рабочих и солдатских депутатов, выступал на митингах. Он разъяснял матросам то, что происходит, делился с ними личными соображениями относительно того, что может быть дальше, но при этом неизменно указывал:

— Пока война не закончена, я требую, чтобы вы выполняли свою боевую работу так же, как выполняли ее раньше, чтобы в этом отношении всеми, начиная с командного состава и кончая самым младшим матросом, мне была бы оказана помощь, чтобы у меня была уверенность, что каждое мое приказание, относящееся до боевых действий флота, будет немедленно выполнено.

Ему обещали; в этом отношении Колчак не мог сделать упрека никому из личного состава команд кораблей.

Всеобщее одобрение вызвало его решение присвоить Дому офицеров флота в Севастополе имя лейтенанта Петра Шмидта — руководителя восстания на крейсере «Очаков» в 1905 году, расстрелянного по приговору суда в 1906 году. Позже при поддержке А. В. Колчака было проведено торжественное перезахоронение останков П. Шмидта, а также домашние

аресты членов императорской фамилии и обыски в их крымских имениях.

Был получен в Севастополе и «знаменитый» приказ № 1 за подписью Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, опубликованный 2 марта и в тот же день переданный царскосельской радиостанцией во все армии, гарнизоны и флоты. Фактически это было постановление собрания солдатских представителей о правовом положении солдат в армии. Согласно этому постановлению, отменялись все установленные при старом, царском режиме внешние знаки подчиненности солдат, как, например, вставание во фрунт и отдавание чести вне службы, титулование офицеров «благородием» и «превосходительством», обращение к солдатам на «ты» и т. д. Наиболее важным требованием этого приказа надо признать запрещение выдавать офицерам винтовки, пулеметы и прочее. Далее устанавливалось, наряду с обязательством строжайшей дисциплины при выполнении служебных обязанностей, полное гражданское равноправие солдат с офицерами в частной и общественно-политической жизни. Для многих этот приказ стал руководством к действию, но только не для Колчака.

Когда на одном из митингов Колчака спросили, как он относится к этому приказу, вице-адмирал ответил:

— Для меня этот приказ, отданный советом рабочих и солдатских депутатов, не является ни законом, ни актом, который следовало бы выполнять, пока он не будет санкционирован правительством, так как, в силу настоящего положения, советы рабочих и солдатских депутатов могут собираться в любом месте, в любом городе. И почему в таком случае приказ Петроградского совета является обязательным, а не обязателен приказ совета в Одессе или в другом месте? Во всяком случае, я считаю, что этот приказ не имеет для меня никакой силы, и я буду выполнять только те приказы, которые буду получать или от правительства, или от ставки.

К этому заявлению матросы отнеслись вполне спокойно. А когда вскоре пришло разъяснение и дополнение к этому приказу (приказ № 2 от 5 марта) за подписями исполнительного комитета Петроградского совета и военного и морского министра Временного

правительства А. И. Гучкова, Колчак без возражений провел в жизнь новый приказ. Он понимал, что дисциплинарную власть и меры принуждения по отношению к подчиненным уже не вернешь. Оставалось только одно: для поддержания хотя бы внешнего порядка приложить все старания для усиления нравственного влияния офицеров на команды. Личного авторитета А. В. Колчака и его нравственного влияния на какое-то время хватало.

В первые дни после падения монархии популярность вице-адмирала в матросской среде еще сохранялась, он даже сыграл положительную роль в создании Центрального военного исполнительного комитета флота. Колчак быстро приспособился к новой ситуации и потому смог спасти Черноморский флот от тех кошмаров, которые выпали на долю Балтийского флота. Черноморские матросы были настроены весьма патристически и горели желанием вступить в схватку с противником, только и говорили, что о высадке десанта на Босфоре. На фронт и в Петроград была даже направлена так называемая «Черноморская делегация» с наказом убедить солдат вернуться к выполнению своего долга и заявить Временному правительству о своей верности ему. Сам вице-адмирал Колчак позже рассказывал:

— Первое время отношения между мной и комитетами были таковы, что все постановления комитета были легализованы. Моим приказом было назначено время выборов лиц в эти комитеты, в состав которых входили офицеры и команда. Первое время отношения были самые нормальные. Я считал, что в переживаемый момент необходимы такие учреждения, через которые я мог бы сноситься с командами. Больше того, я скажу даже, что вначале эти учреждения вносили известное спокойствие и порядок. Дело было поставлено таким образом, чтобы все постановления комитета мне докладывались. Ко мне являлись периодически, несколько раз в неделю, либо председатель комитета, либо его заместитель, приносили постановления комитета и спрашивали меня, с какими я согласен или какие считаю неприменимыми в силу известных обстоятельств. Некоторое время такой порядок и существовал. С некоторыми постановлениями я соглашался, некоторые предлагал снова пересмотр-

реть, а некоторые считал невозможными для осуществления. Таким образом, в этом отношении работа не вызвала никаких трений. Так продолжался первый месяц...

Рабочие севастопольского порта также образовали у себя совет рабочих депутатов, который не слился с флотским комитетом и существовал некоторое время самостоятельно. Рабочие заявили, что будут поддерживать командующего Черноморским флотом во всех его военных начинаниях, даже вначале отказались от восьмичасового рабочего дня и обещали работать столько, сколько потребуется для нужд флота. Со своей стороны, Колчак всегда шел им навстречу в тех экономических вопросах, которые мог разрешить своей властью, другие направлял на рассмотрение в ставку или в Петроград правительству.

Но были и осложнения. На линкоре «Императрица Екатерина Великая» во время митинга матросы потребовали убрать с корабля офицеров с немецкими фамилиями, обвиняя их в шпионаже, а мичмана Фока — даже в попытке взорвать корабль, после чего тот застрелился у себя в каюте. «Узнав об этом, — свидетельствует М. И. Смирнов, — адмирал Колчак отправился на этот корабль, разъяснил команде глупость и преступность подобных слухов, в результате которых погиб молодой офицер, храбро сражавшийся в течение всей войны. Команда просила прощения».

В этот же день Колчак собрал представителей кораблей, береговых команд и севастопольского гарнизона. Впервые в его присутствии против него резко выступил один из матросов. Но и здесь Колчак одержал победу, терпеливо объяснив, в чем матрос заблуждается.

«К вечеру с некоторых кораблей поступили известия, — пишет в своих воспоминаниях М. И. Смирнов, — что настроение команд улучшается, команды заявляют о необходимости воевать и беспрекословно подчиняться офицерам. Казалось, что речь адмирала делегатам от команд оказала хорошее влияние». Однако вскоре была получена телеграмма об убийстве матросами командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. И. Непенина. «Это известие еще ухудшило состояние духа А. В. Колчака, и он высказал мысль,

что при таком настроении команд и крушении дисциплины нельзя продолжать вести войну».

Сам Колчак признавался, что к обстановке, в которой ему приходилось тогда работать, он относился действительно «холодно и спокойно», оценивая ее «без всякой художественной тенденции».

11 марта Колчак писал А. В. Тимиревой:

«...Я поставил первой задачей сохранить в целости вооруженную силу, крепость и порт, тем более что я получил основание ожидать появления неприятеля в море после 8 месяцев пребывания его в Босфоре. Для этого надо было прежде всего удерживать командование, возможность управлять людьми и дисциплину. Как хорошо я это выполнил — судить не мне, но до сего дня Черноморский флот был управляем мною решительно, как всегда; занятия, подготовка и оперативные работы ничем не были нарушены, и обычный режим не прерывался ни на один час. Мне говорили, что офицеры, команды, рабочие и население города доверяют мне безусловно, и это доверие определило полное сохранение власти моей как командующего, спокойствие и отсутствие каких-либо эксцессов. Не берусь судить, насколько это справедливо, хотя отдельные факты говорят, что флот и рабочие мне верят».

Колчак правильно оценил события и тем самым сумел овладеть начавшимся брожением, готовым перейти в бессмысленную вспышку, подчинить его своей воле, объединить вокруг себя людей. Правда, как он сам признавал, «были часы и дни, когда я чувствовал себя на готовом открыться вулкане или на заложенном к взрыву пороховом погребе», и не мог ручаться, «что таковые положения не возникнут в будущем». Но считал, что «самые опасные моменты, по-видимому, прошли». Он глубоко ошибался.

Командующего флотом очень беспокоило и то обстоятельство, что противник, зная о происходящих в России революционных событиях, придет к заключению о полном развале русского флота и начнет активные военные действия на море. Поэтому, предварительно разъяснив командам мотивы своих действий: «чтобы противник знал, что революция — революцией, а если он попытается явиться в Черное море, то встретит там наш флот», — А. В. Колчак решил пока-

заться с флотом около турецких берегов по обе стороны от входа в Босфор.

Вечером 11 марта вице-адмирал Колчак на линейном корабле «Императрица Екатерина Великая» с отрядом гидрокрейсеров, крейсеров и миноносцев вышел в море. Всю ночь шли в густом тумане. Под утро прояснилось, но на подходе к Босфору опять вошли в непроглядную полосу тумана. Колчаку донесли, что в тумане виден какой-то силуэт. Направились к нему. Оказалось, это довольно большой парусник. Колчак приказал эсминцу «Гневному» утопить его. Экипаж парусника заблаговременно сел в шлюпку и отошел в сторону. После пяти-шести выстрелов парусник исчез под водой. Гидрокрейсера, как и предполагал Колчак, из-за сильного тумана не выполнили задание — командующий приказал продолжить завтра, пока не выполнят.

Последние дни А. В. Колчак мало спал. Ежедневная, буквально ежечасная необходимость решать не свойственные ему, как командующему флотом, задачи и проблемы общественно-политического характера вымотали Колчака, и теперь в открытом море в темную мгlistую ночь он чувствовал себя смертельно уставшим, по крайней мере физически. Очень хотелось спать. Но еще сильнее ему хотелось говорить с Анной Тимиревой.

Он думал о ней всегда и везде: и там, в Севастополе, в те часы и минуты, когда «наступали перерывы между событиями, телеграммами, радио- и телеграфными вызовами, требующими тех или иных поступков или распоряжений», и здесь — в море.

Ночь. За бортом линкора «Императрица Екатерина Великая» темное и таинственное море. На западе, у Босфора, затаился противник. До рассвета осталось около четырех часов. Что произойдет потом, Колчак не знает. Может быть всякое. Надо хоть немного поспать. Но он сидит в своей каюте и «с глубоким обожанием и глубокой благодарностью» смотрит на фотографию Анны Васильевны. И пишет, пишет...

На небольших листках из блокнота в ночном безмолвии появляются все новые и новые буквы, которые быстро складываются в слова, а те — в предложения: редко в четкие и короткие, чаще — в длинные, запутан-

ные, выдающие тяжелое душевное состояние их автора. Стараясь более четко выразить свои мысли, Колчак что-то нервно зачеркивает из уже написанного, кое-что исправляет, то тут, то там делает вставки по тексту — он «разговаривает» с Анной Васильевной.

Колчак пишет это письмо уже вторую ночь в море, пишет своим ужасным почерком, пишет о накопившемся на душе за первые десять мартовских дней. Он просит у нее сочувствия, понимания, оправдания или порицания своих поступков и мыслей. Он беспредельно откровенен, как на исповеди, не лукавит, он выворачивает перед ней душу, все, о чем никому не расскажешь, кроме очень близкого и любимого человека.

«...Я опять думаю о том, где Вы теперь, что делаете, все ли у Вас благополучно, что Вы думаете. Я, вероятно, надоедаю Вам этими вопросами. Простите великодушно, если это Вам неприятно. Последнее время я фактически ничего о Вас не знаю. Последнее письмо Ваше было написано 27-го февраля, а далее произошел естественный перерыв, но в этой естественности найти утешение, конечно, нельзя. За это время я, занятый дни и ночи непрерывными событиями и изменениями обстановки, все-таки ни на минуту не забывал Вас, но понятно, что мысли мои не носили розового оттенка (простите это демократическое определение). Вы знаете, что мои думы о Вас зависят непосредственно от стратегического положения на вверенном мне театре. Судите, какая стратегия была в эти дни. Правда, я сохранил командование, но все-таки каждую минуту могло произойти то, о чем и вспоминать не хочется.

...Кроме неопределенной боязни и тревоги за Вас лично, мысль, что Вы забудете меня и уйдете от меня совсем, несмотря на отсутствие каких-либо оснований, меня не оставляла, и под конец я от всего этого пришел в состояние какого-то спокойного ожесточения, решив, что, чем хуже, тем лучше. Только теперь, в море, я, как говорится, отошел и смотрю на Вашу фотографию... Ужасно хочется спать. Надо кончать свое писание. Нет никаких мыслей, только спать».

Колчак проспал девять часов подряд. День 13 марта выдался ясный, солнечный, на море штиль, мгла на далеком горизонте. Гидрокрейсера продолжают опе-

рацию у Босфора: ставят новые мины, обстреливают и бомбят с самолетов побережье. Колчак с остальными кораблями прикрывает их на случай появления флота противника. Вскоре появились неприятельские самолеты и подводные лодки. Колчаку пришлось носиться полным ходом и постоянно маневрировать. Самолеты противника несколько раз пытались совершить атаки на гидрокрейсера, но близко к ним не подлетали. Лишь к вечеру удалось закончить операцию, потеряв один самолет. Пора возвращаться в Севастополь. Ночь очень темная, без звезд, но море тихое и спокойное.

А. В. Колчак испытывал разочарование. Он два дня открыто действовал у Босфора, но флот противника так и не вышел с ним сразиться. «Сушон (командующий германо-турецким флотом в Средиземном море, немецкий вице-адмирал. — *Авт.*) меня решительно не любит, — писал Колчак Анне Васильевне, — и если он два дня не выходил, что ему надобно?..»

Колчак считал, что подводные лодки — «большая гадость» — и самолеты «портят всю поэзию войны».

«...Я читал сегодня историю англо-голландских войн, — писал он Тимиревой на корабле, возвращаясь в Севастополь, — какое очарование была тогда война на море. Неприятельские флоты держались сутками в виду один у другого, прежде чем вступали в бой, продолжавшиеся 2—3 суток с перерывами для отдыха и исправления повреждений. Хорошо было тогда. А теперь: стрелять приходится во что-то невидимое, такая же невидимая подлодка при первой оплошности взорвет корабль, сама зачастую не видя и не зная результатов, летает какая-то гадость, в которую почти невозможно попасть. Ничего для души нет... Современная морская война сводится к какому-то сплошному беспокойству и... предусмотрительности, так как противники ловят друг друга на внезапности, неожиданности и т. п. Я лично стараюсь принять все меры предупреждения случайностей и дальше отношусь уже по возможности с равнодушием. Чего не можешь сделать, все равно не сделаешь. Вы не сердитесь на меня, Анна Васильевна, за эту болтовню? Мне хочется говорить с Вами — так давно не было от Вас писем, — кажется, точно несколько месяцев. Я как-то плохо

начал представлять Вас — мне кажется, что Вы стали другой, чем были год тому назад. Но я начинаю говорить вздор и кончу письмом».

14 марта А. В. Колчак писал:

«Сегодня надо проделать практическую стрельбу. Утром отпустил крейсера, переменял миноносцы у «Екатерины» и отделился. Погода совсем осенняя, довольно свежо, холодно, пасмурно, серое небо, серое море. Я отдохнул эти дни и без всякого удовольствия думаю о Севастополе и политике. За три дня, наверное, были «проншествия», хотя меня не вызывали в Севастополь...»

А. В. Колчак уже предчувствовал грядущие перемены, ощущал неумолимо приближавшуюся катастрофу, понимал, что его авторитет и влияние могут исчезнуть в любую минуту и тогда ему придется иметь дело с бунтом на флоте в военное время в десяти часах перехода от сосредоточившегося для выхода в море противника. В конце концов это привело его «в состояние какого-то не то спокойствия, не то странной уравновешенности». Точнее он объяснить не мог. «Делаешься какой-то машиной, отлично все соображаешь, распоряжаешься, но личного чувства нет совсем — ничто не волнует, не удивляет, создается какая-то объективность с ясной логикой и какая-то уверенность в себе».

С думами об Анне Васильевне, с беспокойством и тревогой за нее в эти невеселые дни возвращался Александр Колчак в Севастополь...

НАСТУПИЛ АПРЕЛЬ 1917 ГОДА. Жизнь, казалось, постепенно входила в берега. Никого уже не удивляло отсутствие городских. Вместо «Боже, царя храни» оркестры гремели «Марсельезу», красные банты украшали шинели, тужурки, фраки. Вместо слова «господин» говорили «гражданин» и даже «товарищ». Газеты выходили с кричащими заголовками о свободной России, о наступлении «царства свободы», «эры всеобщего братства». Слова «митинг», «революция», «комитет», «комиссар» стали распространенными, даже модными.

Но обыватель, во все времена умевший обживать-

ся, знал, что главное — зреть в корень. А тут переменялось не так уж много. В тех же газетах, как в добрые старые времена, печатались сотни объявлений, свидетельствовавших о том, что обычная деловая и торговая жизнь идет своим чередом.

Страницы многих изданий захлестнула бульварщина. Интимные «тайны дома Романовых» знали теперь все. Имена Распутина, Вырубовой, Протопопова и других варьировались в самых щекотливых сочетаниях, и обывателю становилось «совершенно ясно», почему, отчего и зачем произошла революция: невозможно было терпеть «темные» силы, во главе с Распутиным, управлявшие страной. Теперь они устранены и требуется только одно: единение всех в свободной, обновленной России, управляемой Временным правительством.

По вечерам сверкали огнями театры, из которых выходили шикарно одетые дамы и господа. Народ попроще валил в кинематографы и цирки, где особым успехом пользовались соревнования по борьбе на первенство мира 1917 года. Шли решающие схватки, публики, лужая семечки, бешено аплодировала.

На политическом небосклоне появились новые «звезды». Афиши пестрели именами П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского, Н. С. Чхеидзе, союзных послов и парламентариев — Дж. Бьюкенена, Д. Фрэнсиса, Д. О'Греди и других. В один голос они призывали к сплочению классов «во имя завоеваний свободы» и победы над кайзеровской Германией.

Но если инертная, обывательская масса, приспособляясь к некоторым действительным новшествам, засасывалась в житейское болото или выжидала, то социально активные элементы в обстановке послефевральской политической свободы ускоренными темпами консолидировали свои силы. При этом не менее быстро шел процесс их поляризации. На левом фланге скапливались те, чьи коренные интересы не были или практически не были удовлетворены с падением царизма. Тот, кто пропал в грязных окопах при царском режиме, так и остался в них при новом, Временном правительстве: война продолжалась, и ей не видно было конца.

На правом фланге концентрировалась реакция, бое-

вую силу которой составляли монархически настроенные генералитет и офицерство. По их представлениям, Временное правительство все отчетливее проявляло свою неспособность стабилизировать положение в стране и укрепить «порядок» в тылу и на фронте. Революция представлялась им анархией, угрожавшей разрушить все привычные государственные основы, а потому с ней надо бороться, пока тайно и конспиративно.

В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ НЕДЕЛЬ ПОСЛЕ февральского переворота комитеты, советы и всякого рода солдатские и матросские организации охватили широкой сетью почти все части вооруженных сил страны. Были, конечно, исключения, но в большинстве случаев комитеты вмешивались во все детали армейской жизни, создавая полный сумбур в отношениях между офицерами и солдатами. Правительство, невзирая на войну, давало свою санкцию на превращение армии в арену политической борьбы. Комитеты вскоре добились права смещать офицеров и выбирать на их место угодных себе людей. В армии и на флоте вместо одной появились три разнородные, взаимно исключаящие друг друга власти: командир, комитет, комиссар. Три власти призрачные. А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью — власть толпы.

Германский генштаб за время войны потратил немало средств и усилий на русскую революцию. Особенно мечтал о ней немецкий генерал Э. Людендорф, и, когда революция наступила, «огромная тяжесть свалилась у меня с плеч», — писал он в своих воспоминаниях.

А вот еще выдержки из воспоминаний Людендорфа:

«Посредством пропаганды надо было развить в русской армии тяготение к миру в непосредственной и резкой форме».

«Нашей первой задачей являлось внимательно следить за процессом разложения России, содействовать ему и идти навстречу ее попыткам найти почву для заключения мира».

«Мы с уверенностью учитывали, что революция

понижит боеспособность русской армии, наши предположения осуществились».

«На всем огромном протяжении фронта постепенно установились оживленные отношения между неприятельскими и нашими окопами. Мы продолжали укреплять в русской армии жажду мира».

С момента переворота немецкий генштаб систематически проводил политику братания на русском фронте. Методичные немцы выработали соответствующие инструкции для своего командного состава, посылали в русские окопы надежных людей, знавших русский язык. Пропаганда мира шла по определенному трафарету — говорилось о бесцельности войны. Пораженческая литература, изготовленная в Германии, сотнями тысяч экземпляров распространялась в русских окопах. Немцы утверждали, что война выгодна лишь Временному правительству и генералам. А потому, чтобы ликвидировать войну, следовало ликвидировать и правительство, и русский офицерский корпус. Одним словом, проповедовался мир на фронте и война в тылу.

Ту же идею — прекращение внешней войны и замену ее классовой борьбой внутри России — развивал с невероятной энергией приехавший из Швейцарии через Германию Ленин.

«Отправлением в Россию Ленина, — писал генерал Людендорф, — наше правительство возложило на себя огромную ответственность. С военной точки зрения, его приезд через Германию имел свое оправдание: «Россия должна была пасть!»

Перед отъездом из Швейцарии Ленин произнес в Цюрихе прощальную речь, назвал А. Ф. Керенского предателем революции, а меньшевика Н. С. Чхеидзе, председателя петроградского совета, изобразил человеком, вступившим на путь предательства. И тем не менее Чхеидзе от имени совета приветствовал Ленина ночью 3 апреля на Финляндском вокзале, где под звуки «Марсельезы» выставлен был почетный караул и собралась большая толпа единомышленников, сочувствовавших и просто любопытных.

В медовый месяц русской свободы Временное правительство не противилось приезду человека, который боролся за его свержение.

Среди офицеров приезд Ленина вызвал возмущение. Возмущались, собственно, не Лениным с его выпадами против правительства, с его предательским поведением во время войны и призывом к гражданской расправе. Возмущались правительством, давшим Ленину право вернуться в Россию. На Ленина в те апрельские дни одни смотрели как на платного немецкого агента, другие — как на лунатика, марксистского начетчика, фанатика и маньяка. Никто не понял опасности угрозы, исходившей от него.

А то, что говорил Ленин, не было гласом вопиющего в пустыне...

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ АДМИРАЛ КОЛЧАК МНОГО ПЕРЕДУМАЛ и перестрадал. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким, как в те часы, когда осознал, что уже не обладает реальной силой, «кроме совершенно условного личного влияния на отдельных людей и массы». А последние, охваченные революционными экстазом, «находились в состоянии какой-то истерии с инстинктивным стремлением к разрушению, заложенным в основании духовной сущности каждого человека».

Колчак лишний раз убедился, «как легко овладеть истеричной толпой, как дешевы ее восторги, как жалки лавры ее руководителей». Он не изменил себе, не пошел за ними. «Я не создан быть демагогом, — писал адмирал, — хотя легко бы мог им сделаться. Я солдат, привыкший получать и отдавать приказания без тени политики, а это возможно лишь в отношении массы организованной и приведенной в механическое состояние. Десять дней я занимался политикой и чувствую глубокое к ней отвращение, ибо моя политика — повеление власти, которая может повелевать мною. Но ее не было в эти дни, и мне пришлось заниматься политикой и руководить дезорганизованной истеричной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремления к первобытной анархии».

Каким-то сплошным кошмаром казались адмиралу эти дни.

Приходилось бороться с самим собой, а это хуже всего. И он убегал от этого кошмара: уходил в море,

где все было привычно и ясно. В такие дни он отдыхал.

К сожалению, без удовольствия и через силу занимался Колчак политикой и в период своего верховного правления в Сибири, когда значение политики не только не уменьшилось, а, по мнению адмирала, явно выросло в ущерб стратегии. Но он безропотно нес свой крест. Иногда было особенно тяжело. И не столько от боевой обстановки, сколько от пошлости и подлости людской. Политика всегда не честна. Пришлось окунуться в нее, и нужно стараться выйти незапачканным.

Ведение войны и внутренняя политика. Колчак считал, что «согласование этих двух взаимно исключающих друг друга задач является каким-то чудовищным компромиссом», который был противен его природе. А снежный ком внутренней политики явно поглощал войну. Колчак видел в таком положении вещей общее печальное явление, которое «лежит в глубоко невоенном характере масс, пропитанных отвлеченными, безжизненными идеями социальных учений». «Отцы социализма, — считал он, — ... давно уже перевернулись в гробах при виде практического применения их учений в нашей жизни».

В СЕРЕДИНЕ АПРЕЛЯ В ОДЕССУ приехал военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков. Принимали нового министра торжественно. Встретился он и с командующим Черноморским флотом. Гучков и Колчак были знакомы лично. Когда Гучков был председателем комиссии по обороне III Государственной думы, Колчак — офицер Морского генерального штаба — в 1906—1908 годах работал в ней в качестве эксперта по военно-морским вопросам. Став министром, Гучков даже намеревался сделать Колчака своим заместителем, а фактически — морским министром.

Гучков в это время неважно себя чувствовал, и встреча оказалась короткой.

— Как у вас дела? — поинтересовался он у Колчака.

— Меня чрезвычайно заботит то направление, тот путь, по которому пошел Черноморский флот под влиянием пропаганды и появления здесь неизвестных

лиц, бороться с которыми я не могу, так как теперь, под видом свободы слова, эта агитация может проходить совершенно свободно, может говорить кто угодно и что угодно.

— Я надеюсь, что вам удастся с этим справиться. У вас до сих пор все шло настолько хорошо, что правительство выражает твердую уверенность, что вам удастся справиться с этим направлением.

— До сих пор, для того чтобы справиться с этим, у меня оставалось только одно средство — мое личное влияние, уважение ко мне, мои личные отношения с командами и рабочими, которые, я знаю, доверяют мне и верят. Но это средство является таким, которое сегодня есть, а завтра рухнет, — объяснял Колчак столбичному гостю, — и тогда у меня уже не будет никаких средств...

Гучков рассеянно смотрел мимо Колчака, который почувствовал, что тот, вероятно, думает о чем-то своем, не вникая глубоко в разговор.

Но командующий все-таки решил высказать свою обеспокоенность создавшимся положением до конца.

— Вот на чем пока держится Черноморский флот, но я считаю почву настолько шаткой, что завтра я, может быть, точки опоры и не буду иметь, и тогда я уже не в состоянии буду что-либо сделать. До этого времени мне доносили подробно о всех происходивших митингах, о ходе пропаганды, которая идет во флоте так же, как и в армии, и я должен отметить, что за весь этот период времени это меня не касалось и личности моей никто не задевал и не затрагивал, пока...

— Александр Васильевич, видимо, сегодня нам не удастся подробно и обо всем поговорить... Простите великодушно. На днях я вызову вас в Петроград.

На этом Гучков и Колчак распрощались.

Через несколько дней председатель Совета министров и министр внутренних дел первого кабинета Временного правительства князь Г. Е. Львов вызвал вице-адмирала А. В. Колчака в Петроград для доклада о состоянии Черноморского флота. Хотел видеть Колчака и Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев, который собирал совещание с командующими армиями, чтобы выработать меры по срочному приведению фронтовых частей в боевую готовность для

начала наступления в первых числах мая в соответствии со взятыми перед союзниками обязательствами.

Перед отъездом из Севастополя Колчак собрал личный состав флота, свободный от службы, сообщил ему о своем отъезде и спросил:

— Имеются ли у вас какие-либо настоятельные нужды или требования, чтобы я мог передать их правительству?

Заявлений и просьб не последовало, и Колчак уехал.

...Девять месяцев он не был в Петрограде. Странное и тягостное чувство вызывала столица, улицы которой, такие же суетливые, но грязные, переполняли новые господа положения в защитных шинелях — далекие от боевой страды, углублявшие, спасавшие революцию. От кого?.. Колчак читал раньше о том восторженном настроении, которое якобы царило в Петрограде, но не нашел его. Нигде. Министры и правители, с бледными лицами, вялыми движениями, измученные бессонными ночами и бесконечными речами в заседаниях, советах, комитетах, делегациях, представительствах... Искусственный подъем, бодрящая, взвинчивавшая настроение, но лживая фраза и... тревога, глубокая тревога в сердце. И никакой практической работы: министры, по существу, не имели ни времени, ни возможности хоть сколько-нибудь сосредоточиться и заняться текущими делами своих ведомств. И заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать со старыми частями и с новым приводом...

Рядовое офицерство, несколько растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынком революции и никак не могло взять верный тон с солдатской массой. А в военных верхах уже появился новый тип генерала, слегка демагога, игравшего на слабостях нового рабоче-солдатского класса, стремившегося, угождая инстинктам толпы, стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья сделать быструю карьеру.

Наконец, петроградский обыватель отнюдь не ликовал. Первый пыл остыл, и на смену ему пришли озабоченность и неуверенность. Люди перестали быть самими собой. Многие как будто играли заученную роль. Осторожность и чувство самосохранения заставили

людей надеть на глаза шоры и ходить в них бесстрашными зрителями «завоеваний революции» — завоеваний, от которых явно пахло смертью и тлением.

Отсюда — лживый пафос бесконечных митинговых речей.

Отсюда — эти странные на вид противоречия. Вот князь Львов, говорящий с трибуны:

— Процесс великой революции еще не закончен, но каждый прожитый день укрепляет веру в неиссякаемые творческие силы русского народа, в его государственный разум, в величие его души...

И тот же Львов, горько жалующийся в беседе с генералом Алексеевым на невозможные условия работы Временного правительства, создаваемые махровым цветом распускающейся в стране демагогией.

Керенский — идеолог солдатских комитетов — с трибуны, и Керенский — в своем вагоне, нервно бросающий адыютанту:

— Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!..

Уже тогда, в середине апреля, в Петрограде чувствовалось, что слишком долго идет революционный перезвон, вместо того чтобы сразу ударить в набат...

Прибыв в Петроград, А. В. Колчак прежде всего явился к Гучкову, который все еще продолжал болеть и не выходил из своей квартиры на Мойке, даже принял Колчака, лежа в постели. Здесь же находился и начальник штаба Балтийского флота капитан I ранга Чернявский. Должен был приехать адмирал Максимов, командующий Балтийским флотом, но Гучков считал, что именно он повинен в новом осложнении обстановки на флоте и поэтому не желал его видеть.

По этому поводу Колчак позже рассказывал:

— В это время настроение в Балтийском флоте опять сгустилось, так как этот момент совпал с моментом отмены погон и перемены формы. Настроение в Балтийском флоте было таково, что, когда при свидании с офицерами я спросил их о положении вещей, они ответили мне, что ожидают на днях повторения того, что было, то есть нового избияния офицеров. Большую роль в этом играл адмирал Максимов, деятельность которого носила почти преступный характер. Он чрезвычайно быстро перекрасился, усвоив какую-то скверную демагогическую окраску, и на этом все время вел игру, по существу, не представляя собой

ничего подобного раньше и будучи, наоборот, убежденным милитаристом, который говорил только о войне. В тот же момент он вел себя совершенно в демагогическом направлении. В связи со всеми этими событиями Максимов не был даже принят Гучковым...

Гучков стал рассказывать Колчаку о создавшемся положении на Балтийском флоте, ругал Максимова, возлагал на него главную вину за грядущие новые беспорядки на флоте.

— С Кронштадтом ничего нельзя сделать, — жаловался Гучков, — ответственность за все происходящее я возлагаю на Максимова... Это его неприличная работа, направленная в демагогическом духе, привела и приводит к таким последствиям, которые не дают уверенности, что Балтийский флот будет еще существовать этой весной...

— Я думаю, — перебил Гучкова Колчак, — что здесь, может быть, не столько вина Максимова, сколько причина кроется в положении флота, стоявшего в Ревеле и Гельсингфорсе. Я совершенно определенно считаю, что главной причиной этих событий является немецкая работа. Гельсингфорс буквально кишит немецкими шпионами и агентами, так как по самому положению Гельсингфорса как финского города контроль и наблюдение в нем за иностранцами совершенно затруднены, отличить немцев от финнов или шведов почти невозможно. Разница в настроении Балтийского и Черноморского флотов не может зависеть от состава офицеров, весь состав офицеров флота выходит из одного источника. Никаких особо привилегированных групп во флоте нет, так как офицерство в Балтийском и Черноморском флоте распределялось главным образом по месту рождения: южане шли на юг, те же, кто был с севера, шли на Балтику. Поэтому эта сторона никакого влияния на настроение флота иметь не могла.

Колчак замолчал, одернул китель.

Гучков тяжело заворочался в постели, вполголоса пробурчал:

— Все равно вина на командующем, он не доглядел...

— Александр Иванович, разницу в настроении я все-таки приписываю, согласно тем данным, с которыми я успел ознакомиться, исключительно работе

неприятеля. Ему в Балтийском флоте гораздо легче влиять на настроение команд, чем в изолированном Черноморском, который почти все время плавал и находился в движении, в то время как Балтийский флот несколько месяцев находится в портах и имеет тесную связь с берегом. Вот главная причина всего происходящего. Все остальное является уже несущественным.

— Хорошо, адмирал. Давайте сейчас послушаем мнение начальника штаба Балтийского флота... Потом вы расскажете о своих делах, — предложил Гучков.

Никто не возражал.

Гучков и Колчак внимательно выслушали доклад капитана I ранга Чернявского о положении на Балтике. Чернявский сообщил о требовании команд передать управление судами комитетам, о введении выборного начала во всем флоте, чтобы офицеры могли оставаться на судах лишь после санкционирования их командования, о целом ряде других требований относительно офицеров. Колчак, в свою очередь, подробно обрисовал то, что происходило у него на Черном море.

Тогда Гучков, обращаясь к Александру Васильевичу, сказал:

— Я не вижу другого выхода, как назначить вас командовать Балтийским флотом.

— Если прикажете, — ответил Колчак, — то я сейчас же поеду в Гельсингфорс и подниму свой флаг, но, повторяю: я считаю, что у меня дело закончится тем же самым. У меня в Черном море события происходят с некоторым запозданием. Но я глубоко убежден, что та система, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы, которые теперь производятся, неизбежно и неуклонно приведут к общему развалу. У меня во флоте вовсе не так благополучно, как кажется со стороны.

— Я подумаю и переговорю с вами еще раз, — сказал Гучков и тут же спросил: — Ведь вы не откажетесь принять это назначение?

— Я привык исполнять приказания, — ответил Колчак. — И если прикажут, я тотчас же поеду в Гельсингфорс.

На этом закончилось первое свидание А. В. Колчака с Гучковым, который предложил Александру Васи-

льевичу встретиться и с председателем Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко. Они встретились у Родзянко за завтраком. Михаил Владимирович в разговоре с оптимизмом отозвался о положении на Черноморском флоте. Колчак сказал, что у него идет такой же внутренний развал, как и везде.

— Пока мне удастся сдерживать это движение, — говорил Колчак, — воздействуя на остатки благоразумия, но в настоящее время уже есть явные признаки того, что это благоразумие вот-вот исчезнет. Я нахожусь накануне такого же взрыва, который был в Балтийском флоте, и совершенно не верю в благополучие, которое имеет чисто внешнее свойство.

— Что же делать, по вашему мнению? — спросил Родзянко.

— Единственный выход — борьба с тем, что нас разлагает: с пропагандой безответственных типов, совершенно неизвестно откуда появившихся, которые ведут открытую работу против войны и против правительства. Пока меня не тронули, и я пользуюсь известным влиянием, которое у меня еще осталось. Но, вероятно, на днях и это кончится. Я считаю, что бороться можно только этим путем, но не знаю к кому мне обратиться, кто бы мог мне помочь в этом деле.

— Вы обращались к каким-нибудь политическим партиям?

— Пока не обращался.

— Поезжайте-ка к Плеханову и поговорите с ним. Может быть, он даст вам совет, как лучше поступить.

И А. В. Колчак поехал к руководителю группы крайне правых меньшевиков «Единство» Г. В. Плеханову, рассказал ему о создавшемся положении.

— Надо бороться с совершенно открытой и явной работой разложения, которая ведется, и поэтому я обращаюсь к вам как вождю социал-демократов с просьбой помочь мне. Пришлите своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа борьбы я не вижу в силу создавшегося положения, когда под видом свободы слова проводится все, что угодно. Насильственными мерами я это сделать не могу, и, следовательно, остается только этот путь для борьбы с пропагандой.

— Конечно, в вашем положении я считаю этот

способ единственным, — сказал Плеханов. — Но он является в данном случае ненадежным.

Во всяком случае Плеханов обещал Колчаку содействие в этом деле. При этом он подчеркнул, что правительство уже не управляет событиями, которые оказались сильнее его.

— Вы знаете, — спросил Плеханов вице-адмирала Колчака, — что сегодня около трех часов дня произойдет выступление войск с требованием смены части правительства?

Колчак знал, что как раз сегодня — 20 апреля — около четырех часов должно было состояться заседание правительства на квартире Гучкова, на Мойке.

— Это выступление, — продолжал Плеханов, — будет пробой сил правительства, если правительство не сумеет справиться с выступлением против него, то какое же это правительство? По всей вероятности, оно должно будет пасть.

Плеханов замолчал, молчал и Колчак. Каждый думал о своем. О чем?

— Я вам больше скажу, — нарушил затянувшуюся паузу Плеханов. — Все идет не так, как мы хотели или предполагали. События принимают стихийный характер, в этом случае отдельные лица или отдельные группы могут только до известной степени задерживать их развитие или способствовать ему. Но я сомневаюсь, чтобы мы могли в ближайшие дни что-нибудь сделать.

Действительно, сделать уже ничего было нельзя: в стране разразился апрельский кризис, политический. Он был вызван нотой министра иностранных дел Временного правительства лидера кадетской партии П. Н. Миллюкова союзным державам от 18 апреля, подтверждавшей отказ от сепаратного договора и готовность России вести войну до победного конца вместе с ними. Пропагандистская завеса приоткрылась, и на какой-то момент «революционная маска» правительства оказалась сорванной. Реакция солдат и рабочих столицы была мгновенной. 20 апреля начались многотысячные демонстрации под лозунгами «Долой войну!», «Долой захватную политику!», «Вся власть Советам!». На следующий день по призыву большевиков с требованием мира на улицы вышло около 100 тысяч рабочих, солдат и матросов.

От Плеханова А. В. Колчак поехал прямо на заседание Совета министров, которое проходило на Мойке, в квартире больного Гучкова. По пути ему стали встречаться отдельные воинские части, в том числе Финляндский и Измайловский полки. Все они стекались на площадь перед Мариинским дворцом, где обычно заседало правительство. Но на сей раз демонстрация проходила перед пустым фактически зданием.

У Гучкова, в присутствии всех членов Временного правительства, заседавших под председательством князя Львова, А. В. Колчак подробно доложил все, о чем уже говорил не раз: о положении на Черном море, о том, к чему это, по его мнению, должно привести.

В это время было получено известие о демонстрации перед зданием Мариинского дворца и о требованиях убрать из состава правительства Гучкова и Милюкова. Этих министров-«милитаристов» обвиняли в стремлении заполучить Босфор и Дарданеллы. (Здесь необходимо отметить, что Плеханов в разговоре с А. В. Колчаком обронил такую фразу: «Отказаться от Дарданелл и Босфора — все равно, что жить с горлом, зажатым чужими руками. Я считаю, что без этого Россия никогда не в состоянии будет жить так, как она хотела бы».) Вокруг требования демонстрантов разгорелся спор среди членов правительства.

Подводя итог этим разговорам, Милюков сказал:

— Мы можем обсуждать здесь что угодно, а может быть, через некоторое время все будем сидеть в Крестах или в крепости. Какую же ценность имеют при данном положении наши суждения?

Ему никто не ответил. Конечно, с разумностью такого довода трудно было не согласиться.

Здесь впервые Колчак встретился с генералом Л. Г. Корниловым — командующим Петроградским военным округом. Он появился в конце заседания усталый, угрюмый и с порога заявил:

— В городе происходит вооруженная демонстрация войск против правительства. Я располагаю достаточными силами, чтобы прекратить это выступление, и в случае необходимости, если бы произошло вооруженное столкновение, у меня есть уверенность в подавлении этого движения. Прошу правительство

санкционировать это и дать возможность начать действовать немедленно.

Разгорелся новый спор среди членов правительства: дать санкцию или нет. В числе тех, кто разделял мнение Корнилова, был и Колчак. Особенно горячо высказывались против князь Львов (по мнению некоторых членов правительства он был «мягкотелым», даже «шляпой», человеком совершенно неспособным к твердому руководству) и министр юстиции А. Ф. Керенский — единственный социалист в правительстве, весьма энергичный человек, хороший оратор, с актерскими наклонностями. Полуэсер — полукадет Керенский в февральские дни «эффектно» осуществил арест некоторых царских министров, чем выдвинулся в глазах масс.

Керенский заявил:

— Наша сила заключается в моральном воздействии, в моральном влиянии, и применить вооруженную силу значило бы вступить на прежний путь насильственной политики, что я считаю невозможным.

На этом заседание закончилось. Но Керенский еще долго беседовал с Корниловым. Затем Керенский обратился к Колчаку с вопросом:

— Как у вас, в Черном море?

Колчак сообщил, что дела идут все хуже и хуже, что он был у Плеханова, просил его помощи.

— Я прошу и вас, так как вы имеете связь с политическими партиями, прислать ко мне опытных руководителей митингов, опытных агитаторов, которые могли бы разбивать тех людей, которые ведут у меня разлагающую флот пропаганду.

Керенский обещал, что обязательно пришлет. На том и расстались.

Вечером А. В. Колчак уехал в Псков, где в это время происходило совещание Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева с командующими и начальниками штабов сухопутных армий. Услышанное превзошло все самые худшие ожидания Колчака.

— Я совершенно не ожидал, — признавался он потом, — что в армии происходили события, о которых открыто докладывали представители командного состава, — братание с немцами, продажа оружия,

начавшийся стихийный уход с фронта. Словом, в армии происходил полный развал. Никаких мер, чтобы остановить этот развал и выйти из затруднительного положения, в сущности, никто не мог предложить... Сопоставление только констатировало факт развала армии, не выработав никаких мер к борьбе с этим явлением.

Ни у кого из участников совещания не возникло желания предложить прекратить войну, чтобы тем самым выйти из создавшегося положения. Правда, высказывалась мысль, что в таких условиях дальше вести войну нельзя. Но и только. Наоборот, все еще надеялись, что революция вызовет подъем в войсках, чувство патриотизма, желание закрепить совершившийся переворот победой на театре военных действий. В Пскове общая точка зрения была такова, что продолжать войну необходимо во что бы то ни стало. Никогда не возникало мысли закончить войну и у А. В. Колчака, который даже был готов идти на фронт солдатом и до конца выполнить свой долг перед родиной.

После совещания в Пскове было еще одно у Гучкова, где рассматривался документ, известный как «Декларация прав солдата», разработанная особой комиссией под руководством генерала А. А. Поливанова при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. На этом совещании присутствовал и Колчак. Он вернулся в Петроград вместе с Алексеевым по просьбе Гучкова — специально, чтобы принять участие в этом совещании.

Явившись в дом военного и морского министра, А. В. Колчак был встречен Гучковым, вышедшим к нему в приемную из кабинета. Он еще был нездоров и не выходил из дома. Встретил Колчака в домашней куртке и мягких сапогах. Извинившись за свой внешний вид, министр предупредил вице-адмирала, что заседание Временного правительства будет проходить у него в кабинете, где уже собрались некоторые члены правительства.

— Там же, — добавил он, — и генерал Алексеев, только что прибыл.

Войдя в кабинет, Колчак поздоровался. К нему подошел Алексеев, а вслед за ним и другие военные и гражданские, некоторых из них Александр Василье-

вич не знал. Его засыпали вопросами о положении дел на Черноморском флоте.

Члены Временного правительства собирались медленно, и, беседуя с ними, Колчак не смог уловить момента, когда частные разговоры переросли в официальное заседание. Беседа шла все время по группам. Несколько человек из числа присутствовавших разместились за довольно длинным столом, на котором лежали листы белой бумаги и карандаши. По-видимому, этот стол и был приготовлен для заседания. Тут же находился и князь Львов, но не в центре стола, а как-то сбоку, точно случайно подсел к нему. Кто-то уходил, а кое-кто приходил вновь.

Все участники выглядели измученными и явились на заседание в простых, довольно помятых костюмах. Должно ли это было свидетельствовать о демократических настроениях собравшихся или просто об отсутствии у них необходимо досуга — Колчак так и не решил, но особенно ему бросился в глаза Керенский, нервно шагавший из угла в угол обширного кабинета. Официально — министр юстиции Временного правительства, неофициально — кумир революционной толпы и ее доверенный в среде буржуазных министров. На нем была однобортная темная тужурка с мягким воротником. Порывистые манеры, гладко выбритое лицо, прищуренные глаза и правая рука, висевшая на черной повязке, невольно приковывали к себе внимание.

— Александр Федорович, вы как думаете?.. Александр Федорович, ваше мнение каково?.. — несло к Керенскому из разных углов большой комнаты.

«Видно, без Александра Федоровича тут ничего не может быть решено», — подумал Колчак.

«Какая вера в силу и значение слова... Новые бесконечные разговоры на убийственно разлагающих митингах вместо серьезных, хорошо продуманных мер строгости», — печально подумал А. В. Колчак.

Рядом с Колчаком, поникнув седой головой, слушал доклад помощника военного министра генерала А. А. Маниковского о «Декларации прав солдата» Верховный главнокомандующий русской армией генерал Алексеев. Докладчик отрицательно отнесся к этому документу. Его поддержал Алексеев:

— Я, как главнокомандующий, не могу обсуждать вопрос о том, как окончательно развалить ту армию, которой я команду. Поэтому обсуждать вопрос я не буду и от дальнейшего участия отказываюсь.

После этого все присутствовавшие заявили, что присоединяются к мнению Верховного главнокомандующего и считают бесполезным обсуждать этот документ; раз решили его ввести, пусть вводят, но рассматривать его они не будут.

А. В. Колчак, пользуясь присутствием членов правительства и Верховного главнокомандующего, встал и попросил тишины. Все с интересом повернулись к нему.

— Михаил Васильевич, — сказал он. — Я бы хотел прояснить дальнейшую судьбу десантной операции Черноморского флота по захвату Босфора и Константинополя. Я считаю необходимым использовать в наших интересах обещания союзников в отношении проливов, что приблизит Россию к разрешению этой важной для нас внешней проблемы. Нельзя ли выделить для решения этой задачи войска?

— Вы же слышали в Пскове на совещании, в каком положении сейчас находятся войска на фронте! Во всей армии нет полка, в котором я уверен. У меня нет части, которую я мог бы вам дать для выполнения операции. Да и вы сами не можете быть уверены в своем флоте, что он при настоящих условиях выполнит ваши указания. Черноморский флот сохранился немногим больше, чем Балтийский. При этих условиях ни о каких десантных операциях думать не приходится, — закончил генерал Алексеев свою краткую и категоричную речь, переходя по просьбе хозяина кабинета к отдельному круглому столу, стоявшему в некотором отдалении.

В одночасье все планы Колчака, вся его огромная работа по подготовке к Босфорской десантной операции рухнули. Он стоял бледный и растерянный, не желая верить в реальность услышанного.

Только министр иностранных дел П. Н. Милюков, по-видимому, понял, что для Колчака этот вопрос имел личное значение, большее, чем очередная государственная задача. Он подошел к адмиралу, переживавшему внутреннюю катастрофу, и молча пожал ему

руку. По свидетельству генерала А. И. Деникина, в апреле Милюков неоднократно пытался убедить М. В. Алексеева провести десантную операцию по овладению Босфором.

На этом, собственно говоря, совещание и закончилось. Все встали, распрощались и начали уходить. Колчак подошел к Гучкову и спросил:

— Как вы решили, Александр Иванович: должен ли я перейти в Балтику или вернуться в Черное море?

Гучков на несколько секунд задумался, а потом сказал:

— В сущности, это все равно... В таком случае возвращайтесь к себе на Черноморский флот.

— Неужели, Александр Иванович, — сказал Колчак ему на прощание, — у вас нет сил, чтобы установить порядок?

— Вы видели, — безнадежно махнул рукой Гучков с сторону кабинета. — В ком я там могу найти решимость поддержать меня?

«Да, — подумал Колчак, — хаос, неосведомленность, безволие и бессилие. Такая власть, которая подменяет дело словами, обречена...»

На этом пребывание Колчака в Петрограде закончилось, и он 21 апреля покинул столицу.

Посещение Петрограда не оказалось для него бесполезным. Здесь он, сугубо военный человек, прошел первые ступени школы политики: принимал участие в обсуждении государственных вопросов, встречался и говорил со многими представителями правительства и высшего военного командования, общественными деятелями, был свидетелем апрельских событий. Это дало ему возможность лучше познакомиться с теми вопросами государственного управления, информацию о которых раньше он черпал из прессы, частных сообщений и слухов. Конечно, «политический уровень» его оставался невысоким, но дальнейшие события покажут, что считать А. В. Колчака полностью политически «неграмотным» было бы неверно.

В это время разложение еще не коснулось в полной мере Черноморского флота, где, благодаря гибкой политике Колчака, революционная стихия масс была введена в желаемое им русло и усилия флота направлялись на продолжение военных действий. Однако

в интервью столичным журналистам, появившемся в ряде петроградских газет 20 апреля под заголовком «Беседа с командующим Черноморским флотом», А. В. Колчак признавал тот факт, что «за последнее время у нас в сухопутных частях появились течения большевистского характера».

В отличие от военного и морского министра А. И. Гучкова, который закончил свою речь на заседании представителей депутатов всех четырех Государственных дум 27 апреля словами: «Отечество на краю гибели!» — и через три дня подал в отставку, вице-адмирал А. В. Колчак не опустил руки, а по возвращении в Севастополь предпринял ряд решительных мер, бросился в новый бой за флот.

В СЕВАСТОПОЛЬ А. В. КОЛЧАК ВЕРНУЛСЯ с убеждением, что войну, в сущности говоря, надо считать проигранной, что российская армия совершенно потеряла боеспособность, а Временное правительство фактически не имеет реальной власти. Члены его бессильны и неспособны управлять государством. Особенно плохое впечатление у него осталось о Керенском, которого он кратко охарактеризовал так: «болтливый гимназист». Александр Колчак действительно ценил его не слишком высоко. Считал, что капризом судьбы вознесен на неподходящую высоту ничтожный человек, которому ораторский успех вскружил голову. За фасадом трескучих фраз Колчак увидел в Керенском пустого, неуравновешенного человека с манией величия и несомненной склонностью к истерике, от которого всего можно ожидать.

Среди затянувшегося перезвона февральских колоколов, радостно твердивших Бог весть в который раз о свободе и завоеваниях революции, Александр Колчак первым — ранее, чем высказалось правительство и высшее командование, — громко сказал о разрушении вооруженной силы России и грозных перспективах, вытекавших из этого положения. Многие тогда нашли моральную опору в нем, в человеке, имевшем гражданское мужество называть вещи своими именами. А гражданское мужество в те дни сопряжено было с немалым риском. При бессилии власти свобода слова

приняла своеобразный характер: открыто давалась возможность бросать в народ демагогические лозунги, а малейшая критика справа тотчас вызывала обвинение в контрреволюции, что грозило расправой со стороны разнузданной толпы.

Возвратившись 23 апреля в Севастополь, А. В. Колчак действует решительно: разъясняет личному составу флота необходимость продолжения войны, выпускает ряд приказов о производстве одних рядовых матросов в унтер-офицеры, других в специалисты, а третьим жалует в награду медали и кресты.

Он собрал все свободные команды и, как делал это раньше, со всей откровенностью высказал им все то, что узнал в Петрограде, указал на бессилие правительства, на разваливавшийся фронт. Для него было ясно, что проигрыш в этой войне будет поражением и революции, и всего того, что связано с понятием нашей родины — России. Он считал, что это обречет Россию на вековую зависимость от Германии, а славянству от такой зависимости ожидать чего-либо хорошего не приходится.

А. В. Колчака просят выступить на расширенном заседании Севастопольского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, на общегородских собраниях. И 25 апреля в помещении цирка перед представителями флота, армейских и рабочих частей он сделал доклад «Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками».

Он, в частности, говорил:

— ...Мы стоим перед распадом и уничтожением нашей вооруженной силы во время мировой войны, когда решается участь и судьба народов оружием и только при его посредстве. Причины такого положения лежат в уничтожении дисциплины и дезорганизации вооруженной силы и последующей невозможности управления ею или командования. После переворота, наряду с громкими словами о победе, защите свободы и т. п., неоднократно произносились слова о новой дисциплине, основанной на чувстве гражданского долга, сознании обязательств перед родиной, говорилось даже о «железной дисциплине», построенной на этих же основаниях. Эти слова остались только словами. Старые формы дисциплины рухнули, а новые создать

не удалось, да и попыток к этому, кроме воззваний, никаких, в сущности, не делалось...

Отмечая далее причины развала Балтийского флота, братание на фронте, дезертирство, агитацию против войны, А. В. Колчак говорил, что все это на руку нашим врагам, что все это ведет нас к поражению на театре войны, к гражданской войне, к государственному разложению и гибели.

— Мы живем в эпоху величайшей войны, в эпоху решения международных вопросов вооруженной силой. Можно сочувствовать или нет такому положению вещей, можно говорить и писать, правильна или нет война, хороша она или безнравственна, можно даже говорить вздор об оборонительной или наступательной войнах, но никакого значения для существующей войны эти рассуждения не имеют...

— Текущая война есть в настоящее время для всего мира дело гораздо большей важности, чем наша великая революция. Обидно или нет для нашего самолюбия, но это так, и, совершив государственный переворот, нам надо прежде всего подумать и заняться войной, отложив обсуждение не только мирных вопросов, но и большинство внутренних реформ до ее окончания.

Настаивая на необходимости войны, А. В. Колчак мотивировал это тем, что ее окончание может поставить Россию в зависимость от Германии, так как, заключив с нею какое-либо соглашение и выйдя из войны, мы дадим ей возможность разбить союзников на Западном фронте. Германия победит, и мы попадем в полную зависимость от нее. Если же Германия будет побеждена, то нам придется иметь дело с союзниками, с которыми мы связаны кровью и рядом обязательств. Отказом принимать дальнейшее участие в войне мы вооружим против себя союзников, и они предъявят нам неоплатные счета.

— В решении подобных вопросов нет ни сентиментальностей, ни отвлеченных рассуждений, — объяснял А. В. Колчак, — а есть суровый закон необходимости, по которому нам придется платить за битые горшки. Как и чем — ответ на это имеется в соответствующих исторических событиях: территорией и теми реальными ценностями, которые к этому времени у нас будут. Мы будем расплачиваться за свою слабость и своей

свободой — при известных условиях мы можем получить образ правления не тот, который мы хотим, а который нам укажут, наиболее обеспечивающий реализацию наших обязательств.

Пропаганда идеи сепаратного мира исходила пока от небольшой кучки большевиков и других крайне левых группировок. И тем не менее, даже людям, которых нельзя было упрекнуть в отсутствии патриотизма, приходила в голову мысль, что сколько-нибудь успешное ведение войны было просто несовместимо с теми задачами, которые революция поставила внутри страны, и с теми условиями, в которых эти задачи приходилось решать. Эти люди думали, и не без основания, что одной из причин революции была усталость от войны и нежелание ее продолжать.

Но для Александра Колчака одна только мысль о сепаратном мире уже была предательством. Такой мир дал бы временное облегчение истерзанной России. Но предательство не дает счастья. В конце этого пути — политическое, моральное и экономическое рабство.

В некоторых русских кругах такой прямолинейный подход к проблеме встречал осуждение. Говорили, что подобный идеализм неуместен и даже вреден, что интересы России должны быть поставлены выше всякой «условной политической морали». Но ведь народ живет не годами, а столетиями. Да и психология русских военных деятелей не допускала таких сделок с совестью. Донкихотство? Может быть. Но другую политику надо было делать другими руками... менее чистыми.

И вопрос о донкихотстве не случайная и пустая фраза.

Бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, Александр Колчак и в дальнейшем нередко шел по стопам «рыцаря печального образа», который не мог мириться с людской неправдой и готов был упорно и бескорыстно жертвовать всем в борьбе с окружающим его злом.

Свою речь Колчак закончил следующими словами:

— Какой выход из того положения, в котором мы находимся, который определяется словами «Отечество в опасности», я скажу более: «Отечество в критическом

положении». Этот выход лежит в глубоком осознании этой опасности, в ясном представлении о ней и в необходимости всем, кто имеет силу смотреть ей в глаза, объединиться во имя спасения родины. Это объединение прежде всего должно быть выражено в форме не только доверия, но искреннего признания Временного правительства как Верховной власти, которую мы должны поддерживать всеми средствами и способами. Как представители вооруженной силы, мы должны признать единственно военную форму: «Наша политика есть повеление этой Верховной власти»...

Первая забота — это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, восстановление путем дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на самомнении невежества. Сейчас нет времени и возможности что-либо создавать, надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у союзников. Вице-адмирал А. В. Колчак не видел другого пути для приведения вооруженных сил России из «мнимого состояния в подлинное бытие». По его мнению, это единственно правильное разрешение вопроса.

— Надо отказаться, по крайней мере, сократить самомнение незнания и признать, что правительство гораздо лучше нас понимает многие вопросы государственной жизни, и, во всяком случае, в вопросах международной политики министр иностранных дел гораздо осведомленнее митинговых ораторов. Повторяю, что ясное представление действительности есть единственно верное основание для каких-либо поступков. Цель моего сообщения заключается в том, чтобы представить действительность такой, как я ее понимаю. Это мое мнение, которое каждый может принять или отвергнуть, согласиться со мной или нет, но если оно несколько прояснит то тяжелое положение, в котором находится в настоящее время родина, и заставит вдуматься в это положение и прийти к убеждению, что надо приложить теперь все силы, все старания для одной цели — спасения родины, то я буду считать свою задачу выполненной.

Речь А. В. Колчака была встречена с одобрением.

«Адмирал, — вспоминал позже начальник штаба

Черноморского флота контр-адмирал М. И. Смирнов, — произнес прекрасную, полную патриотизма речь. Он рассказал про положение на фронте, указал на цели войны, на гибельность для России, если она выйдет из состава воюющих, так как, какая бы сторона не одержала победу, России придется заплатить своим достоинством победившей стороне, будь то враги или союзники. Это грозит потерей наших окраин. Адмирал указал, что Россия существует, и каждый ее сын должен исполнить патриотический долг. Речь адмирала произвела громадное впечатление...

Московский городской голова просил адмирала Колчака прислать ему копию его речи, так как Московская городская дума постановила отпечатать эту речь в 10 миллионах экземпляров для распространения среди населения России».

Такое впечатление — уверенного в своей правоте военного — производил вице-адмирал А. В. Колчак на окружающих.

А по его собственному утверждению, из апрельской поездки в Петроград он «вывез две сомнительные ценности: твердое убеждение в неизбежности государственной катастрофы со слабой верой в какое-то чудо, которое могло бы ее предотвратить, и нравственную пустоту». Он уехал с признанием «несостоятельности военно-политической задачи», определявшей весь смысл и содержание его работы.

По признанию самого Колчака, все, что для него имело «значение, содержание и смысл жизни», свелось к безнадежной формуле: «война проиграна позорнейшим образом, проливы остаются в руках немцев, вся подготовка, вся работа сведена к нулю».

Колчак раньше действовал и работал «под влиянием некоторых положений, которые теперь отпали», в них находил «помощь и поддержку». А сейчас прежде всего почувствовал, что «устал, устал физически и морально...»

«Если бы я мог впасть в отчаяние, плакать или жаловаться, — признавался А. В. Колчак, — то я имел бы для этого все основания». Но такое поведение было не свойственно ему.

«В минуту усталости или слабости моральной, — писал Колчак 9 мая Анне Васильевне Тимиревой, — когда сомнение переходит в беспочвенность, когда решимость сменяется колебанием, когда уверенность в себе теряется и создается тревожное ощущение несостоятельности, когда все прошлое кажется не имеющим никакого значения, а будущее представляется совершенно бессмысленным и беспцельным, — в такие минуты я прежде всего обращаюсь к мыслям о Вас, находя в них и во всем, что связывалось с Вами, средство преодолеть это состояние.

Это состояние переживали и переживают все люди, которым судьба поставила в жизни трудные и сложные задачи, принимаемые как цель и смысл жизни, как обязательство жить и работать для них. Как явление известной реакции, как болезнь оно мне понятно и, пожалуй, естественно, и я всегда находил и, вероятно, найду возможность преодолеть его... я потерял все, что для меня являлось целью большой работы и, скажу, даже большей частью содержания и смысла жизни. Это хуже, чем проигранное сражение, это хуже даже проигранной кампании, ибо там все-таки остается хоть радость сопротивления и борьбы, а здесь только сознание бессилия перед стихийной глупостью, невежеством и моральным разложением...»

А. В. Колчак был и до конца своих дней остался солдатом. Вся его жизнь и деятельность определялись военными идеалами и целями. А сейчас ему приходилось переживать трагедию падения этих идеалов, по его убеждению, неизбежно связанную с государственной катастрофой. Но он верил, что эти идеалы неизменны и вечны, что рано или поздно Россия вернется к ним. Колчак переживал, быть может, самые тяжелые дни, которые судьбе было угодно ему предназначить.

ПОСТОЛЬКУ, ПОСКОЛЬКУ ЭТО ЕЩЕ БЫЛО ВОЗМОЖНО, Колчак продолжал выходить в море; вести работу по постановке минных заграждений, сетей против подводных лодок противника, по дозорной службе, конвоированию. Он лично провел несколько боевых операций флота: частью — закончившихся трагически (с потерями людей и техники), частью — удач-

ных (как разгром анатолийского побережья вспомогательными крейсерами и миноносцами).

2 мая Колчак на линейном корабле «Свободная Россия» (бывший линкор «Императрица Екатерина Великая») с миноносцами и гидрокрейсерами снова вышел в море и направился к босфорским берегам.

Ночь. Колчак понуро сидит в одиночестве в своей маленькой каюте на мостике около передней трубы, голые лакированные переборки украшают только несколько винтовок и пистолетов.

Ему не спалось, и он несколько раз принимался бродить по кораблю. Пытался написать письмо Тимиревой. Но не было мыслей, не было темы, и приходилось мучительно выдумывать слова, чтобы составить какую-нибудь фразу. Говорить о войне и политике ему не хотелось. Опять писать о себе, о своих личных проблемах Колчак считал нескромным, да и крайне скучно это. Но он все-таки попробовал, и написанное показалось ему ненужным и неверным, но ничего другого придумать не мог и вновь уходил из каюты на палубу, беспцельно бродил по кораблю, старался ни о чем больше не думать. Но потребность высказаться возвращала его обратно, и он вновь брался за ручку, вновь выписывал буквы, которые складывались в слова, фразы...

«Третья ночь в море. Тихо, густой мокрый туман. Иду с кормовыми прожекторами. Ничего не видно. День окончен. Гидрокрейсера выполнили операцию, судя по обрывкам радио. Погиб один или два гидроплана. Донесений пока нет. Миноносец был атакован подлодкой, но увернулся от мин. Крейсера у Босфора молчат — ни одного радио — по правилу: значит, идет все хорошо. Если все идет как следует — молчат; говорят — только когда неудача. Я только что вернулся в походную каюту палубы, где ходил часа два, пользуясь слабым светом туманного луча прожектора. Кажется, все сделано и все делается, что надо. Я не сделал ни одного замечания, но мое настроение передается и воспринимается людьми, я это чувствую. Люди распускаются в спокойной и безопасной обстановке, но в серьезных делах они делают очень дисциплинированными и послушными. Но я менее всего теперь интересуюсь ими».

Колчак устал, устал физически и морально, а усталость — это болезнь, от которой трудно отделаться. Конечно, как сильный и волевой человек, он мог не считаться с нею, но избавиться от нее Колчак не мог. Когда девять месяцев назад вице-адмирал уезжал на Черное море, он чувствовал, что его «никому не известные мысли реализуются и создаются возможности решить или участвовать в решении великих задач» по завоеванию Черноморских проливов и Константинополя. Но теперь он был лишен этих возможностей, а вместе с ними и всего остального, что имело для Колчака наибольшую ценность в жизни.

В МАЕ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ усиливаются антиофицерские настроения, нежелание матросов участвовать в боевых операциях, начались самовольные аресты офицеров.

«Флот постепенно разлагается, — свидетельствует начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал М. И. Смирнов. — Постоянно днем и ночью приходили известия о беспорядках в различных частях флота. Обычным приемом успокоения являлась посылка в часть, где происходят беспорядки, дежурных членов Центрального исполнительного комитета для «уговаривания». Результаты обычно достигались благоприятные. Наиболее частая причина беспорядков заключалась в желании матросов разделить между собой казенные деньги или запасы обмундирования и провизии. С каждым днем члены комитета заметно правили, в то же время было очевидно падение их авторитета среди матросов и солдат, все более и более распускавшихся».

Начинают появляться явные признаки неподчинения приказам командующего флотом. Команда миноносца «Жаркий» отказалась выполнять боевое задание по минированию, потребовала смены командира, которого сама же и выбрала ранее, мотивируя это тем, что он якобы «слишком смело ставит миноносец в опасное положение». Колчак отказался сменить командира, а приказал команде спустить флаг и вывел миноносец из боевого состава флота. Подобный инцидент произошел и на миноносце «Новик». Но

А. В. Колчак лично переговорил с командой, и ему удалось на этот раз все уладить.

Появились и первые признаки недовольства непосредственно самим Колчаком. Обвиняли его, главным образом, в том, что его постоянное упорство и настойчивость в продолжении войны и осуществлении Босфорской десантной операции преследуют личные цели: Колчак крупный землевладелец на юге страны, и для него выгодно вывозить хлеб через проливы. Доказать обратное Колчаку ничего не стоило, но такие выступления делали свое дело, падая на благодатную «рабоче-крестьянскую» почву.

Сам Колчак обо всем этом рассказывал так:

— ...В мае месяце быстро произошел общий и внутренний развал на флоте. Державшиеся до этого времени рабочие порта, которые все время вели все работы по исправлению, ремонту и так далее, уже к тому времени стали разваливаться. Стали выставляться требования только экономического характера, а производительность все падала и падала с каждым днем, и каждое выведенное из строя судно уже оставалось в бездействии... Тем не менее я должен отметить, что известные части команды совершенно не разделяли нового настроения и сохраняли свои понятия о долге службы...

Мне нужно было, ввиду полученных сведений о новых подводных лодках, усилить заграждения Босфора и в самом Босфоре поставить заграждения. Для этого нужно было сделать очень опасное и рискованное предприятие и войти в Босфор на катерах, с баркасами, нагруженными минами. Это предприятие носило характер чрезвычайной опасности и риска, и потому я вызвал охотников. Нашлось столько, что они превышали то число, которое мне нужно было для постановки этих заграждений. Это было в мае. Операция эта была выполнена, но с одним печальным происшествием — ночью на одном из баркасов взорвалась мина. Произошло это в Босфоре, катера заметили, произошла стрельба. Было много раненых, но большинство людей успели вынести и перенести на другой катер, — это было серьезное предприятие. Я это привожу как характеристику того, что был известный процент людей, которые шли на это, а наряду с этим другое явление — инцидент с миноносцем «Жаркий»...

Вице-адмирал А. В. Колчак имеет в виду вторую майскую заградительную операцию в Босфоре. Первая постановка мин с моторных баркасов в ночь на 12 мая была выполнена благополучно под непосредственным прикрытием крейсера «Память Меркурия» и двух миноносцев.

Согласно немецким источникам, далее произошло следующее:

«26 мая (по новому стилю. — *Авт.*) около полуночи босфорский маяк на азиатском берегу услышал шум моторов и два взрыва. В свете прожекторов ничего не было видно. Оказалось, что это — русские; в расстоянии 300 м [етров] <...> от входа два их моторных заградителя подорвались на минах и погибли. Впоследствии было найдено 4 трупа и обломки. На рассвете удалось рассмотреть обеспечивавшие операцию русские силы: 1 линейный корабль, 1 крейсер, 1 эскадренный миноносец и 1 миноносец; германский самолет сбросил по ним бомбы. В тот же день было обнаружено новое минное заграждение из 72 мин, поставленное вплотную ко входу в Босфор...»

Здесь необходимо подчеркнуть, что, кроме минирования Босфора и подходов к нему, А. В. Колчак осуществил ряд операций по блокаде анатолийского побережья к востоку от Синопа и против Зунгулдака, откуда вывозили уголь в Константинополь. В частности, за два с небольшим месяца, с конца марта по начало июня, было совершено десять походов к турецким берегам с участием 21 корабля. В восьми случаях, наряду с разведкой, были нанесены удары по береговым объектам. Наибольший успех выпал на долю похода, совершенного группой кораблей 28—30 мая.

«В конце мая, — пишет немецкий участник тех событий, — русские обстреляли Синоп и Самсун, причем пострадали многие строения, а также были уничтожены мелкие суда. В нескольких случаях русские самолеты, доставленные на кораблях, сбрасывали бомбы».

Но вернемся от турецких берегов в Севастополь, где обстановка с каждым днем накалялась.

В ЭТО ВРЕМЯ ПРОИЗОШЛО первое столкновение между командующим Черноморским флотом вице-адмиралом А. В. Колчаком и выборными организа-

циями флота. Поводом к нему послужило раскрытие спекуляций помощника Главного командира порта генерала Н. П. Петрова. (По другой версии, конфликт разгорелся из-за отказа Петрова выполнить требование матросов о распределении между ними гарнизонных запасов кожи.)

Центральный военный исполнительный комитет (ЦВИК) Черноморского флота на своем заседании постановил арестовать генерала и издал об этом приказ, на котором не было подписи командующего флотом.

Для согласования приказа с Колчаком была выбрана делегация, которая отправилась к командующему флотом и объявила ему решение ЦВИК. Колчак отказался санкционировать приказ на том основании, что он незаконен, так как дело не рассматривалось военной прокуратурой, и что если комитет будет настаивать на своем решении, то ему — Колчаку — придется отказаться от дальнейшей совместной работы с ЦВИК. Учитывая политическую обстановку и настроение масс, ЦВИК не нашел возможным отменить приказ, о чем вторично известил А. В. Колчака, но вновь получил категорический отказ. Тем не менее ЦВИК арестовал генерала Н. П. Петрова.

Штабом командующего флотом была разослана телефонограмма во все судовые комитеты с указанием делегировать по три члена от каждого комитета на собрание офицеров.

На этом собрании выступил Колчак. Ознакомив присутствующих с происшедшим конфликтом, командующий сказал, что комитеты вообще вмешиваются во все дела, вносят разложение в ряды флота и подрывают дисциплину. Он отметил невозможность для себя дальнейшей совместной работы с ЦВИК.

Это событие заставило А. В. Колчака в первый раз подать прошение о снятии его с должности командующего флотом.

12 мая вице-адмирал Колчак послал главе Временного правительства князю Г. Е. Львову и Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву телеграмму следующего содержания:

«Центральный комитет совета депутатов армии, флота и рабочих в Севастополе за последнее время своей деятельностью сделал невозможным командование флотом.

Работа комитета ведет не к поддержанию боевой мощи флота, а к его развалу. Сегодня Центральный комитет потребовал от помощника Главного командира порта Петрова исполнения не подтвержденных мною постановлений комитета и, получив от него отказ в исполнении таковых, арестовал его, несмотря на мое требование не делать этого. Считаю, что этим поступком и рядом предшествовавших постановлений Центральный комитет вступил на путь не поддержания дисциплины и порядка во флоте, а разложения флота, при котором власть командования совершенно дискредитирована, причем я лишен возможности осуществлять управление флотом, прошу заменить меня другим лицом для командования флотом. Считаю долгом донести, что никакой командующий не будет в состоянии исполнить свои обязанности, если деятельность комитета не будет ограждена распоряжениями Временного правительства в пределах, установленных для комитетов правил».

На следующий день ЦВИК получил телеграмму, в которой его действия квалифицировались как контрреволюционные и сообщалось, что для разбора этого дела в Севастополь направляется один из членов правительства, генерала же приказывалось освободить, что и было немедленно выполнено. Но от должности его отстранили.

В телеграмме командующему Черноморским флотом вице-адмиралу А. В. Колчаку содержались просьба остаться на своем посту и обещание оказать содействие в наведении порядка.

Обе телеграммы подписали князь Львов и Керенский — после отставки А. И. Гучкова новый военный и морской министр в коалиционном втором Временном правительстве.

Всю последующую неделю Колчак провел на миноносцах в северной части Черного моря: ходил в Одессу на встречу с Керенским и помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта — фактически главнокомандующим — генералом Д. Г. Щербачевым, ходил в Севастополь с военным и морским министром, затем отвез его обратно в Одессу, ходил в Николаев для осмотра строившихся там военных кораблей и лишь 20 мая вернулся в Севастополь.

В СЕРЕДИНЕ МАЯ В ОДЕССУ приехал новый военный и морской министр Временного правительства А. Ф. Керенский.

Он начал «знаменитую словесную кампанию», которая должна была двинуть армию на подвиг. Его речи, казалось, гипнотизировали слушателей и его самого. Керенский говорил с необычайным пафосом и экзальтацией, рисовал возбуждающие «революционные» образы, часто с пеной на губах, пожиная рукоплескания и восторг толпы. И докладывал Временному правительству, что «волна энтузиазма в армии растет и ширится», что намечается определенный поворот в пользу дисциплины и возрождения армии.

В Одессе он поэтизировал еще более неудержимо, чем всегда: «В нашей встрече я вижу тот великий энтузиазм, который обуял страну, и чувствую великий подъем, который мир переживает раз в столетие...»

Солдатская масса, падкая до зрелищ и чувствительных сцен, слушала призывы вождя к самопожертвованию, и вместе с ним воспламенялась «священным огнем» для решения очередных задач дня: «дальнейшей демократизации армии» и «углубления завоеваний революции».

С отрядом из четырех миноносцев командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак прибыл в Одессу и присутствовал там на торжествах в честь Керенского. Затем на миноносце командующего они вместе отправились в Севастополь.

Во время перехода Колчак долго и подробно, почти всю ночь, разъяснял Керенскому обстановку: общий развал на флоте, невозможность для него продолжать работу на посту командующего. Колчак при этом не отказывался от какой бы то ни было другой работы и предоставлял себя в полное распоряжение правительства.

— Я не понимаю, чего вы хотите для республики? — спрашивал он Керенского. — Во время войны нужна вооруженная сила, я приложил все усилия, чтобы ее удержать, но раз это выходит из вашего плана и это не нужно, зачем я буду продолжать?

На это военный и морской министр отвечал:

— А правительство, наоборот, как и правительство прежнего состава, считает, что вы должны остаться...

Теперешнее правительство признательно вам за сохранение Черноморского флота в его боевом состоянии. Но вы понимаете, что мы переживаем время брожения: тут надо считаться с возможностью эксцессов.

Керенский говорил Колчаку о «революционной дисциплине».

Колчак отвечал ему:

— Военная дисциплина есть только одна, волеи-неволей к ней придется вернуться и вам. Так называемой «революционной дисциплины» не существует, потому что единственная дисциплина в армии, в сущности говоря, только та, которая выражается в известных военных формах дисциплинарного устава и характеризует взаимоотношения начальника и подчиненного. Она одна и та же во всех решительно армиях и флотах всего мира, и какой бы ни взяли дисциплинарный устав — наш или американский, — мы найдем там одно и то же, никакой разницы по существу нет, есть разница лишь в деталях. То же, что вы говорите о примере партийной дисциплины — это есть дисциплина, которая создается не каким-либо регламентом, а воспитанием и развитием в себе чувства долга, обязательств по отношению к родине, и эта дисциплина может быть у меня, может быть у него, может быть у отдельных лиц, но в массе такой дисциплины не существует, и опираться на такую дисциплину для управления массами нельзя...

Спорили, убеждали друг друга долго, но так ни до чего договориться и не смогли, потому что стояли на совершенно исключавших друг друга точках зрения.

Керенский об этом ночном разговоре оставил такие строки:

«В тесной каюте торпедного катера, на котором мы шли в Севастополь, у нас с Колчаком состоялся продолжительный разговор. Я приложил максимум усилий, чтобы убедить его в том, что этот инцидент не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом (адмирал А. И. Непенин 4 марта был убит матросами. — *Авт.*), что у него нет основания для расстройств, что положение его намного прочнее, чем он предполагает. Не найдя никаких логичных возражений против моих доводов, он в конце концов воскликнул со слезами на глазах:

«Для них (матросов. — *Авт.*) Центральный комитет значит больше, чем я! Я не хочу более иметь с ними дела! Я более не люблю их!..» Что можно было ответить на эти слова, продиктованные не столько разумом, сколько сердцем?»

Утром 17 мая А. Ф. Керенский прибыл в Севастополь.

Вот как описывает этот визит один из очевидцев (передаем близко к тексту рассказа).

На палубе линейного корабля «Георгий Победоносец» выстраивается команда с офицерами и почетным караулом, с оркестром. Подходит катер «Скорый». Керенский, сопровождаемый Колчаком, поднимается по трапу.

Приняв рапорт командира корабля, военный и морской министр обходит весь офицерский состав и команду, подавая руку многим матросам. Затем, взобравшись на люк, Керенский обратился к присутствующим с речью. Приветствуя флот, он, в частности, сказал:

— Позвольте мне в вашем присутствии приветствовать командующего флотом, который, будучи в Петрограде, говорил об организации Черноморского флота, указывая на то единение, которое существует здесь, и на то значение, какое он придает организации. Да здравствует ваш командующий флотом и лучший представитель офицерского корпуса!.. Ура!..

В ответ раздалось громкое, но не дружное «ура».

С «Георгия Победоносца» министр инкогнито, в сопровождении председателя ЦВИК, начальника охраны и начальника его кабинета полковника В. Л. Барановского, съехал на берег и отправился в Покровский собор поклониться праху лейтенанта Шмидта. Здесь он возложил на гроб Георгиевский крест. Возвратившись на корабль, Керенский съехал оттуда уже с вице-адмиралом Колчаком и другими начальствующими лицами на Графскую пристань, где был встречен представителями некоторых воинских частей, профессионального союза строительных рабочих, эсеров, меньшевиков, других организаций, партий и союзов.

Под звуки «Марсельезы» Керенский не спеша обходил все организации и партии, здороваясь с ними и выслушивая краткие приветственные речи.

Затем Керенский, в сопровождении Колчака, объехал суда, порт и в три часа дня прибыл на заседание Центрального комитета совета солдатских, матросских и рабочих депутатов.

Керенский поблагодарил за приветствие и вежливо, как бы в знак особого уважения к совету, поздравил председателя совета с производством в прапорщики...

— Вас волнует, — говорил Керенский, — эпизод с генералом Петровым, и вами овладела странная идея, как будто бы ваш командующий переложил руль в сторону от общественных организаций. Из разговоров с командующим в Петрограде и здесь выяснилось недоразумение. Кроме того, я совершенно категорически должен сказать, что непоколебимый принцип должен быть положен в основу Временного правительства, это — признание за каждым гражданином неприкосновенности личности. Лишение свободы может произвести только компетентная власть...

Товарищи! Я согласен, что в период революции могут быть возможными действия и нежелательные. Но этот первый период разрушения уже прошел, и я должен сказать, что в деле Петрова ЦВИК поднял свой престиж на новую, еще небывалую высоту.

Товарищи! Этот эпизод показал, что есть такие черты и пределы, к которым лучше не подходить. Лучшая организация фронта, как ваша, при других обстоятельствах могла разрушиться.

Я убежден, товарищи, что мне не придется больше приезжать сюда, чтобы примирять вас...

За Керенским об аресте генерала Петрова начал говорить Колчак. Он подчеркнул, что арест может быть произведен только по приказанию юридической власти. Далее Колчак указал на то, что о деле поставщиков он даже не знал.

После речи Колчака выступил лейтенант Левговд, который обрисовал обстоятельства ареста Петрова и отметил, что арест был произведен после того, когда ЦВИК убедился в неприемлемости и непримиримости позиции командующего.

В заключительном слове Керенский отметил, что расхождение появилось лишь вследствие нежелания комитета сохранить порядок. Деятельность же Петро-

ва, по его мнению, подлежит самому широкому расследованию, а ЦВИК по существу был прав. Керенский предложил считать инцидент лишь мелким недоразумением и по старому русскому обычаю «забыть прошлое и поцеловаться».

— Вот видите, адмирал, — сказал Керенский Колчаку, — все улажено, мало ли что — теперь приходится смотреть сквозь пальцы на многие вещи. Я уверен, что у вас не повторятся подобные события. Командиры меня уверяли, что они будут исполнять свой долг...

В конце концов Керенский обратился к Колчаку с просьбой от имени правительства:

— Оставайтесь на своем посту. Сейчас вас заменить нежелательно. Я прошу, чтобы вы продолжали оставаться во главе Черноморского флота.

— Хорошо, останусь, — ответил А. В. Колчак.

После отъезда Керенского из Крыма положение там несколько не изменилось. Казалось, после долгих разговоров и уговоров мир между Колчаком и ЦВИК был восстановлен. Однако их отношения уже никогда не станут такими, как прежде.

Керенский непоколебимо верил во всемогущество слова, которое, в сущности говоря, за последние два — три месяца всем порядком надоело, и общее впечатление было таково, что любые речи или обращения уже утратили всякий смысл и значение. Но Керенский говорил, говорил... А все продолжалось в прежнем духе.

Так было и на Черном море. Приезд министра никаких ощутимых результатов не дал, никакого серьезного впечатления ни в командах, ни в гарнизоне не произвел.

Колчак совершенно выбился из сколько-нибудь нормального состояния. Он еще командовал флотом и был очень занят, готовил операции и выходил в море к берегам противника, где продолжал ставить минные заграждения и сети, организовывал дозорную службу и конвоирование транспортов. Насколько это было возможно — настолько это выполнялось.

Но все чаще им овладевали полнейшее равнодушие и безразличие ко всему, и тогда он часами сидел в своей каюте в каком-то странном состоянии, больше

похожем на сон, когда решительно ни о чем не думаешь, когда нет ни мыслей, ни волнений, ни желаний и нужно огромное усилие воли, чтобы очнуться, заставить себя что-нибудь делать, решать, приказывать...

Иногда, в свободные минуты, он брал чистый лист бумаги, ставил число и название корабля, затем выписывал: «Глубокоуважаемая Анна Васильевна», — далее лист бумаги оставался чистым. Проведя некоторое время в созерцании, Колчак убеждался, что написать ничего не может. Тогда он принимался за какое-нибудь другое дело, более продуктивное, заставляя себя не оставаться наедине с собой в те часы, когда он раньше отдыхал. Он устал от вечной борьбы с самим собой, ему все надоело. Возможно, это глупо, но ему было больно. Он почти не спал. Прибавьте к этому всеобщий бедлам и непрерывную возню с демократическими новообразованиями. Какими свойствами души надо обладать, чтобы при такой обстановке не терять контроля над собой и поступать «холодно и спокойно»? А он все-таки держался, хотя и находился в состоянии, близком к отчаянию.

В одном из писем А. В. Тимиревой адмирал 30 мая писал: «Позорно проиграна война, в частности кампания на Черном море... Не знаю, насколько это справедливо, но мне доказали, что только я один в состоянии удержать флот от полного развала и анархии, и я заставил себя работать... Я много работал в этом месяце — ряд операций — выходов в море, частью кончившихся трагически, с потерями прекрасных людей, как в минной операции в Босфоре (12—13 мая. — *Авт.*), гибель подводки «Морж» (вышла к Босфору 11 мая и бесследно исчезла. — *Авт.*), частью удачных, как разгром анатолийского побережья вспомогательными крейсерами и миноносцами (28—30 мая. — *Авт.*)... Мне удалось поднять дух во флоте, и результатом явилась Черноморская делегация, которую правительство и общество оценило как акт государственного значения. Против меня повелась кампания — я не колеблясь принял ее и при первом же столкновении поставил на карту все — я выиграл: правительство, высшее командование, совет рабочих и солдатских депутатов и почти все политические круги стали немед-

ленно на мою сторону... Я получил и получаю очень много писем и телеграмм отовсюду, почему-то мне приписывают какие-то вещи, значение которых я не разделяю, политические деятели, представители командования говорят мне о каких-то заслугах и выражают мне благодарность неизвестно за что...»

Через неделю он пишет ей новое письмо, в котором есть и такие строки:

«В часы горя и отчаяния я не привык падать духом — я только делаюсь действительно жестким и бессердечным, но эти слова к Вам не могут быть применены. Я работал очень много за это время, стараясь найти в работе забвение, и мне удалось многое до сих пор выполнить и в оперативном и политическом смысле. И до сего дня мне удалось в течение трех месяцев удержать флот от позорного развала и создать ему имя части, сохранившей известную дисциплину и организацию. Сегодня на флоте создалась анархия, и я вторично обратился к правительству с указанием на необходимость моей смены.

За 11 месяцев моего командования я выполнил главную задачу — я осуществил полное господство на море, ликвидировав деятельность даже неприятельских подводок. Но больше я не хочу думать о флоте.

Только о Вас, Анна Васильевна, мое божество, мое счастье, моя бесконечно дорогая и любимая, я хочу думать о Вас, как это делал каждую минуту своего командования.

Я не знаю, что будет через час, но я буду, пока существую, думать о моей звезде, о луче света и тепла — о Вас, Анна Васильевна...»

«Божество», «звезда», «луч света и тепла». Ее портрет в походной каюте адмирала. Их общение, часто «воображаемое». Скажут: что-то книжное, надуманное, далекое от реальности. Но эта любовь стала для Колчака, в сущности очень одинокого человека, настоящим якорем спасения в пору исторических ураганов, морального поражения, душевной боли.

В КОНЦЕ МАЯ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ появились «депутаты Балтики» из Кронштадта и других мест.

«Вид у них был разбойничий, — вспоминал позже начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал М. И. Смирнов, — с лохматыми волосами, фуражками набекрень, — все они почему-то носили темные очки».

Поселились «депутаты Балтики» в хороших гостиницах, тратили много денег. Тогда же приехали в Севастополь и направленные из центра большевики. «Севастополь должен стать Кронштадтом Юга», — напутствовал большевик Я. М. Свердлов Ю. П. Гавена и других своих соратников.

Начались неподконтрольные севастопольским властям митинги, на которых велась открытая пропаганда против А. В. Колчака, офицеров, готовивших якобы контрреволюционный заговор, заявлялось, что Черноморский флот до сих пор бездействует:

— Товарищи черноморцы!.. Что вы сделали для революции? Вами командует прежний командующий флотом, назначенный еще царем. Вот мы, балтийцы, убили нашего командующего флотом, мы заслужили перед революцией... — И т. д., и т. п.

Эти речи имели большое влияние на матросов, солдат и рабочих. Офицеров стали вытеснять из судовых комитетов, получила распространение большевистская литература, ЦВИК потерял свое прежнее влияние. Команды судов все чаще стали отказываться выходить в море для выполнения боевых задач. На берегу начались массовые аресты офицеров, на кораблях матросы отбирали у них оружие, обыскивали их каюты. Недовольство матросов приняло открытые формы.

4 июня командующий флотом вице-адмирал А. В. Колчак направил военному и морскому министру А. Ф. Керенскому телеграмму за № 1242:

«Не имевшая сначала успеха агитация большевиков, прибывших в Севастополь с депутацией балтийских моряков, в течение последних дней получила сильное распространение.

Большевики направили силы на Севастополь, так как им важно разрушить создавшийся здесь порядок. Офицеры и Центральный комитет прилагают все силы для противодействия пропаганде, но вследствие сла-

бых здешних партийных организаций положение заметно ухудшается.

Прошу Вашего содействия срочно направить в Севастополь выехавшие в Москву депутатии от Волынского полка, партии «Единство», беженцев из плена и других государственных социалистических партий».

На следующий день во дворе черноморского экипажа — это огромная площадь, состоялся 15-тысячный митинг, во время которого был арестован ряд офицеров, выдвигались требования отобрать оружие и у остальных, выражалось недовольство политикой ЦВИК Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих.

Был на этом митинге и Колчак. Его никто не приглашал. Но, узнав о времени его проведения — около четырех часов дня, — Колчак один, в сопровождении лишь дежурного офицера, на автомобиле поехал в этот экипаж.

О том, что было дальше, А. В. Колчак рассказывает так:

— Там какие-то неизвестные мне посторонние люди подняли вопрос о прекращении войны, представляя его в том виде, в каком велась пропаганда у нас на фронте, — что эта война выгодна только известному классу. В конце же концов, перешли на тему относительно меня, причем я был выставлен в виде прусского агария.

Колчак немедленно потребовал слова и сказал:

— Мое материальное положение определяется следующим. В самого начала войны, с 1914 года, кроме чемоданов, которые моя жена успела захватить с собой из Либавы, не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Либаве. Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей. В первые дни был обстрел Либавы, и моя жена с некоторыми другими женами офицеров бежала из Либавского порта, бросив все. Впоследствии это все было разграблено в результате хаоса, который произошел в порту. С 1914 года я жил только тем, что у меня было в чемоданах в каюте. Моя семья была в таком же положении. Если кто-нибудь укажет или найдет у меня какое-нибудь

имение или недвижимое имущество, или какие-нибудь капиталы обнаружит, то я могу их охотно передать, потому что их не существует в природе...

Это произвело сильное впечатление на участников митинга, и подобный вопрос больше не поднимался.

Тогда выдвинули новое обвинение — что Колчак сознательно ослабляет флот выводом судов из строя. Причем приводился в пример эсминец «Жаркий». На это обвинение командующий твердо сказал, что он миноносец куда больше не пошлет и считает его, как судно, несуществующим. Тогда возник вопрос о старом броненосце «Три Святителя».

Дело в том, что очень многие просились в отпуска и Колчаку нужно было кем-то компенсировать людей на транспортах. Он принял решение вывести из боевого состава флота «Три Святителя» и членами его команды пополнить личный состав транспортной флотилии в Одессе. Отпусками в это время уже ведали комитеты, и они раздавались всем желающим без всякого контроля со стороны командования. Колчак же получал только сообщения от командиров судов, что людей не хватает, отпускники не возвращаются, а новые все уходят. Это и вынудило командующего флотом прибегнуть к такой мере. В военном отношении это не имело большого значения — броненосец был старый и осенью подлежал списанию в порт.

— Ослаблять флот, — говорил Колчак на митинге, — с моей стороны, конечно, совершенная бессмыслица, и совершенно бессмысленно возводить на меня такое обвинение. Если кто-нибудь заинтересован, чтобы во флоте был порядок, то я первый, и, следовательно, трудно мне предъявить обвинение и заподозрить меня в том, что я умышленно ослабляю флот, ибо это значит рубить сук, на котором я сижу.

Никаких возражений Колчаку сделано не было.

Не дожидаясь окончания митинга, он сел в автомобиль и вернулся к себе на линкор «Георгий Победоносец», стоявший в Севастополе на мертвых якорях. Когда Колчак не находился в море, он жил на этом старом линейном корабле.

Утром 6 июня в помещении цирка открылось экстренное делегатское собрание матросов, солдат, офицеров и рабочих порта. Колчак приехал туда с намере-

нием выступить, но ему не дали слова, и он покинул собрание. Делегаты постановили отобрать у офицеров не только огнестрельное, но и холодное оружие, вынесли резолюцию об отстранении от должности командующего Черноморским флотом А. В. Колчака и начальника штаба флота М. И. Смирнова. В три часа дня обо всем этом была разослана по судам и полкам радиограмма. Это было сделано без уведомления вице-адмирала Колчака, и прежде чем можно было на это как-то отреагировать, на судах у офицеров стали отбирать оружие. Несколько офицеров в знак протеста застрелилось.

Попытки вице-адмирала А. В. Колчака восстановить порядок и спокойствие оказались тщетными. Тогда во избежание кровопролития он предложил офицерам не сопротивляться, а по радиотелеграфу был передан его приказ:

«Считаю постановление делегатского собрания об отобрании оружия у офицеров позорящим команду, офицеров, флот и меня. Считаю, что ни я один, ни офицеры ничем не вызвали подозрений в своей искренности и существовании тех или иных интересов, помимо интересов русской военной силы. Призываю офицеров, во избежание возможных эксцессов, добровольно подчиниться требованиям команд и отдать им все оружие. Отдаю и я свою Георгиевскую саблю, заслуженную мною при обороне Порт-Артура. В нанесении мне и офицерам оскорбления не считаю возможным винить вверенный мне Черноморский флот, ибо знаю, что безумное поведение навеяно заезжими агитаторами. Оставаться на посту командующего флотом считаю вредным и с полным спокойствием ожидаю решения правительства».

Собрав команду линейного корабля «Георгий Победоносец», А. В. Колчак попытался еще раз объяснить ей губительные для России последствия поступков судовых команд и якобы заявил, что своего оружия им не отстает.

Речь адмирала не произвела особого впечатления. Матросы, обсуждая ее, говорили:

— Чего он рассердился, зачем ему сабля, все равно она висит у него в шкафу и он надевает ее только на парадах. Для парадов мы будем ее возвращать.

Члены судового комитета линкора пришли в каюту к адмиралу с требованием сдать оружие. Но он выгнал их вон, затем вышел на палубу и выбросил за борт свою Георгиевскую саблю, сказав:

— Море мне это оружие дало — морю его и отдаю...

В 17 часов 30 минут 6 июня вице-адмирал А. В. Колчак телеграфировал в Петроград Временному правительству о своей отставке:

«Сегодня делегатское собрание постановило отобрать от всех офицеров оружие, что и приведено в исполнение судовыми и полковыми комитетами, такое же требование предъявлено и мне. Этим поступком наносится глубокое оскорбление мне и всему офицерскому составу, вносится рознь и разлад в вооруженную силу. Считаю, что моя дальнейшая деятельность в Черном море, равно как и деятельность начальника моего штаба, более не может быть полезна для блага отечества. Необходимо немедленное назначение нового командующего флотом и нового начальника штаба».

В среде противников революции с упоением и восторгом рассказывали о «великолепном», «рыцарском» поступке вице-адмирала А. В. Колчака, считали, что тем самым он выразил свой протест против «анархии». Газетчики единодушно сходились в оценке Колчака как волевого, решительного и твердого в своих убеждениях офицера.

Сколько разговоров, обрастая все новыми подробностями, сколько мифов и легенд ходило об этой истории, об этом «эффектном жесте».

А был ли этот жест?

Скорее, все выглядело обыденней и проще, без эффектов. Когда к Колчаку в каюту ввалились матросы, адмирал понял, что это конец всему: то, что вчера еще казалось хорошо и надолго отлаженным механизмом, буквально на глазах безжалостно превращалось в груды ненужного, бесформенного лома.

Они не могли выдвинуть против него особых обвинений: он не лукавил с ними и был с ними неизменно справедлив.

В их торжествующей возбужденности не было ни обиды, ни злости, а лишь одно ликующее упоение властью над тем, что еще вчера было им неподвластно.

Возможно, адмирал не прочь был даже подчиниться. А почему бы и нет? Ведь он сам отдал распоряжение не сопротивляться. В конце концов что, собственно, означала для него эта сабля, если рушилась сама основа бытия.

Летчик — поручик К. В. Сафонов, все время находившийся на Черноморском флоте при А. В. Колчаке, свидетельствует: «Рассказ о брошенной Колчаком в море сабле в ответ на предложение матросов сдать оружие — легенда; Колчак сдал, как и другие офицеры, свое оружие; и лишь на другой день (7 июня. — *Авт.*), когда матросы возвращали оружие, Колчак взял свое, как и другие офицеры, и сказал: «Раз не хотят, чтобы у нас было оружие — так пусть идет в море...» И только тогда бросил его за борт».

...Отправив телеграмму о своей отставке Керенскому, А. В. Колчак вызвал контр-адмирала В. К. Лукина и приказал ему вступить в командование флотом. Он пытался возражать, но Колчак был непреклонен.

— Вечером я поехал к себе домой, — расскажет он позже о дальнейшем развитии событий. — Вскоре ко мне на городскую квартиру явились два-три человека с заявлением, что они уполномочены исполнительным комитетом севастопольского совета посмотреть, нет ли у меня каких-нибудь секретных документов. Но так как я на квартире никогда не жил, приезжал туда на несколько часов по вечерам, а жил на корабле, то, конечно, никаких документов у меня не могло быть. Я предложил им осмотреть мой кабинет. Они произвели обыск, но ничего не нашли. Я остался дома. Смирнов пришел ко мне вечером.

Вскоре к Колчаку явился один из флаг-офицеров и сообщил, что состоялось постановление о его аресте. Колчак решил отправиться на корабль и там ночевать, так как не хотел, чтобы его арестовывали в собственном доме, на глазах у жены и сына. Приехав на корабль, он улегся спать. Никто не приходил его арестовывать.

В ночь с 6 на 7 июня в Севастополь пришла телеграмма за подписями князя Львова и Керенского:

«Временное правительство требует:

1. немедленного подчинения Черноморского флота законной власти,

2. приказывает адмиралу Колчаку и капитану (так в тексте документа, правильно контр-адмиралу. — *Авт.*) Смирному, допустившим явный бунт, немедленно выехать в Петроград для личного доклада,

3. временное командование Черноморским флотом принять адмиралу Лукину, с возложением обязанностей начальника штаба временного на лицо по его усмотрению,

4. адмиралу Лукину немедленно выполнить непреклонную волю Временного правительства,

5. возвратить оружие офицерам в день получения сего повеления. Восстановить деятельность должностных лиц и комитетов в законных формах. Чинов, которые осмелятся не подчиняться сему повелению, немедленно арестовать, как изменников отечества и революции, и предать суду. Об исполнении сего телеграфно донести в 24 часа.

Напомнить командам, что до сих пор Черноморский флот считался всей страной оплотом свободы и Революции».

Столь резкий поворот событий несколько охладил страсти, оружие офицерам было возвращено уже 7 июня. В этот же день в ответ на телеграмму Временного правительства экстренно собранное делегатское собрание флота послало в Петроград следующую телеграмму:

«История о бунте в Севастополе раздута. Вышло недоразумение с арестом трех офицеров. Это недоразумение было раздута на митинге, где решили идти обыскивать всех офицеров; чтобы этого избежать, экстренное делегатское собрание и ЦК просили Колчака издать приказ о сдаче оружия офицерами. Приказ был издан. Все оружие офицерами сдано вчера. Этим предотвратили обыски, возможные эксцессы. Колчак об этом в резкой форме телеграфировал Совету министров, и поэтому создался инцидент с Колчаком. В связи с этим выяснилось, что деятельность штаба идет ненормально. «Три Святителя» поставили в ремонт, когда ремонт не требовался, команда «Синопа» (линейный корабль. — *Авт.*) без нужды списана и валяется

в экипаже, а потому — брожение против Колчака. Правильность этих обвинений выяснит следственная комиссия. Возбужденный заезжими агитаторами митинг вынес резолюцию об аресте Колчака, мы не считали постановления митинга для себя обязательными. Требование это не исполнили, предложили высказаться об этом судовым комитетам и полковым комитетам, и они сегодня все прислали свои постановления, где в 68 постановлениях не соглашаются с постановлением митинга и только 4 за арест Колчака...»

В среду, 7 июня, в Севастополь для изучения постановки минного дела и методов борьбы с подводными лодками в Черноморском флоте прибыла американская военно-морская миссия контр-адмирала Дж. Г. Гленнона. Колчак не захотел встретиться с американцами, сказал, что он никого не принимает. Американскую делегацию на вокзале встречал контр-адмирал Лукин и представители исполнительного комитета севастопольского совета. Ознакомившись с положением дел в Севастополе, члены миссии были вынуждены менее чем через сутки уехать. Они успели побывать на кораблях, подводных лодках и батареях береговой охраны; Гленнон выступил на делегатском собрании матросов, солдат и рабочих порта, призвав их вести войну до победного конца.

Вызванный телеграммой Временного правительства, вице-адмирал А. В. Колчак сдал должность контр-адмиралу В. К. Лукину и в ночь на 8 июня вместе с начальником штаба флота М. И. Смирновым беспрепятственно выехал в Петроград, навсегда распрощавшись с флотом.

Немецкий крейсер «Бреслау», получив по агентурным каналам известие о потере боеспособности русского флота, 10 июня в 18 часов 45 минут (по немецким источникам) вышел в Черное море, поставил минное заграждение напротив устья Дуная, а на рассвете 12 июня бомбардировал русскую радиостанцию на острове Змеином (Фидониси), маяк, помещение команды, высадил десант, который уничтожил две пушки, захватил винтовки и пулемет, провизию, пленил одиннадцать человек. Попытки русских кораблей уничтожить «Бреслау» успеха не имели.

Офицеры флота повели агитацию за то, чтобы

команды вынесли решение с просьбой о возвращении А. В. Колчака на флот. Но все оказалось тщетно. К этому времени позиции большевиков на флоте окрепли, и они смогли убедить массы в правильности решения об удалении вице-адмирала Колчака от командования флотом.

Проводить А. В. Колчака собралась группа офицеров, которая устроила на вокзале адмиралу овацию. При отходе курьерского поезда один из офицеров, обращаясь к Колчаку, крикнул:

— Мужество и доблесть, сознание долга и чести во все времена служили украшением народов!.. Ура!..

Когда поезд тронулся, Колчак сказал себе: «Все кончено...»

По распоряжению главы американской военно-морской миссии Дж. Г. Гленнона, его вагон был прицеплен к тому же поезду, которым А. В. Колчак отбыл из Севастополя в Петроград. Им еще предстоит встретиться, и эта встреча многое изменит в жизни вице-адмирала.

Интересны оценки боевой деятельности Колчака, которые даны противником. Уж тут трудно кого-либо упрекнуть в предвзятости или необъективности.

«Колчак был молодой и энергичный вождь, — говорится в одном немецком официальном издании по истории войны на Черном море, — сделавший себе имя в Балтийском море. С его назначением деятельность русских миноносцев еще более усилилась. Сообщение с Зунгулдаком было значительно стеснено. Подвоз угля был крайне затруднен. Угольный голод (в Турции) все больше давил. Флот был вынужден прекратить операции».

А вот оценка минирования Босфора, которое осуществлялось под непосредственным руководством и наблюдением А. В. Колчака: «Постановка русскими морскими силами мин перед Босфором производилась мастерски». И еще: «Летом 1916 года русские поставили приблизительно 1800—2000 мин. Для этого они пользовались ночами, так как только ночью можно

было подойти к берегу. Русские заградители подходили непосредственно к берегу, и новые мины ложились так близко к старым, что можно было только удивляться ловкости и уверенности, с которыми русские сами избегали своих собственных раньше поставленных мин».

И далее: «На все надобности Оттоманской империи пришлось ограничиться 14 000 тоннами угля в месяц, прибывавшими из Германии... К лету (1917 года. — *Авт.*) деятельность русского флота стала заметно ослабевать. Колчак ушел. Россия ясно выходила из строя союзников, ее флот умирал. В декабре стали беспрепятственно доставлять уголь из Зунгулдака в Константинополь. Оттоманская империя стала оживать».

Здесь уместно будет обратить внимание на такой факт. В феврале 1917 года Первой мировой войне исполнилось два с половиной года. Конфликт, который дипломаты и генеральные штабы всех воюющих стран предполагали коротким и не очень кровопролитным, вопреки ожиданиям, приобрел затяжной характер и стал угрожать цивилизации. Но Россия вынесла тяжелейшее испытание с честью. Несмотря на то, что на нее обрушилось количество дивизий, на треть превышающее их число на Западном фронте; несмотря на первое в современной истории применение удушливых газов именно против русских; несмотря на тактические успехи Германии; несмотря на все свои усилия, противник не достиг ни одного решающего стратегического успеха: на востоке линия фронта проходила по самым западным окраинам России, Антанта продолжала воевать, Франция не пала. Промышленность России перестроилась на военный лад. Такие города, как Киев, Смоленск, Москва (не говоря уже о Царицыне — будущем Сталинграде), находились далеко от линии фронта. Только в Петрограде, на побережье Финского залива была опасность атаки противника с моря или с воздуха (Германия бомбила в то время Лондон, попадали и по Парижу).

Здесь неизбежно напрашивается сравнение с опытом Второй мировой войны. На той же территории, с тем же этнографическим составом, но с иным руко-

водством страны: гитлеровцы вышли на берег Волги и на Кавказ, Ленинград шестнадцать месяцев находился в блокаде, немецкие мотоциклисты проникали в Сокольники, а Киев жил два года под оккупацией. И если справедливо считают, что в этих тяжелейших условиях Советский Союз не был поражен, то с какой стати говорится о «поражении» царской России в 1917 году?

Россия императора Николая II ту войну не проиграла, а вот Россия Временного правительства (с «главнокомандующим» Керенским во главе потеряна Рига) или Россия Брест-Литовского мира (Германии отдана Украина, Киев оккупирован) — это уже совсем другое дело...

КОЛЧАК ПОКИДАЛ СЕВАСТОПОЛЬ в очень тяжелом расположении духа. Его тревожила судьба России, он ясно сознавал, что она идет быстрыми шагами к гибели. Брошенные в адрес вице-адмирала Временным правительством обвинения в допущении им бунта на флоте были оскорбительны. Он прилагал неимоверные усилия для сохранения боеспособности флота, но законы, вводимые Временным правительством, противоречили всем установившимся понятиям об устройстве вооруженных сил государства и немолимо разлагали армию и флот. Никакие меры отдельных начальников не могли остановить этого разложения.

В одном из писем А. В. Тимиревой того времени Колчак писал:

«Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, я хотел дать родине вооруженную силу, как я ее понимал, для решения тех задач, которые так или иначе, рано или поздно будут решены, но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий (и лишенный подобия), не способный выйти из психологии рабов народ этого не захотели».

По свидетельству М. И. Смирнова, адмирал считал Германию главной виновницей всех бед, обрушившихся на Россию и ее армию. Почему? Да потому, что она дошла «до таких низменных способов ведения войны, как доставка в Россию Ленина в запломбированном

вагоне». И А. В. Колчак был готов отдать все свои силы для сокрушения Германии, был готов ради этого сражаться даже в рядах союзников. Он верил их братству, считал себя связанным с ними долгом чести на поле брани и надеялся, что, победив Германию, союзники помогут восстановлению России. К сожалению, адмирал глубоко заблуждался. Позже, в Сибири, он сам поймет это, а пока...

Глава 8

ПОЛЫНЬ ЧУЖБИНЫ

Жаркое лето 1917 года... Страна вздыбилась в невиданном революционном смятении.

По мере развития событий в умах министров Временного правительства ожила и стала набирать силу идея наступления на фронте, способного реализовать не только и даже не столько стратегические, сколько политические расчеты хозяев власти. Кадеты, меньшевики и эсеры готовы были согласиться с этим, считая, что наступление необходимо, поскольку только ценой успеха на фронте можно «купить порядок в тылу и армии».

Но в наступлении был и немалый политический риск. Ведь Временное правительство и поддерживавшие его партии не могли не понимать, что, хотя солдат еще и держал штык наперевес, но он уже вот-вот готов был не только воткнуть его в землю, но и повернуть против тех, кто гнал его через колючую проволоку на германские пулеметы. А если провал, поражение, разгром? Тогда новый подъем революционной волны. А если все-таки победа?..

Так или иначе, но ждать было нельзя. Сам ход событий настоятельно требовал от правительства решительных действий для стабилизации режима. Время шло, а слова и обещания о мире, ликвидации помещичьего землевладения, улучшении условий жизни и т. д. оставались словами и обещаниями. На практике правительство не сделало ничего, чтобы обрести доверие масс. В итоге пропаганда большевистских лозунгов — мир, земля, рабочий контроль, вся власть советам — находила все больший отклик в массах.

Выбора у Временного правительства, по существу, не было. Нужно было идти на риск.

За пять дней до начала наступления вице-адмирал А. В. Колчак объяснял правительству всю абсурдность такого решения в условиях полного развала вооруженных сил страны. Но его — уже в который раз — не услышали. Или не захотели услышать...

10 ИЮНЯ КОЛЧАК ПРИЕЗЖАЕТ В СТОЛИЦУ в ореоле неукротимого, решительного и не сдавшегося борца с «революционной анархией». Эта слава еще больше закрепилась за ним после доклада в Мариинском дворце о событиях на Черном море. Колчак в резкой форме обвинил правительство в неспособности прекратить развал вооруженных сил России, чем привлек к себе всеобщее внимание. Его имя стало очень популярным. Газеты призывали: «Пусть князь Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министр победы...»

По прибытии в Петроград А. В. Колчак явился к военному и морскому министру А. Ф. Керенскому, но не застал его. Тот, одетый в полувойсковую форму без знаков отличия, по нескольку раз в день выступал на солдатских митингах. Он поднимался на сколоченные наспех помосты — или прямо с сиденья открытой машины — и говорил, говорил... Ему бурно аплодировали, нередко даже выносили на руках, но, как правило, это была лишь чисто внешняя, непосредственная реакция. Керенский уезжал, и обаяние стоявшего рядом «кумира» исчезало, оставалась суровая необходимость завтра или послезавтра идти под немецкий огонь...

Колчак переговорил с помощником Керенского, узнал, что правительство в ближайшие дни соберется на заседание, что назначена особая следственная комиссия, которая срочно выезжает в Севастополь для разбора произошедших там событий. Колчак встретился с председателем этой комиссии адвокатом А. С. Зарудным. Тот считал, что «все это — вздор, и снова все уладится».

— Нет, не уладится, — решительно сказал Колчак. — Я был целый месяц в этой обстановке, целый месяц старался всеми зависящими от меня способами

хоть как-нибудь поправить дело, но... Я считаю, что все пойдет хуже и хуже. Во всяком случае, назад я не вернусь и командовать при таких условиях не буду.

На этом они распрощались — каждый при своем мнении, — чтобы через две недели встретиться вновь. По этому поводу А. В. Колчак писал А. В. Тимиревой в Ревель: «Сегодня я имел продолжительную беседу с председателем комиссии, посланной в Севастополь для расследования происшедших там событий, А. С. Зарудным и выслушал истинно философскую историческую критику этого скверного дела. Как я ожидал, мнение истинного юриста сводится к тому, что сущность севастопольской истории в сравнении с делом великого исторического переворота ничего не стоит. Важен только факт моего ухода, безотносительно к причинам, его вызвавшим, и что ко мне может и должно быть предъявлено [требование] о «героическом самопожертвовании» и возвращении к командованию флотом Черного моря, так как препятствий для этого, кроме исходящих от меня, в сущности, нет. Вот это философия — я понимаю... С чего взяли, что ко мне могут предъявлять какие-то героические требования там, где я никаких элементов героизма не усматриваю. По совести говоря, «грабящий героизм» никогда не привлекал меня, и я сомневаюсь даже в существовании такого понятия».

Колчак ответил Зарудному, что он настолько оскорблен, что командовать Черноморским флотом считает ниже своего достоинства.

...13 июня в Мариинском дворце состоялось заседание правительства, на котором А. В. Колчак сделал доклад о событиях на Черном море.

Говорил подробно, в деталях изложил все, что произошло у него на флоте, подчеркнул, что все это он предвидел и заранее предупреждал. Говорил, уже не стесняясь, резко.

— Я не могу рассматривать деятельность правительства иначе, — горячился Колчак, — как ведущую к разрушению нашей вооруженной силы. Гораздо проще было бы идти открытым путем: просто-напросто распустить команды и прекратить деятельность флота, потому что при таких условиях флот все равно никакой пользы не принесет. Я считаю, что вина здесь

правительства, которое вело политику в отношении вооруженных сил, направленную на подрыв и развал командования, его авторитета, постановку командования в совершенно бесправное и беспомощное положение. Под видом свободы слова и свободы собрания совершенно открыто ведется работа наших врагов. Я глубоко убежден, что во всех этих собраниях как на Балтийском море, так и в Черноморском флоте для меня совершенно ясно видна работа не русская, а работа германской агентуры...

А. В. Колчак указал на ряд совпадений и фактов, которые были ему известны в этом отношении. Он, как и многие другие, видел в развитии и углублении революции лишь происки германских шпионов, искренне верил в широко распространившиеся в первые месяцы после февральского переворота утверждения о том, что вожди-большевики являются не более и не менее как агентами Германии.

Далее Колчак сказал:

— В течение революционного периода образцовое состояние Черноморского флота в отношении команд систематически разлагалось у меня на глазах, причем я был бессилён что-либо сделать, я был только зрителем, и единственное, что мне помогало, — это мой нравственный авторитет и мое личное влияние. Но долго на этом играть нельзя, потом все это проваливается, как и случилось.

О личном составе флота ничего, кроме хорошего, он сказать не мог:

— Команды в течение года вели себя настолько хорошо, что очень редко дело доходило до моего вмешательства, и в большинстве случаев все разрешалось в низовых инстанциях. Не говорю уже о том, что не было ни одного случая смертной казни, ссылки на каторжные работы. Несомненно, имели место проступки, но такого характера, что до командующего флотом они не доходили. И эти команды ваша политика довела до такого состояния путем систематического, планомерного нравственного развала...

Его слушали молча, затем официально поблагодарили за доклад и отпустили. Никто из членов правительства Колчаку ничего не сказал. Их пути явно расходились. На Колчака обиделись.

Вместе с А. В. Колчаком на этом заседании правительства был и контр-адмирал М. И. Смирнов, который тоже говорил на эту тему. Позже он писал в своих воспоминаниях: «Через несколько дней после прибытия в Петроград Колчак и я были приглашены на заседание Временного правительства в Марининский дворец для доклада о событиях на Черноморском флоте. Адмирал сказал, что вооруженные силы вследствие допущенной правительством антигосударственной агитации разлагаются и более не пригодны для войны, что имеется только два выхода — или заключить мир, или прекратить преступную агитацию, ввести смертную казнь и привести вооруженные силы в порядок, тем более что в так называемых демократических странах дисциплина строже и наказания жестче, чем были у нас при императорском режиме».

Колчак был свидетелем апрельских событий в Петрограде, когда перед Марининским дворцом — резиденцией правительства — шумели антивоенные митинги и демонстрации. С этого времени, по собственному признанию адмирала, его ненависть к революционной демократии резко усилилась. Он разделял мнение генерала Л. Г. Корнилова о том, что антивоенные и антиправительственные выступления масс следовало разогнать силой оружия.

Но, к разочарованию адмирала, Временное правительство не решилось во время апрельского кризиса прибегнуть к каким-либо радикальным мерам. В 1920 году Александр Колчак с нескрываемым презрением к болтунам и либералам из правительства говорил: «Они искренне хотели спасти положение, но при этом они опирались на очень шаткую почву — на какое-то нравственное воздействие на массы, народ, войска».

Поэтому при таком раскладе Колчак должен был избрать и избрал для себя правый лагерь, боевую силу которого составляли монархически настроенные генералитет и офицерство. Они сначала поддерживали думских лидеров, не противодействовали им, надеясь на стабилизацию положения, укрепление «порядка» в тылу и на фронте. Но революция стремительно углублялась, «анархия» разрасталась, угрожая разру-

шить все привычные «государственные скрепы», а Временное правительство, по их представлению, все более и более проявляло свою неспособность справиться с обстановкой. И вот, прикрываясь маской сторонников правительства, они избрали тактику тайного заговора, конспиративной подготовки военного переворота. Респектабельные господа — военные и штатские — тихо собирались на частных квартирах за плотно зашторенными окнами, приглушенными голосами обсуждали положение, намечали планы. Здесь звучала мысль, что с приходом к власти Временного правительства Россия вступила в эпоху «анархии и безответственности», что спасут ее не партии и организации, а «чудо и отдельные люди». Отдельные люди!

Начинает выкристаллизовываться главная идея правых сил — идея военной диктатуры, выраставшая из тоски по «сильной личности», «твердой руке», способной вернуть «порядок», покончить с революцией. Усиливаются разговоры о необходимости «установления военной власти». Высшее офицерство не покидает мысль: спасти Россию должны военные. Смуту, по их мнению, можно преодолеть не только патриотизмом россиян, ужесточением управления, но и «твердой рукой» военных. Такие суждения не оригинальны. Во всех подобных коллизиях прошлого генералитет, хотя бы мысленно, всегда начинал оценивать свои возможности для наведения «порядка».

Нужен был «вождь», к голосу которого, как считал генерал П. Н. Врангель, могла бы «прислушаться страна», чтобы «решительное заявление его, опирающееся на штыки, было бы выполнено».

Среди «прочных» генералов идет поиск будущего диктатора: М. В. Алексеев?.. Л. Г. Корнилов?.. Но у них есть конкурент — А. В. Колчак. Характерны мнения, сложившиеся к тому времени о Колчаке: «настоящий военный», человек с «железной рукой», умеющий и любящий наводить порядок.

МАЛО КТО ЗНАЛ, ЧТО в доме № 104 по Невскому проспекту в помещении Общества Бессарабской железной дороги находилась штаб-квартира межпартийной политической организации, созданной в начале

мая и именовавшей себя Республиканским центром. Вступавших в него не спрашивали «во что веруешь?», главное — это желание бороться против революции, против большевизма. В Центре собрались монархисты, кадеты, правые эсеры.

Еще меньше было известно о том, что происходило в этом Центре. Ничего не говорили широкой публике и имена людей, входивших в руководящее ядро: К. В. Николаевский (директор правления Общества Бессарабской железной дороги, председатель руководящего комитета Центра), его заместители П. Н. Финисов, Л. Рума, А. А. Богдановский. Наиболее активную роль играли двое первых. «Во главе его (Республиканского центра. — *Авт.*) стояли люди невоенные, с видным общественным и служебным положением, с независимыми средствами, хорошо известные в Ставке», — писал позже бывший товарищ председателя Главного комитета Союза офицеров армии и флота полковник В. И. Сидорин.

Те, кто стояли за этими «невоенными людьми» (промышленно-финансовые деятели — штатские люди практической складки), не стремились к рекламе, действовали без особого шума. В деловых кругах главу Центра знали, и недостатка в средствах он не испытывал.

Люди, создавшие Центр, считали, что «родина идет к гибели», что Временное правительство «не способно удержать власть», а потому культивировали идею установления военной диктатуры. Последняя, по их мнению, «помогла бы правительству, хотя и реформированному, довести страну до Учредительного собрания». Парадоксальность этой задачи — насильно навязать правительству военного диктатора ради спасения этого же правительства — понимали и сами ее авторы. Но таково было реальное положение Центра, который вел двойной образ жизни. Официально он действовал в рамках законности. Одновременно было создано конспиративное ядро, важным, если не главным, его элементом был военный отдел (по утверждению А. И. Деникина, в отделе насчитывалось до четырех тысяч человек), который, как и вообще руководство Центра, вел тайную работу не только против советов и большевиков, но и против «Зимнего двор-

ца» — Временного правительства. В этих кругах господствовал тезис: «Если царский режим был во многих отношениях неудобен, то режим Временного правительства становится нетерпимым... Необходимо с ним покончить».

Раз речь шла о военной диктатуре, естественно, встал вопрос о кандидате в диктаторы.

Выдвигалось имя генерала М. В. Алексеева, но он был стар, болен и вообще, по словам А. И. Деникина, по своему характеру совершенно не подходил «для выполнения насильственного переворота». Поэтому его кандидатура быстро отпала.

Остались Л. Г. Корнилов и А. В. Колчак.

Но получилось так, что сначала на первое место вышел вице-адмирал Колчак, который как раз в это время находился в Петрограде, и, естественно, к нему первому обратилось руководство Республиканского центра. Генерал Корнилов принял командование 8-й армией Юго-Западного фронта и находился в Бердичеве.

«Страна искала имя, — напишет впоследствии генерал-лейтенант А. И. Деникин. — Первоначально неясные надежды... соединялись с именем генерала Алексеева... Позднее, может быть и одновременно, многими организациями делались определенные предложения адмиралу Колчаку во время пребывания его в Петрограде. В частности, Республиканский центр находился в то время в сношениях с адмиралом, который принципиально не отказывался от возможности стать во главе движения... Доверительные разговоры на эту тему вел с ним и лидер кадетской партии (П. Н. Миллюков. — *Авт.*)».

В Колчаке видело возможного диктатора и руководство Союза офицеров армии и флота, который был создан генералами и офицерами в мае в Могилеве (в Ставке). Главный комитет Союза занял «нетерпимую позицию в отношении... Временного правительства», а внутри организации образовалась конспиративная группа «в целях установления военной диктатуры путем переворота». Представители Союза установили контакт с Колчаком и в конце июня преподнесли ему новую саблю, взамен выброшенной в море, с крайне лестной для него надписью: «Рыцарю чести от Союза офицеров армии и флота».

Первая встреча руководителей Центра с Колчаком произошла на Васильевском острове (здесь Александр Васильевич, приехав из Севастополя, жил на частной квартире). Разговор был недолгим, конкретным, понятным обеим сторонам. Колчак, в принципе, согласился с предложением Центра возглавить движение, задал несколько уточняющих вопросов о плане действий, получил исчерпывающие разъяснения. «После этого свидания, — говорится в одном из документов о Республиканском центре, — Колчак начал бывать на совещаниях комитета Республиканского центра, куда специально приглашались разные полезные люди и совместно вырабатывали план действий. Со стороны Колчака были его сотрудники...» На допросе в Иркутске адмирал лишь мимоходом упомянул о своем участии в заседаниях Центра, не сказав ничего об их содержании и характере. Но одно время он даже руководил его военным отделом. Происходили и частные встречи Колчака с П. Н. Милюковым, В. В. Шульгиным и другими видными общественными деятелями. К этому времени лидер кадетов Милюков считал, что борьбу с революцией надо вести «не внутри возглавляющей ее власти, а вне ее».

Кадетско-монархическая контрреволюция ставила на Колчака, предпринимала попытки превратить его имя в свое знамя, широко рекламировала «рыцарский» поступок адмирала на Черном море в знак протеста против «анархии» на флоте.

По свидетельству меньшевика Н. Иорданского, имя Колчака стало «боевым кличем желтой — большой и малой — прессы». Правые газеты напропалую примеряли на него диктаторский мундир: печатали статьи, суть и заголовки которых одинаковы: «Адмирал Колчак — спаситель России», «Вся власть — адмиралу Колчаку» и т. д., и т. п.

Ажиотаж вокруг А. В. Колчака нарастал, и как-то само собой с его именем стали связывать надежды, ожидания — не он ли сметет паяца Керенского? По утверждению самого адмирала, это вызвало беспокойство в правящих кругах, правительство Керенского желало «избавиться» от его присутствия, «признав полную невозможность где-либо применить» вице-адмирала Колчака.

...Одновременно Колчак срочно понадобился и американцам. В это время в Петрограде находилась специальная дипломатическая миссия во главе с известным юристом, государственным деятелем США И. Руттом, главной целью которой было воспрепятствовать выходу России из войны и оказать содействие Временному правительству в борьбе с нараставшим революционным движением в стране. В состав миссии Рутта входила военно-морская миссия контр-адмирала Дж. Г. Гленнона, которая возвращалась из Севастополя в Петроград в одном поезде с А. В. Колчаком. Уже тогда состоялись первые секретные переговоры о возможной поездке Александра Васильевича в США во главе специальной военной миссии. Гленнон сообщил о предполагаемых активных действиях американского флота в Средиземном море, включавших десантную операцию против Дарданелл. Колчак должен был поделиться опытом, накопленным в ходе подготовки Босфорской операции. Колчак обещал подумать.

По этому поводу он писал А. В. Тимиревой из Петрограда через несколько дней после прибытия в столицу: «Моя деятельность и работа в Черном море окончена, но я попробую ее начать вновь, как ни дико это Вам покажется... Вероятно, я уеду далеко и надолго. Я затрудняюсь сейчас говорить определенно, так как окончательное решение должно последовать через несколько дней. Конечно, мне будет оказано противодействие, но я об этом не особенно беспокоюсь».

Вскоре на квартиру к Колчаку явился прикомандированный к миссии контр-адмирала Гленнона офицер российского Морского генерального штаба Д. Н. Федоров и передал пожелание американца встретиться и переговорить. Зная о целях миссии, Колчак согласился и в назначенное время прибыл в Зимний дворец, где жил Гленнон. Там был и Рутт.

Разговор пошел о минной войне, о борьбе с подводными лодками, о желании американцев познакомиться поближе с этим делом, а также с опытом Колчака в подготовке десантных операций в Босфоре. Колчак согласился поделиться теми сведениями, которыми располагал.

Тогда Гленнон спросил его:

— Как бы вы отнеслись к тому, что мы обратимся

к вашему правительству с просьбой командировать вас в Америку? Ознакомление со всеми этими вопросами потребует продолжительного времени, а между тем на днях мы должны уехать.

— Против командировки в Америку ничего не имею против. В настоящее время я свободен и применения себе пока не нашел. Если правительство согласится, я возражать не буду.

Гленнон попросил Колчака никому ничего не говорить о планируемой американским флотом десантной операции в Средиземном море против турок, заверив, что он будет просить Временное правительство командировать Колчака в США официально для консультаций по минному делу и борьбе с подводными лодками. Колчак с такой постановкой вопроса согласился.

«В субботу 17-го я имел совершенно секретный и весьма важный разговор с послом С. Ш. С. Америки (Соединенные Штаты Северной Америки. — *Авт.*) Руттом и адмиралом USN (Военно-морской флот США. — *Авт.*) Гленноном, — писал А. В. Колчак, А. В. Тимиревой, — результатом которого было решение мое принять участие в предполагаемых операциях Американского флота. Делу был придан сразу весьма решительный характер, и я уйду в ближайшем будущем в Нью-Йорк».

Итак, для А. В. Колчака — кадрового морского офицера, обладавшего большим и успешным опытом войны на море, — в суровое военное время не нашлось места в России, которой он верно и самоотверженно служил почти двадцать пять лет. Обидно, но факт. Он это понял и, оставляя «свою родину, свою работу, которая оказалась невыполненной», не испытывал «ни особого сожаления, ни тем более горя». А. В. Колчак решил служить России и дальше, служить так, как мог, — продолжать участвовать в войне, «а не в пошлой болтовне, которой все заняты».

Русский вице-адмирал оказался в положении кондотьера — наемника, вынужденного предлагать чужой стране свой военный опыт, знания, способности, а в случае необходимости — голову и жизнь в придачу.

По утверждению Колчака, он был польщен предложением американцев, так как не ожидал, что за границей имеет «ценность большую, чем мог пред-

полагать». И вот теперь «я действительно холодно и спокойно смотрю на свое положение и начал или, вернее, продолжаю работу, но для другого уже флота». «Быть может, лучи высшего счастья, доступного на земле, — счастья военного успеха и удачи — осветят чужой флаг, который будет тогда для меня таким же близким и родным, как тот, который теперь уже стал для меня воспоминанием».

Несмотря на ультимативные нотки, содержащиеся в официальном предложении И. Рута и Дж. Г. Гленнона Временному правительству командировать А. В. Колчака в США для консультаций по минному делу и борьбе с подводными лодками, российские власти не торопились с отправкой миссии. Дело в том, что — по утверждению лейтенанта Д. Н. Федорова, прикомандированного к американцам, — Колчак в то время якобы находился под следствием как обвиняемый в разложении дисциплины на Черноморском флоте. Но вскоре из Севастополя вернулась особая следственная комиссия А. С. Зарудного, и все обвинения с Колчака были сняты.

Формально правительство уведомило Колчака об отправке его во главе специальной военно-морской миссии в США (по свидетельству Колчака, «этот вопрос обсуждался тогда в Совете министров, и Совет министров без всяких возражений согласился на командирование меня в Америку»), но вопрос о персональном составе самой миссии все никак не решался. Да и военный и морской министр А. Ф. Керенский как раз в это время уехал на Юго-Западный фронт, где 18 июня началось наступление русских войск. А без его санкции не хотели принимать окончательного решения. Отъезд откладывался на неопределенное время.

Александр Васильевич в ожидании окончательного решения вопроса правительством начал собирать все необходимые документы по Босфорской десантной операции. В это время его посещают знакомые офицеры флота, пытаются уговорить остаться.

— Я сказал, — рассказывал А. В. Колчак позже, — что уже принял на себя известное обязательство, что в России сейчас нет применения моим силам.

Одно время он даже хотел уйти на фронт командовать тяжелой батареей, но после провала наступления Юго-Западного фронта отказался от этой мысли.

Группа офицеров сделала Колчаку предложение сформировать легион из добровольцев и с ним отправиться воевать во Францию. Колчак сначала заинтересовался, но, узнав, что «имя русского во Франции является чем-то вроде брани», посчитал для себя такую работу неприемлемой.

Встречался А. В. Колчак и с политическими деятелями, которые заседали в Таврическом дворце и с которыми он был знаком еще по Государственной думе. Узнав о его приезде в Петроград, они пригласили адмирала к себе. Он приехал и рассказал им о своем положении.

— Я готов ехать куда угодно и делать что угодно, — говорил Колчак, — но пусть мне укажут определенно, что я должен делать. Но таких указаний я не получаю. Обстановка же, в которой я могу оказаться, если останусь в России, такова, что исключает любую возможность какой бы то ни было полезной работы для родины. Поэтому я считаю, что единственное, чем я могу принести пользу, — это драться с немцами и их союзниками, когда угодно и в качестве кого угодно. Это будет единственная служба родине, которую я буду нести, принимая участие в войне, которую считаю самым важным, самым существенным делом из всего того, что происходит. Революция пошла по пути, который приведет ее к гибели. Я не политический деятель, я солдат, а потому считаю нужным продолжать свою службу, чисто военную. Раз я не могу в России принимать участия в этой борьбе, буду продолжать ее за границей.

Его опять уговаривают не уезжать, остаться, так как он нужен здесь. Но Колчак уже принял решение: в России он больше работать не может.

Побывал у Колчака «для совершенно секретной беседы» и председатель Главного комитета Союза офицеров армии и флота Л. Н. Новосельцев, входивший в сформировавшееся конспиративное ядро этой организации, которое вынашивало план установления в России военной диктатуры. Он ознакомил А. В. Колчака с этим планом.

«Когда я был у Колчака, — пишет в своих воспоминаниях Новосельцев, — то он мне сказал, что ему, в сущности, предложено поступить в американский

флот, но он это счел неудобным, и американцы предложили ему быть инструктором флота. Он сказал, что он был назначен в Черноморский флот именно ввиду ожидавшихся активных действий на Босфоре, что в первое время революции ему удалось справиться и наладить было отношения, но он сам себя ослабил, отправив Черноморскую делегацию на фронт для призыва к наступлению — Балтийский флот прислал агитаторов... Был устроен бунт, который на другой день прекратился сам собой, а министр Керенский поторопился отделаться от него. Он интересовался, что, собственно, сделано — какие планы. Говорил, что, если надо, то он останется, но только если есть что-либо серьезное, а не легкомысленная авантюра. Я должен был ему объяснить, что серьезного пока ничего не готово, что скоро ничего ожидать нельзя. Я посоветовал ему ехать, а затем вышло так, что Керенский предложил ему уехать чуть ли не в одни сутки. Колчак соглашался даже перейти на нелегальное положение, если бы это было надо, но надобности скоро не предвиделось, в Америке он мог принести больше пользы, и он уехал».

Наконец, премьер-министр Временного правительства князь Г. Е. Львов и временный управляющий Морским министерством генерал В. И. Лебедев подготовили проект, а правительство 28 июня приняло официальное постановление Морского министерства о посылке вице-адмирала А. В. Колчака во главе русской морской миссии в Америку для передачи «американскому флоту опыта нашей морской войны, в частности минной войны и борьбы с подводными лодками».

В числе причин, по которым Морское министерство России пошло навстречу просьбе посла США, указывались следующие:

«1. По сложившейся обстановке вице-адмирала Колчака вряд ли можно будет использовать в ближайшем будущем в России.

2. Несомненно, что вице-адмирал Колчак принесет громадную пользу нашим союзникам, очевидно, нуждающимся в опытном и боевом адмирале.

3. Исполнение этой просьбы будет способствовать фактическому сближению с новым союзником (США

вступили в войну в апреле 1917 года. — *Авт.*) и поможет нам получить от них столь необходимую нам помощь хотя бы миноносцами для охраны наших северных торговых путей».

Таким образом, военно-морская миссия А. В. Колчака не имела дипломатического статуса, четко очерченных целей. Говорилось об обмене опытом и высказывалась просьба помочь миноносцами в охране северных торговых путей. И только. Но неясно: то ли Россия хочет купить эти корабли, то ли американцы должны сами охранять российское северное побережье. Все как-то расплывчато и неопределенно.

Что касается персонального состава этой миссии, то первоначально туда намечались М. И. Смирнов, А. А. Тавастшерна и подыскивались кандидатуры еще одного-двух офицеров. «Тавастшерна после свидания с женой, видимо, колеблется оставить ее, — свидетельствует А. В. Колчак, — и я не уверен, что он поедет со мной. Я понимаю его и не настаиваю, хотя он очень нужен для моей работы». В конце концов в состав миссии Колчака вошли контр-адмирал М. И. Смирнов, флаг-артиллерийский офицер штаба командующего Черноморским флотом Д. Б. Колечицкий и еще три морских офицера — специалисты по минному делу: В. В. Безуар, И. Э. Вуич, А. М. Мезенцев (Мезенцов). По американским сведениям, в состав миссии входил также лейтенант Вадим Степанович Макаров — сын покойного вице-адмирала С. О. Макарова, адъютант Колчака.

Теперь дело осталось за Керенским, который, как военный и морской министр, должен был дать свою санкцию на осуществление миссии А. В. Колчака в США и утвердить ее состав. Но он был неуловим и появился в Петрограде только в первых числах июля, когда в России разразился новый политический кризис, поводом к которому явилось неудачное наступление на фронте и расформирование ряда революционных воинских частей.

3 июля в Петрограде вспыхнули стихийные демонстрации под лозунгами «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой Временное правительство!», «Вся

власть Советам рабочих и солдатских депутатов!». Вышли на улицы и воинские части.

А. В. Колчак несколько раз приходил в Морское министерство, пытаясь встретиться с Керенским. Но тот все время был занят, стремительно передвигался с места на место. Между тем от него зависело утверждение состава миссии, от него надо было получить санкцию на получение заграничных паспортов, валюты для поездки и т. д. Утром 4 июля Колчак пришел в приемную морского министра и решил ожидать Керенского до тех пор, пока он не явится.

Керенский появился в приемной около 12 часов и стремительно прошел в свой кабинет.

— Я очень занят, — раздраженно бросил он Колчаку, когда адмирал появился в дверях кабинета. — Должен позавтракать и сейчас же ехать на заседание Совета министров, времени у меня совсем нет.

Оказанный прием не смутил А. В. Колчака.

— У меня тоже срочные дела, — сказал он. — Мне надо получить вашу санкцию на состав миссии и ее отправление.

— Тогда пойдемте завтракать, и там вы мне доложите все ваши вопросы, — предложил Керенский.

Так как Керенский очень торопился, адмирал лишь в общих чертах начал обрисовывать ему положение, в котором находилась миссия.

Во время этого разговора появился дежурный адъютант и доложил, что к Керенскому явилась делегация солдат и хочет с ним переговорить.

Керенский заявил, что он не примет делегацию — нет времени. Те пригрозили, что не уйдут, пока не поговорят с военным и морским министром.

Не закончив завтракать, Керенский встал и вместе с Колчаком вышел в приемную и на лестницу, где находилось около тридцати солдат. Разговор затягивался, ни одна из сторон не шла на уступки. В конце концов Керенский не выдержал и совершенно неожиданно для Колчака, который стоял сзади него, сказал:

— Поговорите с ними, адмирал. — И сам быстро ушел.

Разобравшись с солдатами, Колчак вызвал дежурный автомобиль и поехал разыскивать Керенского. Нашел его на заседании Совета министров, которое

проходило на квартире министра иностранных дел М. И. Терещенко на Дворцовой площади. Но и там адмиралу не удалось переговорить с Керенским о судьбе своей миссии.

Колчак вернулся в приемную Керенского в Морском министерстве и обратился за помощью к первому помощнику морского министра контр-адмиралу Б. П. Дудорову.

— Скажу вам по секрету, — сообщил Дудоров, — что сегодня в семь — восемь часов вечера Керенский должен уехать. Официально он уезжает с Варшавского вокзала, неофициально же с Царскосельского. У меня также имеются срочные дела, и единственный способ поймать его — это сейчас же ехать на вокзал, сесть в поезд, в котором должен ехать Керенский, и по дороге, когда поезд тронется, переговорить с ним обо всем, так как здесь он слишком занят. Мы доедем до Царского Села, откуда и вернемся.

Они так и сделали. Приехали на Царскосельский вокзал, узнали от коменданта, где поезд Керенского, сели в него и стали ждать прибытия министра. Как только прибыл Керенский, поезд тронулся, и Колчак на ходу стал подробно докладывать. Керенский молча выслушал и подписал все бумаги, относившиеся к миссии Колчака.

Вечером этого же дня адмирал и Дудоров вернулись в Петроград, где уже вовсю шли антиправительственные демонстрации и гремели выстрелы. На Колчака «все это произвело впечатление неорганизованного выступления совершенно нелепого характера», мотив которого для него «общеизвестный — прекращение войны и роспуск по домам, все же остальные мотивы были привходящими». Бесспорно, это поверхностное впечатление случайного наблюдателя, к тому же не сочувственно относившегося к происходившим событиям.

Возникла ли в это время у Колчака мысль, что война дальше продолжаться не может, что надо подчиниться обстоятельствам?

Нет, такой мысли у него не возникало. Напротив, он считал, что «войну мы кончить не можем и что ее надо продолжать во что бы то ни стало. Никогда мысль о необходимости кончить войну мне не приходила в голову, и я не мог бы на это пойти».

Отец А. В. Колчака — генерал-майор В. И. Колчак

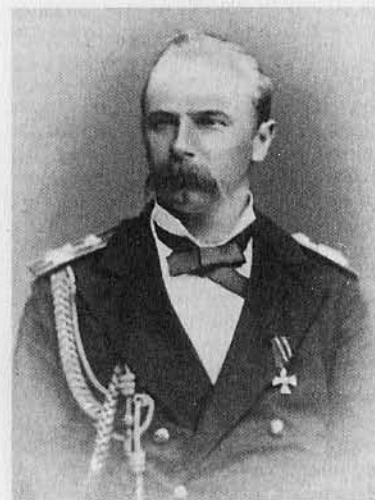
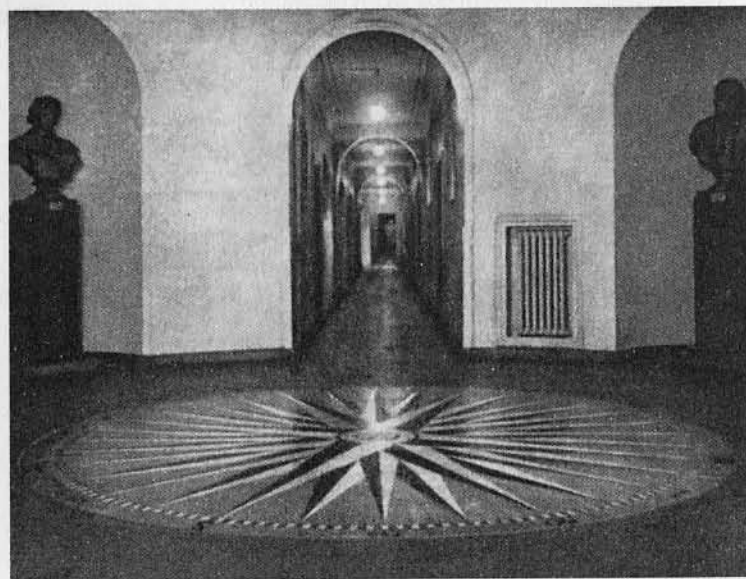
Мать А. В. Колчака — Ольга Ильинична

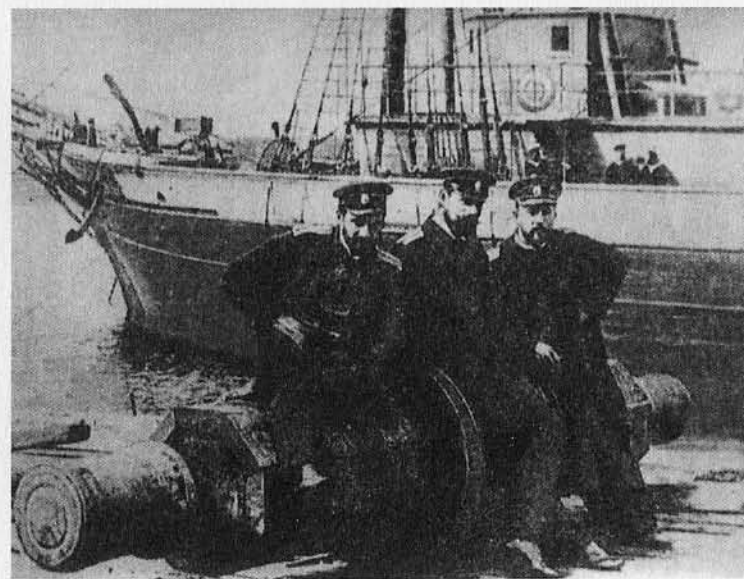
Морской кадетский корпус, который в 1894 г. закончил А. В. Колчак

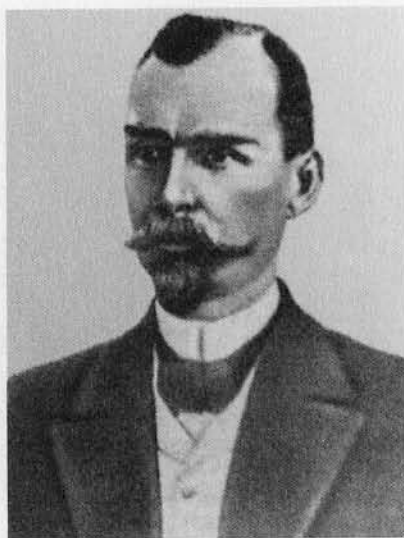
Компасный зал и классный коридор Морского кадетского корпуса

Флигель-адъютант капитан 2-го ранга
С. О. Макаров

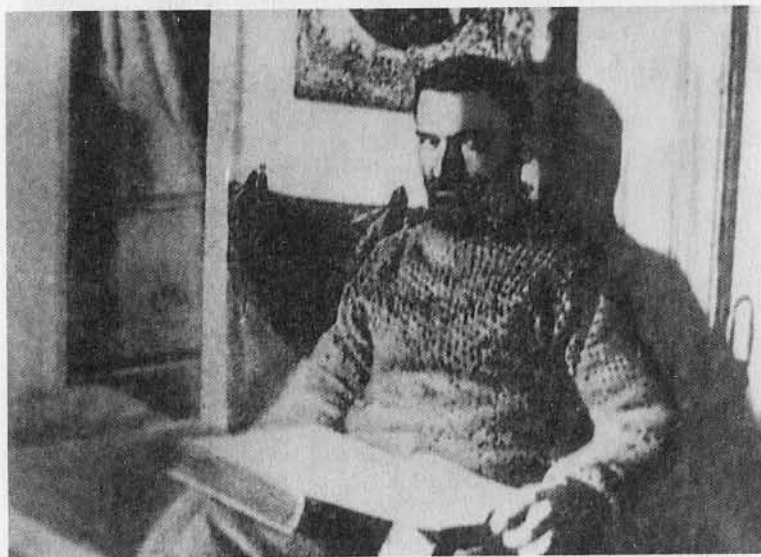
Морские офицеры, готовящие в Норвегии шхуну «Заря» к полярному плаванию.
Слева направо: А. В. Колчак, Н. Н. Коломейцев, Ф. А. Матисен

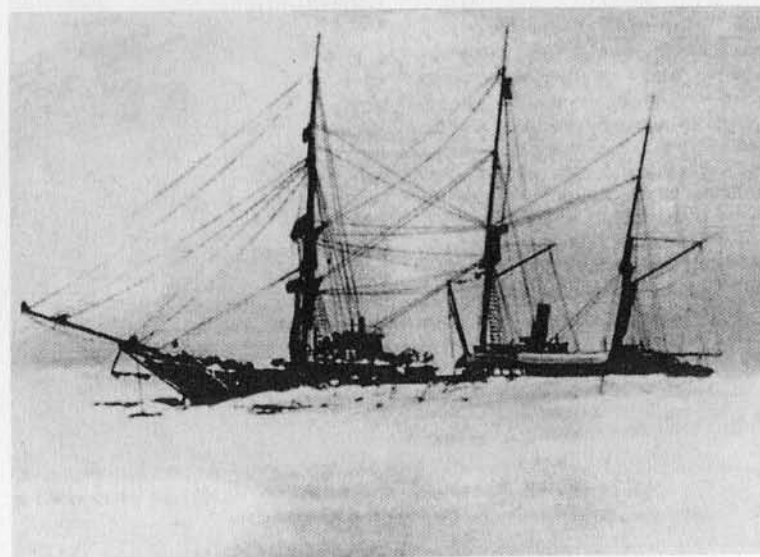
Руководитель Русской полярной экспедиции на шхуне «Заря» барон Эдуард Васильевич Толль

А. В. Колчак в кают-компании шхуны «Заря» во время русской полярной экспедиции

Остров, названный именем А. В. Колчака

Шхуна «Заря» на 1-ой зимовке у берегов Таймыра

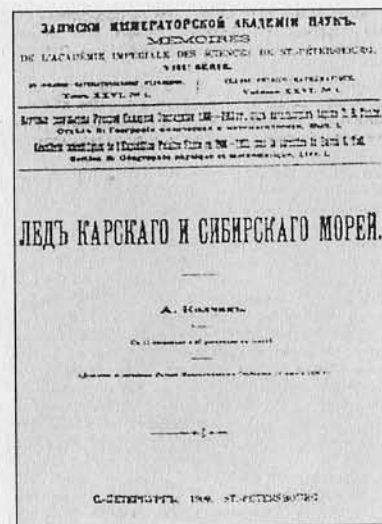

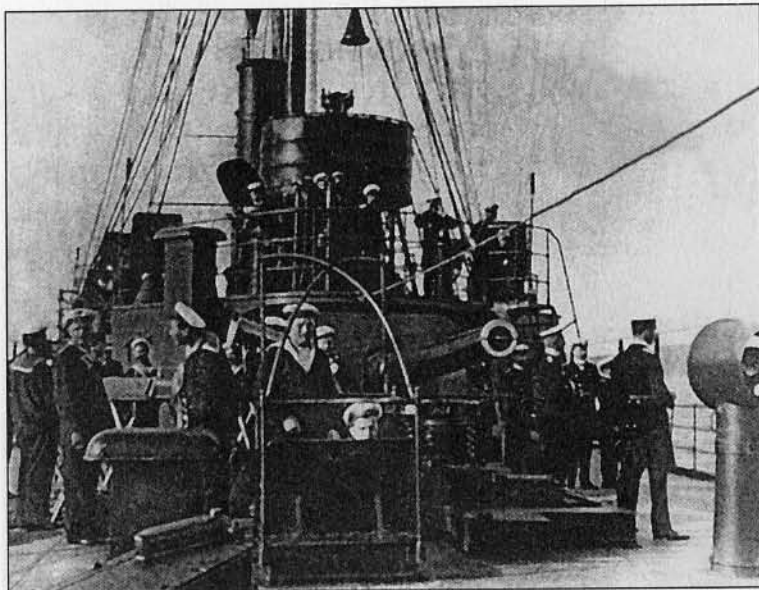
А. В. Колчак во время Русской полярной экспедиции

Крест, сооруженный на символической могиле-памятнике начальнику Русской полярной экспедиции барону Э. В. Толлю и его сподвижникам Ф. Зеебергу, В. Горохову и Н. Протодьяконову на Земле Беннетта

Титульный лист монографии А. В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей»

Адмирал Е.И. Алексеев и вице-адмирал С. О. Макаров осматривают японские суда с капитанского мостика. Порт-Артур, 1904 г.

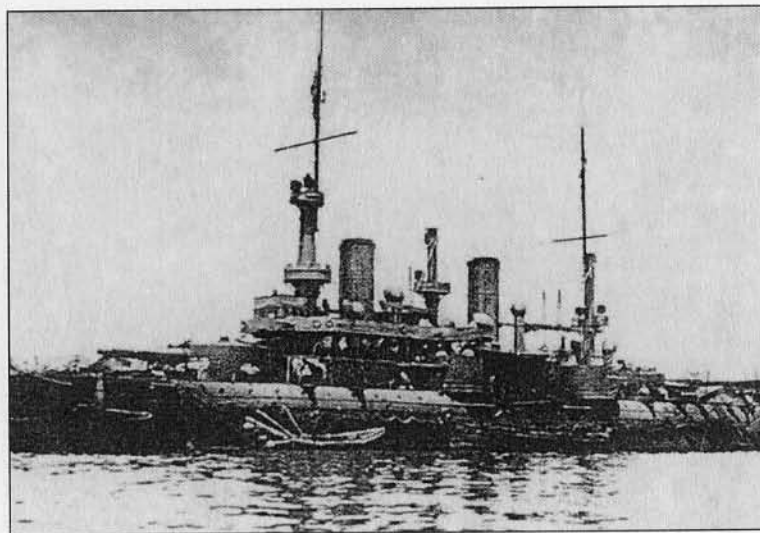

Начальник сухопутной обороны Порт-Артура генерал-майор Р. Н. Кондратенко

Командир броненосца «Севастополь» капитан 1-го ранга Н. О. фон Эссен

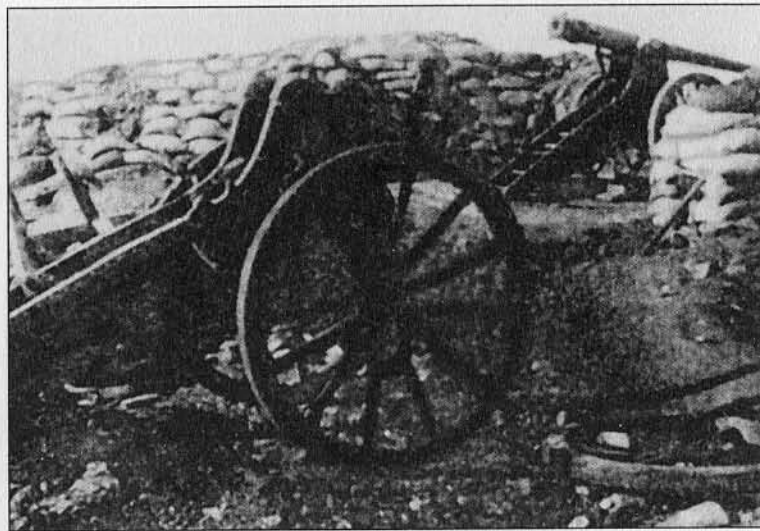
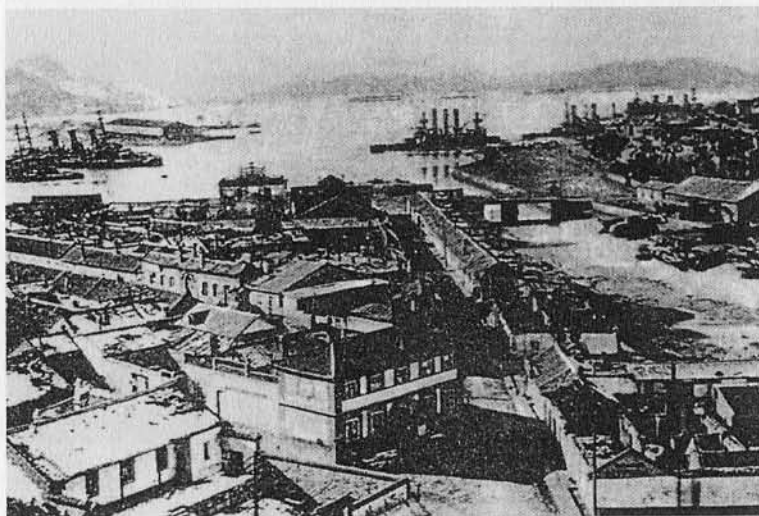
Броненосец «Севастополь».
В декабре 1904 г. во избежание
захвата японцами был затоплен

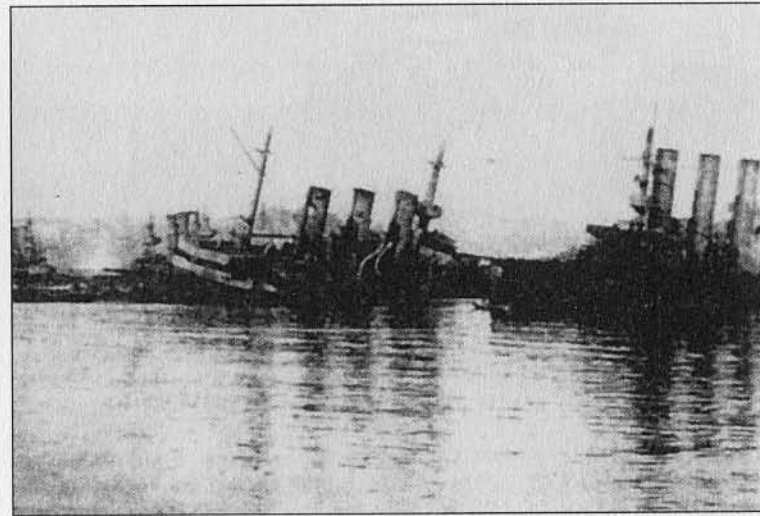
Офицерский блиндаж на лютене

Развалины старой части («Старый город») Порт-Артура, потопленные корабли

Вид на батарею «Малого Орлиного гнезда» 19 декабря 1904 г., вечером

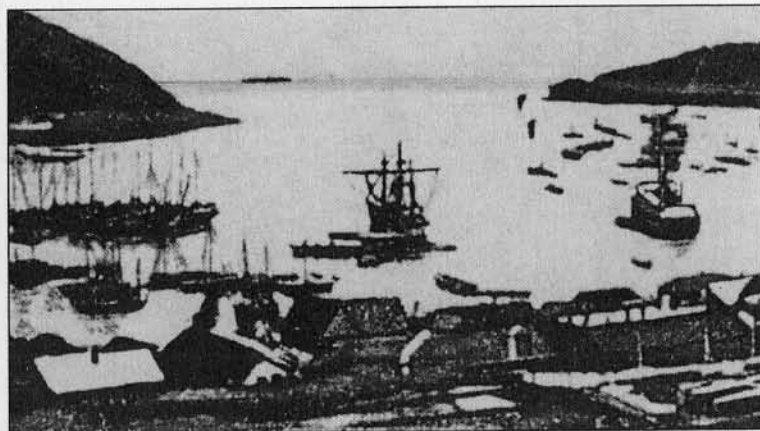
Порт-Артурская эскадра, взорванная и затопленная русскими моряками в ночь на 20 декабря 1904 г.

Одна из русских батарей, доставшихся 20 декабря 1904 г. японцам

«Большое Орлиное гнездо», обороняемое до 3 часов дня 19 декабря 1904 г., выдержавшее шесть непрерывных ожесточенных атак японцев

Вход в гавань Порт-Артура

Рисунок нагрудного знака для защитников крепости Порт-Артура

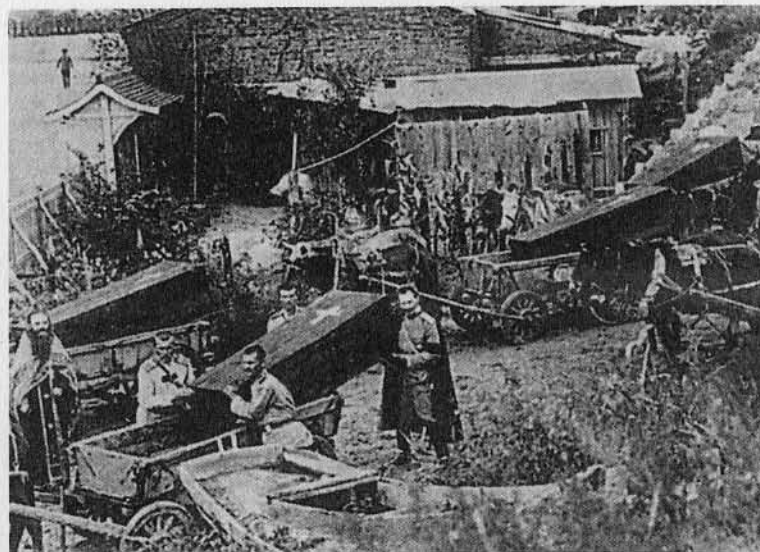
Внутренний вид палаты с ранеными нижними чинами

Члены экипажа крейсера «Варяг» с подарками на Знаменской площади.
Петербург, 1904 г.

Обед офицеров в землянке

Переноска праха погибших. Порт-Артур, 1904 г.

Ледокол «Вайгач», командиром которого в 1908—1910 гг. был А. В. Колчак

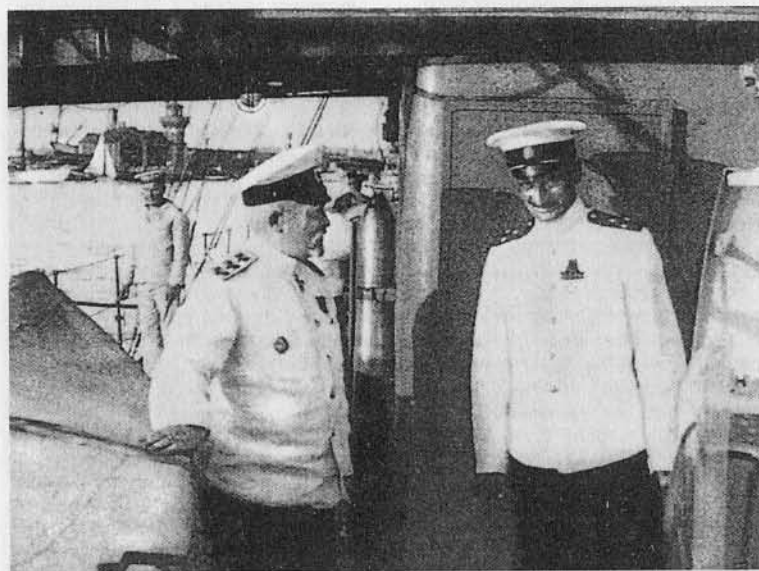
Начальник Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1913—1915 гг. и Карской экспедиции в 1919 г. (организованных при активном участии А. В. Колчака) капитан 1-го ранга Б. А. Вилькицкий

Бал цветных париков у графини Шуваловой. Санкт-Петербург, 1914 г.

Адмирал Н. О. фон Эссен и капитан 2-го ранга А. В. Колчак на палубе миноносца «Пограничник»

Не было ли у Колчака мысли о том, что уход крупных представителей командного состава с ответственных постов, например, его уход с поста командующего Черноморским флотом, является по сути саботажем, облегчающим переход управления военной силой в другие руки? Нет, этой мысли у него также не возникало. Он считал, что поступает так, как подсказывали ему его совесть и долг. «Я не мог оставаться во флоте, — считал он, — так как меня удалили».

Но ведь А. В. Колчак оставил флот без приказа. Почему?

Сам он на этот вопрос отвечал так: «Я был поставлен в такое положение, что не мог больше командовать. Я сделал то, что я должен был сделать, и считал, что иначе поступить не могу. Что же мне оставалось еще делать — идти на дальнейший позор, на то, чтобы мои приказания не выполнялись? Я оставался на своем посту, пока меня не убрали. Когда меня заставили уйти, правительство на это никак не реагировало. Я сидел в Петрограде один — полтора месяца, и правительство не делало мне никаких предложений; по-видимому, оно само считало это невозможным».

А если бы правительство приказало Колчаку вернуться? Возвратился бы он?

«Если бы правительство дало такой приказ, то я бы вернулся, — утверждает он. — Я всегда был лоялен правительству. Несомненно, что если бы правительством было мне дано такое приказание, то не выполнить его я не мог бы... так как иначе я должен был бы не признавать правительства. Раз я подчинялся ему и был лоялен до последнего дня, то выполнил бы все его приказания».

Но правительство даже не намекало на это. А сам Колчак этого вопроса не поднимал и проситься обратно не имел желания. Не позволяло достоинство...

Тем временем обострение внутриполитической обстановки в результате провала июньского наступления на фронте вызвало новый политический кризис в стране. 7 июля оставил свой пост главы правительства князь Львов. Несколько днями раньше это сделали кадеты-министры. 8 июля министром-председателем стал А. Ф. Керенский, сохранив за собой посты военного и морского министра. Начались консультации

с представителями крупных политических партий России о формировании состава нового коалиционного Временного правительства.

Из информации в газете «Биржевые ведомости» от 15 июля видно, что на дневном заседании правительства Керенский зачитал список кандидатов в члены нового правительства. Вице-адмирал А. В. Колчак назначался морским министром, а генерал Л. Г. Корнилов — военным. Но через несколько часов стало известно, что правительство пополнится членами партии кадетов. А 21 июля А. В. Колчак получил от Керенского телеграмму, в которой говорилось: «Предлагаю Вам, с чинами вверенной Вам миссии, в кратчайший срок отбыть к месту назначения — Северо-Американские Соединенные Штаты, донеся предварительно о причинах столь долгой задержки отъезда».

Итак, по утверждению самого Колчака, главной причиной его отъезда из России в Америку стало желание правительства Керенского избавиться от него. Но, думается, была еще одна причина, не менее значимая.

Мы уже говорили, что с целью укрепить патристические настроения, сбить волну недовольства, удовлетворить требования союзников об активных военных действиях Временное правительство предприняло 18 июня наступление русских войск, и главный удар наносил Юго-Западный фронт. За первоначальными кратковременными успехами последовало беспорядочное, порой паническое отступление, активизировавшее реакционные элементы, которые приписывали поражение русских войск «революционной анархии» и требовали покончить с ней путем установления диктаторской власти на фронте и в тылу. Этого же настойчиво добивался, начиная с 10 июля, в своих телеграммах и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Корнилов, направляя их в Петроград правительству и в Ставку Верховному главнокомандующему. Но Корнилов не только требовал от правительства и Ставки наведения «порядка» в армии, но и занялся этим делом сам, показав свою «твердую руку»: приказал вешать дезертиров и мародеров на перекрестках

дорог без всякого суда. Колонны отступавших войск шли мимо раскачивающихся на деревьях и телеграфных столбах трупов солдат...

Беспощадные меры и бескомпромиссные предложения генерала Корнилова по наведению «порядка» в армии и в тылу создали положение, «при котором главнокомандующим Юго-Западного фронта в деле спасения армии шел постоянно впереди...» Это делало Корнилову рекламу, поднимало его авторитет в правых кругах. Перед лицом нараставшей «революционной стихии» и под давлением сторонников «твердой власти» Временное правительство 19 июля назначает Корнилова Верховным главнокомандующим, за которым теперь была реальная военная сила.

В таких условиях, естественно, находившийся не у дел Колчак не мог конкурировать с Корниловым, а последний, меньше чем за две недели проделав поистине головокружительный путь — от командующего армией до Верховного главнокомандующего! — неизбежно должен был выйти в лидеры. Акции А. В. Колчака упали. Вероятно, он и сам почувствовал это и отбыл к месту своего нового назначения, оставив для связи в комитете Республиканского центра своего представителя — лейтенанта Н. Г. Фомина.

ОН УЕЗЖАЛ ДАЛЕКО И, КАК ПРЕДПОЛАГАЛ, НАДОЛГО. Она в это время жила в Ревеле. Колчак писал о своем страстном желании увидеть Анну Васильевну перед отъездом, полагая, что это понятно ей «без лишних слов и уверений». Он думал об этом все дни и ночи, думал «с большим страхом, что это невозможно».

Но она нашла время и возможность и приехала к нему в Петроград. Встреча была короткой, но она дала Колчаку «спокойствие и уверенность в будущем», явилась для него «компенсацией за все пережитое, создав душевное спокойствие». И там, за тысячи миль от России, он продолжал верить в Анну Васильевну «как в божество», которое когда-нибудь вновь снизойдет до него и подарит «счастье своей близости, как это было в июне и июле в Петрограде и в прошлом году в Ревеле».

Он писал ей часто, писал обо всем, что с ним происходило, писал о своих чувствах к ней: «Если бы Вы знали, как мне хочется участвовать в войне и думать об Анне Васильевне в обстановке ее достойной. Только война может дать мне право на счастье ее видеть, быть вблизи нее, целовать ее ручки, слышать ее голос...»

«...Я думал, конечно, и о Вас, как всегда думаю во время всякой военной работы, — я уже писал Вам и говорил, что я, как ни странно, но во время военной работы вблизи неприятеля или в районе его, вспоминаю Вас, переживаю вновь то чувство радости и счастья, точно я нахожусь вблизи Вас. Я понимаю, что это, может быть, нелепо, но, вероятно, я невольно чувствую себя как-то более достойным этого счастья, когда занят войной, когда нахожусь в обстановке военной работы, чем в обычных условиях будничной серой жизни. И сегодня я так был счастлив, думая о Вас в Северном море, вспоминая последние наши дни, когда я Вас видел, когда Вы были так близко ко мне, когда Вы с такой лаской отвечали моему желанию видеть Вас, быть около Вас, слышать Ваш голос; так хорошо вспоминать Ваши обожаемые ручки, Ваши глазки, так похожие на голубовато-синее море...»

«...Ваш милый, обожаемый образ все время был перед моими глазами — Ваша никогда не забываемая улыбка, Ваш голос, Ваши розовые ручки для меня являются символом высшей награды, которую может дать жизнь за выполнение величайшей задачи, выполнение военной идеи, долга и обязательств, посылаемых суровой и непреклонной природой войны... Только война могла показать мне Вас в таком близком желании и в то же время недоступном, как идеал поклонения... как тяжело и в то же время хорошо думать о Вас как о чем-то самом близком и в то же время удаленном, как звезда, счастье, как о божестве, милостиво оказавшем свое внимание и остающемся чем-то недосыгаемым; как о воплотившейся мечте, остающейся несбыточной и нереальной, как всякая мечта. Господи, как Вы прелестны на Ваших маленьких изображениях, стоящих передо мною теперь...»

«Иногда я исписываю несколько листов бумаги и бросаю их затем в камин — по большей части это не

имеющие значения слова, с которыми я обращаюсь к Вам, чаще я ничего не пишу, а только смотрю на Ваши карточки и Ваши письма и забываю на некоторое время, где я нахожусь и что ждет меня в моей странной для самого себя жизни».

Можно привести еще массу отрывков из колчаковского «дневника в форме писем». В каждом из них двое — он и она. Любовь, верность, волшебная сказка, а рядом — кровь, вероломство, война...

Это была их последняя разлука. Он уехал доказывать свое право на ее любовь. Она осталась ждать его. Менее чем через год они вновь встретятся, и на сей раз она уйдет к нему от мужа навсегда. Но коротка счастливая жизнь, и в темную студеную ночь его уведут от нее в вечность. А Анна Васильевна будет продолжать свою тайную жизнь с ним, погибшим за Россию, на протяжении всей ее оставшейся жизни.

Но об этом мы расскажем позже, в своем месте и в свое время.

В ДВАДЦАТЫХ ЧИСЛАХ ИЮЛЯ 1917 ГОДА Колчак по совету англичан под чужой фамилией вместе с остальными офицерами, входившими в состав его миссии, выехал из Петрограда через Швецию, Норвегию, Англию в Америку.

Проехав по железной дороге через Торнео и Христианию (Осло), он прибыл в Берген, провел там около суток и отплыл на пароходе под конвоем миноносцев в шотландский порт Абердин. Здесь А. В. Колчак провел ночь и утром следующего дня выехал в Лондон.

«Третий день, как я в Лондоне, — писал он А. В. Тимиревой 4 августа. — (...) Впечатление после оставления России и тем более в Англии и Лондоне очень невеселое. Испытываешь чувство, похожее на стыд, при виде того порядка и удобств жизни, о которых как-то давно утратил всякое представление у себя на родине... делается стыдно за нас, и испытываешь тихо укор совести за тех, кто остался в России».

А. В. Колчак посещает морского министра адмирала Джеллико — первого лорда Адмиралтейства, несколько раз встречается с начальником Морского генерального штаба генералом Холлем, с начальником

Королевской морской воздушной службы адмиралом Пенном — пятым лордом Адмиралтейства. Англичане были с ним очень любезны.

Адмирал Джеллико долго и подробно расспрашивал Колчака о его деятельности на Балтике, о минировании немецких берегов, советовался по поводу обороны Северного моря.

«Адмирал был исключительно любезен со мной, — отмечал Колчак после встречи с Джеллико, — и доказал лучшим образом свое отношение ко мне, перейдя сразу к делу, достав наиболее секретные карты заграждений Северного моря и Канала и посвятив меня в самые секретные оперативные соображения... Я провел в высшей степени приятные 1½ часа, обсуждая с Джеллико вопросы, забыв на время все остальное. Как редко у нас можно иметь такое удовольствие».

Приняли А. В. Колчака в Лондоне так, что он выразил по этому поводу чувство огромного удовлетворения: «Большого внимания и любезности я не могу ожидать...» Это льстило гордой и суровой натуре русского воина, оказавшегося невостребованным в России «товарищей» и депутатов, фактически отправленного присяжным поверенным в политическую ссылку.

Русскому адмиралу настойчиво демонстрируют лучшие образцы морской авиации. Он ездит по заводам, летает на разведку в море. Колчак в восхищении от увиденного.

«Надо видеть средства, которыми они располагают, чтобы понять, что такое господство над морем или воздухом, и почувствовать, как далеки мы от этого.

Надо испытать то чувство уверенности в силе, желание встречи с противником, которое является, когда имеешь действительно совершенное оружие, качественно и количественно превосходящее таковое же у противника.

Первый раз на воздухе я испытал это чувство и вспомнил свой флот, свою авиацию, и невесело сделалось на душе. Невольно является зависть к людям, которые действительно ведут войну и работают для своей родины, и при этом работают в прекрасной обстановке, о которой мы утратили всякое представление. А ведь все это могло быть и у нас, но... Лучше не говорить на эту тему».

В типичных лондонских кабинетах английских морских лидеров с А. В. Колчаком ведут неторопливые, respectable беседы о «сильной власти», о «спасении России». Во всем винят Керенского. Английские газеты характеризуют его одним словом: «болтун».

Генерал Холль в беседе с Колчаком обронил:

— Что же делать, революция и война — вещи несовместимые, но я верю, что Россия переживет этот кризис. Вас может спасти только военная диктатура, так как если дело будет и впредь так продолжаться, то вы вынуждены будете примириться с немцами и попасть в их лапы.

(Вероятно, эти беседы не остались бесследными: весной 1918 года, когда Колчак уже будет в Японии, о них, по всей вероятности, вспомнили. Английский генерал А. Нокс при встрече без обиняков заведет речь о создании на востоке России военной диктатуры и о гарантиях ей со стороны Англии.)

А. В. Колчак, со своей стороны, делился с этими весьма серьезными военными людьми своими мыслями о великой военной идее, о ее вечном значении, о самопожертвовании, о презрении к жизни во имя великого военного дела, о конечной цели жизни — военной славе, счастье выполненного обязательства и долга перед своей родиной. Колчака внимательно слушали и неожиданно находили у него странное сходство с адмиралом Джеллико в поведении и манере говорить. Колчак не отрицал этого.

УТРОМ 16 АВГУСТА А. В. КОЛЧАК с членами своей миссии уехал из Лондона в Глазго — англичане предложили им совершить переход через Атлантический океан на вооруженном пароходе (использовался для несения дозорной и крейсерской службы), который должен был конвоировать в Канаду огромный океанский лайнер «Кармения» с больными и ранеными канадскими солдатами.

За пятнадцать дней Лондон порядком надоел Колчаку, и он уезжал с надеждой поскорее уйти в море и заняться хоть какими-нибудь предварительными работами для американского флота.

Выход в океан со стороны северного побережья

Ирландии оказался заблокированным немецкими подводными лодками, и пришлось идти на юг через Ирландское море. Попали в шторм, который вскоре утих, но холод и дождь продолжались. Пошли в Ливерпуль, откуда 18 августа вместе с пароходом «Кармения» вышли в море в сопровождении двух английских крейсеров и четырех миноносцев. Позади остались остров Англси и пролив Святого Георга, дальше путь лежал вокруг южных берегов Ирландии.

«Вечером после обеда, — писал Колчак А. В. Тимиревой, — я долго ходил по палубе, думая о нашем флоте, и о Вас и о темном неизвестном будущем. Ночь мгlistая, временами дождь, временами проглядывает полная луна, и тогда делается совсем светло и показываются очертания ирландского берега. Странно быть в море, не принимая участия в походе, в сигналах и маневрировании, но что делать».

В ночь с 20 на 21 августа сопровождавшие суда крейсера и миноносцы ушли. Пароходы остались один на один с безбрежным океаном.

«Мы уже далеко в океане, — писал Колчак 21 августа. — <...> Сегодня прекрасное, солнечное, тихое и теплое утро и огромная зыбь, идущая с запада. Один за другим, без конца идут огромные отлогие голубые валы, движимые силой инерции колебательного движения. Когда-то я много думал о теории волнения и вел наблюдения над его элементами; теперь я смотрю на него довольно равнодушно, хотя зыбь весьма величественная. Огромная «Кармения» наклоняется вся между двумя соседними вершинами и временами уходит до палубы полубака в воду...»

Большую часть времени А. В. Колчак проводит на палубе корабля, один на один с тяжелыми думами о любимой женщине, до которой теперь три тысячи миль, о России, где немцам сдана Рига. Неужели это не доказательство полной несостоятельности того, что называется «правительством»? Недостаточно было позора Юго-Западного фронта?

С падением Риги все крайне осложняется, и будущее видится Колчаку совершенно безнадежным. А ведь всего лишь два года прошло с тех пор, когда он был полновластным хозяином Рижского залива, — один из лучших периодов его жизни. Минная дивизия.

Радко-Дмитриев, наконец, встреча с ней, с милой, обожаемой Анной Васильевной...

Пароходы пришли к Галифакс (Канада), совершив весь переход через океан за 10—11 дней. Там русскую миссию встретил морской офицер Миштовт. Он заявил Колчаку, что миссии предоставлен специальный вагон и их в Монреале встретят представители Морского министерства США, что они являются гостями американского народа и поэтому пускай не беспокоятся ни о помещении, ни о средствах передвижения, так как все это берет на себя правительство США.

В Монреале Колчака встретили два офицера, прикомандированные к его миссии и посещавшие раньше Россию. Один из них — Мак Кормик — прожил там около пяти лет и хорошо говорил по-русски. Таким образом, Колчак и его миссия с полным комфортом прибыла 28 августа в Нью-Йорк, а затем в Вашингтон.

В Вашингтоне А. В. Колчак прежде всего нанес визит русскому послу Б. А. Бахметьеву и военно-морскому министру США Дж. Даньелсу, его помощнику, министру иностранных дел, военному министру, словом, всем тем официальным лицам, с которыми ему потом придется встречаться. Представился А. В. Колчак и президенту США Вильсону, и государственному секретарю Лансингу, некоторым другим политическим деятелям.

Общее впечатление, которое Колчак вынес из разговоров с ними, — «это полная неосведомленность о делах в России».

«Мне это представлялось тем более странным, — писал в автобиографии А. В. Колчак, — что в России находились многочисленные агенты американского правительства, которые, казалось бы, должны были бы осведомлять американское общество о положении дел на месте. Американское общество особенно восхваляло Керенского, что не мешало, однако, впоследствии общественному мнению в Америке усмотреть в большевизме идеологию российского демократизма.

Вообще, находясь за границей в период, предшествующий окончательному развалу Российской государственности, я видел, что в вопросах внутренней поли-

тики наиболее ясный отчет отдавали себе военные деятели, стоящие, быть может, на несколько специальной, но тем не менее государственной точке зрения. В развале нашей вооруженной силы они видели гибель государственности, а вовсе не выражение демократических настроений русского народа. Для людей военных всего мира было совершенно ясно, что революция, не сумевшая выиграть войну, когда для этого были все средства, неминуемо приведет страну к анархии, что впоследствии и произошло».

После обмена визитами в первые же дни официальных приемов Колчак выяснил, что его надежды на участие в Дарданелльской операции американского флота в Средиземном море не оправдались: весь транспортный флот в США был задействован в перевозке американских войск на французский фронт.

Колчаку ничего больше не оставалось, как выполнить только свою миссию, то есть передать те сведения чисто технического характера, которые интересовали американцев. Он с членами своей миссии начинает работать в Морском министерстве и две недели проводит в военно-морском колледже — Морской академии — около Ньюпорта, севернее Нью-Йорка.

— Было условлено с министром, — рассказывал Колчак, — что мы отправляемся в Нью-Йорк вместе с прикомандированными офицерами, где разберем все материалы, где нам будет указано, что интересует морское ведомство Штатов. Мы уехали в Нью-Йорк и там занимались недели две — три. За все это время в Нью-Йорке я ни с кем не виделся, так как с утра до вечера мы все время проводили в академии и занимались своей работой. Мне было поручено ответить на некоторые вопросы чисто технического порядка, и я занимался этим делом.

Когда все технические вопросы были решены, А. В. Колчак получил приглашение от морского министра ознакомиться с американским флотом и принять непосредственное участие в его маневрах в Атлантическом океане. Русский адмирал, конечно, принял это приглашение вместе с офицерами миссии.

Колчак неделю (по другим данным, около двенадцати дней) проплавал на флагмане Атлантического флота линейном корабле «Пенсильвания» и за это

время получил представление об организации управления и маневрирования американского флота.

По свидетельству американского контр-адмирала Н. А. Маккалли, Колчак и другие офицеры миссии «основательно и всесторонне изучали уставы военно-морского флота США, особенно те части, которые рассматривали поддержание дисциплины, а также практические методы ее сохранения на нашем флоте...» Контр-адмирал М. И. Смирнов сделал сообщение о штабных учениях на российском флоте и функциональных обязанностях штаба и его начальника.

Во время посещения военно-морского колледжа А. В. Колчак «особое внимание уделил принципам построения и основным типам кораблей, которые, по его мнению, наиболее присущи» флоту США. «Оригинальным» назвал Маккалли замечание Колчака о том, что «все корабли боевого флота, будь то линкор, крейсер или эсминец, на линии горизонта показывают врагу свой силуэт» (колчаковская поэзия морской войны). Внимание русского вице-адмирала привлекла и «однородность судов некоторых классов».

Интересны наблюдения американца о Колчаке как о человеке:

«По словам адмирала Колчака, он был татарского происхождения, что заметно по его внешнему виду. Среднего роста, очень темный, с узким разрезом глаз и непреклонным выражением лица: все говорило за достоверность адмиральских слов. Он был простым, практичным, с широким кругозором и полным сильнейшего чувства патриотизма к России. Проявлял личную заботу к офицерам своего штаба, а также к моряку-ординарцу, что характерно для русских официальных взаимоотношений. Колчак восторгался нашим адмиралом Фаррогутом (в конце XIX века командующий флотом США, национальный герой. — *Авт.*), совершив специальное плавание с тем, чтобы возложить венок на могилу этого выдающегося офицера. Может быть, возложение связано с его собственными полярными заслугами, ведь Колчак очень ценил и знал наших полярных первопроходцев».

Но, несмотря на чрезвычайную любезность и великолепие приема, пребывание за границей оказалось для А. В. Колчака тягостным из-за того, «что мы спра-

ведливо заслужили везде сомнение в своей способности не только вести войну, но даже справиться со своими внутренними делами. Англичане относятся к нам совершенно отрицательно, в Америке смотрят на нас лучше, но... я не могу отделаться от чувства неловкости, когда бываю в форме русского офицера...»

Колчак приехал в США с надеждой принять участие в войне, но когда он изучил вопрос «о положении Америки с военной точки зрения», то был разочарован. Он пришел к убеждению, что эта страна не способна к активным военным действиям, так как ведет войну лишь «с чисто своей национальной психологической точки зрения — *рекламы...*» Цели и смысл американской «войны за демократию» он считал абсурдными и глупыми. Война и демократия — он видел, что это за комбинация, у себя на родине, в полной мере ощутил на себе.

По утверждению А. В. Колчака, государственные мужи Америки это понимали, но иначе действовать не могли. Поэтому «американцы не участвовали еще ни в одном сражении и потеряли 3 убитых, 4 раненых и 12 пленных, о чем в Америке писали больше, чем о Марнском сражении¹. До сих пор американцев нет в первой боевой линии на Западном фронте».

Колчак был разочарован, что его миссия не удалась, и чувствовал необходимость вернуться в Россию, хотя совершенно не представлял, чем там займется — Россия фактически перестала воевать.

Выбирая путь возвращения на родину, А. В. Колчак отверг восточный вариант. В Финляндии уже начались враждебные действия против русских, а генерала Маннергейма он считал немецким ставленником. Рисковать не хотелось. Нельзя ехать через Францию и Архангельск, так как пришлось бы обращаться за помощью к англичанам, а делать это второй раз было неудобно. Оставался только один путь — через Тихий океан во Владивосток, к тому же он был самый корот-

¹ Крупнейшее сражение между англо-французскими и немецкими войсками (около двух миллионов человек с обеих сторон) на реке Марна 5—12 сентября 1914 года, в ходе которого было остановлено наступление немцев на Париж и потерпели крах надежды германского командования на быстрый разгром противника на Западном фронте.

кий, а морское ведомство США предложило в это время Колчаку посетить Сан-Франциско. Колчак решил не отказываться от этого предложения, так как он попадал на западное побережье, отсюда путь во Владивосток выглядел более естественным.

Итак, он не участвует в войне, ему тяжело, его состояние в высшей степени неважное — «последние дни я стал временами входить в состояние какой-то прострации», — но до прибытия в Россию все равно ничего изменить нельзя. Он понимал, что вряд ли его появление в России будет воспринято положительно некоторыми членами правительства, в частности, А. Ф. Керенским. «В крайнем случае, — решил Колчак, — можно будет обратиться к английскому флоту, где у меня есть некоторые знакомства».

А. В. Колчак продолжал верить, что его заветные мечты об участии в войне рано или поздно сбудутся. Он, правда, допускал — возможно, ему и не придется в ней участвовать «как деятелю», но считал, что без победы в этой войне «наша Родина не может быть мыслима как великая независимая держава».

После завершения прощальных официальных визитов миссия вице-адмирала А. В. Колчака направилась в Сан-Франциско. По пути посетили Большой Каньон в Колорадо, Йосемитский национальный парк — места, прекрасно известные в мире. При содействии госсекретаря США Лансинга и некоторых знакомых чинов из американского морского ведомства Колчаку удалось разместить миссию на японском пароходе «Карио-Мару».

В Сан-Франциско перед отплытием парохода на имя Колчака поступила из Петрограда телеграмма на французском языке от председателя ЦК кадетской партии П. Н. Милюкова. Колчаку было предложено выставить свою кандидатуру для избрания в Учредительное собрание по Балтийскому и Черноморскому флотам. Адмирал ответил согласием. Но его телеграмма опоздала.

Из спутников Александра Васильевича в Америке остался лишь один контр-адмирал М. И. Смирнов. Остальные офицеры миссии — В. В. Безуар, И. Э. Вуйч, А. М. Мезенцев и Д. Б. Колечицкий — поехали вместе с Колчаком.

«Карио-Мару» 12 октября взяла курс через Гавайские острова на Иокотаму.

Переход длился около двух недель, и все это время А. В. Колчак был отрезан от мира.

В Икогаме, куда Колчак прибыл в конце октября (начале ноября) — по другим сведениям около 8—9 ноября, — он узнал, что в России произошел большевистский переворот, что Временного правительства не существует и что в настоящее время есть советская власть, которая ведет с Германией переговоры о прекращении войны. Вскоре поступили сведения и о Брест-Литовском мире — «проклятом мире», как назвал его А. В. Колчак.

«...Это было для меня самым тяжелым ударом, — признавался он, — может быть, даже хуже, чем в Черноморском флоте. Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал. Для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости».

А. В. Колчак вновь переживал все то, что ему уже приходилось испытывать однажды во время русско-японской войны и что связано со словами «поражение», «проигранная война». Россия опять проиграла...

РУБЕЖ — ПОНЯТИЕ НЕ ТОЛЬКО ПРОСТРАНСТВЕННОЕ, но и временное. Граница. Точка отсчета. Конец и начало...

Такой границей, таким рубежом для России стал 1917 год. Год, в течение которого смецались понятия добра и зла, долга и чести, патриотизма и предательства. Сместилось потом и самое время, передвинутое декретом на тринадцать (чертову дюжину) дней.

В бешеной карусели событий триединство «самодержавие — православие — народность» всего на несколько месяцев сменилось обряженным во фригийский колпак французской революции триединством: «свобода, равенство и братство», уступившим, в свою очередь, историческую сцену лозунгу «Вся власть Советам!». Восторжествовала диктатура пролетариата с пристяжными — «марксизмом» и «интернационализмом». И поскакала «птица-тройка» по Руси... Только

искры из-под копыт, только багровые всполохи мирового пожара, «на горе всем буржуям»...

В исторической мозаике порубежного года преобладают кроваво-красные детали, несмотря на то, что оба переворота были практически бескровными. Красные банты февраля, красные знамена октября, красные от бессонных ночей глаза новых вершителей судеб.

Шквал февральской революции встряхнул страну, но не поколебал многих сложившихся веками устоев.

Октябрь принес суровую бурю, которая сметала старые устои. Лозунг «Ни мир, ни война» туманил умы. Призыв к великому будущему требовал разрушения того, что было, деления всех на «мы» и «они». «Они» — это враги, везде, на необъятных просторах России, в пламени и дыму начавшейся кровавой смуты.

Но и среди этих беспощадных условий старая Россия не могла умереть мгновенно. Вздернутая на дыбы, она (по крайней мере представители ее руководящих классов, большая часть интеллигенции) пребывала еще под обаянием лозунга «единой, великой, неделимой», страдала из-за развала фронта, тревожилась из-за вторжения немцев, негодовала на Брест-Литовский мир, учитывала тяжесть расплаты перед союзниками в случае их победы над германской коалицией... Ее ужасно пугала революция, угнетало разорение, приводил в ужас размах социальной перестройки, которую без всякого колебания начала партия большевиков.

В наиболее тяжелом, трагическом положении оказалось старое офицерство. Оскорбленное и избиваемое, оно понимало, что (в силу не зависящих от него условий) является тормозом на путях революции, а если его и терпят, то только временно, как один из рычагов той большой машины — армии, без которой нельзя обойтись, терпят до тех пор, пока этот рычаг не будет заменен более подходящим новым.

Офицерство ясно сознавало, что октябрь означает жизнь или смерть. Он вырвал из его рядов уже не одну тысячу жертв, и кровавый счет рос изо дня в день. Многие оставшиеся пока в живых так и не смогли переродиться. Они боролись и поступить иначе не могли.

Они тогда не думали (а многие и не знали) о Версале и его последствиях, о том, что уже к концу 1916

года в сознании немецкого солдата начала меркнуть идея отечества, которая дала трещину перед твердынями Вердена, задыхалась среди газов, пламени и стали развившейся техники союзников России. Уже тогда «мир без аннексий и контрибуций» представлялся желательным выходом из положения даже для прусского и саксонского кронпринцев, командовавших войсками на Западном фронте.

Но это известно теперь, а тогда никто не заметил, как поизносились подошва и поистоптался каблук «немецкого сапога», которым генерал Гофман — начальник штаба верховного главнокомандующего на Восточном фронте — пытался грозить в Бресте представителям революционной России.

Кто поверил бы тогда, что сама Германия на пороге революции, что ее народ скорее и легче, чем в России, сбросит монархию и Вильгельма?

В условиях недостаточной осведомленности, одностороннего понимания стремительных политических и социальных изменений все, кто так или иначе попали под удары революции, с тревогой и напряжением искали выход. Многим этот выход виделся в продолжении борьбы с немцами. Немцы дали России большевиков — этот тезис, усиленно поддерживаемый союзниками, еще нуждавшимися в боевой мощи России, был в то время очень популярен. Немцы отхватили громадный кусок территории России. Немцы навязали России позорный для национального самолюбия мир. Казалось, что неизбежным следствием поражения немцев будет и гибель большевизма в России. Так тогда думали многие. Так думал и вице-адмирал Александр Васильевич Колчак.

«Что же я должен делать?» — мучительно размышлял Колчак. Правительство, заключившее «проклятый мир» с «врагами и гуннами XX века», он не признавал, как и сам этот мир. Обязательства России перед союзниками считал своими обязательствами. Ему не давала покоя мысль о том, что ответственность за все происходящее сейчас в России ложится и на него, хотя бы за то, что делается во флоте, — ведь он адмирал этого флота, он русский...

А. В. Колчак собрал своих офицеров и объявил, что с этой минуты им предоставляется полная свобода, можно ехать кто куда хочет. Он же свое возвращение в Россию считает невозможным и поступит так, как ему подскажет совесть и долг офицера.

Обдумав все, Колчак пришел к заключению, что ему остается лишь одно — продолжать войну «как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам». Колчак решил продолжать войну на стороне Англии, так как считал, что она никогда не сложит оружия перед Германией.

Он встретился с английским посланником в Японии сэром К. Грином и обратился к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что он просит принять его — Колчака — в английскую армию на каких угодно условиях, хотя бы в качестве солдата. Колчак только просил дать ему возможность активно участвовать в войне и «убивать немцев».

На вопрос посла, какие у русского адмирала есть желания в отношении положения и места службы, Колчак ответил:

— Прося правительство Его Величества Короля Англии принять меня на службу, я всецело предоставляю себя в распоряжение Его правительства. У меня нет никаких претензий или желаний относительно положения и места, кроме одного — сражаться.

В дальнейшем разговоре Александр Васильевич откровенно сказал, что он лично не хотел бы служить в английском флоте, ибо Великобритания располагает достаточным количеством блестящих адмиралов и офицеров и ее флот не нуждается в помощи. Да и на какую должность мог бы претендовать в английском флоте командующий российским Черноморским флотом? Будь он молодым офицером, его могли бы назначить на какой-нибудь корабль. А так? Колчак не хотел попадать в нелепое положение.

— Мне бы доставило чисто нравственное удовлетворение служить там, где обстановка тяжела и где нужна помощь, где я не был бы лишним, — сказал Колчак и добавил: — Пусть правительство Короля смотрит на меня не как на вице-адмирала, а как на

солдата, которого пошлет туда, куда сочтет наиболее полезным.

Выслушав А. В. Колчака, сэр Грин сказал:

— Я вполне понимаю вас, ваше положение. Я сообщу об этом своему правительству и прошу вас подождать ответа.

Точку зрения А. В. Колчака разделяли и остались с ним в Японии два офицера его миссии — И. Э. Вуич и В. В. Безуар. Остальные — Д. Б. Колечицкий и А. М. Мезенцев, которых в России ждали семьи, пожелали вернуться к ним.

Вскоре из Лондона пришел ответ: Колчака благодарили за предложение и просили не уезжать пока из Японии до окончательного решения вопроса о наилучшем его использовании. Колчак остался ждать ответа...

Через два года — на допросе в Иркутске — его спросят:

— В то время, когда вы приняли такое тяжелое решение поступить на службу к другому государству, хотя бы союзному или бывшему союзному, у вас должна была явиться мысль, что ведь существует целая группа офицеров, которые вполне сознательно остаются на службе нового правительства во флоте, и что среди них имеются известные крупные величины. Как рассматривали вы их тогда?

— Я считал, что они поступают неправильно, — отвечал Колчак, — они не должны были оставаться на службе. Я не мог, конечно, рассматривать их всех как людей бесчестных: ведь большинство из них было поставлено в безвыходное положение — надо было что-нибудь есть.

— Но ведь там были крупные флотские офицеры, которые сознательно шли на это... Как относились вы к ним?

— Вообще раньше было трудно сказать, каких политических убеждений офицер, так как такого вопроса до войны просто не существовало. Если бы кого-нибудь из офицеров спросили тогда: «К какой партии вы принадлежите?» — то, вероятно, он ответил бы: «Ни к какой партии не принадлежу и политикой не занима-

юсь». Каждый из нас смотрел так, что правительство может быть каким угодно, что Россия может существовать при любой форме правления. У вас под монархистом понимается человек, который считает, что только эта форма правления может существовать. Как я думаю, у нас таких людей было мало... Для меня лично не было даже такого вопроса — может ли Россия существовать при другом образе правления. Конечно, я считал, что она могла бы существовать.

— Тогда среди военных, если и не высказанная, то все же была мысль, что Россия может существовать при любом правительстве. Тем не менее, когда создалось новое правительство, вам уже казалось, что страна не может существовать при этом образе правления?

— Я считал, что это правительство является правительством чисто захватного порядка, правительством известной партии, известной группы лиц и что оно не выражает настроений и желаний всей страны. Для меня тогда это было несомненно. Я считал, что то направление, которое приняла политика правительства, которое началось с заключения Брестского договора и разрыва с союзниками, приведет нас к гибели. Уже один этот факт, обеспечивающий господство немцев над нами, говорил за то, что это правительство действует в направлении нежелательном, отвечающем чаяниям немецких политических кругов.

В ОЖИДАНИИ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ОТВЕТА
из Лондона скучно и томительно тянулись дни. А. В. Колчак жил в гостинице и пребывал преимущественно в одиночестве. Кое-какие знакомства — чисто официального характера — он имел среди сотрудников русского посольства, в английской и японской военной среде. Ежедневно виделся с двумя офицерами своей миссии, которые решили разделить свою участь с ним. Колчак считал, что в его положении одиночество — «это самое лучшее». Мыслями и душой он всегда был с Тимиревой, точнее, с воспоминаниями о ней.

В местное русское общество — а это в основном бежавшие от революции представители военной и гражданской бюрократии — Александр Колчак не

вошел, да и не стремился к этому: сделал два — три визита, принял ответные — этим все и закончилось. Почему так? Да просто эти люди, смирившиеся со своим бессилием в борьбе, не умевшие и не желавшие ее вести, не подходили Колчаку, не нравились ему и не вызывали сочувствия. Их общество для него, в лучшем случае, было безразлично.

Монотонность ожидания, которое временами становилось невыносимым, нарушалась поездками в русское посольство или к морскому агенту контр-адмиралу Б. П. Дудорову в Токио для разбора поступивших шифрованных телеграмм.

Тогда А. В. Колчак бродил по самым отдаленным кварталам города, заходил в лавочки со старым хламом, задавшись целью отыскать старинный японский клинок работы местных мастеров-оружейников Миочин, особенно прославившихся искусствомковки мечей. Перед восхищенными глазами Колчака прошли десятки великолепных старинных клинков, и ему пришлось прилагать немалые усилия, чтобы не купить их. Но он хотел клинок Миочин, и только его.

Колчак понимал в этом деле толк. Он изучил отличительные признаки и свойства клинков наиболее известных старинных японских мастеров-оружейников Миочин, Иосихиро, Масамуне, Иосимитсу. В этом ему помогли указания знатиков и знакомство с богатейшим собранием оружия в военном музее Юсукван (Оружейная палата) в Токио. Вскоре ему повезло, и он смог приобрести два клинка: один работы Иосихиро первой половины XIV века, другой конца XVII века работы Нагасоне Котейсу — ученика Масамуне.

Когда Колчаку становилось очень тяжело, он доставал клинок Котейсу, выключал в комнате освещение, садился у камина и при свете горящего угля долго смотрел, как отражается пламя в тусклом матовом лезвии с характерной волнистой линией сварки стали и железа. Постепенно все забывалось, успокаивалось, и наступало полусонное состояние. И тогда перед взором Колчака появлялись странные, непередаваемые образы, какие-то тени, возникавшие и исчезающие на поверхности клинка, который словно оживал, наполнялся какой-то внутренней, скрытой в нем силой — может быть, действительно «частью живой души во-

ина». Так незаметно для Колчака проходило несколько часов, после чего оставалось только лечь спать.

В парке Кодан в Токио Колчак посетил храм Ясукуни, посвященный душам воинов, павших в битвах за Японию.

Он часто бродил в окрестностях Токио, неоднократно посещал те места в Японии, которые так или иначе были связаны с войной, с историей холодного оружия. Его можно было встретить в небольшом прибрежном городишке Камакура — на западной окраине равнины Канто, в 40 минутах езды от Иокогамы. Когда-то это была военная столица Японии, от которой осталось несколько храмов и колоссальный (высотой 11,4 метра) бронзовый Будда, безмолвный свидетель разрушения Камакуры в результате феодальных войн и землетрясения, продолжавший сидеть здесь в позе «тихого созерцания» в середине XIII века. Впервые Колчак увидел его двадцать лет тому назад и, конечно, не думал тогда, что им придется вновь встретиться.

Этот Будда производил на Колчака «удивительно хорошее, какое-то успокаивающее впечатление своей экспрессией созерцания и отрешения от всех желаний, составляющих источник страдания и горя»; «когда мне становится очень уж нехорошо, я отправляюсь к нему с визитом и остаюсь всегда благодарным ему за то, что он дает мне».

Бывал Колчак и в храме Хасимана — храме бога войны, где находилась богатейшая коллекция военных реликвий — сабли и военные доспехи, клинки великих оружейников Японии, которые, по мнению адмирала, превосходили шедевры Дамаска и Индии.

«Вообще, прошлое Камакуры, — писал Колчак А. В. Тимиревой из Японии, — сплошная война, место эпических подвигов буси (низшая часть военно-феодального сословия в Японии. — *Авт.*) и самураев, давшее высокие образцы величия духа, служения долгу и отвлеченной идее войны, того, что явилось основанием государственного могущества Японии и отсутствие чего [стало] причиной нашего упадка и гибели. Там же находится и первый в Японии по времени и значению монастырь секты Zen. Приор монастыря — европейски образованный человек, говорящий по-английски и по-французски, я познакомился с ним, и он дал мне

несколько ценных указаний по буддийской литературе...»

Попав волею судьбы вновь в Японию, А. В. Колчак вспомнил свои занятия в первое плавание на Восток в 1895—1899 годах буддийской литературой и философскими учениями Китая; он даже пытался тогда изучать китайский язык, чтобы иметь возможность читать подлинники.

И сейчас, ища «забвения в какой-нибудь работе, не имеющей ничего общего с действительностью», А. В. Колчак проводит много времени за чтением книг древних китайских стратегов, например, Сунь-цзы, жившего в VI—V веках до нашей эры и являвшегося основоположником учения о войне Востока. Перед ним, по мнению Колчака, «бледнеет Клаузевиц». Адмирала поражала «глубина мысли, такое знание и понимание сущности и природы войны». Особое восхищение у Колчака вызывали мысли Сунь-цзы о победе в войне без боевых операций, без сражений: высшее искусство войны заключается в подчинении воли противника без сражений; наиболее искусный полководец принудит неприятеля к сдаче без боя; он захватывает его крепости, но не осаждает их; он создает смущение и поселяет недоверие в неприятельской армии; он вызывает вмешательство в управление неприятельской армией со стороны правителей и гражданских властей; он создает политические комбинации среди соседних государств; он делает неприятельскую армию опасной для ее же государства; и наконец, он уничтожает неприятельскую армию, лишая ее способности сопротивляться, и со своей нетронутой армией захватывает неприятельские владения.

Колчак не знал, изучал ли германский император и король Пруссии Вильгельм II Гогенцоллерн и командующий войсками Восточного фронта генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург трактат Сунь-цзы, но считал, что с момента «великой Российской революции» его страна сталкивается с идеями Сунь-цзы на собственной практике, что «это сущность нашей революции».

Познакомился А. В. Колчак и с учением одной из буддийских сект, известной под именем Дзэн — монашеский орден воинствующего буддизма. Эта школа

японского буддизма, получившая распространение с XII—XIII веков, усиленно подчеркивала роль медитации и других видов аутотренинга в достижении сатори — состояния внутреннего просветления и ощущения слияния с миром. Дзэн — это жесткая самодисциплина, непререкаемость авторитета наставника, особая система тренировок, направленных на самосовершенствование личности и мобилизации внутренних сил человека, включая его подсознание. Японские военные быстро оценили значение этой секты для войны, и она получила среди них широкое распространение.

Секта Дзэн заинтересовала вице-адмирала А. В. Колчака потому, что ее задача «чисто практическая: это укрепление моральной стороны сознания (я умышленно не говорю души — ибо это понятие сектой совершенно отрицается) для борьбы с жизнью. Учение Будды сводится к противопоставлению страданию жизни спокойствия, вызывающегося путем подавления волей желаний, с вечным идеалом нирваны. Зен преследует ту же цель, но в форме не пассивной нирваны, а активного состояния, стремящегося разрушить самое страдание. Буддийские приемы отрешения, отказа, подавления желаний, страсти в секте Зен приняли форму послушания и повиновения и дисциплины, дисциплины совершенно сознательной и добровольной, простирающейся не только на внешние формы, но на внутренние, до мышления включительно...»

Александр Васильевич свел знакомство с полковником Генерального штаба Хизахиде, самураем, ярким представителем той самой воинствующей буддистской секты Дзэн, учение которой привлекло внимание русского адмирала. Для японца война являлась религией и основой всей его духовной жизни, всего мирозерцания. По собственному признанию Колчака, у них сложились такие отношения, какие «возникают между людьми одних и тех же мыслей и взглядов — это своего рода профессиональный интерес или симпатия, которую военный испытывает к военному, даже своему непосредственному врагу на поле сражения. Я помню, что мне было очень приятно встретиться с командиром японской батареи [после] двухмесячного взаимного искоренения, и его похвала моей работы была одним из самых приятных комплиментов, которые мне доводилось слышать».

Колчак неоднократно встречался с Хизахиде и высоко ценил японца, считал это знакомство «одним из самых интересных», которые имел до сих пор в своей жизни. Он даже завидовал полковнику, который изучал войну «как настоящий военный, участвуя во многих делах активно, живя все время в штабах и окопах передовой линии». Адмирала покорила его военная эрудиция, широкая осведомленность во всех военных вопросах. По признанию Колчака, любая беседа с Хизахиде была полезна, «много интересней лекций по военной схоластике», которые Колчак слышал раньше.

Японский полковник проповедовал милитаризм, считая его единственной приемлемой формой государственного правления.

Хизахиде излагал свою теорию, Колчак больше слушал. Все или почти все, что говорил собеседник, адмиралу было знакомо, было уже продумано им. Он как бы проверял свои мысли, которые в словах японского полковника получали более яркое и полное выражение.

— ...Мы с вами знаем, что единственная форма государственного управления, отвечающая самому понятию о государстве, есть то, что принято называть милитаризмом. Ему противопоставляют понятия либерализма и демократии. Каково практическое значение этих понятий, мы видим на текущей войне. Весь западный мир с помощью Востока не может справиться с Германией, имея численное и материальное превосходство. Вы знаете, почему это, — сущность войны неизменна и проста, ее цель также совершенно определена, поэтому, чтобы вести успешно войну, надо прежде всего ее желать... Но «демократия» не желает войны, а милитаризм ее желает. Текущая война есть борьба демократического начала с милитаризмом... Вы знакомы с целями и лозунгами, выставленными державами Согласия. О них достаточно много говорил премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, а еще больше президент США Вильсон. Последний каждую неделю повторяет скучнейшие положения для утешения демократии: война за демократию, даже для спасения демократии, война для самозащиты, война за право, за самоопределение народов, война против автократии, наконец, против милитаризма и война вой-

не. Трудно представить себе что-либо более жалкое, чем это глупое демократическое лицемерие. Конечно, Вильсон и тем более английские государственные деятели понимают всю бессмыслицу этих целей и положений. Но они находятся под давлением «демократии», и последнюю надо убедить воевать хотя бы для собственного спасения, ей надо лгать, ибо в противном случае она пойдет за первым же германским агентом (как это сделала ваша демократия), который пообещает какую угодно ложь, лишь бы она демократии понравилась. А воевать демократия решительно не хочет... Войну ведут теперь не только армии, но все государства, а управляют ими люди совершенно не военные, принципиальные противники войны — как, например, социалисты. Вы понимаете, что я вовсе не имею в виду военный мундир, но государственный деятель во время войны должен быть военным по духу и направлению. Посмотрите на состав кабинетов европейских держав, про Америку я не говорю, 3/4 лиц, в них участвовавших, не только бесполезны, но прямо вредны для своей страны, ибо они участвуют в решениях, расходящихся со всей их идеологией и принципами. Эти лица вынуждены все время заигрывать с демократией, и вот в результате создается атмосфера величайшей лжи и лицемерия, выраженных в формуле «война — войне».

— Что такое демократия? — продолжал вещать полковник и сам же отвечал: — Это развращенная народная масса, желающая власти. Но власть не может принадлежать массам, большому числу в силу закона глупости числа: каждый практический политический деятель, если он не шарлатан и не мошенник, знает, что решение двух людей всегда хуже одного, трех — хуже двух и так далее, наконец, уже двадцать — тридцать человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупостей... — И, немного помолчав, добавил: — Демократическое правительство боится больше всего превосходства военного командного состава — мало-мальски способный генерал представляется уже опасным для депутатов демократии, его надо убрать, и только страх за неудачи и проигрыш кампании удерживает «демократию» от устранения всего талантливое командного состава.

В качестве примера Хизахиде привел Россию.

— Ваша демократия высказала откровенно все то, что западная демократия не высказывает, но в душе она думает так же. Она даже попробовала вести войну под высшим командованием присяжного поверенного и социалиста и кончила безграмотным прапорщиком... Демократия органически не выносит превосходства, ее идеал — равенство тупого идиота с образованным развитым человеком. Но воевать идиоты не могут, в этом вся их трагедия, и они инстинктивно понимают свое бессилие в войне, ненавидят ее и объявляют ей... войну.

Японец вскоре замолчал — Колчаку, по его собственному признанию, «нечего было возразить ему», он мог только согласиться с «тяжелой справедливостью его слов».

Когда Хизахиде ушел, Колчак задумался над «справедливостью слов японского фанатика», высказанных с «презрением, ненавистью и злорадством». Колчак почувствовал, с каким удовольствием смотрел японец на своего бывшего врага, поверженного врага.

«Тринадцать лет тому назад мы проиграли Японии войну, — под впечатлением от встречи принялся размышлять Колчак. — Кто ответствен за это... правительство? Да, но не только оно... Ответственность за это несут прежде всего военные России, главным образом офицерство...»

После революции 1905—1906 годов было ясно, что спасение России лежит в победоносной войне, но кто ее хотел — офицерство? Нет. Колчак считал, что «ее хотели немногие отдельные лица, которые готовились к ней как к цели и смыслу своей деятельности и жизни». В 1907 году Морской генеральный штаб совместно с сухопутным Генеральным штабом, изучив военнополитическую обстановку, предсказали начало общеевропейской войны в 1915 году. Десятилетний мирный период был достаточен для всесторонней подготовки к грядущей войне.

«Но что мы сделали для войны? — спрашивал себя Колчак. — Наше офицерство было демократизировано, не дисциплинировано и совершенно не воинственно. У нас было 3000 генералов против 800 француз-

ских, но что это были за генералы! Типичные буржуа, заседавшие в канцеляриях, гражданских ведомствах и управлениях, носившие военную форму и сабли с тупыми клинками».

Или офицерская молодежь последнего времени — выходцы из российской «интеллигенции», без достаточных знаний, физически никуда не годные, думавшие только, как бы устроиться поудобней да поспокойней в двадцать лет...

В российской армии офицеры были преимущественно в гвардейских полках, в Генеральном штабе, но их катастрофически не хватало. Через два года войны в армию пришел новый тип офицера «военного времени» — это уже был сплошной ужас. «Разве дисциплина могла существовать в такой среде, — размышлял Колчак. — Без дисциплины нет прежде всего смелости участвовать в войне, не говоря уже о храбрости. Без дисциплины человек прежде всего трус, он неспособен к войне — вот в чем причина нашего проигрыша».

Вице-адмирал А. В. Колчак считал, что Россия войну проиграла «благодаря стихийной трусости чисто животного свойства, охватившей массы, которые с первого дня революции освободились от дисциплины и провозгласили трусость истинно революционной добродетелью. Будем называть вещи своими именами, как это ни тяжело для нашего отечества: ведь в основе гуманности, пацифизма, братства рас лежит простейшая животная трусость, страх боли, страдания и смерти. Почтеннейший Керенский называл братающихся с немцами товарищей идеалистами и энтузиастами интернационального братства, а я, возражая ему, просто называл это явление проявлением самой низкой животной трусости. «Товарищ» — это синоним труса прежде всего, и армия, обратившись в товарищей, разбежалась или демократически «демобилизировалась», не желая воевать с крестьянами и рабочими, как сказал Троцкий и Крыленко».

Наряду с фигурой этого «товарища», вырисовывается другая, хорошо знакомая Колчаку по Дальнему Востоку.

Ему особенно запомнилось скульптурное изображение в одном из храмов Токио. При всей наивности техники художник создал произведение, которое про-

извело на Колчака глубокое впечатление. Это был самурай, вынимавший из ножен саблю. Художник с необыкновенной реалистичностью сумел передать чувство ненависти, презрения и самоуверенного надменного спокойствия в выражении лица и всей фигуры самурая, как бы задумавшегося над тем, стоит ли вынуть саблю и не нарушит ли это правило, запрещавшее воину пользоваться саблей против нечистых животных. Такое же выражение появлялось и у Хизахиде, «проникнутого военной идеей до фанатизма», когда тот говорил о демократии...

Он еще не вынул саблю и думает, нужно ли это делать, ведь в клинке заключена «часть живой души воина»... И если все останется так, как есть, то вынимать саблю ему не придется — он просто поставит на грязную демократическую лужу свой тяжелый окованный солдатский башмак, и лужа брызгами разлетится в стороны и моментально высохнет под лучами «восходящего солнца», исчезнет без всякого следа.

Да, война проиграна. Но А. В. Колчак верил, что в новой войне Россия возродится. «Революционная демократия» захлебнется в собственной грязи, или ее утопят в ее же крови. Колчак считал, что «другой будущности у нее нет. Нет возрождения нации помимо войны, и оно мыслимо только через войну. Будем ждать новой войны как единственного светлого будущего...» А пока он собирался окончить войну с Германией, чтобы потом взяться «за подготовку к новой». Если этого не случится, «тогда придется признать, что смертный приговор этой войной нам подписан», — считал вице-адмирал Александр Колчак.

Во время «проповеди» японца А. В. Колчак иногда слегка улыбался, но чаще лицо его было суровым, холодным. Может быть, вспомнил весну 1917 года, свержение царя, бунтующий Черноморский флот, конец своей карьеры? Или вновь увидел, будто это было вчера, огромную, в красных знаменах демонстрацию рабочих, солдат, матросов в Питере, грозно требовавших отставки министров Временного правительства и передачи власти советам? Он хорошо помнил, как перепугалось тогда правительство, как Верховный

главнокомандующий генерал М. В. Алексеев, тяжело переживая развал армии, на заседании Совета министров дрожащим голосом говорил: «У меня нет части, которую я мог бы вам дать». Или Колчак вновь увидел возбужденные лица матросов, требовавших сдать оружие? — одна из самых мрачных картин в его жизни.

Нет, вице-адмирал ничего не забыл. Он знал, что революция в России пошла дальше. У власти большевики. Он, Колчак, теперь вице-адмирал без флота. Его лишили службы, лишили чести, власти...

Полковник Хизахиде давно ушел, а Колчак все ходил и ходил по комнате, перебирая в уме события последнего года. Он верил, что настанет время, когда призовут его для борьбы с большевиками, он жаждал этой борьбы. Тогда он проявит себя. Все решат меч и огонь.

Скоро такое время пришло...

Однако прежде чем А. В. Колчак попал в Сибирь, стал во главе не только восточного, но и всероссийского белого дела, создал мощную армию, прошло немало времени. Весной и летом 1918 года он был слишком одиозной фигурой, тогда военные диктаторы были еще не в моде.

А. В. Колчак долго не мог заснуть в эту ночь. Вновь достал клинок Котейсу и долго, пристально смотрел на него, сидя в полутьме у потухшего камина, постепенно все забывая, успокаиваясь. И вновь зажил старинный клинок своей таинственной жизнью, и на его поверхности замелькали чьи-то тени... Станные иногда происходят события.

30 ДЕКАБРЯ 1917 ГОДА А. В. КОЛЧАКА вызвали в английское посольство в Токио. Сэр Грин сообщил ему, что он и двое его спутников — лейтенанты И. Э. Вуич и В. В. Безуар — приняты на службу Его Величества Короля Англии и должны ехать на Месопотамский фронт. Где и что конкретно Колчак будет там делать — ему не сказали. Это выяснится по прибытии в Бомбей — в штаб английской армии.

При выборе места службы для Колчака английское правительство, видимо, исходило из того, что у адмирала есть опыт боевых действий против Турции и он знаком с Кавказским театром военных действий. Для Колчака это назначение оказалось «вполне приемлемо», так как было «вблизи Черного моря», где он воевал. Русский вице-адмирал принял предложение англичан и обратился к сэру Грину с просьбой о содействии в переезде в Бомбей. Тот обещал.

«Сегодня день большого значения для меня, — писал Колчак А. В. Тимиревой. — <...> Вопрос решен — Месопотамский фронт. Я не жду найти там рай, который когда-то был там расположен, я знаю, что это очень нездоровое место с тропическим климатом, большую часть года с холерой, малярией и, кажется, чумой... Мне известно, что предшественник командующего Месопотамским фронтом умер от холеры. Неважная смерть, но много лучше, чем от рук сознательного пролетариата или красы и гордости революции (крылатое выражение 1917 года, обозначавшее революционных матросов. — *Авт.*). Последнее так же неприятно, как быть заживо съеденным домашними свиньями».

А. В. Колчак много пережил за последний месяц, пока томительно ожидал решения своей судьбы, и сейчас испытывал облегчение, почти радость. Он снова служит войне — и это единственная служба, которую он не только ставит выше всего, но которую искренне и бесконечно любит.

Его вера в войну, ставшая каким-то религиозным убеждением, может показаться дикой и абсурдной. А то, что он поставил войну выше родины, выше всего в жизни, способно вызвать чувство неприязни и справедливого негодования. Но так было, и это тоже Александр Васильевич Колчак — вице-адмирал русского флота.

«Война прекрасна, хотя она связана со многими отрицательными явлениями, но она везде и всегда хороша. Не знаю, как отнесется Она (война. — *Авт.*) к моему единственному и основному желанию служить Ей всеми силами, знаниями, всем сердцем и всем своим помышлением».

«Война дает мне силу относиться ко всему «холод-

но и спокойно», я верю, что она выше всего происходящего, она выше личности и собственных интересов, в ней лежит долг и обязательство перед Родиной, в ней все надежды на будущее, наконец, в ней единственное моральное удовлетворение. Она дает право с презрением смотреть на всех политиканствующих хулиганов и хулиганствующих политиков, которые так ненавидят войну и все, что с ней связано в виде чести, долга, совести, потому что прежде всего и в основании всего они трусы».

Он постоянно думает о войне и о ней, «дорогой, милой, обожаемой Анне Васильевне». Она его мечта, звезда, «свет, которой создает какую-то радость в душе, благодарность за счастье, которое с ней всегда связано». Она божество. И в этом весь Колчак, таков его мир — мир войны и любви, крови и нежности, горя и радости, ненависти и счастья. По его собственному признанию, только в вере в войну и в думах о любимой женщине он мог «найти облегчение и иногда забвение и своего ужасного положения, и того, что делается в нашем флоте, на фронте и повсеместно на Родине».

И вот он сидит в комнате, где прожил больше месяца, долго смотрит на ее портрет. Он все уже уложил, даже ее письма, и только две маленькие фотографии стоят перед ним на столе, и он начинает писать: «Милая, дорогая моя Анна Васильевна...»

15 ЯНВАРЯ 1918 ГОДА А. В. КОЛЧАК прибыл в Шанхай. И снова приходится сидеть в этом чужом городе и ждать парохода, который опоздал и уйдет на юг только через неделю.

Около двадцати лет тому назад молодой мичман Колчак хорошо знал этот китайский город, в котором провел не один месяц во время стоянок корабля в порту или у острова Сэдл. Тогда он с гордостью чувствовал себя русским офицером и чуть ли не хозяином положения, теперь он в этом городе по приказу Его Величества Короля Англии.

Местные английские власти, все, с кем имеет дело А. В. Колчак, любезны с ним и предупредительны. Приходится считаться с ним как с вице-адмиралом. Но

какой же он теперь вице-адмирал? Простой наемник. Колчак отдавал себе в этом отчет. Он предпочел бы, чтобы о нем никто не знал, не говорил.

Ему хочется поскорее попасть на фронт и найти там «отдых». Снова он ясно почувствовал, что «устал», и рвался «отдохнуть» на войне.

Пароход, которого он все время ждал, привез сюрприз — чуму. В результате карантин, дезинфекционные работы, и отход отложен еще на десять суток. Другого парохода в Индию нет, хотя Колчак готов уехать на чем угодно. Приходится опять сидеть в Шанхае и ждать...

И вот он опять целыми днями один, продолжает изучать буддийскую философию, Месопотамский театр военных действий, английскую службу Генерального штаба, уставы и инструкции по полевой службе. Приходится привыкать к английской терминологии.

Эти дни ожидания, когда утром ждешь вечера, а вечером мечтаешь, чтобы он поскорее кончился, надоели Колчаку до невозможности. Он жил в комфортабельном английском «Шанхай клубе» один, ни с кем не знакомился и избегал любых встреч. Изредка к нему заходили его офицеры — Вуич и Безуар, — но им решительно не о чем было говорить. Временами на Колчака находила такая тоска, что он не мог найти себе места. Нехорошие и невеселые мысли начинали лезть в голову, и, чтобы отделаться от них, он отправлялся бродить по Шанхаю.

По набережной мимо него текла густая сине-черная толпа китайских рабочих — портовых грузчиков. На реке, задавленной кораблями, кипела своя обычная жизнь: сновали во все стороны джонки, похожие на розвальни, деловито пытели маленькие катера, медленно уползали в море перегруженные пароходы. Остро пахло смолой, плесенью, нефтью, углем. Все до тошноты знакомо и постыло. Сесть бы сейчас на пароход и улечь куда-нибудь далеко-далеко из этого проклятого города, от тупой бессмысленной жизни...

Вечером он зажигал камин, усаживался около него и разговаривал с фотографией милой, далекой Анны Васильевны, читал что-нибудь по военной истории или ходил по комнате и думал, думал...

Изредка этот режим нарушался каким-нибудь офи-

циальным приглашением к обеду или посещением стрелкового общества, где Колчак практиковался в стрельбе. Вот и все.

...Из Шанхая А. В. Колчак в феврале ушел на пароходе в Сингапур, где оказался в новом и совершенно неожиданном положении.

Его встретил командующий местными войсками генерал РидAUD и передал официальный пакет с распоряжением английского правительства немедленно вернуться в Китай для работы в Маньчжурии и Сибири.

«Английское правительство, — писал по этому поводу Колчак из Сингапура 16 марта 1918 года А. В. Тимиревой, — после последних событий, выразившихся в полном разгроме России Германией, нашло, что меня необходимо использовать в Сибири в видах союзников и России предпочтительно перед Месопотамией, где обстановка изменилась, по-видимому, в довольно безнадежном направлении».

(После начавшегося в конце 1917 года разложения и массового ухода с позиций русских войск Кавказского фронта турецкая армия перешла в наступление, заняла Западную Армению и другие области Кавказа. В этих условиях англичане перенесли свои основные боевые действия против Турции на другие театры военных действий, значительно удаленные от Кавказа и Черного моря.)

И вот А. В. Колчак сидит в Сингапуре и вновь ждет парохода, чтобы ехать... обратно в Шанхай и оттуда в Пекин, за новыми инструкциями от союзников.

«Милая моя Анна Васильевна. Вы знаете и понимаете, как это все тяжело, какие нервы надо иметь, чтобы переживать это время, это восьмимесячное передвижение по всему земному шару...

Не знаю, я сам удивляюсь своему спокойствию, с каким встречаю сюрпризы судьбы, меняющие внезапно все намерения, решения и цели... Я почти успокоился, отправляясь на Месопотамский фронт, на который смотрел почти как на место отдыха... кажется, странное представление об отдыхе, но и этого мне не суждено, но только бы кончилось это ужасное скитание, ожидание, ожидание, которое способно привести в состояние невменяемости любого Бога... Это время

было для меня временем величайшего страдания, которое я когда-либо испытывал, кончится ли оно когда-нибудь...

Разве не сон воспоминания о Вас в той обстановке, где я теперь нахожусь; на веранде экзотического английского отеля в жаркую тропическую ночь в атмосфере какого-то парника, в совершенно чуждом и совершенно ненужном для меня городе — я сижу перед Вашим портретом и пишу Вам эти листки, не зная, попадут ли они когда-нибудь в Ваши ручки.

Даже звезды, на которые я всегда смотрел, думая о Вас, здесь чужие; Южный Крест, нелепый Скорпион, Центавр, Аргос с Канопусом — все это чужое, неведомое для Вас, и только низко стоящая на севере Большая Медведица и Орион напоминают мне Вас...»

Что могла ответить ему Анна? Какие найти слова утешения?

А жизнь продолжалась.

Из Сингапура вице-адмирал А. В. Колчак ушел на пароходе в Шанхай, а оттуда уехал по железной дороге в Пекин...

Лицо его осунулось и постарело. На висках пробились первая седина, а в уголках глаз появились тонкие лучики морщин. Взгляд потух...

Союзники старой России усиленно готовились к интервенции. Они ее называли поддержкой «местным правительствам и их армиям».

«Для союзников, — пишет английский историк Р. Джексон, — договор в Брест-Литовске был катастрофой... Союзники, для которых падение большевиков имело бы теперь исключительно большое значение, были все еще в состоянии поддерживать антисоветские силы внутри России. Полная поддержка могла быть достигнута только путем прямой интервенции, высадкой союзных войск на русской территории».

Как известно, вооруженная интервенция началась с высадки англо-французских и американских войск на севере России. Выгодной и удобной для высадки еще в конце ноября 1917 года была признана и территория Дальнего Востока.

В Токио рассчитывали, что союзники по антигерманской коалиции, занятые войной в Европе, не станут серьезно заниматься Дальним Востоком, не смогут послать сюда свои войска в случае необходимости и выдадут Японии «мандат» на поддержание порядка в этой части света. Руководство антантовского блока действительно отводило Японии, которая располагала сильным флотом и многочисленными регулярными сухопутными войсками, «солидную роль» в дальневосточной интервенции. Она могла быстро доставить на Дальний Восток и в Сибирь многотысячную армию. Один из вдохновителей интервенции У. Черчилль откровенно писал по этому поводу: «В Сибири был только один союзник, который мог действовать

быстро и с надлежащей мощью. Япония была близка, свежа, сильна, готова и глубоко преданна делу...»

С точки зрения блокирования продвижения большевиков на Дальний Восток, многосторонняя экспедиция (при неизбежных противоречиях отдельных участников), разумеется, уступала бы по эффективности действиям одной такой сильной военной державы, как Япония. Однако, с другой стороны, одиночное выступление (при учете японских амбиций) таило в себе огромную опасность для других участников интервенции. Поэтому при разделе ими советской России на «зоны своих действий» Сибирь и Дальний Восток отводились японцам и американцам. Когда большевики попытались поднять первый мятеж во Владивостоке, Япония отправила к российским берегам крейсера. Но одновременно аналогичные шаги предприняли в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Американский посол в Японии пошел даже на открытую размолвку и заявил, что чрезмерная японская активность на русском Дальнем Востоке нежелательна. Месяцы спустя полномасштабная интервенция в итоге стартовала, но она оказалась все-таки многосторонней. И хотя японцы были значительно активнее, присутствие в регионе других союзных держав, бесспорно, существенно сдерживало японский темперамент.

Одновременно Япония, Англия, Америка и другие «бескорыстные помощники» — в условиях царившей на Дальнем Востоке неразберихи и довольно острых противоречий между ними — искали «собственных» ставленников, способных, по крайней мере, уравновесить партнеров-союзников, объединить действия антибольшевистских сил в Сибири и на Дальнем Востоке, проводить политику в интересах «хозяев».

Определенно трудно утверждать, у кого впервые возникла мысль о Колчаке как о фигуре, способной решить задачу союзников-западников: в русских ли дальневосточных кругах или в иностранных дипломатических кабинетах.

Журналист А. Ган в своей книге «Россия и большевизм» писал, что идея создания объединенного антибольшевистского фронта на Дальнем Востоке родилась в начале 1918 года среди «русских общественных деятелей», и они же связывали эту идею с именем

Колчака. Возможно, так и было, к этому вопросу мы еще вернемся чуть позже.

Но бесспорно и другое: без согласия союзников эта идея вряд ли могла обрести плоть и кровь хотя бы потому, что адмирал официально находился на службе Его Величества Короля Великобритании.

Напомним: Колчак был направлен в Бомбей, в штаб индийской армии, для назначения на Месопотамский фронт. По дороге туда, в Сингапуре, он неожиданно для себя получил телеграмму из Лондона.

— Английское правительство приняло мое предложение, — рассказывал он позже о содержании телеграммы, — тем не менее... считает, ввиду просьбы, обращенной к нему со стороны нашего посланника князя Кудашева, полезным для общего союзнического дела, чтобы я вернулся в Россию, что мне рекомендуется ехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность. И это с их точки зрения является более выгодным, чем мое пребывание на Месопотамском фронте...

А. В. Колчак сделал запрос: приказание это или только совет, который он может не исполнять?

Получил довольно определенный ответ: английское правительство настаивает на прибытии адмирала на Дальний Восток и рекомендует ему ехать в Пекин в распоряжение русского посланника князя Н. А. Кудашева.

Колчак понял: вопрос в Англии решен однозначно, и выехал в Пекин для получения «инструкции и информации от союзных посольств».

По этому поводу А. В. Колчак писал: «Моя миссия является секретной, и хотя я догадываюсь о ее задачах и целях, но пока не буду говорить о ней до прибытия в Пекин». Это было 16 марта 1918 года.

А через несколько дней американский консул из Харбина доносил в Вашингтон о том, что в Сибири предполагается образовать Российское правительство во главе с Колчаком.

Полковник Дж. Уорд писал в мемуарах: «Определенно можно утверждать, что адмирал Колчак никогда бы не отправился в Сибирь, никогда бы не стал во главе русского конституционного движения и правительства, если бы он не был вынужден на это советами и настояниями союзников. Он получил самые катего-

рические обещания на искреннюю помощь и немедленное признание со стороны союзников, прежде чем принял на себя опасный долг главы Омского правительства».

Князь Кудашев информировал адмирала о действовавшей на Юге России Добровольческой армии и о том, что теперь «необходимо начать готовить Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу». Реализацию этой задачи и предполагалось возложить на Колчака. Адмирал согласился.

Фактически он направлялся в Маньчжурию как исполнитель воли Англии, с ведома и санкции англичан, которые тем не менее старались не афишировать связи русского адмирала с союзниками и с Англией особенно и разъясняли Колчаку, что было бы весьма желательно и с его стороны хранить об этом молчание.

ЗДЕСЬ УМЕСТНО БУДЕТ СКАЗАТЬ несколько слов о русском посольстве в Токио, которое после октябрьского переворота, в период отсутствия отношений между Японией и большевиками, продолжало работать абсолютно легально целых восемь лет без правительства, которому присягало, без страны, которая звалась Россией.

По признанию активного участника тех событий кадрового дипломата Д. И. Абрикосова, одной из важных задач русского посольства в Токио была координация действий антибольшевистских формирований в Сибири и на Дальнем Востоке и поиск политического лидера, который мог бы стать достаточно авторитетным и влиятельным, чтобы объединить разнородные группы в этой борьбе. Как отмечает русский дипломат, легенды о едином мощном белом движении в Сибири и на Дальнем Востоке были именно легендами — царил полный разброд, мелкие партии и движения пожирали друг друга, процветал сепаратизм в рамках отдельных уездов и губерний, многие вооруженные формирования просто бандитствовали, а самой организованной силой на российских просторах (не считая большевиков) был чехословацкий корпус, политические симпатии и действия которого гнули чашу весов то в одну, то в другую сторону.

Сама гражданская война на таком фоне была не столько ожесточенной схваткой «красных» и «белых», как мы привыкли полагать, сколько постепенным уничтожением большевиками политических конкурентов, ослабленных междоусобицей и занятых грызней друг с другом.

По мнению Абрикосова, одной из ключевых причин военного поражения Александра Колчака было не превосходство большевиков на фронте, а открытый конфликт в тылу с атаманом Г. М. Семеновым, который фактически отрезал адмирала от Дальнего Востока и блокировал поставки вооружения, амуниции, провианта для армии Верховного главнокомандующего. Об этом Абрикосов пишет с особым прискорбием, поскольку Семенов был силен прежде всего японской поддержкой, а познакомил японцев с Семеновым русское посольство в Токио.

Как вспоминает русский дипломат, работавший в Японии с 1916 года, «мы получили телеграмму из Пекина о том, что в Маньчжурии молодой казачий атаман Григорий Семенов начал собирать под свои знамена казаков и бурят для борьбы с большевиками. Фигура показалась нам перспективной, и наш посол (Крупенский) во время встречи с японским министром иностранных дел виконтом Мотоно порекомендовал японской стороне обратить внимание на подающего надежды атамана и оказать ему посильную поддержку. В результате этой просьбы-рекомендации японским генштабом был послан специальный представитель в ставку Семенова для знакомства. Японцам молодой «антибольшевистский» атаман понравился, и японский генштаб еще до появления на горизонте Колчака взял кураторство над Семеновым, поощряя и частично финансируя его армию и направляя политику в нужном японцам русле».

Японская «привязанность» к Семенову, по версии Абрикосова, толковалась легко — Токио не был заинтересован в полном разгроме большевизма и восстановлении мощной единой России, какой она была до октябрьского переворота. Японцы полагали идеальным создание на территории Дальнего Востока (до Байкала) некоего буферного образования под полным контролем Японии. В эту схему мелкая и управляемая

фигура Семенова полностью укладывалась, а вот мощная и цельная фигура Колчака, преданного идее империи, не вписывалась никак.

Как отмечает Абрикосов, японцы делали все, чтобы, с одной стороны, посорить атамана с адмиралом, а с другой стороны, дискредитировать Колчака, вставляя по возможности ему палки в колеса.

Адмирал Колчак оказался вовлеченным в бурный водоворот дальневосточных событий в общем-то случайно — благодаря действиям двух русских посольств (в Пекине и Токио), которые не только «нашли» его, но и вывели на первые роли.

Русское посольство в Пекине, с согласия союзников, направило его в Маньчжурию, в Харбин, с поручением содействовать созданию вооруженных формирований для борьбы с большевиками, чем занимался без особого успеха до этого начальник Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) генерал Д. Л. Хорват.

И вскоре в городах «восточной окраины» бывшей Российской империи появляется воззвание:

«Я, адмирал Колчак, в Харбине готовлю вооруженные отряды для борьбы с предателями России — большевиками...»

В Харбине Колчак энергично принялся за дело, призвав к сотрудничеству все вооруженные формирования. Атаман Семенов, однако, отказался подчиняться указаниям Колчака, даже выставил его из своей Ставки, когда Колчак отправился к атаману на переговоры.

За этим вызывающим поведением Семенова стоял уполномоченный японского военного министерства в Харбине и бывший военный атташе японского посольства в Санкт-Петербурге генерал Накадзима. Последний не только подстрекал атамана, но и «отличился» сам, публично надсмеявшись в подпитии над Колчаком. Разъяренный адмирал после перебранки с японцем направил ультимативную телеграмму в Токио с требованием отозвать Накадзиму из Харбина. Однако это требование осталось без ответа, а за Колчаком закрепилась репутация «японофоба», которую старательно поддерживали японские военные круги.

Русское посольство в надежде уладить конфликт в июле 1918 года устроило Колчаку поездку в Токио.

Отмечая цельность натуры Колчака и его бескорыстную преданность интересам России, Абрикосов в то же время подчеркивает и слабости в характере адмирала, его повышенную нервозность и чувствительность, а также очевидный отрыв высоких помыслов от печальных обыденных реалий, к которым Колчак так и не смог привыкнуть. Адмирал жил прошлым, был к тому же слишком прямолинеен и недипломатичен для японцев.

Несмотря на высокий уровень приема Колчака в Токио (например, он встречался с начальником японского генерального штаба Ихарой), поездка с точки зрения дела дала нулевой результат: Ихара уклонился от обсуждения дел на Китайско-Восточной железной дороге, предложил Колчаку остаться в Японии и... отдохнуть, что тот и сделал.

Эта проба военных и политических сил не удалась Колчаку.

В МАЕ 1918 ГОДА У КОЛЧАКА произошли перемены и в личной жизни. В Харбине он встретился с Анной Васильевной Тимиревой и вот здесь, в Токио, ждал ее вновь.

Она с мужем — контр-адмиралом, вышедшим после октябрьского переворота в отставку и командированным на Дальний Восток для ликвидации военного имущества флота, — весной 1918 года ехала во Владивосток.

В Петрограде голод — 50 граммов хлеба по карточкам, остальное — что достанешь. А в вагоне-ресторане на столе тарелка, полная хлеба. Они его немедленно съели; поставили другую — и ее тоже. На станциях продают молоко, яйца, лепешки...

Была весна, с каждым днем становилось все теплее, но страшила полная неизвестность: куда, в сущности, они едут, что из всего этого выйдет...

В одном вагоне с ними ехали их друзья — семья Крашенинниковых; еще какая-то девушка Женя, с которой Анна Васильевна успела подружиться; два мальчика-лицеиста. Остановки долгие, города незнакомые, где можно, сходила с поезда, все ей было интересно, все хотелось посмотреть...

А в Иркутске произошла задержка — началось восстание в Черемховских коях, никого дальше не пропускают. Тут-то мальчишки-лицеисты и пригодились. «Уж не знаю, — вспоминает она, — как им удалось организовать совершенно липовую китайско-американскую миссию и получить под нее вагон. Состав этой миссии был по их выбору — все мы туда попали. Время было фантастическое».

И вот она едет по Шилке, по «Амурской колесухе», построенной в 1898—1909 годах арестантами и соединявшей Благовещенск с Хабаровском. Красиво, дух захватывает. Вербная неделя — в 1918 году она приходилась на 22—28 апреля. По гребням холмов со свечами идут люди со всеобщей. Анна Васильевна и Женя побежали смотреть Благовещенск. «Красивее расположенного города я не видела, — вспоминает А. В. Тимирева, — на стыке Амура и Шилки. А город пестрый, то большие дома, то пустыри, по улицам ходят свиньи — черт знает, что такое...»

В Благовещенске у нее произошла случайная встреча со старым знакомым лейтенантом флота Б. Рыболовским — во время войны он служил на Балтийском флоте. Разговорились. Лейтенант сказал, что хочет перебраться в Харбин. Зачем? А там сейчас находится адмирал Колчак.

Из последнего полученного от Александра Васильевича письма Тимирева знала: он принят на английскую военную службу и отбыл на Месопотамский фронт. Колчак писал ей, что, пока не закончена война, он не может стоять от нее в стороне, что за позорный брестский мир России придется заплатить страшную цену, и он оказался прав. Писал также, что Анна всегда сможет узнать о нем у английского консула, через которого и ее письма доставят ему. Письма из Сингапура она не получила, поэтому и не знала о его возвращении.

Последние письма, полные нежности: «Милый Александр Васильевич, далекая любовь моя... Я думаю о Вас все время, как всегда, друг мой... Я так часто и сильно скучаю без Вас, без Ваших писем, без ласки Ваших слов... У меня тревога на душе за Вас, Вашу жизнь и судьбу... Я буду ждать Вашего возвращения, минуты, когда опять буду с Вами, снова

увидю Вас, как в последние наши встречи... чего бы я не дала, чтобы побыть с Вами, заглянуть в Ваши милые темные глаза...» — она послала еще в марте.

О той минуте, когда она узнала, что Колчак рядом, Анна Тимирева вспоминает: «Не знаю: уж, вероятно, я очень переменялась в лице, потому что Женя посмотрела на меня и спросила: «Вы приедете ко мне в Харбин?» Я, ни минуты не задумываясь, сказала: «Приеду».

Из Владивостока А. В. Тимирева написала Александру Васильевичу, что она здесь и может приехать в Харбин. С этим письмом она пошла в английское консульство и попросила доставить его адресату.

Через несколько дней ей передали закатанное в папиросу мелко-мелко исписанное письмо Александра Васильевича от 29 апреля:

«Дорогая, милая, обожаемая Анна Васильевна.

Сегодня получил письмо Ваше от 20 апреля. У меня нет слов, нет умения ответить Вам; менее всего я мог предполагать, что Вы на Востоке, так близко от меня. Получив письмо Ваше, я прочел Ваше местопребывание и отложил письмо на несколько часов, не имея решимости его прочесть. Несколько раз я брал письмо в руки, и у меня не хватало сил начать его читать. Что это, сон или одно из тех странных явлений, которыми дарила меня судьба. Ведь это ответ на мои фантастические мечтания о Вас — мне делается почти страшно, когда я вспоминаю последние. Анна Васильевна, правда ли это или я, право, не уверен, существует ли оно в действительности или мне только так кажется.

Ведь с прошлого июля я жил Вами, если только это выражение отвечает понятию думать, вспоминать и мечтать о Вас, и только о Вас...»

Почти одновременно Анна Тимирева получила письмо от Жени. Девушка звала ее к себе — у нее были личные осложнения, и она просила Тимиреву ей помочь. Анна Васильевна решила ехать.

— Ты вернешься? — спросил муж.

— Вернусь...

Тогда она так и думала. Ей только очень хотелось увидеть Колчака, больше ничего.

«Я ехала как во сне, — вспоминает она. — Стояла

весна, все сопки цвели черемухой и вишней — белые склоны, сияющие белые облака. О приезде я известила Александра Васильевича, но на вокзале меня встретила Женя, сказала, что Александр Васильевич в отъезде, и увезла меня к себе».

Но Колчак встречал ее. Они просто не узнали друг друга: она была в трауре — у нее недавно в Кисловодске умер отец, а он — в военной форме защитного цвета. Такими они друг друга никогда не видели.

На другой день она разыскала вагон, в котором жил Колчак, но его не застала и оставила записку с адресом. Он приехал к ней. Чтобы встретиться, они с двух сторон объехали по всей окружности земной шар.

Колчак стал навещать Анну Тимиреву в семье Жени, где она жила, а потом попросил ее переехать в гостиницу. Она согласилась. Целыми днями он был занят, приходил только вечером.

Время бежало быстро. Ей пора было уезжать — она обещала мужу вернуться, но ей не хотелось. Однажды Анна сказала об этом Колчаку.

— А вы не уезжайте, — предложил он.

Она приняла это за шутку. Но это не было шуткой.

— Оставайтесь со мной, — настаивал Колчак. — Я буду вашим рабом, буду чистить ваши ботинки...

Она весело смеялась. Но Колчак постоянно возвращался к этой теме. Наконец она сказала:

— Конечно, человека можно уговорить... Но что из этого выйдет?

— Нет, уговаривать я вас не буду... Вы сами должны решить.

Тем временем у Колчака начались трения с управляющим Китайско-Восточной железной дорогой генералом Д. Л. Хорватом. Адмирал терпеть его не мог.

— ...И по виду, и по качеству — старая швабра, — говорил о нем Колчак Тимиревой.

Попытки А. В. Колчака создать вооруженные силы в районе КВЖД (для удобства действий Колчак был официально введен в состав правления КВЖД) натолкнулись на непоследовательность Хорвата, на сопротивление уже существующих отрядов, их взаимное соперничество и вражду. Да еще японцы подливали масла в огонь. По мнению Колчака, Хорват проводил по

отношению к японцам недопустимую «политику не обострения отношений».

Прежде всего это происходило из-за того, что Хорват все больше сближался с Японией, а Колчак ориентировался главным образом на контакты с западными странами. Стал генерал проявлять и заметную подозрительность по отношению к Колчаку, видя в нем конкурента. У адмирала, в свою очередь, к политиканствовавшему, лавировавшему генералу также складывалось весьма негативное отношение. Дело дошло до публичных выпадов в адрес друг друга. Японцы, видя «неподатливость» вице-адмирала, считали, что его необходимо как-то отстранить от дел.

Александр Васильевич «приходил измученный, — вспоминает Тимирева, — совсем перестал спать, нервничал, а я все не могла решиться порвать со своей прошлой жизнью. Мы сидели поодаль и разговаривали. Я протянула руку и коснулась его лица — и в то же мгновение он заснул. А я сидела, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. Рука у меня затекла, а я все смотрела на дорогое и измученное лицо спящего. И тут я поняла, что никогда не уеду от него, что, кроме этого человека, нет у меня ничего и моего места — с ним».

Они решили, что Тимирева уедет в Японию, а Колчак приедет к ней. Пока же она должна написать мужу, что домой не вернется, остается с Колчаком. У Анны было лишь единственное условие: сын должен остаться с ней — в то время он жил у ее матери в Кисловодске.

— В таких случаях ребенок остается с матерью, — заметил Колчак.

Анна Васильевна поняла, что он тоже порвал со своей прошлой жизнью, хотя это далось ему не легко — он очень любил своего сына.

Вскоре, продав свое жемчужное ожерелье, Анна Васильевна уехала в Японию. Потом приехал Колчак, надеясь выяснять свои отношения с японскими военными верхами.

Неожиданно пришло письмо от мужа Тимиревой: она не понимает, что делает, он не может без нее жить, просит вернуться... Классическое письмо.

Анна решила поехать во Владивосток и еще раз объясниться с мужем.

Колчак не возражал, он очень доверял ей.

«Конечно, все это было глупо — какие объяснения могут быть, все ясно, — вспоминает Анна Васильевна. — Но иначе я не могла».

И вот она в вагоне. За окном мутная-мутная ночь, силуэт горы Фудзиямы, и туман ползет по равнинам у ее подножья. Рвущая сердце боль расставания. И вдруг, повернувшись, она увидела на стене его лицо, бесконечно печальное, глаза опущены, и настолько реальное, что она протянула руку, чтобы его коснуться, и ощутила живую теплоту; потом лицо стало таять, исчезло — на стене просто что-то висело. Все. Осталось только зыбкое чувство его незримого присутствия, которое не оставляло ее всю дорогу.

Все, что происходило тогда вокруг, касалось ее постольку, поскольку имело отношение к их любви. Круг ее интересов, желаний и помыслов был очерчен единственным стремлением: быть рядом с Колчаком, «человеком смелым, самоотверженным, правдивым до конца, любящим и любимым». За все время, что она была знакома с ним — пять лет, она не слышала от него ни слова неправды, он просто не мог бы ей солгать.

...В Харбине, когда Анна Васильевна жила в гостинице, у нее постоянно бывали двое молодых людей — попутчики по вагону Баумгартен и Герарди, оба были влюблены в нее. Как-то перед отъездом в Японию Колчак заехал за ней, чтобы повезти кататься на автомобиле. Во время поездки Тимирева заметила, что Александр Васильевич молча посмеивается, и поинтересовалась, в чем дело.

— Знаете, у меня сегодня был Баумгартен, — ответил он.

— Зачем?

— Он спросил меня, — стал объяснять Колчак, — буду ли я иметь что-нибудь против, если он поедет за вами в Японию.

— Что же вы сказали?

— Я ответил, что это зависит только от Анны Васильевны.

— А он?

— Он сказал, что не может жить без Анны Васильевны... Я ответил: вполне вас понимаю, я сам в таком же положении.

На другой день Баумгартен сказал Тимиревой:

— Знаете, Анна Васильевна, Александр Васильевич очень отзывчивый человек.

В Японию за Тимиревой Баумгартен не поехал. Они остались добрыми друзьями. Он все понял...

Во Владивостоке со всей прямолинейностью, свойственной молодости, Анна Васильевна быстро покончила со своей прошлой жизнью. За месяц, проведенный в тесном общении с Колчаком, Тимирева привыкла к полной откровенности и полному взаимопониманию. Но со стороны мужа понимания она не встретила. Разговор был тяжелым. Она словно натолкнулась на глухую стену.

— Ты не понимаешь, что делаешь, ты теряешь себя, ты погибнешь, — убеждал ее муж.

Она не соглашалась с ним. Ей было и жалко, и больно. Уехала она разбитой и измученной, поручив своим друзьям Крашенинниковым не оставлять Тимирева в таком состоянии...

Лето было в разгаре, стояли ясные дни, море было спокойным. Ранним утром Анна Васильевна приехала в Нагасаки. Ехала она одна и до отхода поезда в Токио пошла бродить по городу. Навстречу шел продавец цветов с двумя корзинами на коромысле, полными белых лилий. Незнакомая страна, неведомая жизнь, все, что было, осталось за порогом, и нет к нему возврата. А впереди встреча с любимым, и сердце полно нежностью и радостью до краев.

Александр Колчак встретил Тимиреву на вокзале в Токио, отвез в отель «Империял». «Он очень волновался, — вспоминает она, — жил он в другом отеле. Ушел — до утра».

— У меня к вам просьба, — сказал Колчак Тимиревой на следующий день, когда приехал к ней в отель. — Пойдемте со мной в русскую церковь...

Она без колебаний и с радостью согласилась.

Церковь почти пуста. Служба шла на японском языке, но напевы русские, привычные Анне с детства. Они стояли молча, рядом. О чем думал Колчак, она не

знала. Сама же вспоминала великопостную молитву «Всем сердцем», которую считала лучшей для людей, связывающих свои жизни.

Когда они возвращались в отель, Анна сказала ему:

— Я знаю, что за все надо платить — и за то, что мы вместе, тоже. Но пусть это будет бедность, болезнь, что угодно, я на все согласна, только не утрата нашей полной душевной близости.

Что ж, платить пришлось страшной ценой, но никогда она ни о чем не жалела.

Александр Колчак и Анна Тимирева, состоявшие с этого времени, как принято говорить, в гражданском браке, уехали отдыхать в горы, в курортный город Никко (буквально: солнечное сияние) — старый город храмов в центральной части острова Хонсю, который одновременно являлся и примечательным городом-памятником древней японской архитектуры. Сюда шли толпы паломников со всей Японии, все в белом, с циновками-постелями на плечах. Тут Анна наконец поняла, что означает — «возьми одр свой и ходи»: одр — это просто циновка. Везде бамбуковые водопроводы на весу, всюду шелест струящейся воды.

— Мы удалились под сень струй, — смеясь, говорил ей Колчак.

Они остановились в отеле, в его японской части, в смежных комнатах. Были здесь и русские, но они с ними не общались. Кругом горы, покрытые лесом, гигантские криптомерии, уходящие в небо, кедр, клен, горные речки, водопады, храмы, покрытые красным лаком, аллея ста Будд по берегу реки. И они вдвоем. Оказывается, Колчак тоже умел быть счастливым.

ОТДЫХ ОТДЫХОМ, НО И В ЯПОНИИ Колчак не отрывался от событий в России. Он поддерживал переписку с рядом влиятельных лиц. Из письма Н. А. Кудашева Колчаку в Японию видно, что ставка на него делалась большая: «Искренне надеюсь, что вы только временно отошли от активной работы воссоздания России и восстановления у нас порядка и власти». Вряд ли можно сомневаться в том, что речь о Колчаке шла и в переписке других дипломатов: российских, английских, французских...

Колчак добился встречи с высшими чинами японского Генерального штаба генералами Ихарой и Танакой, просил их об устранении возникших осложнений между ним и японскими представителями на Дальнем Востоке России, помощи оружием. Но все напрасно. Иметь с ним дело японцы не хотели и, под предлогом отдыха и лечения, фактически задержали Колчака в стране «Восходящего солнца», где он пробыл около двух месяцев. Здоровье у вице-адмирала действительно было неважное, и лечение оказалось к стати.

В Токио по совету русского посла В. Н. Крупенского Колчак встретился и с французским послом М. Реньо. Беседы с ним носили более общий характер.

В конце августа в Токио состоялась встреча Колчака с английским генералом А. Ноксом, бывшим главой британской военной миссии в Петрограде, известным своими симпатиями к идее генерала Л. Г. Корнилова о военной диктатуре. Он оказался очень общительным человеком, по наружности типичным британцем: рослый, широкоплечий, с выдающимся вперед подбородком, светлый блондин, но по характеру на англичанина был мало похож.

Нокс почти без ошибок, со сравнительно небольшим акцентом говорил по-русски. Кроме того, любил показать свое знание России и бывал, по своей склонности говорить правду в глаза, подчас резок. Нокс был чисто военный человек, совершенно не склонный к дипломатии, и потому не скрывал своего возмущения тем, что совершалось и на его родине. Так, уже в то время Ллойд Джордж начал свои заигрывания с большевиками, и если до переговоров с ними еще пока не дошло, то они стали возможными. Нокс, говоря об этом, не упускал случая обозвать английского примьера каким-нибудь ругательным словом и относился к нему с нескрываемыми негодованием и презрением.

Нокс, уже побывавший во Владивостоке и находившийся в курсе событий не только на Дальнем Востоке, но и в Сибири, и в России в целом, прибыл сюда отнюдь не случайно. Он, как один из крупнейших британских специалистов по России, имел задание разобраться в политической ситуации, разработать рекомендации для создания дальневосточного антибольшевистского лагеря и содействовать их реализации.

С этой точки зрения, вице-адмирал А. В. Колчак представлял для него особый интерес.

Разговор зашел о положении на Дальнем Востоке. Нокс и Колчак долго беседовали и понравились друг другу. Оказалось, что у них полное единство мнений в вопросе о власти: только военная диктатура.

С Колчаком впервые о диктатуре говорил еще в августе 1917 года начальник Морского генерального штаба Великобритании генерал Холл.

«Что же делать, революция и война — вещи несовместимые, — сказал тогда Холл, — но я верю, что Россия переживет этот кризис. Вас может спасти только военная диктатура...»

После провала корниловского мятежа Нокс доверительно делился своими мыслями с полковником Робинсом: «...Необходима военная диктатура, необходимы казаки. Этот народ нуждается в кнуте! Диктатура — это как раз то, что нужно».

Колчак тоже считал, что «это как раз то, что нужно». И вот — они вместе. Они были согласны и в том, что в Сибири нужно создать при помощи английских инструкторов сильную армию.

— Организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении, — высказывал свое мнение Колчак, — так как без этого она будет фиктивной и всякий другой, кто располагает этой силой, может взять власть в свои руки.

Альфред Нокс решил, что его собеседник «самый подходящий из русских для осуществления нашей цели на Дальнем Востоке». А цель, согласно инструкциям, полученным Ноксом перед отъездом из Лондона, заключалась в том, чтобы подобрать среди русских заслуживающего доверия военачальника и, поддерживая его деньгами и военной силой, сделать диктатором. Такой диктатор находился бы в полной зависимости от Англии.

Далее разговор пошел о том, каким образом можно организовать эту власть. По мнению Колчака, существовал только один путь:

— В первую очередь, нужно создание вооруженной силы, затем, когда эта сила уже наступает, то команду-

ющий этой силой там, где она действует, осуществляет всю полноту власти. Как только освобождается известный район вооруженной силой, должна вступить в отправление своих функций гражданская власть. Какая власть? Выдумывать ее не приходится — для этого есть земская организация, и нужно ее поддержать. (Позже, ознакомившись во Владивостоке с деятельностью земства, Колчак пришел к убеждению, что «это земство было большевистского направления и на него надежды... не было».) Пока территория мала, эти земские организации могут оставаться автономными. И по мере того как развивается территория, эти земские организации, сливаясь в более крупные соединения, получают возможность уже выделить из себя тем или другим путем правительственный аппарат.

Нам не известно, к каким практическим выводам пришли собеседники. Но факт остается фактом: вскоре после беседы с Ноксом, в начале сентября, Колчак выехал из Токио во Владивосток.

В июне 1919 года английский военный министр У. Черчилль, выступая в палате общин и говоря о правительстве Колчака, обронил фразу: «Мы вызвали его к жизни...» А Дж. Уорд не без оснований говорил, что Колчак ел «британский солдатский рацион». Факты упорно свидетельствуют о том, что именно британская рука извлекла Колчака из политического небытия и неторопливо, но расчетливо двигала к политической арене, арене борьбы с большевиками.

Владивосток произвел на Колчака тяжелое впечатление. Это был российский город, российский порт. Раньше русские были в нем хозяевами. Теперь тут распоряжались все кому не лень. Все лучшие дома, лучшие казармы были заняты чехами, японцами, другими союзными войсками, которые постоянно туда прибывали, а положение русских было унижительно. По всему чувствовалось, что Владивосток уже не является русским городом.

А. В. Колчак считал, что «эта интервенция, в сущности говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом. Затем, я не мог относиться сочувственно

к этой интервенции ввиду позорного отношения к нашим войскам и унижительного положения всех русских людей, которые там были. Меня это оскорбляло. Я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем сама цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер; это не было помощью России, все это выставлялось как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с этим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальнем Востоке».

Действительно, интервенция, кроме решения чисто военных задач, имела целью установление в стране того государственного строя, который отвечал бы интересам ее организаторов. Но не всегда интервенты действуют открыто. Они используют гибкие, замаскированные формы, особенно в периоды повышенной политической активности масс, которая наблюдается во время революций. С одной стороны, английские союзники возносили до высот Верховного правителя России Колчака, противника каких бы то ни было переговоров о независимости российских народов, в том числе Финляндии и Эстонии, надеясь, что он «усмирит страну». Одновременно, с полного согласия и одобрения США и Франции, они домогались немедленного провозглашения независимости Эстонии. То же наблюдалось и на Юге России.

Антанта укрепляла вооруженные силы и режимы Деникина и Врангеля, подобно Колчаку, ревнителей «единой и неделимой России», и одновременно снабжала оружием донского атамана Краснова, готового перейти под власть кайзера Вильгельма, а также националистические правительства Грузии, Азербайджана и Армении; помогала Закаспийскому правительству и правительству Крыма, создавала мелкие правительства на Тереке и Кубани, искала пути соглашения с Петлюрой и украинской Директорией. В каком бы месте России ни вырастали антибольшевистские «правительства», везде при них мгновенно появлялись «миссии союзников». Верные традиционной политике «разделяй и властвуй», союзники извлекали для себя выгоды из самых различных по своим программам марионеточных правительств, которые в ходе борьбы

с большевиками так или иначе оказывались в одном лагере с интервентами.

И Колчак оказался с ними...

ПОКА КОЛЧАК БАРАХТАЛСЯ в засасывающем дальневосточном омуте и дипломатической «игре» союзников, готовившихся к открытой интервенции, лечился в Японии от нервного перенапряжения, убеждая одновременно правящие круги страны Восходящего солнца в необходимости оказать помощь в «восстановлении нашей боеспособности», вырабатывал с Ноксом соглашение о сотрудничестве, что при полном единомыслии обоих было не таким уж трудным делом, — в Сибири набирало силу образованное летом 1918 года Временное сибирское правительство во главе с известным адвокатом П. В. Вологодским. Оно контролировало обширную территорию и обладало довольно значительными вооруженными силами. В Поволжье и на Урале возникли и действовали свои правительства. Все они претендовали как на автономную, так и на всероссийскую власть. Для организации единой авторитетной власти на территории Поволжья, Урала и Сибири 8 сентября 1918 года открылось Уфимское государственное совещание. Первые заседания были посвящены выявлению позиций его участников относительно учреждения новой власти.

«Во всех этих декларациях, и ярких, и слабых, и кратких, и утомительно длинных, определенно выявлялись два основных настроения: сторонников народной власти и сторонников военной диктатуры, — писал позже участник совещания генерал В. Г. Болдырев, впоследствии один из пяти членов Уфимской Директории. — К первым относились: самарский Комуч (Комитет членов Учредительного собрания. — *Лет.*), партия с.-р., правительства Башкирии, Туркестана, национальный совет тюрко-татар внутренней России, партия с.-д. меньшевиков, представители съезда земств и городов. Что же касается военной диктатуры, то таковая в чистом виде, в виде требования абсолютиста-диктатора, не предлагалась никем. Жажда диктатуры, надежда на ее спасительное действие пока что только сквозила в... речах».

Наиболее откровенно в пользу диктатуры высказывался представитель Конституционно-демократической партии, член ее ЦК — кадет Л. А. Кроль. Он заявлял, что в создавшихся условиях нужна «власть сильная, мощная, решительная».

«Комитет партии Народной Свободы, — говорил он, — считает, что наилучшей формой для осуществления такой власти было бы создание единоличной Верховной власти... К великому несчастью для России, если наша революция выдвинула титанов разрушения, анархии и беспорядка, то, к сожалению, на фоне нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могла бы доверить такую власть и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного собрания. Поэтому приходится поневоле мириться с менее совершенной формой в виде Директории, но эту Директорию мы мыслим как Верховную власть, действующую через посредство министров, ответственных перед этой верховной властью, причем эта Директория — эта Верховная власть ни перед кем не отвечает, объем ее прав — вся полнота власти».

Это заявление было выслушано с радостным блеском в глазах сторонниками диктатуры. И если они еще продолжали что-то болтать о народолюбии, то только из уважения к моменту. Затем согласились и на Директорию в ожидании будущего диктатора. Фактически Кроль наметил дорожку, приведшую к диктатуре Колчака. Но это будет чуть позже, а пока в Уфе происходили горячие схватки вокруг вопроса о власти.

Итак, кадеты и более правые организации видели спасение в единоличной власти. Им казалось, что только диктатура может рассеять создавшийся хаос и что только она одна приведет мощной и властной рукой страну к закону и порядку.

Эту надежду вполне разделяли и военные группировки, по крайней мере, большая часть офицерского состава.

Представители демократических течений, блюдя принципы народоправства, отстаивали коллективный орган — в данном случае нечто вроде директории из трех — пяти человек, — учитывая сложившуюся тогда психологию масс, их обостренное недоверие и желание

возможно более широкого представительства своих интересов в составе любой власти.

Всегда гораздо легче подыскать пять толковых человек, нежели трех исключительно талантливых, и безнадежно трудно найти одного, который мог бы стать действительным диктатором — по существу, а не только по титулу.

Упускалось из виду, что настоящих диктаторов не выбирают. Они выдвигаются той силой, на которую опираются, будь это вдохновленная победами армия или сильная политическая партия, увлеченная смелостью и яркостью проповедуемой ими идеи.

Диктатор управляет силой своего вдохновения и авторитета, а не преподанной ему конституцией. Конституции появляются потом, когда энтузиазм сменяется более спокойной деловой работой.

Найти кандидатуру на диктаторские полномочия оказалось чрезвычайно трудно.

Весьма популярный генерал Л. Г. Корнилов к этому времени погиб в борьбе с красными. Другой не менее известный вождь, генерал Алексеев, был слишком скромен, слишком буднично трудолюбив для такой бурной эпохи. Измученный непосильной работой среди чуждой для него придворной, полной интриг атмосферы, во время службы своей начальником штаба при царе, подавленный военными неудачами и окончательно потрясенный развалом старой армии, Алексеев был к тому же стар и сильно недомогал. Оба эти человека при значительных их заслугах и популярности все же, говоря по справедливости, видимо, не обладали достаточным авторитетом, чтобы увлечь за собой народные массы и оторвать остатки старой армии от чар большевизма.

Корнилов, Алексеев, а затем и Деникин положили немало усилий и энергии на создание на Юге России Добровольческой армии. Но армия эта, по крайней мере при жизни двух первых из своих вождей, не смогла силой оружия установить их власть в стране. Не случилось этого и при единоличном управлении армией Деникиным. Тем не менее имена Алексеева, Деникина и Колчака выдвигались правыми группировками на заседаниях согласительной комиссии Уфимского государственного совещания.

Однако кандидатуры эти (хотя их предлагали в состав Директории, на которой помирились все) встретили самый резкий протест со стороны представителей Комуча и поддерживавших его партий и группировок. Да и находились эти кандидатуры за тысячи верст от Омска, причем на проезд их в Сибирь, за исключением Колчака, бывшего на Дальнем Востоке, нельзя было в тех условиях и рассчитывать.

В Директорию избрали пять человек: Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского и Н. В. Чайковского.

Чайковский и Астров были далеко, им выбрали заместителей: первому — эсера В. М. Зензинова, второму — кадета В. А. Виноградова, которые фактически и участвовали в работе Директории. Чайковский застрелялся в Архангельске, где председательствовал в местном правительстве; Астров, увлеченный настроениями на Юге, отрекся от Директории. Таким образом, свою работу Директория начинала, имея в своем составе лишь двух действующих членов — эсера Авксентьева и беспартийного генерала Болдырева (Вологодский в это время находился на Дальнем Востоке и в первых заседаниях Директории принимал участие его заместитель — член Административного совета Временного сибирского правительства профессор В. В. Сапожников); остальные являлись заместителями. Деловым аппаратом Директории стало Временное сибирское правительство с его Административным советом, реорганизованным в Совет министров Директории.

По своей сущности Временное Всероссийское правительство, как официально именовалась Директория, состояло из членов, которые, по признанию Болдырева, являлись «представителями и адвокатами» посланных их группировок, «глубоко разноречивых и даже враждебных в своих политических и социальных устремлениях». Директория была «порождением интеллигенции, декларировала общие красивые принципы и оперировала немymi отвлеченными лозунгами: «родина», «народ» и ничем не соприкасалась с живой жизнью». Она осталась в стороне от «тех жгучих, мучительно близких» для народа Сибири вопросов, «так глубоко затронутых по ту сторону фронта гражданской войны».

Это была власть без власти, «воробьиное правительство», как говорили в Омске о Директории — «дунешь и улетит». Группировки, ее создавшие, продолжали свои споры, враждовали, интриговали. А в это время честолюбивые чиновники за счет дела делали карьеру, маленькие атаманы чинили суд и расправу, пороли, жгли. И все это оставалось безнаказанным. Директория была бессильна защитить от них население и навлекала на себя недовольство широких масс, разбуженных революцией.

Жажда диктатора, и непременно диктатора военного, в этих условиях росла. Офицерство хотело служить лицу, а не идее. Исчезла «служба государю» — образовалась пустота. «Служение народу» звучало хорошо, но как-то непривычно.

ПО УТВЕРЖДЕНИЮ УЖЕ УПОМИНАВШЕГОСЯ НАМИ русского дипломата Д. И. Абрикосова, второе «пришествие» А. В. Колчака в историю российской смуты тоже состоялось исключительно благодаря активности и инициативе русских посольств в Пекине и Токио, которые вновь остановили на нем свой выбор. Это было связано с появлением относительно устойчивой, в сравнении с другими образованиями, антибольшевистской коалиции в Сибири, названной сначала Уфимским соглашением, потом Директорией пяти и, наконец, Омским правительством — по месту окончательной «прописки».

Основным преимуществом новой антибольшевистской коалиции было наличие крупных финансовых резервов, представленных захваченной при взятии Казани чехословацкими войсками частью российского золотого запаса, и поддержка со стороны чехословацкого корпуса. Но Директория страдала от общих для того времени болезней — составлявшие ее костяк эсеры разных ориентаций постоянно вздорили с представителями других либеральных партий и друг с другом, а офицерство «точило зуб» на всех «болтунов» сразу.

Чтобы спасти Директорию от неминуемого развала и сохранить антибольшевистский фронт, срочно требовалась достаточно авторитетная в офицерских

кругах фигура, которая, войдя в состав Омского правительства на правах военного министра, взяла бы на себя все фронтовое бремя. В качестве такой фигуры русская дипломатия предложила сибирской Директории Александра Васильевича Колчака. Получив заверения в том, что в Сибири японцы ему не будут мешать, Колчак, по утверждению Абрикосова, принял новое предложение.

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ СЕНТЯБРЯ во Владивостоке у Колчака состоялась встреча с приехавшим туда Вологодским. Оба признавались позже, что не произвели впечатления друг на друга. Встреча как будто не имела существенных последствий. Но все ли мы знаем об этой встрече? Ведь это якобы случайное свидание не более чем через месяц завершилось вступлением Колчака в правительство Вологодского.

К этому времени относится и первая встреча Колчака с чешским генералом Р. Гайдой, который тогда еще находился на Дальнем Востоке.

Колчак, получив известие, что Гайда желает его видеть, пошел к нему в штаб; встретились в здании бывшего порта. Произошел короткий разговор.

Колчак спросил:

— Какой характер носят большевистские вооруженные силы?

— Это продолжение той же войны, которая была раньше. Центром тяжести всех этих вооруженных сил являются немецкие и мадьярские военнопленные. Для меня совершенно несомненно, что это есть та же война, которая велась раньше, и немцы участвуют во всем этом предприятии.

— Вам известно про омское правительство? — поинтересовался Колчак. — Как вы на него смотрите?

— Да, — ответил Гайда, — это омское правительство уже сделало большую работу по созданию армии, и эта армия теперь действует согласованно с нами.

— Кем объединяется командование?

— Этот вопрос пока висит в воздухе, потому что объединения русского и чешского командования нет. До сих пор русские и чешские отряды дрались вместе, и эти вопросы решались чисто фактически путем: где

больше чешских войск, там русские подчинялись, и наоборот, но общего командования нет.

— По-моему, это — большой недостаток в борьбе, — заметил Колчак, — раз нет объединенной вооруженной силы, хотя бы только по оперативным заданиям.

— Я думаю, что правительство по этому поводу, несомненно, войдет с нами в соглашение, — сказал Гайда, — и я надеюсь, что этот вопрос мы в ближайшее время разрешим.

Действительно, Гайда обращался в то время к Вологодскому относительно назначения себя главнокомандующим вооруженными русскими и чешскими силами, действовавшими на территории Сибири, просил правительство санкционировать его власть.

— Как бы вы отнеслись к этому? — поинтересовался Гайда у Колчака.

— Для меня вопрос подчинения той или другой вооруженной силе определяется всегда практическим путем, — стал объяснять Колчак. — Я не знаю состава русских сил. Если вы более организованы и в стратегическом отношении имеете большую ценность, то будет вполне естественно, что командование должно принадлежать вам. Если отношение изменяется в сторону русских, то должно быть русское командование... Иначе решить вопрос никак нельзя. Скажите, что такое Директория и что она из себя представляет?

— Это образование, несомненно, нежизненное. Я не верю, чтобы эта Директория могла объединить все русские части и силы, действующие здесь, в Сибири, и на другой территории. Я лично думаю, что она этого не может, и я имею сведения, что омское правительство относится вообще к этой затее отрицательно. Но Вологодский сам вошел в состав Директории и тем самым явился как бы подчиненным.

— Какую власть при этих условиях вы считали бы наилучшей? — спросил Колчак.

— Я считаю, что в этих условиях может быть только военная диктатура, — не колеблясь ответил Гайда.

— Военная диктатура прежде всего предполагает армию, на которую опирается диктатор, — сказал Колчак, — и, следовательно, это может быть власть

только того лица, в распоряжении которого находится армия. Но такого лица не существует, потому что даже нет общего командования. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которое она знала бы, и только в таких условиях это возможно. Диктатура есть военное управление, и она базируется, в конце концов, всецело на вооруженной силе. А раз этой вооруженной силы нет пока, то как вы эту диктатуру создадите?

— Конечно, это — вопрос будущего времени, потому что все еще находится сейчас в периоде создания, развития. Но я лично считаю, — подчеркнул Гайда, — что это — единственный выход, какой только может быть...

На этом они расстались.

ВО ВЛАДИВОСТОК НОКС И КОЛЧАК прибыли вместе, дальше — до Омска — отправились по отдельности: Колчак — инкогнито, Нокс — в сопровождении британского батальона под командованием полковника Дж. Уорда.

Выехал А. В. Колчак из Владивостока, очевидно, 27 сентября — по некоторым сведениям, 3 октября, — ибо, как отмечал он сам, в пути был 17 дней, а в Омск приехал 13 октября. С ним вместе ехала и А. В. Тимирева.

Обстановка в Сибири была сложной. Юридически власть принадлежала созданной 23 сентября пятичленной Директории, переехавшей 9 октября из Уфы в Омск.

Это был временный и неустойчивый компромисс в лице соглашательских партий. Если кадеты, отвергая Директорию, надеялись в подходящий момент «выправить» ее «линию поведения» вправо, то эсеры, поддерживая Директорию, рассчитывали сделать то же самое в обратную сторону — влево.

Особенно бурную деятельность «вправо» развил В. Н. Пепеляев — посланец Национального центра (кадетская подпольная антисоветская организация, созданная в мае — июне 1918 года в Москве; претендовала на роль главного штаба в борьбе против большевиков, за воссоздание «единой, неделимой России»).

Центр, видимо, знал о деятельности А. В. Колчака весной — летом 1918 года на Дальнем Востоке и в Маньчжурии и рассматривал его как одного из кандидатов в диктаторы всероссийского масштаба. «Национальный центр командировал меня на восток, — отмечал Пепеляев, — для работы в пользу единоличной диктатуры и для переговоров с адмиралом Колчаком в целях предотвращения соперничества имен Алексеева и Колчака. Со смертью Алексеева (умер 8 октября 1918 года в Екатеринодаре. — *Авт.*) кандидатура адмирала стала беспспорной...»

Преподаватель из Бийска, депутат четвертой Государственной думы В. Н. Пепеляев был из молодой кадетской поросли. Тяжелая коренастая фигура. Липо бульдожьего типа. Маленькие глазки за стеклами пенсне. Зычный голос: как раз для митинговых выступлений. После февральской революции комиссар Временного правительства в кипящем революционными страстями Кронштадте. В августе всей душой с Корниловым. К октябрю член ЦК кадетской партии. Один из наиболее активных деятелей Национального центра. Сохранился дневник Пепеляева, начатый в середине сентября 1918 года и доведенный почти до конца октября 1919 года, то есть до того времени, когда Пепеляву, вероятно, было уже не до дневниковых записей: сибирский фронт рухнул и стремительно откатывался все дальше на восток.

В конце сентября 1918 года Пепеляев виделся с генералом Р. Гайдой, направлявшимся на запад. Тихим, размеренным голосом чех говорил Пепеляеву, что дальневосточные «звезды» не удовлетворяют ни чехов, ни союзников. Вокруг Хорвата «вьются мелкие честолюбцы и интриганы из военных кругов», все они, как и Семенов, «в руках японцев».

Перешли к вопросу о власти. «Я сказал, — записал 28 сентября Пепеляев в дневнике, — что не поехал на Уфимское совещание, ибо не верю в создание таким путем прочной власти и что спасение в единоличной военной диктатуре». Гайда согласился с такой точкой зрения. Он заявил, что в твердость Директории тоже не верит («они будут оставлять жить тех, кому жить не следует») и добавил:

— Выдвигайте же лицо.

Никто из собеседников долго не хотел первым назвать имя Колчака, оба совершали вокруг него дипломатические круги. Наконец Гайда как бы между прочим заметил:

— Вот едет Колчак.

«На это, — записал Пепеляев, — я сказал, что в Москве наметили ген. Алексеева, но с ним нет никакой связи. Между тем время идет. Колчак имелся в виду как второй кандидат. Его, возможно, поддержат. Но когда это может быть?..»

— Дней через двадцать, — ответил Гайда. — Чехов мне удастся убедить.

Соглашение о личности будущего диктатора фактически было достигнуто.

Пепеляев видел теперь свою задачу в том, чтобы подготовить «общественное мнение» к безоговорочному принятию как самой идеи диктатуры, так и ее конкретного носителя. Объезжая города Сибири и Дальнего Востока и сколачивая везде силы, выступавшие за твердую единоличную власть, Пепеляев 4 октября прибыл во Владивосток. Состоялись встречи с представителями местной власти и кадетскими комитетами. Выяснилось, что последние в подавляющем большинстве отрицательно относятся к Временному Всероссийскому правительству, ждут «указаний и вождей», — записал в дневнике Пепеляев.

Велись разговоры и о Колчаке. Мнение об адмирале оказалось не совсем лестным: «Человек с совершенно задерганными нервами». В общем, это было справедливо. Но Пепеляев не очень-то принимал это во внимание.

В первой половине октября в Омске произошло событие, никак не отмеченное в местной прессе, да и вообще затерявшееся в сутолоке тех дней. Лишь некоторые из военных да завсегдатаи омских ресторанов заметили в одном из них небольшого худощавого человека в штатском, всегда появлявшегося в сопровождении двух-трех офицеров. Но это малозначительное, на первый взгляд, обстоятельство очень скоро привело к последствиям, коренным образом изменившим всю структуру власти, столь долго и трудно

создававшуюся в Самаре, Омске, Челябинске, Уфе и снова в Омске. Неприметным худощавым человеком, не очень уверенно чувствовавшим себя в незнакомом городе, был вице-адмирал Колчак.

14 октября Александр Колчак нанес визит генералу Болдыреву. В своем дневнике генерал записал такие строки об этой встрече: «Среди многих посетителей был адмирал Колчак, только что прибывший с Дальнего Востока, который, кстати сказать, он считает потерянным, если не навсегда, то, по крайней мере, очень надолго.

По мнению адмирала, на Дальнем Востоке две коалиции: англо-французская — доброжелательная, и японо-американская — враждебная, причем притязания Америки весьма крупные, а Япония не брезгует ничем. Одним словом, экономическое завоевание Дальнего Востока идет полным темпом.

Очень неодобрительно относится Колчак к деятельности «атаманов», особенно Семенова и Калмыкова.

Колчак объяснил цель своего приезда желанием пробраться на Юг к ген. Алексееву. Он был будто бы крайне разочарован Востоком».

Сам Колчак утверждал, что, покидая Дальний Восток, он не собирался задерживаться или, тем более, оставаться в Омске. Его план якобы был иной: пробраться на юг России, в распоряжение Добровольческой армии, к генералу М. В. Алексееву, которого он по-прежнему считал главнокомандующим русской армией. Кроме того, Колчака «чрезвычайно беспокоило положение» его семьи, которая, по имеющимся у него сведениям, находилась «где-то на юге, в Севастополе».

А как же встречи, которые состоялись у Колчака в Токио, а затем во Владивостоке?

Отталкиваясь от них, можно предположить, что кроме «южного» варианта мог быть и «северный». Ведь уже была принципиальная договоренность с Ноксом о необходимости военной диктатуры, опирающейся на союзную, прежде всего английскую, помощь. Тогда был август 1918 года; в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке существовали еще областные правительства, и перспективы их объединения оставались неясными. Тем не менее Колчак вернулся в Россию.

Важной была и встреча с Гайдой, хотя никаких практических договоренностей между ними достигнуто не было: беседа свелась к взаимному информированию и выяснению точек зрения по вопросу о военной диктатуре.

Но в российских архивах сохранилась записка состоявшего при Колчаке капитана А. Н. Апушкина, адресованная генералу А. И. Деникину. В ней сообщалось о предложении Гайды Колчаку работать с ним на Екатеринбургском фронте, на что Колчак дал согласие. В первых числах октября адмирал и капитан выехали из Владивостока. «Он ехал к ген. Гайда, — писал Апушкин, — а я с определенным решением. В это время Директория переехала в Омск, и мы решили посетить правительство». Это, хотя и скупое, свидетельство, по крайней мере, дает возможность предположить, что после беседы с Гайдой — вторым человеком после Нокса, обладавшим реальной силой и готовым положить свой камень в создание сибирской военной диктатуры, — Колчак не исключал возможности «сибирского» варианта. Может быть, внутренне он уже был готов к нему, хотя и не оставлял пока мысли о юге.

Вслед за Колчаком в Омск прибыл и генерал Нокс. Ему устроили торжественную встречу.

Из дневника генерала В. Г. Болдырева:

«Омск. 21-го октября.

Прибыл английский генерал Нокс. После встречи на ст. «Ветка» Нокс и сэр Ч. Элиот (как «высокий комиссар», возглавлял английскую миссию в Сибири и, по мнению Н. Д. Авксентьева, отрицательно относился к Директории. — *Авт.*) прибыли в штаб Сибирской армии, где я их приветствовал. В штаб приехал и Авксентьев.

С Ноксом прибыл П. П. Родзянко, племянник председателя последней Государственной думы, он на службе в английских войсках.

В 11 час. 30 мин. выехали на парад, сошедший отлично. Чудесная погода благоприятствовала общему настроению.

Объезжали войска с Ноксом — верхом. Он и его спутники удивлялись результатам, какие были достигнуты всего за месяц обучения.

Труднее было угадать впечатление японцев, которых я также пригласил на парад. В отношении японцев уже создалось определенное предубеждение; их поведение на Дальнем Востоке и в Забайкалье было просто безобразным. Почти каждый день получались сведения о неприятностях самого грубого свойства.

Сегодня, между прочим, говорили, что они будто бы где-то по дороге продержали под арестом Нокса, несмотря на флаг его величества короля Великобритании, висевший над вагоном. Арест продолжался четверть часа. Нокс умалчивает об этом. При его огромном самолюбии и чисто британской заносчивости это — факт исключительный. Но, видимо, бывают моменты, когда и британская гордость должна казаться не замечающей наносимого ей оскорбления. Такова логика силы и обстоятельств.

В 4 часа Нокс был у меня. В его присутствии были сделаны доклады о положении на фронте.

Нокс очень сочувственно относится к делу возрождения нашей армии и идет на самые широкие обещания, — к сожалению, только на обещания, да и то касающиеся сравнительно далекого будущего. Сейчас можно рассчитывать на 70 000 винтовок и 5 мил. патронов».

«Нокса я знал достаточно хорошо, — пишет далее Болдырев. — За время мировой войны он находился при русском гвардейском корпусе, где я был начальником штаба одной из дивизий. Нокс довольно хорошо знал старую царскую Россию, имел большие знакомства, владел недурно русским языком. Особенно интересовался Востоком, в том числе и нашим Туркестаном, где много путешествовал. Если не ошибаюсь, он, кажется, довольно долго служил в Индии, в бытность там вице-королем лорда Керзона, и всецело разделял опасения русского вторжения в эту ценнейшую из английских колоний.

Нокс ненавидел социалистов, считал, что крепкой военной диктатуры совершенно достаточно, чтобы справиться с кучкой «бунтарей». Упрямо и настойчиво искал подходящего для этой роли генерала. Путался в сложнейших условиях русской действительности. Проявил очень много энергии, наделал немало ошибок и в конце концов довольно бесславно принужден был покинуть Сибирь».

Но это было позже, а в октябре восемнадцатого года в Омске Нокс говорил, что Англия готова помочь антибольшевистским русским армиям оружием, военным снаряжением и обмундированием, боеприпасами на 200 тысяч человек и посылает в Сибирь несколько сот своих офицеров в качестве инструкторов.

Верил ли Нокс в искренность своих заявлений и обещаний Директории? Ведь позиция англичан была определенной: диктатура военной власти как единственно умеющей «твердо править».

Вскоре Нокс отправился в поездку по фронту. А от туда приходили тревожные вести. С одной стороны, чехи отказывались воевать, ссылаясь на усталость и желание ехать на французский фронт драться против немцев, а с другой стороны, молодая русская армия, номинально объединенная под командованием генерала Болдырева из частей Сибирской и эсеровской Народной армий, волновалась все больше, и причиной тому служили неопределенности в Омске.

В Екатеринбурге Нокс встретился с Гайдой. Очень молодое, длинное лицо, похожее на маску, почти бесцветные глаза с твердым выражением и две глубокие, упрямые складки по сторонам большого рта. В форме русского генерала, только без погон. Голос тихий, размеренный, почти нежный, но с упрямыми нотками и с заметным акцентом: короткие, отрывистые фразы с неправильными русскими оборотами.

— Русский народ совсем не может иметь теперь, немедленно, парламентаризма. Я в этом убедился, пройдя всю Россию и Сибирь в два конца. И от революции все устали, хотят только порядка. По моему мнению, России нужна только монархия и хорошая демократическая конституция. Но теперь нельзя. Надо скорее военную диктатуру. Я поддерживаю своими полками того, кто возьмет власть на себя...

Русские офицеры жаловались на неустроенность тыла. «Наши интенданты — красные, — говорили они, — с тыла ничего не получили; что заберем в боях у красных, то и имеем...» Политические распри тяжело отзывались на действующей армии, необходимо как можно скорее установить такую власть, которая могла бы наладить работу тыла. Все офицеры верили, что это по плечу только единоличной военной власти.

Генералы говорили о необходимости скорейшей замены Директории диктатурой.

В ОМСКЕ КОЛЧАК СТАЛ объектом усиленного давления и уговоров, цель которых состояла в том, чтобы «закрепить» вице-адмирала здесь, в Сибири.

Его пригласил к себе член Директории, Верховный главнокомандующий генерал В. Г. Болдырев, который интересовался намерениями Колчака. Последний сообщил, что хочет уехать на юг, поскольку никакого конкретного дела у него здесь нет.

— Вы здесь нужнее, — обратился Болдырев к Колчаку, — и я прошу вас остаться.

— Что же мне здесь делать? Флота здесь нет...

— Я думаю использовать вас для более широкой задачи, но я вам об этом скажу потом. Если вы располагаете временем, останьтесь на несколько дней.

По признанию Болдырева, до сих пор Колчака он знал как «решительного, талантливого моряка и реформатора наиболее косного из министерств царского времени — морского. Никакого предубеждения у меня в отношении Колчака совершенно не было, и я вполне искренне стремился задержать его для работы в Сибири».

Колчак остался, нанес визиты членам Директории, познакомился со многими военными.

Побывал Колчак на приеме и у министра Сибирского правительства И. И. Серебренникова.

«Когда мне доложили, что меня желает видеть адмирал Колчак, — вспоминал министр, — я с огромным интересом и даже некоторым волнением стал ждать встречи с этим выдающимся русским человеком, который уже тогда казался весьма крупной фигурой в нашем антибольшевистском лагере. Адмирал вошел ко мне в кабинет в сопровождении своего секретаря, морского офицера. Насколько помню, оба они были в штатских костюмах. После кратких обычных фраз, приличествующих случаю, у меня завязалась с адмиралом длительная и оживленная беседа по вопросу о текущем моменте».

Серебренникову понравилась «импонирующая манера адмирала говорить громко, четко, законченными

фразами определенного содержания, не допускающего каких-либо двусмысленных толкований».

«Не хитрец, не дипломат, желающий всем угодить и всем понравиться, — думал Серебренников, слушая адмирала Колчака, — нет, — честный, русский патриот и человек долга».

Министр стал уговаривать Александра Колчака принять участие в работе Сибирского правительства. Адмирал не дал четкого ответа, сослался на то, что он, вероятно, не останется в Омске, а поедет на юг России, к генералу Деникину.

«Официальное появление А. В. Колчака в помещении Совета министров, — вспоминает Серебренников, — произвело большую сенсацию среди служащих канцелярий. При выходе адмирала из помещения Совета многие служащие бросились к окнам, чтобы посмотреть на человека, имя которого тогда имело громкую, всероссийскую известность... Имя адмирала Колчака стало упоминаться в омских высших сферах все чаще и чаще».

А. В. Колчак как фигура всероссийского масштаба, как незаурядная личность, как популярный адмирал Российского флота притягивал к себе иностранных и русских дипломатов, политиков, особенно военных, среди которых в Омске было немало лично его знавших, в том числе моряков. Они-то в первую очередь и стали его популяризовать и выдвигать на передний план.

Александр Васильевич продолжает встречаться с офицерами-сибиряками, с представителями Добровольческой армии. Ведутся длинные разговоры относительно Директории.

— Все, как эти представители, — отмечает Колчак, — так и другие лица из армии, с которыми я встречался, относились совершенно отрицательно к Директории. Они говорили, что Директория — это есть повторение Керенского, Авксентьев — тот же Керенский, что, идя по тому же пути, который пройден уже Россией, они неизбежно приведут ее снова к большевизму и что в армии доверия к Директории нет.

В частности, к Болдыреву было то же отношение. Говорили, что Сибирское правительство относится к появлению Директории скрепя сердце, что это нужно,

но симпатии и сочувствия к этой Директории среди Сибирского правительства и армии нет. Из переговоров и случайных встреч с казаками я узнал, что у них есть определенное отрицательное отношение. Они говорили, что это представители партий, которые войдут в соглашение с большевиками и погубят Россию.

Прошло несколько дней... Болдырев вновь пригласил Колчака и предложил войти в состав правительства в качестве военного и морского министра. Колчак отказался, мотивируя это тем, что может взяться только за морское ведомство, но сейчас его создать нельзя, необходимо прежде разобраться, какие имеются здесь ресурсы, средства, личный состав, все привести в порядок, а уж тогда можно будет создавать какой-нибудь орган. Что касается военного министерства, то Колчак просто-напросто не хотел брать на себя эту обязанность.

Болдырев тем не менее настаивал:

— Не отклоняйте моего предложения. Если вы увидите, что дело не пойдет у вас, никто вас не связывает, вы всегда можете его оставить. Сейчас у меня нет ни одного лица, которое пользовалось бы известным именем и доверием, кроме вас. Я вас прошу, обращаясь к вашему служебному долгу, чтобы вы мне помогли, вступивши в должность военного и морского министра.

— Мне понятны все функции и задачи, которые возлагаются на военное министерство во время войны, — говорил Колчак, — но прежде всего мне бы хотелось вам задать вопрос: какое положение будет у меня в отношении войск, какие войска будут мне подчинены, будут ли известные части в моем распоряжении, или они все изымаются, а у меня остаются аппараты снабжения армии, которые главным образом ложатся на военного министра в военное время?

— Вопрос о разграничении командования у нас еще не вполне закончен, — отвечал Болдырев. — Ведь здесь, как вы слышали, военный министр уже имеется в составе Сибирского правительства — П. П. Иванов-Ринов. (Царский полковник, ввел в Сибирской армии погоны, старые знаки отличия, чинопочитание и другие атрибуты царской армии.) Но теперь, по всей

вероятности, Совету министров придется формироваться вновь, и Иванов-Ринов вряд ли войдет в этот совет, это место останется свободным, и я прошу вас его занять.

— Я дам вам окончательный ответ только тогда, когда уясню себе, что, собственно, мне придется делать, какие взаимоотношения будут у меня с вами — командующим армией, со всеми теми войсками, которые находятся на территории Сибири.

После небольшой паузы Колчак продолжал:

— Здесь, насколько я слышал, существует система, с которой я коренным образом расхожусь в основаниях: это — корпусная территориальная система. Я считаю, что применять в Сибири эту систему при здешних расстояниях, при здешних средствах сообщения, брать этот германский образец и класть в основу организации вооруженной силы совершенно неправильно. Я считаю, что от этой организации нужно отказаться, а между тем большинство тут являются сторонниками именно этой системы, и мне придется с места вступать в конфликт с начальниками из-за такого кардинального вопроса. Этот вопрос меня больше всего заботит.

— Я считаю эту систему тоже неприемлемой, — сказал Болдырев, — разделяю вашу точку зрения, и мы этот вопрос как-нибудь уладим. Я тогда сделаю распоряжение относительно того, чтобы вы вошли в состав правительства.

— Хорошо, я войду, — согласился Колчак, — но, повторяю, что если только я увижу, что обстановка и условия окажутся неподходящими для моей работы и будут расходиться с моими взглядами, то я попрошу освободить меня от должности. Ставлю еще одно условие: я неясно себе представляю, что такое фронт, что такое наша вооруженная сила на Урале, что нужно, какие отношения существуют у нас с чехами. Я человек посторонний и считаю необходимым в ближайшее время поехать на фронт, для того чтобы лично объехать все наши части и убедиться в том, что для них требуется.

Итак, принципиальных возражений против принятия портфеля военного министра у Колчака как будто бы не было, а политические вопросы с ним не обсуждались.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ОМСК все сильнее опутывала паутина тревожных слухов, обстановка становилась все более нервной. Все чаще произносится имя Колчака.

Из дневника генерала В. Г. Болдырева:

«27 октября. На обычный утренний доклад Розанов (начальник штаба Верховного главнокомандующего генерала Болдырева. — *Авт.*) прибыл с Колчаком. Говорили о создавшемся положении. Оба они определенно настроены... в пользу постепенного сокращения Директории до одного лица...

29 октября. <...>Вечером вместе с Колчаком опять явились ко мне Жардецкий (кадет. — *Авт.*), Лопухин и представитель рабочих Атаманской станицы (пригород Омска. — *Авт.*). Идут ва-банк, намекая на упразднение Директории и сохранение одного Верховного главнокомандования, которое они считают единственным приемлемым решением Уфимского государственного совещания.

30 октября. <...>Вошел Виноградов и с волнением заявил, что военные круги и «музы» Жардецкого и К⁰ прочат Колчака диктатором.

31 октября. <...>Колчак... наскучил и мне — сначала просил, чтобы я назначил его только временно управляющим военным министерством, затем снова соглашался быть полноправным министром... Очень нервный и неустойчивый человек. Гревс (петроградский натариус, по дороге в Америку застрел во Владивостоке. — *Авт.*) предупреждает из Владивостока, что с ним будет немало хлопот...

2 ноября. Колчак опять неудачно дебютировал с назначением комиссии по пересмотру вопроса о восстановлении на территории Сибири прежней системы военных округов, вместо установленных Сибирским правительством корпусных районов...

4 ноября. В 3 часа приехал Нокс с Родзянко... Все беспокоятся, достаточно ли твердая мы власть. Директория не расстреливает, не сажает в тюрьмы — это ужасно тревожит сторонников твердой власти».

5 ноября. Состоялась «долгая и интересная беседа» Колчака с вернувшимся накануне из поездки на Дальний Восток В. Н. Пепеляевым».

Колчак вел себя осторожно. «По его мнению, —

писал Пепеляев, — в настоящее время нужно оказать поддержку власти». Но в дальнейшем все дело зависит от того, будут ли Авксентьев и Зензинов связаны со своей партией — партией эсеров. Если «да», то с ними нельзя, если «нет» — все было бы спокойнее.

Колчак проявлял дипломатию, отнюдь не исключавшую прямых действий против Директории при определенных условиях.

Пепеляев, конечно, заметил это и продолжил разговор конкретнее. Он сообщил адмиралу, что выполняет поручение Национального центра, который возлагает надежды на М. В. Алексева и А. В. Колчака, что центр просил его переговорить с Колчаком, чтобы их имена не стояли друг против друга.

Адмирал заметил, что отдает предпочтение генералу Алексеву как бывшему главнокомандующему, но, если будет нужно, то он «готов принести эту жертву».

И добавил:

— Только не нужно форсировать события.

Вскоре в Омске стало известно, что Алексеев умер. Вопрос о кандидате в диктаторы решил сам собою.

*Из записок начальника
английского экспедиционного отряда
в России полковника Дж. Уорда*

«...6 ноября мы все были приглашены на банкет в честь нового Всероссийского правительства... Я немного опоздал, и комнаты были уже наполнены военными и дипломатами в великолепных мундирах, сверкающих оружием и орденами.

...Последним говорил адмирал Колчак, высказавший несколько коротких сентенций. Его слова были покрыты очень немногочисленными возгласами одобрения. Он казался более одиноким, чем всегда, но представлял собою личность, которая возвышалась над всем собранием.

...Союзники двинули вперед военные запасы, предназначенные для новых армий... но скоро стало известно, что вооружение не дошло до своего прямого назначения... Призывы с фронта к генералу Болдыреву... не достигли цели, и дела приняли серьезный оборот. Адмирал Колчак, как военный министр, представлял тре-

бования генералу Болдыреву... Болдырев много распространялся на этот счет, заявляя, что требования с фронта фиктивны. После одного из таких споров он известил адмирала, что это вовсе не его дело, добавив, что группа социалистов-революционеров была принуждена одной союзной державой включить адмирала в состав правительства, что они согласились на это только для того, чтобы обеспечить за собой признание союзников и их помощь, и что он останется членом правительства, поскольку не будет вмешиваться в дела, от которых он нарочито отстранен решением Директории. Адмирал Колчак в ответ на это пытался добиться отставки, но в конце концов согласился взять ее обратно для того, чтобы сохранить видимость гармонии перед союзными державами».

Шли дни... Присутствуя на заседаниях Совета министров, Колчак все больше укрепляется во мнении, что напряжение в Омске вызвано борьбой за власть между Директорией и Сибирским правительством, что войной никто не занимается, а все время ведутся споры политического характера. Колчак приходит к твердому убеждению, что в такой обстановке серьезно работать над военными вопросами нельзя и надо ехать непосредственно в армию, на фронт.

— Я это высказал генералу Болдыреву, у которого довольно часто бывал, говоря ему, что я положительно не чувствую себя пригодным для той деятельности, какая мне выпала. Я — военный техник, могу заниматься чисто военным делом, но эта обстановка меня отвлекает совершенно в другую сторону, которая для меня является нежелательной...

Нужно сказать, что Директория в это время разделилась на две враждующие группы: одна состояла из Авксентьева и Зензинова, другая — из Вологодского и Виноградова; Болдырев — посередине. Как человек военный и Верховный главнокомандующий, он не занимал определенной политической позиции по отношению к той или другой группе.

Как относился генерал Болдырев к этой борьбе?

— Болдырев думал, — свидетельствует Колчак, — что надо всеми силами уладить это дело и идти на известный компромисс, что потом все устроится, но теперь нельзя создавать раскола, который отразится

на армии и на положении дел на фронте. Он старался быть как бы примиряющим началом в этой Директории между двумя борющимися группами...

Завязались ли у Колчака за это время более или менее близкие личные связи с членами правительства?

— Нет, — утверждает он. — ...Я здесь оставался очень короткое время и вскоре, около 7—8 ноября, выехал на фронт. Я бывал у Болдырева иногда. Затем я получил приглашение от чешского командования приехать к 9—10 ноября в Екатеринбург для присутствования на торжестве передачи знамен четырем чешским полкам. Кроме того, мне нужно было вообще выехать на фронт, для того чтобы повидаться с начальниками и обследовать все вопросы снабжения, все нужды армии и фронта. Примерно числа 7-го или 8-го я выехал из Омска в Екатеринбург.

Здесь уместно будет привести свидетельство активного участника сибирских событий Г. К. Гинса — впоследствии управляющего делами Совета министров и Верховного правителя России Колчака, — раскрывающее истинное значение поездки адмирала на фронт. «Мне рассказывал впоследствии один из участников переворота <...> В. Н. Пепеляев, — пишет Гинс в своих воспоминаниях «Сибирь, союзники и Колчак», — как происходили совещания в вагоне на ветке омского вокзала, как решено было предварительно показать адмирала Колчака на фронте, где заранее подготовлена была ему встреча, как адмиралу внушили мысль поехать и выполнили весь план, в расчете, что под влиянием выслушанного там и под впечатлением встречи он не уклонится принять на себя роль диктатора».

КОЛЧАК ВЫЕХАЛ НА ФРОНТ, прицепив свой вагон к составу английского полковника Уорда, который направлялся в Екатеринбург для участия в торжественной церемонии вручения знамен чехословацким батальонам. После торжеств в Екатеринбурге, где Колчак произнес свою первую значительную речь со времени вступления на пост военного министра, он отправился на правый фланг фронта, побывал на передовой, присутствовал при вручении знамени 2-му Сибирскому пехотному полку. На адмирала произвело

тяжелое впечатление положение солдат, и он, по свидетельству Уорда, заявил, «что его непосредственным делом явится организация тыла и обеспечение мер, благодаря которым солдат на фронте сможет исполнять свой долг».

На фронте Колчак встретился с военным и политическим руководством чехословаков, военным руководством Сибирской армии, представителями полков, вел с ними беседы о политическом положении в Омске, о необходимости и условиях установления диктатуры. Колчак вынес впечатление, что армия относится отрицательно к Директории, по крайней мере те воинские начальники, с которыми он беседовал. Мнение было единое — только военная власть может поправить дело, комбинация из пяти членов Директории, кроме интриг и политической розни, ничего не даст и не даст, и в таком положении вести войну нельзя.

Особенно резко говорил генерал А. Н. Пепеляев: «С моей точки зрения, совершенно безразлично, кто будет вести дело войны, но я считаю, что из комбинации Директории с Сибирским правительством ничего не выйдет хорошего». Пепеляев считал, что, раз идет война, должно быть чисто военное командование, а как это будет — для него не имело значения, потому что он «не политик». И так думали и высказывались многие.

Вскоре в екатеринбургских газетах появился ряд хвалебных статей по адресу Колчака и интервью полковника Уорда, заявившего, что «при наличии таких людей, как Колчак, Россия никогда не погибнет». Газеты наперебой расписывали и крайне дружеские встречи Колчака с Гайдой, и совместные их с Уордом поездки на фронт, где в виде развлечения производилась артиллерийская стрельба по красным под звуки оркестра, игравшего популярные английские песенки...

После совещания в Челябинске с генералами Я. Сыровы и М. К. Дитерихсом Колчак, по свидетельству Уорда, заторопился в Омск.

В ночь на 15 ноября Верховный главнокомандующий генерал В. Г. Болдырев выехал из Омска на фронт. За окнами вагона бушевала вьюга, а в салоне

было тихо и уютно. Несмотря на недомогание, генерал все же отдыхал здесь от забот и тревог последних дней. Накануне отъезда ему доложили о готовящемся перевороте. Генерал чувствовал это и сам. Высший командный состав в Омске, начиная с начальника штаба Розанова, неизменно опровергавшего в своих докладах серьезность положения, осторожничал, нащупывал, старался угадать, на чьей стороне будет победа. Болдырев знал Розанова раньше «как весьма дельного и решительного строевого начальника». Политическое кредо его было неизвестно, «говорили, что он оказался слишком черным даже для Национального центра». Но выбирать было не из кого и некогда, Болдырев назначил его начальником своего штаба.

Навстречу шел поезд англичан с вагоном Колчака, который возвращался в Омск. Болдырев приказал Колчаку дожидаться его приезда в Петропавловске, так как он хочет переговорить с военным министром.

Колчак терялся в догадках. Он не мог понять столь внезапного решения Верховного главнокомандующего покинуть Омск и искать с ним встречи в пути. Возникали лишь подозрения, что враждующие правительственные группы сцепились намертво, что одна решила покончить с другой и что адмирал срочно должен будет определить свое отношение к этим группам. Когда поезд Болдырева прибыл на станцию и Колчак вошел в вагон генерала, был полдень 16 ноября 1918 года.

«Он явился в мой вагон, — свидетельствует В. Г. Болдырев, — высказал, что очень доволен поездкой, духом и бодростью войск. Принимал парад на чешском торжестве, выезжал на броневике на фронт и пр.». Из длинного разговора с Колчаком генерал «еще более убедился, как легко поддается он влиянию окружающих... Он уже соглашался с гибельностью и несвоевременностью каких бы то ни было переворотов. Он — или очень впечатлителен, или хитрит».

О чем шел разговор, продолжавшийся пять часов, точно сказать трудно. Но до нас дошли записки Уорда, которые, как нам кажется, дают определенное представление об этом.

«Адмирал спросил меня, — пишет английский полковник, — является ли в Англии военный министр

ответственным за снабжение армии одеждой, экипировкой и за общее положение британской армии. Я ответил, что в Англии военный министр несет ответственность перед кабинетом, а через парламент — перед страной за снабжение британской армии всем необходимым».

Тогда Колчак спросил Уорда:

— Что подумали бы вы в Англии, если бы главнокомандующий сказал военному министру, что он может иметь при себе небольшое управление из двух чиновников, а не штаб; что Директория, а в вашем случае Кабинет, нуждается только в титуле военного министра и что чем меньше он будет вмешиваться в дела своего департамента, тем будет лучше для всего остального.

— Если бы я был министром, — сказал англичанин, — я бы потребовал абсолютного контроля над всеми делами моего ведомства или же отказался.

«Помолчав минуту, — записал далее Уорд, — он сказал: «Это как раз то, что я сделал» или «то, что я намерен сделать», — я не помню точно. Из того, что потом произошло, я думаю, что он сказал первое».

— Что же генерал Болдырев ответил на вашу просьбу? — спросил англичанин у Колчака.

— Генерал Болдырев очень хороший человек, — сказал Колчак, — и, хотя он и не видит всего, что я хотел бы, все же я думаю, он понимает обстановку и сам будет просить, чтобы мне была предоставлена большая власть, которая дала бы мне возможность спасти новую армию, могущую воскресить русское государство.

«Я очень хорошо помню слово «воскресить», — пишет в своих записках Уорд, — так оно запечатлелось во мне своей правдой. Государство было мертво, России не было; воскресение было необходимо».

МЕЖДУ ТЕМ СОБЫТИЯ В ОМСКЕ СТРЕМИТЕЛЬНО развивались, направляемые к известной нам цели.

Вечером 15 ноября открылась сибирская кадетская конференция. После решения ряда организационных вопросов и формирования восточного отдела ЦК пар-

тии с докладом выступил его новоизбранный председатель В. Н. Пепеляев. Решающим средством «борьбы за национальное воскресение России» он считал военную диктатуру, и эта формула была принята единогласно. Пепеляев требовал «положить властный предел кошмарным опытам революционного прошлого». Тезисы его доклада были утверждены для «руководства к действию». И он, Пепеляев, действовал, успевая повсюду: выступив с трибуны, удалялся в «неизвестном направлении», чтобы принять участие в совещаниях, куда не проникал посторонний взгляд и где упоминалось имя Колчака.

Пепеляев был в ажиотации, ему казалось, что он совершает высокий подвиг. Если Колчак пожал плоды переворота, то Пепеляев посеял его зерно, в дальнейшем оставшись в адмиральской тени.

На вечернем заседании 17 ноября Пепеляева не было.

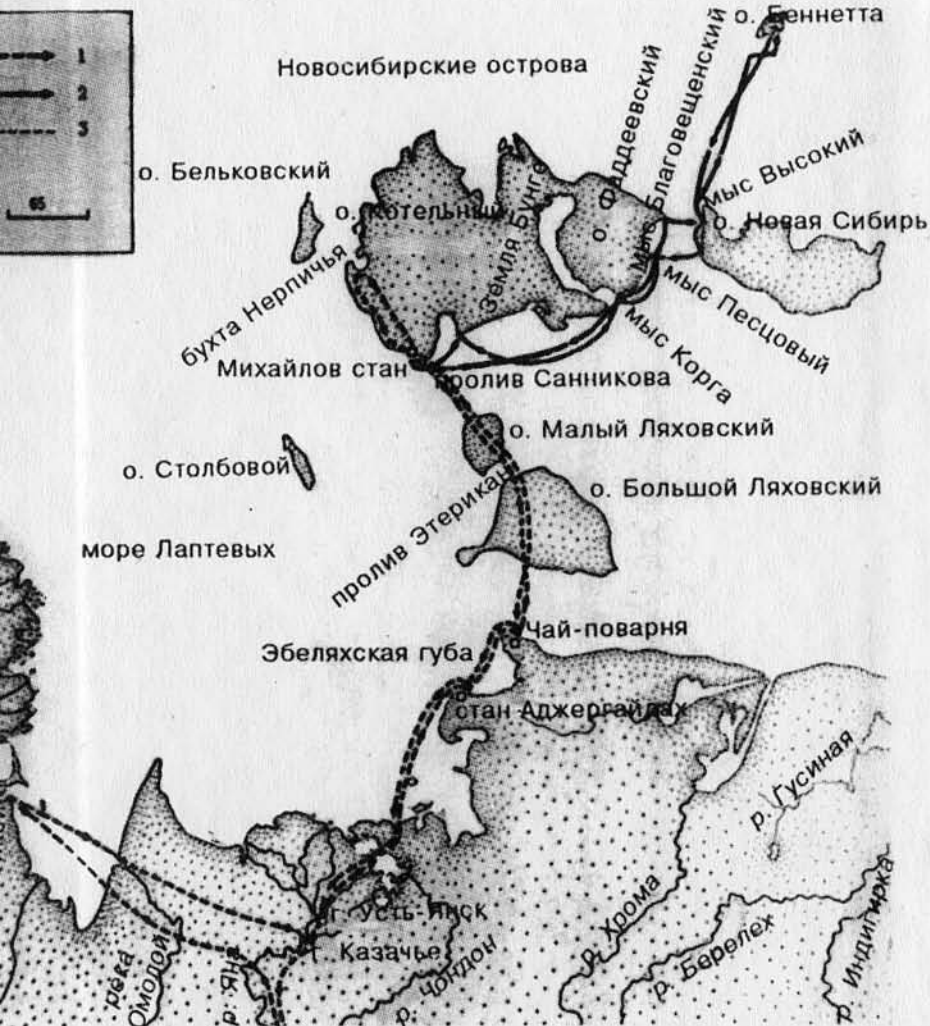
«Я ушел с конференции на совещание», — записал он в дневнике. Именно на этом совещании в здании омского военно-промышленного комитета с благословения англичан — там присутствовал офицер связи генерала Нокса Л. Стевени — и был, в принципе, решен вопрос об установлении новой власти, власти Колчака.

Поезд прибыл в Омск, на городскую станцию, в 17 часов 30 минут 17 ноября 1918 года.

А. В. Колчак поблагодарил Уорда за оказанную помощь, охрану и отправился на свою квартиру, где и оставался, может быть, чего-то ожидая. А это «что-то» буквально носилось в воздухе. По всему чувствовалось: надвигается смена декораций на бирской сцене...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю	3
Глава 1 КОЛЧАКИ	12
Глава 2 АЛЬМА МАТЕР	27
Глава 3 ПОЕДИНОК СО ЛЬДОМ	52
Глава 4 КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ	93
Глава 5 ВОЗРОЖДАЯ ФЛОТ РОССИИ	143
Глава 6 ВОЙНА И ЛЮБОВЬ	195
Глава 7 НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ	261
Глава 8 ПОЛЫНЬ ЧУЖБИНЫ	336
Глава 9 ВОЗВРАЩЕНИЕ	387

Карта похода к острову Беннетта

1. Санний маршрут
2. Плавание на вельботе
3. Пешеходный маршрут

